



**«СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРАВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

(к 370-летию со времени принятия
Соборного уложения 1649 года)

**Сборник трудов
XVI Всероссийских декабрьских
юридических чтений
в Костроме**

**Всероссийская научно-практическая конференция
(12–13 декабря 2019 года, г. Кострома)
Текстовый электронный сборник
В двух томах**

ТОМ 2

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Костромской государственный университет
Костромское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»



**«СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРАВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
(к 370-летию со времени принятия
Соборного уложения 1649 года)**

Сборник трудов
XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме
Всероссийская научно-практическая конференция
(12–13 декабря 2019 года, г. Кострома)

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

В двух томах

Том 2

Кострома
КГУ
2020

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 341.211(470)(063)
ББК 67.400.51(2Рос)я431я04
С891

Р е ц е н з е н т ы :

И. В. Благов, заместитель начальника Управления государственной службы
и кадровой работы Администрации Костромской области,
начальник отдела государственной службы;
О. В. Воронина, заместитель Главы Администрации города Костромы

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

С891 **Суверенное государство и его право:** актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года) : сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (12–13 декабря 2019 г., г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, А. С. Евстегнеев, Д. Н. Лукоянов, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, А. Г. Сироткин, И.В. Орловская ; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. – Электронные текстовые, граф. дан. (4,1 Мб). – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – 1 CD-ROM: цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1097-9

Том 2. – 2020

ISBN 978-5-8285-1099-3

Настоящий сборник составлен по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года), состоявшейся 12–13 декабря 2019 г. в г. Костроме. В сборнике трудов рассматриваются актуальные вопросы юридической науки и практики.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 341.211(470)(063)
ББК 67.400.51(2Рос)я431я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1097-9

ISBN 978-5-8285-1099-3 (т. 2)

16+

© Костромской государственный университет, 2020

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

Содержание

| | |
|--|----|
| СЕКЦИЯ 1. СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА | 11 |
| <i>Астапчик И. В.</i> Дореволюционный опыт функционирования суда присяжных в контексте современного правового регулирования..... | 11 |
| <i>Белехова В. Е.</i> Роль правосознания в сфере международного права | 16 |
| <i>Волжанина А. С., Старикова П. А.</i> Судьи в Средневековье | 20 |
| <i>Горячкина М. А.</i> Конституционная обязанность граждан, подлежащих призыву на военную службу..... | 24 |
| <i>Елисеева Е. О., Криницына К. М.</i> Каролина – важный закон Священной Римской империи немецкой нации | 28 |
| <i>Косарева Е. В., Седельникова Р. И.</i> Проблема и направление правового совершенствования финансового контроля в Российской Федерации | 32 |
| <i>Ляшенко М. О., Мельников И. Н.</i> Обеспечение интересов населения в процессе укрупнения муниципальных образований в Российской Федерации..... | 35 |
| <i>Макарова А. А., Морозова С. О.</i> Теория позитивного права по Г. Кельзену | 39 |
| <i>Пасынкова Е. В.</i> Роль социальных сетей в формировании комфортной городской среды..... | 42 |
| <i>Собанский Е. В.</i> К вопросу о социальных и психологических аспектах эффективности завершающего этапа правообразования | 47 |
| <i>Соколов А. М.</i> Проблемные аспекты понятий драгоценных металлов и драгоценных камней в российском законодательстве | 51 |
| <i>Хома Н. Р.</i> Становление и эволюция конституционного правосудия в истории российского права | 56 |

СЕКЦИЯ 2. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА 61

Гамзатов Р. Г.

Актуальные вопросы при реализации права на судебную защиту
гражданина от неправомερных действий и решений
государственных органов и должностных лиц 61

Кукушка И. А.

Использование технологий искусственного интеллекта
в государственном строительстве..... 66

Помелов К. П.

Право на благоприятную окружающую среду в России:
история и перспективы развития 71

Сверчкова П. Ю., Данченко А. А.

Адвокатский запрос: проблемы правового регулирования
и пути их преодоления..... 75

Фетисова С. М.

Особенность заключения Верховного суда Российской Федерации
о наличии в действиях Президента Российской Федерации
признаков преступления 78

Шашкова И. А.

Право на анонимность в сети Интернет..... 82

Юркевич В. Ю.

Правовые проблемы содержания договора на оказание
платных медицинских услуг в сфере пластической хирургии 74

Яременко Д. А.

Право на неприкосновенность частной жизни в условиях глобализации 89

СЕКЦИЯ 3. ИНСТИТУТЫ ЧАСТНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 94

Аксенов А. С.

Виртуальные объекты как объекты гражданского права..... 94

Арсюкова А. Е., Сайфутдинова В. М.

Проблемы понятийного аппарата и общая характеристика
российской системы социального обеспечения..... 99

Бабешко В. А.

Форс-мажор как исключяющее гражданско-правовую ответственность
предпринимателей обстоятельство 102

| | |
|--|-----|
| Бедило М. А. Генезис законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации | 105 |
| Гончарова Н. В., Столбова Д. Д., Бармина О. Н. Проблемы правового регулирования детского отдыха и туризма..... | 110 |
| Давлетбаев Д. Ю. О некоторых проблемах юридических клиник как субъекта оказания бесплатной юридической помощи..... | 115 |
| Демкович Д. А. Виртуальный мир как объект права интеллектуальной собственности..... | 118 |
| Загуменный К. И. Правовая характеристика договора купли-продажи недвижимого имущества | 122 |
| Камалетдинов Р. Р. Вопрос целесообразности права оперативного управления и права хозяйственного ведения как юридических форм, опосредующих имущественную самостоятельность в предпринимательских отношениях | 126 |
| Карпунина Е. М. К вопросу об авторах аудиовизуального произведения..... | 131 |
| Кирда А. В. История развития института приобретательной давности | 136 |
| Кротова Е. С. К вопросу об институте истребования доказательств..... | 141 |
| Кукушкин И. А., Литов Е. А. Интернет – инструмент и сфера взаимодействия общества и власти в России | 144 |
| Мельников И. Н., Шарагин В. В. Служебный контракт на государственной гражданской службе..... | 148 |
| Никитина Л. А. К вопросу о самозанятых гражданах как субъектах предпринимательской деятельности | 153 |
| Носенко П. Д. Фотографическое произведение как объект авторского права | 158 |
| Рожкова М. А. Закупки малого объема: спасение для заказчика или способ неэффективного использования бюджетных средств? | 162 |

| | |
|--|-----|
| Семионов Д. Л., Бриль Г. Г. Противоправность в деликтах органов публичной власти и их должностных лиц | 166 |
| Силкина А. Т. Солидарная ответственность основного общества по долгам дочернего: проблемы реализации..... | 171 |
| Смирнов А. Г. Проблемы правового регулирования работ за пределами нормальной продолжительности рабочего времени | 176 |
| Смирнова А. О. Проблемы правового регулирования защиты интересов краунфандингового рынка в России..... | 180 |
| Старосельцева Ю. М. Может ли искусственный интеллект заменить судью?..... | 186 |
| Стебенькова Н. Е. Неисполнимость судебных решений: недоработки законодателя или ошибки судей? | 190 |
| Стёпина В. Ю. Актуальные проблемы использования оценочных понятий в гражданском праве | 194 |
| Столярова В. И., Мельников И. Н. Временное ограничение пользования специальным правом как мера понуждения должника к исполнению требований исполнительных документов | 199 |
| Суходоева Е. А. Электронные торги на право заключения договора аренды и купли-продажи земельных участков: плюсы и минусы..... | 206 |
| Суходоева Е.А. Практические проблемы аукционов на право заключения договора аренды и купли-продажи земельных участков, находящихся в муниципальной собственности | 211 |
| Сухорученко В. Г., Зонов Л. О., Бармина О. Н. К вопросу о досудебном урегулировании спора в арбитражном процессе..... | 216 |
| Темникова Е. С. Вопросы распоряжения органами и тканями человека..... | 220 |
| Шарофост Н. А. Гражданско-правовая ответственность медицинских работников | 224 |

| | |
|---|------------|
| Чашников М. А., Игнатов А. А. | |
| К вопросу о правовой охране коммерческой тайны | 227 |
| Чупров В. А. | |
| Принцип эстоппель в российском праве..... | 232 |
| СЕКЦИЯ 4. ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА | 238 |
| Асланов Р. С. | |
| Основные этапы формирования института действия уголовного закона во времени..... | 238 |
| Асрян А. Л. | |
| Современные проблемы осуществления оперативно-розыскной деятельности в сфере борьбы с киберпреступностью | 245 |
| Воронина О. А. | |
| Актуальна ли в Уголовном кодексе Российской Федерации специальная норма об уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия?..... | 249 |
| Гильманова Р. Р., Ситдикова Г. З. | |
| Уголовно-правовой механизм назначения наказания лицам, совершившим насильственные преступления против общественной безопасности..... | 254 |
| Гортанова М. С. | |
| Отбывание наказания в виде лишения свободы иностранными гражданами на территории РФ..... | 257 |
| Дерзиянц К. Э. | |
| Проблема прокурорского надзора за деятельностью комиссии по делам несовершеннолетних в сфере защиты детей от жестокого обращения..... | 261 |
| Жданов А. М. | |
| Реализация права на охрану здоровья лиц, осужденных к лишению свободы | 264 |
| Золотов С. Н. | |
| Фейербах и его вклад в развитие уголовного права | 269 |
| Ивонтьева К. С. | |
| Специфика организации режима и осуществление надзора за осужденными в исправительном центре | 273 |

| | |
|--|------------|
| <i>Игнашина М. В., Ткачук Т. А.</i> | |
| Особенности назначения экспертизы по уголовным делам на стадии предварительного расследования | 276 |
| <i>Корабельникова А. Н., Евстегнеев А. С.</i> | |
| Проблемы института конфискации имущества в уголовном праве | 279 |
| <i>Кошелева К. А.</i> | |
| Особенности обеспечения режимных требований в женских исправительных учреждениях | 283 |
| <i>Крайнова Е. А.</i> | |
| Особенности отбывания наказания в колониях-поселениях в сфере обеспечения правопорядка в обществе | 287 |
| <i>Крицкая А. И.</i> | |
| Вопросы борьбы с домашним насилием: законодательство и практика..... | 291 |
| <i>Сафонова Д. В.</i> | |
| Цифровизация как способ противостояния коррупции | 297 |
| <i>Титаренко А. Ю.</i> | |
| Психологические особенности допроса несовершеннолетнего | 301 |
| <i>Шамхалова А. Ш.</i> | |
| Офшоры как способ «отмывания» денег | 306 |
| СЕКЦИЯ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | 311 |
| <i>Гисс В. В.</i> | |
| Роль представителей общественности в деятельности квалификационных коллегий судей Российской Федерации | 311 |
| <i>Елькин С. В.</i> | |
| Объекты прокурорского надзора за соблюдением прав граждан на охрану здоровья | 316 |
| <i>Житников Н. С.</i> | |
| Судебная защита жилищных прав граждан на примере дел о признании граждан утратившими право пользования жилыми помещениями..... | 320 |
| <i>Заверский И. Э.</i> | |
| Понятие судейского усмотрения. Соотношение судейского усмотрения и внутреннего убеждения суда | 326 |

| | |
|---|-----|
| <i>Зайцева О. О., Ганжа Н. В.</i> | |
| Коллизия при рассмотрении жалоб антимонопольным органом в рамках осуществления закупок отдельными видами юридических лиц.... | 330 |
| <i>Зубарева К. А.</i> | |
| Проблемы внедрения it-технологий в российское судопроизводство..... | 334 |
| <i>Иванова В. В.</i> | |
| К вопросу о необходимости введения изменений в ст. 106 УК РФ..... | 337 |
| <i>Ларукова Е. И.</i> | |
| Участие прокуратуры в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Коми и Кировской области)..... | 343 |
| <i>Левкова И. А.</i> | |
| Проблема установления объективной истины по уголовному делу..... | 349 |
| <i>Матасова М.С.</i> | |
| О необходимости законодательного закрепления функции прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению и правовому информированию граждан | 353 |
| <i>Мяжков А. А.</i> | |
| Защита прав и свобод человека и гражданина органами прокуратур Российской Федерации и Республики Казахстан | 356 |
| <i>Носкова А. Д.</i> | |
| История развития института примирительных процедур в гражданском процессе | 361 |
| <i>Орлик А. Ю.</i> | |
| Актуальные проблемы правового регулирования деятельности аппарата районного суда | 366 |
| <i>Петрова А. С.</i> | |
| Реализация судом полномочий по устранению недостатков предварительного следствия на примере судебной практики Костромской области | 369 |
| <i>Соловьева Д. А.</i> | |
| Особенности возбуждения прокурором дел об административных правонарушениях | 374 |
| <i>Синдюкова А. С.</i> | |
| К вопросу о некоторых ошибках, связанных с формированием и представлением ведомственной статистической отчетности органов прокуратуры..... | 377 |

| | |
|--|------------|
| <i>Якубенко Б. А., Тишаков М. П.</i> | |
| Судебный прецедент в российской правовой системе..... | 381 |
| КРУГЛЫЙ СТОЛ. ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ОПЫТ | 387 |
| <i>Левицкая Т. А.</i> | |
| Глобализация и информационное общество | 387 |
| <i>Столяров А. С.</i> | |
| Проблемы права в условиях формирования цифровой реальности | 390 |
| КРУГЛЫЙ СТОЛ. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В МЕХАНИЗМЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ..... | 396 |
| <i>Кузнецова И. С.</i> | |
| Роль конфискации имущества в борьбе с коррупцией..... | 396 |
| <i>Лёвин Е. И.</i> | |
| Некоторые проблемы правового регулирования института антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований..... | 400 |

СЕКЦИЯ 1

СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

УДК 340.142

Астапчик Ирина Владиславовна,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар, Российская Федерация
a.irina.v999@gmail.com

Дореволюционный опыт функционирования суда присяжных в контексте современного правового регулирования

В данной статье исследуется правовое регулирование института присяжных заседателей в дореволюционный период, а также современное правовое регулирование, анализируется деятельность и статус присяжных заседателей, как в дореволюционном периоде, так и на современном этапе, рассматриваются мнения исследователей – сторонников и противников института присяжных заседателей – и поднимается вопрос наличия проблем в современном правовом регулировании, также исследуется зарубежный опыт правового регулирования данного института, учитывая исторический аспект и правовое регулирование в зарубежных государствах, предлагаются меры по совершенствованию современного правового регулирования института присяжных заседателей.

Ключевые слова: присяжные заседатели, судебная реформа 1864 г., суд присяжных, историко-правовой опыт, уголовный процесс.

Astapchik Irina Vladislavovna

North Caucasian branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice”,
Krasnodar, Russian Federation

Pre-revolutionary experience of the functioning of the jury in the context of modern legal regulation

This article examines the legal regulation of the jury in the pre-revolutionary period, as well as modern legal regulation, analyzes the activities and status of jurors both in the pre-revolutionary period and at the present stage, examines the opinions of researchers – supporters and opponents of the jury – and the question of the presence of problems in modern legal regulation is raised, the foreign experience of legal

regulation of this institution is also examined, Considering the historical aspect and legal regulation in foreign countries. measures are proposed to improve the modern legal regulation of the jury.

Keywords: *jurors, judicial reform of 1864, jury trial, historical and legal experience, criminal proceeding.*

Присяжных заседателей часто называют «судьями факта», поскольку согласно ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации их задача состоит в установлении фактов доказанности наличия деяния, совершения его именно подсудимым и виновности подсудимого; ими решается и вопрос снисхождения к подсудимому [13].

Актуальность темы исследования состоит в том, что вопросы социально-правовой значимости института присяжных заседателей, его эффективности и необходимости существования являются дискуссионными в юридической науке в настоящее время. Кроме того, все большее количество исследователей привлекает дореволюционный опыт правового регулирования юридических институтов [10, с. 30–37].

Цель исследования: изучить правовое регулирование, проблематику данного института, а также рассмотреть историко-правовой опыт.

Суд присяжных был учрежден при Александре II судебной реформой 1864 г. [7, с. 34]. Цель его введения – обеспечение участия общества в осуществлении правосудия и независимости суда в целом при вынесении приговора. Суд заседал в составе трех судей и 12 очередных заседателей, которые должны были дать ответ на вопрос о виновности или невиновности подсудимого на основании доказательств, представлявшихся в судебном процессе. При этом вердикт присяжных должен был быть мотивированным. Присяжными могли быть мужчины, соответствовавшие возрастному цензу (от 25 до 70 лет), цензу оседлости (не менее двух лет), не состоявшие под судом и следствием, не объявленные несостоятельными должниками. Не могли быть присяжными слепые, глухонемые, лишенные рассудка; не знающие русского языка; сотрудники государственных органов; священнослужители [4, с. 117–118].

Историческое значение данного института состоит в том, что он привел к более качественному рассмотрению уголовных дел, повысил уровень предварительного расследования и снизил обвинительный уклон при разрешении дел.

В 1917 году данный институт был признан «буржуазным судом» и преобразован в институт избираемых народных заседателей [15, с. 35]. Заново институт присяжных заседателей возродился лишь с принятием новой Конституции Российской Федерации 1993 г. В настоящее время в ч. 4 ст. 123 Конституции Российской Федерации закреплено, что в особых случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей [9].

Однако данная форма правосудия не является востребованной в российской системе судопроизводства. Количество уголовных дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, существенно снижается. Так, если на 2006 г. количество таких дел составляло 700, то на 2017 г. – 224 дела [3].

Для решения этой проблемы в 2016 году Президент Российской Федерации В. В. Путин предложил распространять суд присяжных до уровня районных судов, чтобы предоставить как можно большему числу граждан выбрать именно такую форму правосудия [12]. С 01.06.2018 г. вступили в силу отдельные положения Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»: увеличился перечень составов преступлений, по которым дело может быть рассмотрено с участием присяжных, но при этом сократилось их число до 8 при рассмотрении дел судьями верховного суда республики, краевого суда и т. п.; до 6 при рассмотрении уголовных дел судьями районного суда [14]. Но о целесообразности и эффективности наличия института присяжных заседателей остается спорным.

Сторонники института присяжных заседателей считают, что это самая совершенная форма судопроизводства, обеспечивающая защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и, прежде всего, гарантированное Конституцией Российской Федерации право граждан на участие в отправлении правосудия [11, с. 227]. Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев отметил, что «основное направление дальнейшего развития российской судебной системы состоит в увеличении ее открытости и доступности для населения, и не последнюю роль в этом развитии должен играть суд присяжных» [6, с. 137–140].

Противники данного института считают, что в основу решений, принятых присяжными, заложена не законность, а коллективное представление о справедливости, которое может выходить за рамки закона. Однако необходимо отметить, что право и справедливость неразрывны и дополняют друг друга. А законный судебный приговор не всегда может быть справедлив. И присяжные заседатели, в отличие от судьи, обладают правом не выносить вердикт о виновности человека, если у них сложилось мнение о невиновности подсудимого, даже при наличии неоспоримых улик [1]. Кроме того, противники не признают данный способ осуществления правосудия самым лучшим и справедливым по причине того, что у присяжных отсутствуют правовые знания, а также они подвержены сильному влиянию чувств и эмоций [8, с. 9–14].

На наш взгляд, деятельность института присяжных заседателей действительно обладает отрицательными аспектами. Затруднено формирование данной коллегии, так как большинство граждан либо не заинтересовано в разрешении каких-либо государственных дел, либо ставят трудовую деятельность выше гражданского долга, что создает две проблемы: затягивание сроков рассмотрения дел и формирование практически однородного состава коллегии присяжных заседателей (домохозяйки, пенсионеры). В настоящее время специалисты выявляют устойчивую тенденцию, при которой практически по всем делам сформировать коллегии присяжных удается не с первого и даже не со второго раза. Вероятно, проблема исходит из уровня правосознания граждан и их уважении закона, что в нашем государстве не достигает высокого уровня, как например, в США, где институт присяжных заседателей существует уже века и

расценивается государством как почетная конституционная обязанность граждан.

Также в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не предусмотрен допуск погрешностей в вердикте. Например, в Австрии судья вправе разрешить присяжным внести в решение поправки, если посчитает, что вердикт не совсем ясен либо противоречит его письменному обоснованию, либо вообще может направить дело в Высший суд для передачи его уже другим присяжным заседателям для повторного рассмотрения [5, с. 83].

Однако, несмотря на перечисленные отрицательные аспекты, мы твердо убеждены, что наличие данного института в современной России необходимо, так как он позволяет реализовать конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия, уменьшает число ошибок, поскольку присяжные заседатели не связаны никакими служебными отношениями, абсолютно независимы и беспристрастны; повышает правовую грамотность населения, воспитывает в гражданах уважение к праву и доверие к правосудию; укрепляет и развивает принцип состязательности сторон, так как государственный обвинитель и адвокат должны уметь отстаивать собственные аргументы.

Таким образом, суд присяжных – это, безусловно, важный, необходимый институт судебной системы. А потому следует учитывать его историко-правовой опыт и на современном этапе принимать меры, которые бы не только устранили отрицательные стороны данного института, но и улучшили бы его деятельность. Мы предлагаем: заимствовать из Судебных уставов 1864 г. положения о максимальном возрасте присяжного заседателя – 70 лет, поскольку данный возраст является предельным для судьи Российской Федерации, а как известно, присяжный заседатель практически приравнивается во время исполнения обязанностей к статусу судьи, давая клятву, получая денежное вознаграждение и обладая гарантиями независимости и неприкосновенности судей. Кроме того, следовало бы аналогично и увеличить минимальный возраст заседателя до 30 лет при рассмотрении дел в судах субъектов РФ и т. д. Также необходимо ввести образовательный ценз: установить наличие как минимум среднего общего/специального образования. Учитывая, что бывает затруднительно отделить вопросы факта от вопросов права, а также тот факт, что процессуальная процедура участия присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела достаточно сложная, наличие хотя бы элементарных школьных знаний у кандидата в присяжные заседатели в большей мере способствовало бы эффективности данного вида судопроизводства. И также на наш взгляд, необходимо ввести вынесение присяжными мотивированного вердикта, как было закреплено в Судебных уставах 1864 г. В Австрии, например, в настоящее время за старшиной закреплена обязанность письменно изложить доводы, которые легли в основу голосования присяжных. [2, с. 118].

И в заключении хотелось бы отметить, что суд присяжных – это прогрессивный шаг на пути становления и развития гражданского общества и правового государства в России. Именно этот институт призван укреплять в гражданах уверенность в юридической защите своих прав и именно этот ин-

ститут призван контролировать соблюдение прав человека и вынесение справедливого приговора в судебном процессе.

Библиографический список

1. Бачернихина М. В., Коломичева В. В. Суд присяжных: проблемы деятельности // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы VII Междунар. науч. конф. Казань, 2018. С. 51–53.
2. Белякова И. М. Уголовно-процессуальное право. Учебный курс / Московский институт экономики, менеджмента и права. М., 2009. С. 118.
3. Данные судебной статистики: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.10.2019 г.).
4. Ефимовских В. Л. История отечественного государства и права / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2014. С. 117–118.
5. Заврина Е. Е., Макурин П. С. Особенности института присяжных заседателей в зарубежных странах // Инновационная экономика и право. 2017. № 1(6). С. 83.
6. Иванова В. В. Институт присяжных заседателей как насущный институт судебной системы в России // Актуальные проблемы права : материалы V Междунар. науч. конф. 2016. С. 137–140.
7. Ильюхов А. А. Суд присяжных в России: история его становления и развития // История государства и права. 2015. № 23. С. 34.
8. Карелина Н. Л. Вердикт суда присяжных как гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 9–14.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
10. Линько В. В., Матвеев О. В. Дореволюционный опыт правового регулирования присяжных поверенных в Кубанской области // Право и практика. 2018. № 2. С. 30–37.
11. Мальцева Г. И. Суд присяжных в современной России // Сборник тезисов работ участников Шестого Всероссийского конкурса молодежи образовательных учреждений и научных организаций на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива». М. : Государственная Дума ФС РФ : НС «Интеграция». 2011. С. 227.
12. Суд присяжных можно распространить до уровня районных судов: Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/02/16/629815-putin-sud-prisyazhnikh> (дата обращения: 30.01.2019 г.)
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

14. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3859.

15. Шукюров А. Т. Политические причины упразднения института присяжных заседателей большевиками // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 2(30). С. 35.

УДК 341.01

Белехова Виктория Евгеньевна,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
belekhova.vika@bk.ru

Роль правосознания в сфере международного права

В статье рассматривается роль правосознания в правовой системе любого общества, а также необходимость общества в высоком уровне правосознания. Также в статье анализируется правосознание в контексте международного права, определяется важность международного правосознания. Предлагаются идеи формирования международного правосознания на должном уровне.

***Ключевые слова:** правосознание, международное право, международное правосознание, государство и нации.*

Belekhova Viktoria Evgenievna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

The role of legal awareness in international law

The article considers the role of legal consciousness in the legal system of any society, as well as the need for a high level of legal consciousness. The article also analyzes the legal consciousness in the context of international law, determines the importance of international legal consciousness. The ideas of formation of the international legal consciousness at the proper level are offered.

***Keywords:** legal consciousness, international law, international legal consciousness, the state and the nation.*

Значительная роль в правовой системе любого общества принадлежит правосознанию. Теме правосознания посвящено огромное количество научных работ, которые находят свое отражение в различных монографиях, диссертаци-

ях, статьях. Авторы в своих трудах поднимают такие темы как: истоки русского правосознания, правосознание и правопонимание, правосознание мирового общества.

Актуальность темы правосознания заключается в потребности развития у членов общества высокого уровня правосознания. Говоря о правосознании индивида, речь идет о понимании и восприятии этим индивидом права. Понятие правосознания включает в себя идеи, чувства, эмоции и взгляды, оценки и установки, выражающие отношения индивида к действующему праву и к праву, которое индивид хотел бы видеть в идеале [3].

Правосознание структурно состоит из идеологии и психологии. Если рассматривать правосознание как идеологию, то речь идет о правовых идеях, различных теориях и доктринах. С точки зрения психологии правосознание – это эмоции, чувства, которые возникают в процессе восприятия права в жизни. Правосознание может разграничиваться на индивидуальное и общее правосознание, на обыденное и научное, на профессиональное и непрофессиональное [4]. Виды правосознания делят даже по историческому типу, например: рабовладельческое, феодальное, буржуазное, социалистическое. Сколько бы видов правосознания не существовало в основе каждого правосознания лежит правосознание конкретного индивида или общности индивидов. Выводом служит то, что правосознание играет огромную роль в обществе.

Развитое, должное правосознание влияет на уровень преступности в обществе, на осуществление прав, на которые имеет право индивид, на само государство в целом. На наш взгляд, в современных условиях правовой системы необходимо работать над созданием нового, актуального вида правосознания.

Под более актуальным видом правосознания, мы подразумеваем, усовершенствование обыденного правосознания индивида. Обыденное правосознание отличается от научного или профессионального. Обыденное правосознание называют первичным, так как оно складывается в результате обычной жизни, в результате влияния круга общения, в результате получения различной информации из социума. В рамках этого правосознания существует безразличное отношение к праву, просто в силу того, что человек не придает значения праву, не интересуется им. Мы считаем, что отношение к праву не должно быть безразличным, низкий уровень правосознания способствует тому, что человек не знает и не понимает, как можно реализовывать свои права должным образом. Работа над созданием более продвинутого обыденного правосознания может существенно отразиться на состоянии общего уровня понимания права. Усовершенствовав обыденное правосознание можно получить близкий к научному и профессиональному правосознанию вид. Таким образом, непрофессиональное правосознание может потерять свою актуальность.

Необходимо заметить и учесть факт того, что на сегодняшний день правосознание не может рассматриваться как индивидуальная форма общественного сознания. Процесс глобализации представляет своим итогом преобразование мира в единую объединенную систему. Все государства на сегодняшний день находятся в непрерывной связи и взаимодействии друг с другом. Это в свою очередь определяет наличие наднационального права и соответственно

законодательства, речь идет о международном праве, как о сложившейся форме регулирования отношений. Причем регулирование отношений не только в рамках межгосударственных отношений, но и внутри государства. Российская Федерация постоянно взаимодействует с нормами международного права.

Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры являются составной частью нашей правовой системы и используются в нашей стране[2]. Мы считаем, что для более качественных и безопасных условий жизни в глобальном мире необходимо постоянно взаимодействовать. Это взаимодействие способствует разрешению практически любых проблем существующих в современном мире. Они различны, к ним относятся: проблемы с окружающей среды, терроризм, экстремистская деятельность. Можно перечислить множество различных проблем, но объединяет их одно – необходимость скорейшего разрешения. И целесообразно решать их сообща.

Очевидно, что при постоянном взаимодействии государств между собой, применяя при этом нормы международного права, формируется новый вид правосознания. Идея появления на почве международного права международного правосознания не нова и требует скорейшей реализации. Это правосознание можно назвать международным или межгосударственным правосознанием, потому что субъектами такого правосознания будут являться: государства, нации, национальности. Следовательно, в случае международного или межгосударственного правосознания речь идет о мировом и национальном сознании. Важность должного международного правосознания очевидна.

Государства или нации могут распространять взгляды, идеи и те, в свою очередь могут становиться преобладающими в обществе. Если обратить внимание на историю, события, произошедшие в обществе, на которые следует обратить внимание существуют. Примером служит тоталитарный режим на территории Германии и Советского союза, характеризующийся террором по отношению к населению. Закон был суровым и этим обеспечивалось его соблюдение и уважение к нему. Правосознание того периода являлось тоталитарным, поскольку было сформировано с абсолютным контролем со стороны государства. Цель внутри государства заключалась в постоянном контроле над всеми сферами жизни общества, для того чтобы сформировать в государстве идеологию, которая могла бы распространяться во всем мире. Идеология входит в структуру правосознания и поэтому данный пример может повлиять на устранение ошибок в условиях современного мира.

Нельзя не учесть тот в факт, что в современном мире международное право периодически выступает как средство давления одного государства на другое[5]. Зачастую это случается, если государство, оказывающее давление более сильное. Государства в интересах своих граждан нарушают интересы других граждан и других государств, навязывают друг другу свою точку зрения, пытаются влезть во внутригосударственные дела, объединяются в группы, формируя свое групповое правосознание. В связи с этим, о каком должном уровне международного правосознания идет речь? Мы сейчас существуем аб-

солютно в других отношениях, человек и его права и свободы являются высшей ценностью.

Современное международное правосознание формируется не на подъеме национальных идей, как например это было в 1948 году, когда была принята Декларация прав и свобод человека и гражданина. Высшей ценностью в 1948 году были определены права и свободы человека [1]. Что же в то время стало точкой для сближения государств между собой и определение прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности?

Создание первых международных актов в начале XX века происходит в послевоенное время. Тогда люди научились спланировать между собой, советское государство с чуждой идеологией смогло соединиться с капиталистическими державами против единого врага и потом на этом подъеме создавалось международное право. Нельзя не оценить важное значение соединения, сближения государств для победы над общим врагом. Это и является точкой сближения. Но одновременно возникает вопрос. А возможно было объединиться между собой до войны и тем самым избежать смерти огромного количества людей? Огромные потери в войне, разрушенные судьбы людей, огромное количество детей, оставшихся без родителей – это тоже результат войны. Зачем ждать таких точек сближения, если можно идти по другому пути. Можно уже сегодня выработать должное международное правосознание.

Благодаря этому международное право станет регулятором международных отношений, а не средством воздействия одного государства на другое. Современное международное право не позволяет выявить международное правосознание, так как формируется оно не в единстве государств между собой и не единстве человека и государства.

Я считаю, что на сегодняшний день необходима сближения между государствами. А достичь этого возможно путем абсолютного признания прав и свобод человека и гражданина. В 1948 году, приняв Декларацию прав и свобод человека и гражданина, было определено, что пренебрежение к правам человека привело к варварским актам. Необходимо чтобы в каждом государстве за основу бралась высшая ценность – права и свободы человека. При этом каждое государство не должно пытаться в интересах своих граждан нарушать интересы других граждан и других государств, навязывать свою точку зрения, навязывать им демократию или пытаться влезть во внутригосударственные дела.

В нормах международного права изначально было заложено: равенство государств, внешний и внутренний суверенитет, ценность прав и свобод человека. В условиях современного мира эти ценности сбились, а с ними и правосознание каждого человека, относительно международного права. Нужно способствовать осознанию каждым человеком своей важности в современном мире, защищенности его прав и свобод. С помощью быстрого распространения информации в мире данные ценности можно освещать в обществе. Если в каждом государстве высшей ценностью будут являть права человека и гражданина международное или межгосударственное правосознание будет формироваться должным образом.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека и гражданина // Информационно-правовая система «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/10135532/> (дата обращения: 11.12.2019).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Карташов В. Н Теория государства и права. Начальный курс. Кострома : Кострома, 2000. 176 с.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2007. 541 с.
5. SuperInf.ru. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1376 (дата обращения: 11.12.2019).

УДК 340.153

Волжанина Алиса Сергеевна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
alissa.13@yandex.ru

Старикова Полина Алексеевна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
lina1075@yandex.ru

Судьи в Средневековье

В статье рассматриваются вопросы средневекового суда и судопроизводства, компетенции судей того периода. Средневековое право вообще, и германское право в частности, демонстрирует особую приверженность к судебным процедурам. В Германии были выработаны некоторые общие правовые принципы и институты, которые составили основу «общего права». Главной особенностью средневековой судебной практики было уподобление судьи Богу. Делается попытка проанализировать характерные добродетели, которыми должны были руководствоваться представители судебной системы феодальной Германии. Описываются отрицательные черты как системы судопроизводства, так и деятельности большинства вершителей закона.

Ключевые слова: Германия, судья, Бог, добродетели, «Саксонское зеркало», неподкупность, самоконтроль.

Volzhanina Alisa Sergeevna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Starikova Polina Alekseevna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Judges in the middle Ages

The article deals with the issues of medieval court and legal proceedings, the competence of judges of that period. Medieval law in General, and German law in particular, demonstrates a particular commitment to judicial procedures. In Germany, some General legal principles and institutions were developed, which formed the basis of the "common law". The main feature of medieval judicial practice was the likening of the judge to God. An attempt is made to analyze the characteristic virtues that should have guided the representatives of the judicial system of feudal Germany. The article describes the negative features of both the judicial system and the activities of the majority of law enforcers.

Keywords: Germany, judge, God, virtues, «Saxon mirror», incorruptibility, self-control.

Данная работа посвящена изучению деятельности и компетенций судей в период средневекового развития Германии. Раскрытие интересующего нас вопроса имеет теоретическое значение для полного изучения истории развития права и позволяет считать его актуальным.

Германская средневековая правовая система, отличавшаяся отчетливым обособлением комплекса правовых норм, которые касались высшего феодального сословия, делилась на ленное, земское, городское, каноническое право. Они регулировали одни и те же отношения (поземельные, имущественные, брачно-семейные, наследственные) по-разному, в зависимости от сословной принадлежности субъекта права и местности, территории, право которой на него распространялось [1].

Целью исследования является рассмотрение состояния судебной системы и положения судей средневековой Германии. Судье предоставлялось право по своему усмотрению назначать одно или несколько рекомендованных свыше наказаний, и лишь в затруднительных случаях прибегать к разъяснениям законоведов. Вся система наказаний имела характер устрашения. Наиболее известным правовым памятником, освещавшим вопросы уголовного права и процесса, была «Каролина», общегерманское Уголовное уложение 1532 года, где были установлены основные виды наказания. Становление королевской власти, а затем ее устойчивое ослабление обусловили правовой партикуляризм в течение всего периода германского средневековья.

В Средние века судья был равнозначен Богу. В саксонском праве можно найти такое толкование: «...где судья судит, в том же месте и в то же время оказывается Бог. То есть как судья судит на месте Бога, так и Бог судит на месте судьи, то есть судья приравнивался к Богу». Согласно земельному праву подсудимый, обращаясь к судье, говорил: «Вы судья, говоря с вами, я обращаюсь к Богу, чтобы сказать ему несколько слов». И ответчик говорил: «Приведите судью, мне нужно сказать Богу о несправедливости везде, даже в смерти...». Суд также имел прямое отношение к Богу. Ибо, согласно мягкости изображения, «где значимая часть будет получена, там спасение гнева Божьего будет смягчено» [3].

Идея о том, что судья исполняет волю Бога, так как право происходит от Бога, подчеркивалась всегда. Еще в XVIII веке, в прусском проекте кодекса Фредерика Марчини 1748 года, говорилось, что судья должен отправлять беспристрастное правосудие, так как он намеревается отвечать перед Богом, чтобы стоны вдов и сирот воздались по заслугам. В этом особом приписывании Богу все еще отражается средневековая концепция, в которой судья считался наместником Бога на земле.

Но как выглядел наместник, как человек? Во многих правовых источниках средневековья был описан идеальный образ судьи. «Саксонское зеркало», например, описывало добродетелей судьи следующим образом: «В нем есть четыре лучших добродетели: справедливость, мудрость, сила, мера». «Саксонское зеркало» составил в 20-х годах XIII в. опытный знаток правовой теории и практики, немецкий шеффен – Эйке фон Репков. «Саксонское зеркало» делится на две части: первая посвящена земскому, вторая – ленному праву. Земское право содержало нормы и отдельные положения, касающиеся государственного устройства Германии, ленное право регулировало вассальные отношения между «благородными» свободными, т. е. высшими слоями феодалов [4, с. 432].

Добродетелям противоречили дурные привычки, пороки. «Таким образом, судья не должен превращать правосудие в свою пользу, и не из свободы и не из жадности, не из ненависти или зависти, не из любви и не из-за полученных даров» [3].

Неподкупность судей была главной добродетелью, на которую присягали вплоть до XIX века, что предполагало бесконечную цепочку случаев взяточничества. В соответствии с Нассау-Катценелленбогенским судебным и земельными кодексами 1616 года судья должен был поклясться, что на него не будут влиять такие внешние факторы, как родство, чужое могущество, благосклонность, страх, любовь, дружба, клятвы, обещания, золото, серебро, деньги, которые можно приравнять к получению выгоды [3].

Судья должен соблюдать заповедь равенства, так как закон служит «как для бедного, так и для богатого, для незнакомца и для соотечественника, для духовных и светских лиц, и для каждого человека» (Силезия, XVI век), а также «для человека высокого положения и низкого, господина и фермера, бедного и

богатого» (Бавария, XVIII век). Акцент на равенстве был особенно важен ввиду больших различий в статусе.

Судье следовало иметь меру, то есть владеть искусством умеренности и самоконтроля. Он должен был при вынесении своих решений избегать нечеловеческого гнева, быть не слишком резким и не слишком мягким и не подвергать закон ни небрежности, ни поспешности [3]. Судья обязан обладать мудростью.

В середине XIV века появилось выражение: «Все судьи должны знать закон». Разумеется, закон не означал право и правовые знания в современном понимании. Об ограниченности законов было тогда известно. Скорее речь шла о том, чтобы уметь отличать добро и зло друг от друга (Герман Краузе, немецкий журналист). В то время очень хорошо знали об ограничениях законов. В 1506 году в послании Венеции городу Нюрнбергу с запросом об опекунстве говорилось: «Дел больше, чем законов, и справедливый судья справедливее справедливого закона».

В основном все вращалось вокруг беспристрастности, которой в конечном итоге приписывают все эти достоинства (Герман Краузе). Ибо, как трактует Уголовное уложение «Каролина 1532 года «Великие дела, должны судиться между общей пользой и кровью народа» [2].

Таким образом, нормы средневекового уголовного права в значительной степени были созданы судебной практикой. Судебный процесс в средневековой Европе в ходе своего развития определил будущую правовую систему европейских стран. Взятые в качестве примера судебные процессы Англии, Франции и Германии, несмотря на некоторые различия, в основном имеют общую структуру, цели, методы (ордалии и т. д.). Кроме того, их объединяет присущая им рецепция римского права.

Библиографический список

1. Альмухаметова М. Ш., Кузнецов А. В. История государства и права зарубежных стран : учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014.
2. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V: Перевод со средневерхгерманского / отв. ред. Зиманов С. З. ; пер., предисл., прим.: Булатов С. Я. Алма-Ата : Наука КазССР, 1967.
3. Handbuch des Staatsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Herausgegeben von Josef Isensee und Paul Kirchhof / C. F. Müller Juristischer Verlag Heidelberg, 1987–1992. Т. 1. Р. 6–8.
4. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. д. ю. н., проф. О. А. Жидкова и д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. М. : Норма, 2004. 624 с.

УДК 342.742

Горячкина Мария Александровна,
студент, Вятский государственный университет,
г. Киров, Российская Федерация
mariya.goryachkina.mos@mail.ru

Конституционная обязанность граждан, подлежащих призыву на военную службу

Статья посвящена актуальной проблеме правовой регламентации конституционной обязанности гражданина защищать Отечество.

Ключевые слова: конституционная обязанность, правовой статус гражданина, воинская обязанность, военная служба, национальная безопасность, альтернативная гражданская служба.

Goryachkina Mariya Aleksandrovna,
student, Vyatka state University,
Kirov, Russian Federation

Constitutional responsibility of citizens to be drawn for military service

The article is devoted to the urgent problem of legal regulation of the constitutional obligation of a citizen to protect the Fatherland.

Keywords: constitutional duty, legal status of a citizen, military duty, military service, national security, alternative civil service.

Правовая регламентация обязанности гражданина защищать Отечество приобретает в последние годы особую значимость по двум основным причинам.

Во-первых, законодатель должен создавать условия для обеспечения безопасности государства в мирное и в военное время, а это невозможно без привлечения граждан к исполнению их воинской обязанности. Тем более, что в условиях девальвации международного права возникают новые геополитические угрозы и риски.

Во-вторых, в условиях развития правового государства и гражданского общества важно обеспечить баланс в правах и обязанностях граждан, а также соотнести публичные и частные интересы при правовом регулировании этих правоотношений. Им посвящено значительное количество действующих нормативно-правовых актов, включая Конституцию Российской Федерации.

Относительно обязанности гражданина защищать Отечество А. В. Кудашкин предлагает следующее определение. Это установленная государством в интересах общества и государства, закрепленная в Конституции необходимость. Оно адресована каждому гражданину, предписывая ему меру и вид по-

ведения в области обороны и военной безопасности, а также устанавливает ответственность за ненадлежащее исполнение этого конституционного предписания [5].

Можно назвать следующие признаки конституционной обязанности государства по защите Отечества.

1. Она закреплена в Конституции как приоритетное направление государственной политики.

2. Эта обязанность имеет особое социальное значение, являясь гарантией основ конституционного строя, суверенитета, прав и свобод человека и гражданина.

3. Эта обязанность лишена высокой степени формальной определенности.

4. Она не имеет прямого конституционного закрепления и сформулирована в качестве направления и глобальной цели деятельности государства.

5. Если государство не надлежаще исполняет свои конституционные обязанности в отношении его должностных лиц наступает конституционная или иная ответственность.

Содержание защиты Отечества очень обширно. На современном этапе категория «защита Отечества» остается юридически неопределенным. Среди конституционалистов отсутствует единство концептуальных подходов к этому вопросу, что создает определенные трудности при анализе данного института. Отождествление защиты с обороной не корректно. Сомнительно и отождествление защиты Отечества с обороной союзников в случае агрессии против них.

Согласимся с теми учеными, которые считают, что защита Отечества не сводится только к обязанности несения военной службы или участию в отпоре от внешней агрессии. Она означает также и сопротивление узурпации власти или противостояние покушениям на конституционный строй изнутри [3].

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что конституционная обязанность защищать Отечество включает совокупность обязанностей гражданина в отношении защиты Отечества, которые реализуются как в мирное, так и в военное время.

Одной из форм ее реализации является воинская обязанность. Тезис о том, что обязанность несения военной службы является основной формой реализации обязанности по защите Отечества, содержится в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 1999 г. [7].

Согласно статье 1 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» воинская обязанность граждан Российской Федерации предусматривает:

- воинский учет;
- обязательную подготовку к военной службе;
- призыв на военную службу;
- прохождение военной службы по призыву;
- пребывание в запасе;
- призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания в запасе.

Основной формой осуществления воинской обязанности является прохождение военной службы. Это особый вид федеральной государственной службы, непосредственно связанный с защитой Отечества, а также обеспечением обороны и безопасности государства. Исполняют ее граждане, у которых нет гражданства другого государства. Вместе с тем, нельзя сводить всю совокупность правоотношений, связанных с защитой Отечества, лишь к воинской обязанности. Они имеют разную юридическую природу и выполняют разные функции в конституционном регулировании отношений государства и личности.

В отличие от конституционной обязанности по защите Отечества обязанность несения военной службы ограничена во времени сроками, имеет возрастные и половые признаки и зависит от здоровья гражданина.

Воинская обязанность установлена на основании ст. 59 Конституции Российской Федерации. Согласно нормам указанной статьи:

- 1) «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации»;
- 2) «гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом»;
- 3) «гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой».

Нельзя не отметить, что отсутствие прямого упоминания термина «воинская обязанность» в тексте Конституции Российской Федерации породило неопределенность в вопросе признания воинской обязанности конституционной обязанностью [4].

Федеральными законами, принятие которых предусмотрено в ч. ч. 2 и 3 ст. 59 Конституции Российской Федерации, являются Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Закон № 53-ФЗ) и Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» [1] (далее – Закон № 113-ФЗ). Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [2] (далее – Закон № 31-ФЗ) содержит нормы, регулирующие особенности призыва на военную службу по мобилизации, т. е. в указанной части данный Закон также предусмотрен ч. 2 ст. 59 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, правовое регулирование воинской обязанности осуществляется на федеральном уровне. Тем не менее, иные органы публичной власти могут осуществлять отдельные полномочия в сфере воинской обязанности, но только в той мере, в которой это прямо предусмотрено федеральным законодательством. В этой связи вызывает сомнение обоснованность включения норм о воинской обязанности в конституции и уставы ряда субъектов Российской Федерации.

Также правовое регулирование воинской обязанности российских граждан осуществляется подзаконными нормативными правовыми актами Прези-

дента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и ряда ведомств, которые принимаются на основе бланкетных норм федеральных законов и в некоторых случаях подзаконных нормативных правовых актов. Важным аспектом нормативно-правового содержания конституционной обязанности гражданина защищать Отечества и нести военную службу по призыву является право на замену воинской службой альтернативной гражданской. Это право гражданина представляет собой одну из форм реализации воинской обязанности и предусмотрено Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «Об альтернативной гражданской службе» от 25 июля 2002 г. [1].

В настоящее время в российском законодательстве отсутствуют какие-либо специальные термины по отношению к гражданам, которые должны исполнять воинскую обязанность. Исключение составляет только термин «военнослужащий», применяемый по отношению к гражданам, проходящим военную службу по призыву. Представляется обоснованной необходимость разработки подобной терминологии. Например, в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и военной службе» предусмотрены следующие термины, применяемые к белорусскому гражданину в зависимости от его правового статуса в сфере воинской обязанности: допризывник, призывник, военнослужащий или резервист, военнообязанный.

Таким образом, учитывая высказанное в научной литературе мнение [6], отметим недостатки правового регулирования воинской обязанности российских граждан:

1) законодательство в области воинской обязанности не отличается стабильностью, что приводит к появлению в нем противоречий, ошибок юридической техники, сложности толкования правовых норм;

2) отсутствие систематизации законодательства в области обороны приводит к фрагментарному регулированию вопросов воинской обязанности различными федеральными законами, к отсутствию общего понятийного аппарата, к юридическим коллизиям;

3) пробелы и большое количество бланкетных норм в федеральном законодательстве приводят к тому, что законодательное правовое регулирование нередко необоснованно подменяется подзаконным регулированием.

В целях устранения указанных недостатков следует провести систематизацию законодательства о воинской обязанности, направленную на устранение пробелов и противоречий, разумно ограничить практику внесения «точечных» изменений в соответствующие нормативные правовые акты, а также пересмотреть баланс между законодательным и подзаконным уровнями правового регулирования в пользу первого.

В завершение следует отметить, что проблемы совершенствования законодательства о воинской обязанности и порядка его реализации нуждаются в дальнейшем всестороннем исследовании.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «Об альтернативной гражданской службе» // Российская газета. 2002. № 138-139.

2. Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 45.

3. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М. : Норма, 2017. 841 с.

4. Кудашкин А. В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. СПб., 2003. 620 с.

5. Кудашкин Л. В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. СПб. : Нева, 2014. 475 с.

6. Панков Н. А. Направления совершенствования правового обеспечения военного строительства на современном этапе // Евразийский юридический журнал. 2013. №7(62). С. 10–12.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 1999 г. №13-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца 1 подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с запросом Советского районного суда города Омска» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 44, ст. 5383.

УДК 340.153

Елисеева Екатерина Олеговна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

eliskatte@yandex.ru

Креницына Ксения Михайловна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

krinitsyna.ksyunya@mail.ru

Каролина – важный закон Священной Римской империи немецкой нации

В статье анализируются условия, причины и цели принятия уголовно-процессуальных норм, составляющих основное содержание уголовного-судебного уложения Карла Пятого, одного из самых полных кодексов уголовного законодательства XVI века. Указывается, что введение единого законодательства в процедуру проведения уголовного процесса было одним из рычагов, которые император использовал в борьбе за усиление центральной власти. Рассматриваются отдельные характеристики преступлений и наказаний. Отмечается значительное влияние Каролины на последующее развитие законодательной системы Германской империи.

Ключевые слова: уголовное уложение, преступления и наказания, законодательная система.

Eliseeva Ekaterina Olegovna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Krinityna Ksenia Mikhailovna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Carolina is an important law of the Holy Roman Empire of the German nation

The article analyzes the conditions, causes and goals of the adoption of criminal procedural rules that make up the main content of the criminal code of Charles the Fifth, one of the most complete codes of the criminal law of the XVI century. The adoption of common legislation in the prosecution of criminal procedure was one of the leverage that the emperor used in the struggle to strengthen central authority. Separate characteristics of crimes and punishments are considered. The negative influence of Carolina is noted on the subsequent development of the legislation of the German Empire.

Keywords: criminal code, crimes and punishments, legislative system.

Каролина – самый значимый закон Священной Римской империи немецкой нации. Он был принят во время правления Карла V, в 1532 г. на заседании рейхстага в Регенсбурге при участии императора, курфюрстов, князей и иных «имперских чинов». В преамбуле к этому источнику подчеркивается, что многие судьи несведущи и не имеют опыта и практики при рассмотрении уголовных дел. Издание Каролины преследовало цель отменить разнообразные местные обычаи и создать единый для всей империи источник [1].

Изданная как общий закон империи, «Каролина» объявляла верховенство имперского права над правом отдельных земель. Она предназначалась для руководства судами, в особенности, для судей и шеффенов. Отдельные земли восстали против выхода в свет общеимперского законодательного акта. В предисловии Каролины сформулировано: «До нашего сведения дошло через наших Курфюрстов, что старые обычаи и порядки мужей приводят к мучениям и смерти невиновных, поэтому было принято решение создать судопроизводство по уголовным делам в наибольшем соответствии с правом и справедливостью, дабы каждый из подданных мог быть задействован в уголовном процессе» [1].

Мать Каролины – Бамбергское уложение и почти идентичное Бранденбургское уложение, предшествовавшие им немецкие и итальянские правовые источники были проанализированы Шварценбергом (австрийским государственным деятелем и дипломатом) [1].

Труд был создан во время, когда нужны были реформы и когда над этими реформами работали, в частности, в период обостренной борьбы между феода-

лами и крестьянами, между центральным германским правительством, стремившимся к установлению абсолютизма. В 1550 г в Германии наблюдались проявления большого числа организованных профессиональных преступлений. Примерно в это же время родился воровской жаргон, объединенный из многочисленных диалектов и языков сословий, особенно из «полевого языка» наемников. В городах власти боролись с этим явлением с помощью жестоких мер. Беззаконие преступников было противопоставлено беззаконному произволу властей.

На протяжении трех столетий Каролина определяла уголовный процесс в Германии. Нечеловеческая жестокость и суеверие связано с ней. Она считается самым значительным и единственным источником в становлении законодательства Священной Римской империи немецкой нации.

«Каролина», однако, не стала «общегерманским» источником права. За каждой территориальной единицей было закреплено свое особое уголовное право. «Каролина» предназначалась для возмещения пробелов местного законодательства.

Каролина представляла собой частный, прежде всего, уголовно-процессуальный кодекс. Уголовный процесс начинался в средние века через частную жалобу или заявление потерпевшего. Весь кодекс был построен на презумпции вины, то есть обвиняемый сам должен был доказывать свою невиновность.

Взгляды ученых по поводу формы уголовного процесса «Каролины», разделились: одни утверждали, что Уложение 1532 г. содержит в себе только инквизиционную форму процесса, другие рассуждали о взаимодействии инквизиционной и обвинительной форм процесса. «Каролина» делает последующее течение всего процесса независимым от характера обвинения. И это проявлялось в ряде моментов. Во-первых, в случае когда обвинитель сможет доказать преступление и вину не самолично, а только с помощью показателей свидетелей, обвиняемый не становился свободным. Во-вторых, постоянной заслугой процесса расследования является признание того, что уголовное преследование является государственной задачей, а не частным делом нарушения, его фатальная ошибка в том, что он передал уголовное преследование государства судье, который стал судьей и стороной в одном лице. Это находит свое отражение в ст. XLV, XLVI «Каролины». В-третьих, Уложение 1532 г. было направлено против частного обвинителя: обвиняемый был беззащитен перед преследователем и судьей, он просто стал объектом без судебного разбирательства, однако он мог быть осужден либо судьей, либо двумя очевидцами его деяния. Чаще всего этих свидетелей не было. Добровольное признание тоже, как правило, не состоялось. Таким образом, оставались лишь пытки и допросы с пристрастием [1].

Уголовный процесс перерождался в чисто письменный процесс. В уголовно-процессуальный порядок, был включен уголовный кодекс. При знакомстве с текстом «Каролины» становится ясно, что она предусматривала обширный круг преступлений: государственные (измена, нарушение мира и др.), против религии (богохульство, колдовство и др.), против личности (убийство, отравление, клевета и др.), против нравственности (изнасилование, нарушение супру-

жеской верности и др.), против собственности (поджог, грабеж, воровство). Многие преступления наказывались смертной казнью: колесование, утопление, сожжение. Помимо смертных казней практиковались и телесные наказания (высылка из страны, каторга). Дело доходило до жестоких пыток, поэтому при изучении данного законодательства приходится сохранять хладнокровие [2].

Каролина пыталась дифференцировать преступления в зависимости от характера и серьезности. При этом она превзошла предшествующие уголовные кодексы силой языка, точностью формирования понятий, с которой она определяла составы отдельных преступлений. Основная задача наказаний в «Каролине» – устрашение.

Справедливости ради следует заметить, что Каролина все же ограничила пытки, ставя задачу не допустить пролития крови невинных. Об этом свидетельствует статья 3 Каролины: судьи должны были давать присягу, что будут осуществлять правосудие независимо от социального положения обвиняемого и не отступать от этого в виду личных побуждений. Если кто-либо был оклеветан как виновник злодеяния и вследствие этого взят властями, то не должен был подвергаться допросу под пыткой, пока не будет достаточно доказательств (ст. 6). За этим стояла попытка заменить старые доказательства (верования и суеверия) на новые (свидетельство, признание) [1].

В заключение следует отметить, что Каролина является единственным общеимперским законом раздробленной Германии, одним из характерных памятников уголовного и уголовно-процессуального права позднего феодализма, с ярко выраженным классовым характером многих ее положений.

С ее применением ставилась задача упорядочить уголовное судопроизводство в местных судах. Изучение Каролины, ее основных принципов и норм позволяет выявить особенности сложной социально-политической обстановки в Германии в эпоху Реформации, а также показать специфику разработки и содержания институтов уголовного и уголовно-процессуального права в первой половине XVI в.

Немецкий правовед и историк, юрист, представитель исторической школы права Фридрих Карл Савиньи дал Каролине следующую оценку: «Я не знаю ни одного немецкого закона восемнадцатого века, который можно было бы сравнить с неловким приказом Карла Пятого с точки зрения силы и выражения». Вся уголовно-юридическая литература XVI–XVIII вв. держится исключительно на фундаменте права, созданного Каролиной, и проявляется в виде многочисленных комментариев по этому кодексу.

Библиографический список

1. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V : пер. со средневерхгерм. / отв. ред. Зиманов С. З. ; пер., предисл., прим. Булатов С. Я. Алма-Ата : Наука КазССР, 1967.
2. Батыр Н. И. История государства и права зарубежных стран : учебник. Изд. 4-е. М. : Прогресс, 2003. 496 с.

УДК 341.233.1

Косарева Евгения Викторовна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

e-mail: ev_kosareva@mail.ru

Седельникова Раиса Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент, Волго-Вятский институт (филиал)

университета им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

Проблема и направление правового совершенствования финансового контроля в Российской Федерации

В статье рассматривается проблема правового регулирования финансового контроля в Российской Федерации. Посредством анализа нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере финансового контроля, автор приходит к выводу о том, что указанные акты, как правило, повторяют друг друга, полномочия одного органа зачастую дублируют полномочия другого, что приводит к дезорганизации системы финансового контроля. В связи с чем автор предлагает усовершенствовать правовую базу в области финансового контроля посредством принятия единого нормативного правового акта, регулирующего финансовый контроль в России, что способствовало бы построению эффективной системы финансового контроля.

Ключевые слова: финансовый контроль, нормативное регулирование, единый нормативный акт о финансовом контроле, проект закона, экономическая безопасность Российской Федерации.

Kosareva Evgeniya Viktorovna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,

Kirov, Russian Federation

Sedelnikova Raisa Igorevna,

candidate of law, associate Professor, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin

University,

Kirov, Russian Federation

The problem and direction of legal improvement financial control in the Russian Federation

In article problem of legal regulation on financial control in the Russian Federation are considered. By analyzing of normative legal acts, regulating financial supervision, the author concludes these acts, mostly, duplicate authorities each other, which leads to disorganization of the financial control system. To that end, the author proposes to improve the legal basis of financial control by creating of a generalized

legal act that regulated financial control Russia, which would assist to formate an effective system.

Keywords: *financial control, regulation, unified regulatory act on financial control, law project, economic security of the Russian Federation.*

Государственный финансовый контроль в Российской Федерации ориентирован на осуществление мероприятий, направленных на обеспечение полноты поступления средств в федеральный бюджет, бюджеты субъектов, муниципальных образований, бюджеты государственных внебюджетных фондов, законности и правильности их расходования, сохранность и повышение эффективности использования государственной собственности, предотвращение финансовых нарушений и обеспечение экономической безопасности Российской Федерации.

Реальной угрозой экономической безопасности Российской Федерации является нецелевое и неэффективное использование государственных денежных ресурсов, уклонение от уплаты налогов, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и другие правонарушения в финансовой сфере [6, с. 79].

Существенным условием эффективного осуществления финансового контроля является правильная организация его системы. Нечеткое разграничение полномочий, широко обозначенные функции, недостаточная определенность способов взаимодействия органов не способствуют действенному функционированию данного института.

В настоящее время в Российской Федерации приняты многочисленные акты, регулирующие отношения в области финансового контроля. Изобилие нормативно-правовых актов дезорганизует систему финансового контроля, поскольку акты, как правило, повторяют друг друга, полномочия одного органа зачастую дублируются полномочиями другого (к примеру, на федеральном и региональном уровнях). Результат функционирования такой системы – отсутствие скоординированности в действиях органов финансового контроля.

По мнению В. В. Бурцева, действенная нормативная база государственного финансового контроля – одно из ключевых условий его системности, она обеспечивает его легитимность и целостность, взаимосвязь элементов. В современных же условиях несовершенство нормативно-правовых актов, освещающих лишь отдельные вопросы государственного финансового контроля, порождает правовой нигилизм контролируемых и, как следствие, многочисленные нарушения [2, с. 60–64].

С целью повышения эффективности контрольной функции государства необходимо совершенствование нормативно-правовой базы, на основании которой распределяются властные полномочия органов финансового контроля, а также координируется их деятельность. Принятие единого акта модифицирует правовую регламентацию отношений в области финансового контроля, способствует лучшей организации мероприятий финансового контроля, а также обеспечит экономическую безопасность государства.

Неоднократно предпринимались попытки разработки единого нормативного акта, регулирующего отношения в сфере финансового контроля [1, 3, 4].

При формировании правовой основы государственного финансового контроля в России следует исходить из положений Лимской декларации руководящих принципов контроля, принятой IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лима (Республика Перу) в 1977 году [5]. Она содержит основные принципы, формы и методы деятельности высших органов государственного контроля, которые ООН рекомендовала применять странам-участникам при формировании своих контрольных систем за государственными финансами.

Единый нормативный акт, регулирующий отношения в области финансового контроля должен содержать:

1) определение финансового контроля (надзора). В законодательстве данные термины не только не разграничиваются, но и в большинстве случаев употребляются как равнозначные, без каких-либо разъяснений по поводу их сущности, суды также при толковании норм, принятии решений оперируют терминами в качестве тождественных (например, Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П) [7];

2) единые принципы, виды и формы финансового контроля;

3) перечень органов финансового контроля, разграничение функций и полномочий между данными органами. Необходимо четкое законодательное закрепление компетенции каждого из контрольных органов, в целях исключения дублирования их полномочий;

4) порядок взаимодействия органов финансового контроля;

5) порядок принятия контрольных мер и санкций по выявленным нарушениям;

6) основания и меры ответственности должностных лиц уполномоченных органов финансового контроля.

Таким образом, целью федерального законопроекта является устранение неопределенности правового регулирования и совершенствование правовых норм в области финансового контроля.

Изложенная концепция реформирования государственного финансового контроля поможет успешно реализовать бюджетную и налоговую политики, соблюсти законность и целесообразность расходования государственных денежных средств, создать условия для сохранения и укрепления финансовой безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. Бочкарева Е. А. Проблемы и перспективы совершенствования бюджетного законодательства в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2(8). Ч. 1.

2. Бурцев В. В. Совершенствование нормативной базы государственного финансового контроля в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2004. № 2, февр.

3. Горбунова О.Н. Финансовое право и мониторинг в современной России // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кармоков Х.М. Письмо Председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г. Н. Селезневу // Государство и право. 1998. № 6.

5. Модельный закон о государственном финансовом контроле (Принят в Санкт-Петербурге 04.12.2004 Постановлением 24-11 на 24-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Соловьев И. Н., Саттарова Н. А., Даннинг А. А. Правовые основы финансовой безопасности Российской Федерации. М. : Проспект, 2017.

7. Чикунов А. Ю. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» в российской правовой системе // Молодой ученый. 2018. № 43. С. 173–178. URL <https://moluch.ru/archive/229/53317/> (дата обращения: 31.10.2019).

УДК 342.25

Ляшенко Максим Олегович,

студент, Костромской государственный университет,

г. Кострома, Российская Федерация

lyashenko_m95@mail.ru

Мельников Иван Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственный университет,

г. Кострома, Российская Федерация

melnikk44@gmail.com

Обеспечение интересов населения в процессе укрупнения муниципальных образований в Российской Федерации

Проводимый в настоящий момент органами государственной власти и местного самоуправления Российской Федерации процесс укрупнения муниципальных образований, по их мнению, должен положительным образом повлиять на качество жизни населения, однако в некоторых случаях население не согласно с проводимыми укрупнениями. Это объясняется тем, что, по мнению граждан, данный процесс приведет к ухудшению их жизни. Позиция населения муниципалитетов понятна, так как в некоторых субъектах региональные власти преследуют свои цели (например, увеличение объема своих полномочий), которые могут не совпадать с их интересами. Освещены основные положения, касающиеся участия населения в процессе укрупнения муниципальных об-

разований на территории Российской Федерации. Предложены корректировки действующего законодательства по рассматриваемому вопросу.

***Ключевые слова:** Муниципальные образования, укрупнение муниципальных образований, местное самоуправление, участие населения, обеспечение интересов населения.*

Lyashenko Maxim Olegovich,

student, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich,

candidate of law, associate Professor, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

Securing public interests in the process of consolidation of municipalities in the Russian Federation

The current state and local government bodies, in their opinion, should have a positive effect on the quality of life of the population, however, in some cases, the population does not correspond to the ongoing enlargements. This is because citizens had to change their lives. Regional authorities pursue their own goals (for example, increasing the scope of their powers), which may not coincide with their interests. The main provisions on the participation of the population in the process of consolidation of municipalities in the Russian Federation are highlighted. Corrections of the current legislation on the issue under consideration are proposed.

***Keywords:** municipalities, consolidation of municipalities, local government, public participation, securing public interests.*

Вопрос обеспечения интересов населения в процессе укрупнения муниципальных образований в Российской Федерации является важным, так как кроме экономических факторов ведущими также являются социально-экономические аспекты, которые должны улучшиться после проведенных преобразований. Однако в настоящий момент существенным обстоятельством для представителей государственной власти и местного самоуправления (далее – МСУ) в большинстве случаев является «повышение управляемости территорий» [6, с. 66].

На основании исследований ряда авторов, в частности Ю. В. Благова [5, с. 43], можно отметить, что в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) [2] согласие населения, как правило, выражается представительным органом соответствующего муниципального образования, однако, в некоторых случаях население непосредственно выражает свою позицию посредством голосования или схода граждан. Например, в случае разделе-

ния сельского или городского поселения, которое повлечет за собой образование двух и более поселений, что предусмотрено ч. 5 ст. 13 ФЗ № 31.

В подтверждение сказанному приведем пример муниципального образования в Московской области. В 2018 году были проведены публичные слушания по вопросу присоединения Барвихинского сельского поселения Одинцовского муниципального района Московской области к образуемому Одинцовскому городскому округу. Власти области и района полагали, что укрупнение муниципалитетов поможет оптимизировать бюджет, улучшить социальную ситуацию, однако на общественных слушаниях по этому вопросу участниками единогласно была выражена позиция против укрупнения [4]. В поселение входили 12 сел и деревень, в которых проживало 7213 человек. В самом поселке Барвиха обращение подписали 70 жителей. Однако, сельское поселение было упразднено 5 февраля 2019 года и включено в Одинцовский городской округ в соответствии с Законом Московской области от 25 января 2019 г. № 2/2019-ОЗ «Об объединении территорий поселений Одинцовского муниципального района и территории городского округа Звенигород» [3].

Г. В. Трубилов в своей научной статье «Местное самоуправление в городах федерального значения: исключение, становящееся правилом», анализируя Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1], указывает, что установленная в ст. 131 Конституции РФ норма, касающаяся учета мнения населения при изменении границ муниципального образования призвана обеспечить право населения муниципального образования самостоятельно решать вопросы, возникающие в связи с применением данного положения Конституции РФ [7, с. 72]. Справедливо отнести это обстоятельство и к процессу преобразования муниципальных образований, куда входит и их укрупнение.

Полагаем, что на сегодняшний день нет устоявшегося мнения, где проходит граница между императивным согласием населения на принятие общеобязательных решений и его консультативным мнением, касающегося таких решений, в случае их принятия представительным органом муниципалитета. Исходя из рассмотренных выше положений законодательства, мнений специалистов и ситуаций, возникающих в связи с учетом мнения населения в процессе укрупнения муниципалитетов, считаем обязательным во всех случаях преобразования муниципальных образований, ввести непосредственное голосование населения муниципалитета, что должно обеспечить демократизацию МСУ и больше вовлечь жителей определенного муниципалитета в его жизнь. Для этого представляется целесообразным внести поправки в ст. 13 ФЗ № 131 путем введения ч. 2.1 и изложить ее следующим образом: «Преобразование муниципальных образований осуществляется с согласия населения данных муниципальных образований, выраженного путем голосования, предусмотренного частью 3 статьи 24 настоящего Федерального закона, либо на сходах граждан, проводимых в порядке, предусмотренном ст. 25.1 настояще-

го Федерального закона, с учетом мнения представительных органов соответствующих муниципальных образований». Таким образом, во всех положениях ФЗ № 131, касающегося преобразования муниципалитетов, куда входит и их укрупнение, под согласием населения будет пониматься указанная выше формулировка, что потребует внесения корректировок в такие положения.

Считаем, что предложенные меры по обеспечению интересов населения в процессе укрупнения муниципалитетов помогут улучшить проводимые преобразования.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2019).

2. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (последняя редакция) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2019).

3. Закон Московской области от 25.01.2019 № 2/2019-ОЗ «Об объединении территорий поселений Одинцовского муниципального района и территории городского округа Звенигород» // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2019).

4. Заключение по результатам публичных слушаний по вопросу объединения территорий городских поселений Большие Вяземы, Голицыно, Заречье, Кубинка, Лесной Городок, Новоивановское, Одинцово, сельских поселений Барвихинское, Горское, Ершовское, Жаворонковское, Захаровское, Назарьевское, Никольское, Успенское, Часцовское Одинцовского муниципального района и территории городского округа Звенигород в единое муниципальное образование // Официальный сайт Территориального управления Барвихинское Одинцовского городского округа Московской области. URL: <http://barvikha.org> (дата обращения: 02.12.2019).

5. Благов Ю. В. Местное самоуправление в Российской Федерации в условиях муниципально-правовой реформы. М. : Проспект, 2017. 176 с.

6. Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. М. : Проспект, 2017. 155 с.

7. Трубилов Г. В. Местное самоуправление в городах федерального значения: исключение, становящееся правилом // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 69–4.

УДК 340.09 (091.1)

Макарова Алина Алексеевна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

alinusser01@mail.ru

Морозова Светлана Олеговна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

Olegovna-svetlanasvetamo97@gmail.com

Теория позитивного права по Г. Кельзену

В данной статье рассматриваются взгляды австрийского и американского юриста и философа Г. Кельзена по проблемам теории государства и права, которые были разработаны им с позиций логико-аналитической юриспруденции. Его чистое учение как строгая и последовательная наука о праве, имеющая исключительно историческое значение, является одним из направлений современного юридического позитивизма. Г. Кельзен явился основоположником концепции конституционного суда и конституционного контроля. Учение оказало широкое влияние на правовую теорию и юридическую практику в странах Западной Европы.

Ключевые слова: учение о чистом праве, Г. Кельзен, теория положительного права, юриспруденция.

Makarowa Alina Alekseevna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,

Kirov, Russian Federation

Morozowa Svetlana Olegowna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,

Kirov, Russian Federation

The theory of positive law according to Kelsen

This article examines the views of the Austrian and American lawyer and philosopher G. Kelsen on the problems of the theory of state and law, which were developed by him from the standpoint of logical and analytical jurisprudence. His pure teaching as a strict and consistent science of law, of exclusively historical significance, is one of the directions of modern legal positivism. G. Kelsen was the founder of the concept of the constitutional court and constitutional control. The doctrine has had a wide impact on legal theory and practice in Western Europe.

Keywords: doctrine of pure law, G. Kelsen, theory of positive law, jurisprudence.

Данная тема является актуальной, так как в настоящее время отношение юристов к позитивной теории права существенно меняется. Она, по их мнению, имеет исключительно историческое значение. В понимании Г. Кельзена чистая теория права это учение, в котором нет фрагментов неприсущих юридической науке. Г. Кельзен утверждал, что юриспруденция должна составлять специфически юридическое содержание права, при этом он опирался на философию неокантианства.

Учение о чистом праве – это теория положительного права, разработанная с позиции логико-аналитической юриспруденции. Основой теории является положения о том, что право существует как система юридических норм, образуя своеобразную пирамиду. На самом верху пирамиды расположена «основная норма», принятая законодателем. Она не создается путем правовой процедуры, но действительна потому, что предполагается действительной. Значит, сила и действие права заключены в самом праве [2]. Учение о чистом праве пытается ответить на вопрос: «Что и как является правильным?», а не на вопрос «Как оно должно быть или создаваться?». Теория положительного права пытается избавить юриспруденцию от всех чуждых ей элементов. Это является ее основным методическим принципом [3].

Кельзен утверждал, что юридическая наука не должна заниматься социальными предпосылками и нравственными истоками правовых установлений как считают сторонники данных теорий. Для позитивиста и неокантианца Кельзена существует строгий дуализм между существованием и долженствованием. Между этими сферами нет моста. Это должно восприниматься как данность. Кельзен сожалеет, что юриспруденция в XIX–XX вв. абсолютно смешалась с психологией, социологией, этикой и политической теорией».

В отличие от этих дисциплин, чистое право делает попытку разграничить право не потому, что оно отрицает взаимные связи, а потому, что стремится избежать методологического синкретизма, который затемняет сущность юриспруденции.

Чистое учение о праве исключает также применение идеологических оценок. Одним из первых, кто поставил задачу деидеологизации правоведения, воплощения объективно строгой науки о государстве и праве, являлся Г. Кельзен. Он считал, что истинная наука несет в себе релятивистский характер. Таким образом, признается возможное существование в обществе обширного количества систем идеологии, но в то же время отсутствует превосходство одной над другими.

Важным признаком Кельзен считает только то, что имеет смысл и может быть понято логически. Метафизика для него бессмысленна. Оценка – это просто выражение чувств. Содержание норм не доступно научному познанию. Справедливость всего лишь прекрасная мечта человечества, мы не знаем, что это такое и никогда не узнаем. Только формальные, логические структуры норм доступны научному познанию. Чистое долженствование не имеет меры [1].

По мнению Г. Кельзена, право – это осуществляемая в государственном порядке совокупность норм. Кельзен также считает, что государство возникло позже права, оно является его продолжением. Иерархию источников права определяет не структура государственных органов, а именно государственные органы отражают такую иерархию. По Кельзену, государство выступает не как силовое явление, а как правовой институт, общество, управляемое правом. Так, право существовало в первобытную эпоху, где в одном случае можно было совершать акт принуждения, а в другом случае это запрещалось в целях общественной безопасности. Примером такого принуждения являлся акт мести.

В отличие от традиционного позитивизма чистое учение о праве изображает объективную действительность позитивного права как обусловленную постулированием основной нормы и благодаря такой предпосылке, согласно Кельзену, истолковывает отношения между людьми как нормативные отношения, т. е. как конституируемые объективно действительными правовыми нормами обязанности, полномочия, права, компетенции и т. д. Г. Кельзен исключает его. Поиск причины не может идти до конца, как поиск причины следствия. Он должен заканчиваться у нормы, которая считается последней, наивысшей. Как наивысший стандарт, она должна быть выдвинута каким-то автором, компетенция которого должна основываться на еще более высокой норме.

Содержание позитивно- правового порядка полностью независимо от его основной нормы, так как следует отчетливо подчеркнуть из основной нормы, что может быть выведено только действие, а не его содержание. Ни кто не может отвергать действие позитивистского порядка, из-за содержания его нормы. Это важный элемент позитивизма. Ответ на вопрос о том, как следует судить о законе, который является справедливым правом, дает правовая философия, выполняющая функции правовой политики и которая, учитывая наличие совершенно разных идеалов справедливости, может прийти к различным результатам. Правоведение также является прецедентной практикой, а судебное дело, скорее всего, не является законодательным решением, а носит лишь декларативный характер. Постепенное построение правовой системы исходит из основной нормы конституции и законов. Наука может только определить рамки решений, различные возможности их принятия. Г. Кельзен называет это «интерпретациями».

Таким образом, чистое учение о праве Г. Кельзена представляет собой теорию позитивного права, разработанную с позиций логико-аналитической юриспруденции. Г. Кельзен критиковал традиционное правоведение XIX–XX вв. и считал свое учение как строгую и последовательную науку о праве. Его концепция является многогранной, предполагающей социологическое, философское, культурологическое, политологическое осмысление права. Ученый проводил строгое различие между разными научными дисциплинами, призванными изучать право. Чистая теория права оказывает исключительное значение в том, что предполагает позитивизм – самое сильное теоретическое течение XIX века.

Библиографический список

1. Барченкова К. А. Чистое учение о праве Г. Кельзена: теоретико-правовой анализ // Право: современные тенденции : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар : Новация, 2017. С. 3. – URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/225/11681/> (дата обращения: 31.10.2019).
2. Власенко Н. А. Теория государства и права : учеб. пособие. 2-е изд. перераб., доп. и испр. М. : Проспект, 2011. 416 с. URL: <https://studref.com/413497/pravo/pravoponimanie> (дата обращения: 31.10.2019).
3. Handbuch des Staatsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Herausgegeben von Josef Isensee und Paul Kirchhof / C. F. Müller Juristischer Verlag Heidelberg, 1987–1992. Т. 1. Р. 246–247.

УДК 336.581.1

Пасынкова Елизавета Владимировна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
Elizaveta.pasynkova@yandex.ru

Роль социальных сетей в формировании комфортной городской среды

Тематика данной статьи является довольно актуальной, так как в современном информационном обществе велика роль сети Интернет, а также социальных сетей. В статье рассматривается вопрос влияния социальных сетей на формирование комфортной для населения городской среды.

Ключевые слова: *социальная сеть, городская среда, комфорт, администрация, жители города, общественные интересы.*

Pasynkova Elizaveta Vladimirovna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

The role of social networks in the formation of a comfortable urban environment

The subject of this article is quite relevant, as in the modern information society, the role of the Internet and social networks is particularly great. The article deals with the influence of social networks on the formation of a comfortable urban environment for the population.

Keywords: *social network, urban environment, comfort, administration, city residents, public interests.*

Комфортная среда нашего обитания является основой современной модели общества. Каждый человек в той или иной мере устремлен к комфорту проживания, потребления и общения.

При развитии человеческой цивилизации образование городов становилось для растущего числа людей средой жизнедеятельности. По статистике 73 % россиян проживают в городах. Причины переселения разные, но в основном – получение больших возможностей, лучшее образование и работа, комфортнее жизнь. Рассуждая о комфортности среды обитания человека, мы вкладываем смысл, в котором отражаются гармоничный социум, природный ландшафт и городские застройки. Термин «городская среда» выражает сущность города, как место сосредоточения масс людей и функциональное образование, которое играет важную роль в жизни и развитии общества. Городская среда является комплексом условий жизни населения, который не только удовлетворяет его потребности, но и находится в прямой зависимости от его качества. Также городская среда – это и окружающая обстановка, которая влияет на психологическое состояние и эмоциональное восприятие жителей. Чтобы городская среда была действительно комфортной для проживания, она должна быть: эстетичной; иметь внешнее разнообразие; в ней должны сочетаться новизна и традиции; должна быть обеспечена безопасность и сбалансирован свето-шумовой фон.

В настоящее время показатели качества жизни населения в городах России являются важным ориентиром государственной политики в части планирования и развития страны и ее федеральных округов. В ноябре 2016 года началась реализация федеральной программы «Формирование комфортной городской среды», ее основной задачей является благоустройство городов при учете мнений жителей. По повышению комфорта городской среды планируется осуществить 400 масштабных проектов и обучить более 2000 специалистов. Президиумом Совета при Президенте России утвержден паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» (протокол от 21.11.2016 г. №10). Данная федеральная программа предусматривает такие задачи: привлечь общественность к обсуждению основных мероприятий; принять новые правила благоустройства; привлечь внимание к оборудованию детских и спортивных площадок; благоустройство пространств и объектов по результатам опросов жителей и т. п. Участниками программы могут стать населенные пункты, где численность более 1000 человек. В рамках программы все субъекты России получают финансовую поддержку для реализации проектов по благоустройству территорий. Вначале проект рассчитывался на 2017–2022 годы, но при принятии майского указа Президента Российской Федерации его срок продлен до 2024 года [9].

В российских регионах за развитие городской среды отвечают органы местного самоуправления на основе Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Таким образом, граждане задействованы в осуществлении местного управления в населенных пунктах.

Постиндустриальное общество – это общество высоких технологий. Интернет охватывает весь мир, все сферы жизнедеятельности народа, поэтому с каждым днем социальные сети становятся популярнее. Там люди общаются, связываются с единомышленниками, даже находясь, далеко друг от друга. Особенности возможности для общения социальные сети дают для людей с ограниченными физическими возможностями, большинство которых ведет обособленный образ жизни, благодаря им они могут активно общаться, вести полноценные беседы и дискутировать. Потому, как большая часть нашего общества имеет доступ в Интернет, создаются и развиваются публичные группы в социальных сетях, что способствует выражению общественного мнения и оказанию влияния на легитимацию власти. Наиболее популярными в России социальными сетями являются: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram». Темы преобразований городов сегодня активно обсуждаются администрациями, социологами, урбанистами.

В настоящее время одним из основных источников эффективного преобразования города является социальный потенциал, формирующийся в местных сообществах, значимость которых связана с включением населения в деятельность публичных органов по улучшению экономической и социальной среды города, а также реализации собственных проектов. Социальные сети играют важную роль в развитии комфортной городской среды в определенных муниципальных образованиях. В таких сетях проходят различные голосования по поводу проектов для усовершенствования города и опросы о каких-либо общественных мероприятиях – это способ взаимодействия власти с жителями, который очень показателен и демократичен.

Для подтверждения всему сказанному можно встретить подобные примеры групп в социальной сети «ВКонтакте»: «[ТК] Типичный Котельнич», «Злой Кировчанин», «Строим Киров» и др.

В приведенных выше группах жители соответствующих городов высказывают свое мнение о проблемах. Например, в группе «Типичный Котельнич» 18.07.2019г. жительница г. Котельнич выложила фотографии со сломанными вандалами скамейками на набережной. На следующий день эта же жительница снова выложила фотографии, но уже с отремонтированными скамейками. Точно такая же ситуация с разбросанным по парку мусором: в один день жители выразили свое недовольство, на следующий день все было прибрано. Эти примеры говорят нам о том, что работники администрации просматривают данные публикации и реагируют на выражение мнения людей не только на каких-либо собраниях или шествиях, но и в социальных сетях.

Также можно привести пример с публикацией в названной группе опроса и петиции против перепрофилирования завода в поселке Мирный (недалеко от г. Котельнич), в объект по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов I и II классов опасности мощностью до 50 000 тонн. Эта петиция разошлась по всей социальной сети с помощью репостов публикации жителями не только г. Котельнич, но и г. Киров. Возражение населения обосновано нарушением экологии и естественным ухудшением среды проживания, люди ждут от властей решения вопроса на федеральном уровне.

В социальных сетях появляются и новые тенденции, например краудфандинг, он предполагает совместное финансирование локальных проектов по улучшению городских районов. Основная цель этой платформы – поддержать инициативы местных жителей, которые не требуют больших финансовых вложений, но способны повлиять на улучшение городской среды или продвижению проектов в других направлениях социальной жизни города.

Следует отметить, что социальные сети привлекают к себе внимание властей и на федеральном уровне. Как сообщалось на РБК, Кремль рекомендует регионам ввести в администрациях должности с SMM-обязанностями, которые будут заниматься мониторингом социальных сетей, реагировать на критику и жалобы населения, а также проводить информационно-просветительскую деятельность. С помощью компании «Медialogия» разработана программа «Инцидент менеджмент», которая будет отслеживать, как в регионах власть реагирует на жалобы населения в социальных сетях («ВКонтакте», Facebook, Instagram, Twitter и «Одноклассники») и какую реакцию вызывают сообщества на действия властей. Результаты мониторинга поступают к администратору региона, сообщения о проблемах формируются по профилям. Региональные министерства или муниципалитеты должны дать ответ, который автоматически приходит и в систему «Инцидент менеджмент», затем будет отправлен во все социальные сети. Кировская область – один из первых регионов в стране, реализующий названный проект, с марта 2018г. органы исполнительной и муниципальной власти ведут работу в социальных сетях и за год рассмотрено 20 тыс. сообщений от жителей области. В основном это вопросы по оказанию жилищно-коммунальных услуг, благоустройству населенных пунктов и состоянию дорог. Для эффективности работы с социальными сетями задействованы администрации районов и все министерства нашего региона. Губернатор Игорь Васильев сказал, что ежедневно просматривает свои страницы в социальных сетях и перед выездом в районы области анализирует информацию по жалобам жителей, затем обсуждает все проблемные вопросы с главами администраций. Он считает, что глава любого муниципального образования должен знать волнения граждан и оперативно реагировать на выявленные проблемы, для этого мониторинг социальных сетей позволит ему видеть все происходящее на территории района или городского округа.

Подтверждением важности социальных сетей в улучшении качества жизни населения и создании комфортной городской среды является то, что по выявленным проблемам проводятся проверки контрольно-надзорных органов, что было выявлено при анализе данных по каждому муниципальному образованию Кировской области.

На сайтах г. Кирова заметно повысилась активность администрации. Например, в популярных группах «ВКонтакте», где жители пишут жалобы, представитель сайта «Киров меняется» дает официальные ответы. Городская власть с этой страницы ведет диалог с населением города. Также, в паблике «Злой Кировчанин», к примеру, обсуждалась проблема наличия горы снега на детской площадке, через час после опубликования жалобы с фото, она была решена. Со

страницы «Киров меняется» был дан ответ, что информация немедленно передана в управляющую компанию.

Консалтинговым бюро «Стрелка» разработан Индекс качества городской среды, он включил в себя даже такой источник данных, как фотографии из социальных сетей. Таким образом, в недалеком будущем комфортность городских территорий могут анализировать на основе опубликованных селфи.

При развитии местных сообществ жители вовлекаются в развитие городской среды, накапливают способность к совместным действиям и доверие друг к другу, которые влияют на качество их жизни. Повышается вера в свои возможности и в способность изменить к лучшему городскую среду. Каждый горожанин должен осознавать – это его двор, его район, его город. Не ощущая себя хозяином, он не станет распоряжаться и заботиться об этом!

Библиографический список

1. Стадолин М. Е. Современные тенденции организации благоустройства территорий поселений как основы формирования комфортной городской среды // Государственное и муниципальное управление в Российской Федерации: современные проблемы и перспективы развития : сб. науч. тр. преподавателей, аспирантов и студентов кафедры государственного и муниципального управления. М., 2017. С. 140–145.

2. Чернышева М. В. Формирование комфортной городской среды, как уровень повышения качества жизни // Integral. 2018. № 2. С. 306–308.

3. Филиппов Ю. Н. Развитие местных сообществ // URL: https://elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpape=https%3A%2F%2Felibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D26353159 (дата обращения: 20.11.2019).

4. Бурко Р. А., Терёшина Т. В. Социальные сети в современном обществе // Молодой ученый. 2014. №7. С. 607–608. URL: <https://moluch.ru/archive/66/11009/> (дата обращения: 20.11.2019).

5. Почтовая А. В. Современное состояние городской среды: основные понятия, проблемы и особенности управления // Вопросы экономики и управления. 2017. № 4. С. 3–7. – URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/73/2782/> (дата обращения: 20.11.2019).

6. Котова Е. А. Понятие «городской среды». URL: http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2011/12/2_Ponjtie_gorodcskaj_sreda.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

7. Сафина Т. А., Николаева Н. А. Обеспечение присутствия государственных органов и органов местного самоуправления в социальных сетях. Йошкар-Ола : Тип. «Вертикаль», 2015. С. 76.

8. Губанов А. В., Зотов В. В. Социальные сети как новый инструмент государственного и муниципального управления в Российской Федерации / Курск. акад. гос. и муниц. Службы // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 4. С. 83–92.

9. Указ Президента РФ от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до

2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.11.2019).

УДК 340.1

Собанский Егор Владимирович,
Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
johh.win@yandex.ru

К вопросу о социальных и психологических аспектах эффективности завершающего этапа правообразования

В статье рассматривается проблема реализации права в контексте социальных и психологических аспектах эффективности завершающего этапа правообразования. Рассмотрена необходимость учета особенностей правовой психологии субъектов права, благодаря которым государство, в лице своего законодательного органа сможет обеспечить эффективность правотворческой политики. Исследованы мнения различных авторов о важности учета менталитета нации, строгого соответствия принимаемых норм права особенностям, потребностям и интересам общества. Разделены категории интересов лица на внутренние и внешние. Отмечается возможность возникновения различных форм деформации у личности, социальных групп и всего общества в целом из-за игнорирования социально-психологических аспектов правотворчества.

Ключевые слова: правообразование, эффективность правотворчества, правовая психология, правовое мышление, социально-психологические особенности человека.

Sobanskiy Egor Vladimirovich,
Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

O the question of social and psychological aspects of the effectiveness of the final stage of law education

The article discusses the analysis of the problem of the implementation of law in the context of social and psychological aspects of the effectiveness of the final stage of law formation. The necessity of taking into account the peculiarities of the legal psychology of subjects of law is considered, thanks to which the state, in the person of its legislative (representative) body, will be able to ensure the implementation of law-making policy. The opinions of various authors on the

importance of taking into account the mentality of the nation, the strict correspondence of the accepted norms of law to the particularities, needs and interests of society are studied. The categories of interests of a person are divided into internal and external. The possibility of various forms of deformation in the individual, social groups and the whole society as a whole is noted.

Keywords: *legal education, efficiency of lawmaking, legal psychology, legal thinking, socio-psychological characteristics of a person.*

Как известно, правообразование представляет собой все формы и средства возникновения, развития и изменения норм права, куда входит и правотворчество. В. Л. Кулапов упоминает о правообразовании, как о формировании права, которое является более широким по содержанию в сравнении с понятием «правотворчество». Он считает, что: «Правотворчество является лишь составной частью процесса формирования права, отражающей его официальные, сознательно-волевые процедуры» [1, с. 290].

Также Е. А. Зорченко отмечает, что: «правотворчество – более узкая категория, завершающая стадия правообразования, когда в процесс вступают государственные органы для формализации уже сложившихся правоотношений» [2, с. 192].

В связи с этим, стоит отметить, что на сегодняшний день в области права существует множество актуальных вопросов, особенно тех, которые возникают в процессе регулирования общественных отношений. Одной из таких проблем является эффективность правотворчества, так как обеспечение качества и эффективности правотворческой деятельности, в результате которой специально уполномоченные органы разрабатывают, принимают (издают), изменяют или отменяют нормативно-правовые акты, зависит как уровень достижения целей соответствующего органа, так и тот полезный результат, для которого данный нормативно-правовой акт принимается.

Поскольку структуру правовой психологии составляют привычки, традиции и убеждения, которые обладают определенной стабильностью, статикой, то рассматривая эффективность правотворчества, следует обратить внимание на его социально-психологические аспекты. Общие правила и образцы поведения, которые возникали в результате длительного повторения явлений и социальной деятельности формируют определенные стандарты правомерного поведения.

Только учитывая особенности правовой психологии субъектов права и общественные потребности, государство может обеспечить реализацию эффективной правотворческой политики в целом.

Так, затрагивая социально-психологические аспекты эффективности правотворчества, стоит отметить, что А. С. Панарин считал, что: «Необходимо учитывать менталитет нации при реформировании страны, поскольку новейшие социальные формы, которые реформаторы заимствуют – рыночная экономика, парламентская демократия, правовое государство, не являются культурно-нейтральными. Эти структуры только на поверхности выступают как безразличные к менталитету социальные технологии. На самом деле они имеют глу-

бинные социокультурные основы, которые модернизатору еще предстоит выявить, прежде чем принимать решение о переносе их на почву своей культуры» [1, с. 220].

Данное высказывание вполне справедливо учитывает социально-психологические факторы, которые обеспечивают эффективность правотворчества, так как на территории Российской Федерации, а именно, в 85 субъектах находится большое количество различных социальных классов, групп и других общностей. Все они имеют различное правовое мышление, традиции и ценности. У многочисленных народов, населяющих территорию Российской Федерации разное эмоциональное восприятие мира, отношение к закону, к порядку в обществе, различные представления о должном поведении и о правовой действительности.

М. А. Кожевина поддерживает позицию о том, что при формировании правовых норм в государстве необходимо учитывать всю систему пространственно-временных характеристик правовой действительности. Так, автор отмечает, что в содержание таких пространственно временных характеристик входит: строгое соответствие нормы права развитию объективным закономерностям общества, потребностям и интересам населения, понимание права как интегрального единства права и свободы, правовой свободы, качественная характеристика права как справедливости, равенства в должном и др. [2, с. 234].

В связи с этим, законодателю необходимо учитывать указанные пространственно-временные характеристики, так как их учет и реализация на завершающем этапе правообразования является важным элементом обеспечивающим эффективность правотворчества.

Стоит отметить, что Э. И. Девицкий проводит деление категории интересов лица на внутренние и внешние. К внутренним относятся те интересы, которые человек реализует в имущественной и жизненной сфере – это развлечения, удобства и другие. К внешним же интересам относятся: «внутренние, идеальные, духовные блага человека» [3, с. 12].

Таким образом, мы предлагаем правотворческим органам решать вопросы в области реализации государственной политики в сфере регулирования общественных отношений с точки зрения социального психологических аспектов не спонтанно, а с учетом развития общественных потребностей, традиций, привычек, настроений и убеждений.

В подтверждение данного тезиса будет уместно высказывание С. Э. Григорьева относительно социального аспекта эффективности правотворчества: «В данном аспекте эффективность правотворчества может рассматриваться с позиций того, какие реальные социальные изменения, прежде всего позитивные, связаны с правотворческой деятельностью на федеральном, региональном или муниципальном уровне» [4, с. 2]

Ведь, реализация правотворческой политики государства, без учета социально-психологических особенностей и закономерностей развития социальных классов, групп и общества в целом приведет к игнорированию интересов субъектов права, что отрицательно скажется и на правореализационной практике. Это провоцирует такие виды деформации правосознания как:

1) правовой нигилизм, когда люди будут действовать по схеме: «Я уже знаю, что такое право, уже не верю в его спасительные способности в моей жизни, так как я насмотрелся и разочаровался в нем»;

2) правовой инфантилизм, выражающийся в юридической необразованности, безграмотности;

3) негативно-правовой радикализм, в результате которого человек, особенно находящийся на руководящей должности, будет злоупотреблять, и превышать свои должностные полномочия, используя свои знания в области права;

4) спекулятивно-правовой популизм, при изменении структурно-психологического сознания личности, в результате которого человек будет работать «на публику», манипулируя и используя в своих целях, а не в целях общества их интересы;

5) нравственно-правовой конформизм, когда человек, смотря на общество и его поведения, может сформировать в себе такие морально-этические установки, в результате которых будет действовать как все.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что каждый человек имеет свои интересы, идеи и мышление, благодаря которым может быть солидарен с другими членами общества. Чем более полно закон будет отражать интересы личности и общества в целом, тем результативнее будет решаться проблема эффективной реализации права, поскольку субъект правоотношений будет иметь личную заинтересованность в правомерном поведении. Считаем, что правовые предписания, которые будут приниматься, без учета социально-психологических особенностей общества могут стать причиной возникновения у личности, социальных групп и общества, негативных идейно-психологических форм сознания, одним из которых является деформация правосознания.

Библиографический список

1. Теория государства и права : учебник / Кулапов В. Л. Саратов : ГОУ ВПО «Саратовская академия права», 2011. 486 с.

2. Теория государства и права : пособие / Е. А. Зорченко, Н. А. Полящук, Н. М. Юрашевич ; под общ. ред. Н. М. Юрашевич. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. 308 с.

3. Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н., Иванова Ю. А. Понятие «Правовой менталитет» в работах отечественных ученых // Вестник Московского университета МВД России / Юридические науки. 2018. № 2 // Научно-электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravovoy-mentalitet-v-rabotah-otchestvennyh-uchenyh/viewer> (дата обращения: 22.11.2019).

4. Кожевина М. А. Критерии эффективности правотворчества в контексте интегративного подхода к правопониманию // Юридическая техника. 2012. № 6 // Научно-электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-effektivnosti-pravotvorchestva-v-kontekste-integrativnogo-podhoda-k-pravoponimaniyu/viewer> (дата обращения: 23.11.2019).

УДК 347.5

Соколов Александр Михайлович,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
samsokolov1@gmail.com

Проблемные аспекты понятий драгоценных металлов и драгоценных камней в российском законодательстве

Статья раскрывает содержание понятий «драгоценные металлы» и «драгоценные камни» в рамках проблемы совершенствования современного российского законодательства. Проанализировано текущее состояние дефиниций, закрепленных в федеральном законе «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», даны рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова: драгоценные металлы, драгоценные камни, ценности, понятия.

Sokolov Alexander Mikhailovich,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

The main issues of concepts of precious metals and gemstones in russian legislation

The article is devoted to the terms “precious metals” and “gemstones” in russian legislation, that may help in future development of Russian legal system. Current state of the terms in russian federal law devoted to precious metals and gemstones was analyzed and the recommendations on future development of them were given.

Keywords: precious metals, gemstones, terms.

Современное российское законодательство в сфере оборота драгоценных металлов и камней, имея в качестве основы специальный Федеральный закон №41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [2] (далее по тексту – Федеральный закон № 41-ФЗ), справедливо критикуется теоретиками и практиками [6, с. 49, 7] юридической науки в части определения основных понятий, закрепленных в указанном законе.

Содержание терминов «драгоценные металлы» и «драгоценные камни» определяет предмет правового регулирования. Точное и однозначное их понимание служит важнейшим ориентиром для восприятия смысла иных правовых конструкций, предусмотренных законодательством, поскольку последние вводят множество ограничений и обязанностей для участников оборота драгоценных металлов и камней.

Федеральный закон № 41-ФЗ под драгоценными металлами понимает золото, серебро, платину и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий).

Приведенный термин по своей сути является номинальным. С позиции законодателя такой подход может быть признан оправданным, так как он является традиционным для российского законодательства. Однако, с точки зрения общей теории государства и права, истинно научное определение должно базироваться на выявленных существенных признаках и свойствах предмета или явления [14, с. 292–293].

Эта позиция нашла косвенное подтверждение и в судебной практике. Так, в абз. 3 п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.12.2007 № 64 указано [5], что вывод о наличии в добытом минеральном сырье полезного ископаемого может быть сделан только в случае, если в названном сырье содержится продукция, характеризующаяся определенными физическими свойствами (иными существенными природными свойствами) и (или) химическим составом.

В науке отсутствует единый подход к общему перечню признаков, определяющих понятие драгоценных металлов. На наш взгляд, это обусловлено отсутствием комплексных исследований института регулирования оборота ценностей. Существующие исследования, фокусируются на финансово-правовом, гражданско-правовом и других аспектах классификации, выделяют свои специфические признаки, которые условно можно разделить на две основные группы: физико-химические и экономические.

Так среди физико-химических свойств обычно называют высокую химическую стойкость, тугоплавкость, высокую тепло- и электропроводность, металлический блеск, пластичность.

Исследователи финансово-правовой стороны вопроса справедливо отмечают, что при характеристике признаков драгоценных металлов большое значение имеют их экономические свойства, к которым относятся возможность использования этих объектов, как всеобщей меры стоимости, всеобщего эквивалента [8, с. 22], а также редкую встречаемость и трудность добычи указанных металлов, в том числе и в технологическом плане [9, с. 96].

Таким образом, можно дать следующее понятие драгоценных металлов – это сложнодобываемые благородные металлы, обладающие определенными физико-химическими характеристиками (высокая тепло- и электропроводность, пластичность, тугоплавкость и др.), в силу традиций и экономических причин имеющие высокую рыночную стоимость.

Более активной критике подвергается содержание понятия драгоценных камней [8, с. 5–8, 13]. Законодатель, формулируя его в ст. 1 Федерального закона № 41-ФЗ, пошел по аналогичному с драгоценными металлами пути, дав их исчерпывающий перечень. Так к драгоценным камням относятся природные минералы: алмазы, изумруды (разновидность берилла), рубины, сапфиры (разновидности корунда), александрит (разновидность хризоберилла) и два органических вещества – жемчуг и уникальные янтарные образования.

По мнению критиков термина, его применение неудачно в первую очередь в связи с тем, что в группу драгоценных «камней» сведены минералы и

органические образования, не являющиеся камнями [9, с. 7; 13, с. 116]. Помимо этого дефиниция не является корректной с точки зрения геммологии, которая, например, считает драгоценной только синюю разновидность сапфира. Указанный термин не содержит также универсальных критериев отнесения веществ к драгоценным камням и (или) других их классификационных признаков.

Отсутствие единой общепризнанной классификации «благородных» природных минералов в России порождает проблему идентификации драгоценных камней участниками их оборота. Концепция принятия технических регламентов на каждый из видов упомянутых законом драгоценных камней, предусмотренная Федеральным законом «О техническом регулировании» [3], не привела к ощутимым результатам (введены только ГОСТы на алмазы и изделия из них). В практике идентификации драгоценных камней, кроме указанных стандартов, применяются технические условия (ТУ) Гохрана России и стандарты организаций (СТО), применяемые на основе принципа добровольности.

Указанная выше законодательная концепция не соответствует международной практике, где система технических регламентов на камни не используется в принципе (исключение составляют алмазы с особым вниманием к ним в рамках Кимберлийского процесса (Kimberley Process Certification Scheme)).

Все вышесказанное может порождать весьма любопытные примеры в правоприменительной практике. Так было возбуждено уголовное дело в отношении лица, пытавшегося реализовать необработанный корунд под видом рубина с поддельным геммологическим заключением. Его действия были квалифицированы как мошенничество. Однако корунд и рубин по своему химическому составу являются одним и тем же минералом, а геммологическое заключение, в отличие от государственного сертификата соответствия, может базироваться на любой классификации драгоценных камней и учитывая сложившиеся подходы в рамках определенной геммологической школы, корунд мог быть классифицирован как рубин. Таким образом, в действиях лица отсутствовал важнейший элемент состава преступления – обман [10].

Другой проблемой рассматриваемой дефиниции является ее объем. Определяя такой перечень камней, законодатель явно стремился к тому, чтобы, прежде всего, закрепить статус драгоценных за теми камнями, месторождения которых расположены на территории Российской Федерации. При этом в международной практике существует ряд драгоценных камней, которые при должном качестве имеют более высокую стоимость, чем рубины, сапфиры и изумруды (например, танзаниты, демантоиды, турмалины, топазы) [7, с. 8]. Такие камни свободно вывозятся с территории Российской Федерации и реализуются за рубежом как драгоценные. При этом государство теряет часть налоговых и других поступлений в бюджет и контроль оборота таких минералов.

Решить данную проблему призван курс, взятый Министерством финансов РФ [12], на сближение российского законодательства со стандартами Международной конфедерации по ювелирным камням, изделиям из серебра, алмазам и жемчугу (СIBJO), закрепленных в так называемых «Голубых книгах» («Blue Books»). Они предусматривают порядка 150 наименований природных камней, которые при высоком качестве признаются драгоценными. Не смотря на пер-

спективность подобного реформирования, конкретных шагов по имплементации стандартов на данный момент предпринято не было.

Определенной проблемой в рассматриваемой сфере является массовое присутствие в рыночном обороте искусственных (полученных в лабораторных условиях и по своему химическому составу идентичных природным) камней и облагороженных (восстановленных с помощью различных процессов, изменяющих их свойства, отличных от огранки или полировки) природных камней, которые не могут быть отнесены на практике к драгоценным по смыслу, придаваемому этому термину Федеральным законом № 41-ФЗ (исключительно природные минералы и органические образования).

В связи с применением к ним методов облагораживания, а также отсутствием в законодательстве понятия «облагороженного драгоценного камня», в науке поднимается вопрос о правовом статусе таких минералов. Считаем необходимым согласиться с мнением юристов С. Л. Никоновича [6, с. 49], Д. О. Шнигера [13, с. 119–120] и экспертов Геммологического центра МГУ им. М. В. Ломоносова [11] в том, что восстановленные природные камни не должны подчиняться правовому режиму драгоценных природных минералов. Не применим к ним и режим искусственных камней, так как при этом сохраняются все свойства природного камня, доводимого до ювелирного качества.

Современные нормативные документы, регламентирующие торговлю ювелирными изделиями, не обязывают продавца заявлять о том, что камень является облагороженным. Вместе с тем, согласно ст. 10 Закона РФ «О защите прав потребителей» [1] продавец обязан предоставлять необходимую и достоверную информацию о товарах, обеспечивающую возможность их выбора.

В связи с этим, представляется актуальным внесение изменений в п. 64 Постановления Правительства РФ № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров...» [4] путем введения дополнительного абзаца следующего содержания: «При использовании в качестве вставок облагороженных драгоценных камней на ярлыках должна быть указана информация об этом». Такая практика реализуется в зарубежных государствах, например во Франции.

Таким образом, некоторые из рассмотренных нами проблем можно решить в рамках действующего российского законодательства, однако мы считаем, что будущее регулирования российского оборота ценностей состоит в его сближении с общемировой практикой и основными тенденциями развития права в рассматриваемой нами сфере.

Библиографический список

1. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 18.03.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15, ст. 766.
2. Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (ред. от 23.05.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13, ст. 1463.

3. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 52 (ч. 1), ст. 5140.

4. Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» (ред. от 30.05.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.06.2018) // Российская газета. 1998. № 21.

5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.12.2007 № 64 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Налогового кодекса Российской Федерации о налоге на добычу полезных ископаемых, налоговая база по которым определяется исходя из их стоимости» // Вестник ВАС РФ. 2008. № 1, январь.

6. Никонович С. Л. Теория и практика расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Липецк, 2015. 436 с.

7. Шнигер Д. О. Драгоценные камни и драгоценные металлы как объекты гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2013. 28 с.

8. Янкевич С. В. Правовое регулирование обращения драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации (финансово-правовые аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04. М., 2015. 29 с.

9. Комментарий к Федеральному закону от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». / Л.Л. Арзуманова, А.В. Лаптева, Д.О. Шнигер, М.А. Беляев, С.А. Слесарев // Справочно-правовая система «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/77579652/>, доступ в коммерческой версии, (дата обращения: 10.03.2019).

10. Идеальный комментарий нелепости российского отраслевого законодательства // Рынок самоцветов. 2007. № 2. С. 12.

11. Как распознавать облагороженные камни // Офиц. сайт Геммологического центра Геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <https://www.gem-center.ru/diag-oblagorj-gem.htm>, доступ свободный (дата обращения: 24.03.2019).

12. Приветственное слово Министра финансов А. Г. Силуанова на Конгрессе Всемирной Ювелирной конфедерации СИБЮ // Офиц. сайт Министерства Финансов Российской Федерации URL: https://www.minfin.ru/ru/press-center/?id_4=32911, доступ свободный, (дата обращения: 24.03.2019).

13. Шнигер Д.О. Критика определения понятия драгоценных камней по российскому законодательству // Журнал российского права. 2011. № 12(180). С. 112–121.

14. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 464 с.

УДК 342.565.2

Хома Никита Романович,

Северо-Кавказский филиал ФГБЮУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар, Российская Федерация
nikitos.homa@gmail.com

Становление и эволюция конституционного правосудия в истории российского права

В статье предпринята первая попытка осмысления генезиса российского института конституционного правосудия, выявления организационно-правовой специфики органов конституционного контроля и надзора на основных периодах развития российского общества, особенно на этапе судебного конституционного надзора Верховного суда СССР (1924–1933) и стадии парламентского конституционного контроля (1936–1987), анализа политико-правовых идей о необходимости создания и развития самостоятельного органа конституционного контроля.

Ключевые слова: конституционное правосудие, конституционный контроль, конституционный надзор, нормативно-правовые акты, конституция.

Khoma Nikita Romanovich,

North Caucasian branch of the federal state budgetary education of higher education “Russian State University of Justice”,
Krasnodar, Russian Federation

The formation and evolution of constitutional justice in Russia

The article makes the first attempt to comprehend the genesis of the Russian institute of constitutional justice, to identify the organizational and legal specifics of the bodies of constitutional control and supervision at the main periods of development of Russian society, especially at the stage of judicial constitutional review of the Supreme Court of the USSR (1924–1933) and the stage of parliamentary constitutional control (1936–1987), analysis of political and legal ideas about the need to create and develop an independent body of constitutional control.

Keywords: constitutional justice, constitutional review, constitutional supervision, regulatory legal acts, constitution.

Вопрос о деятельности Конституционного суда спустя многие годы до сих пор является актуальным, так как в современных условиях с быстроме-

няющейся законодательной базой, активным развитием общественных отношений нормальное стабильное существование правового демократического государства невозможно без органа конституционного правосудия, ведь именно Конституция РФ является базисным регулятором всех сфер общественной жизни.

Цель исследования: выявить истоки формирования конституционного правосудия, качественные изменения данного института на переломных этапах его эволюции, выяснить, чем поучителен опыт функционирования предыдущих форм конституционного контроля в России.

В монархической России органа конституционного контроля не существовало. Однако выдвигались конституционные идеи, проекты, касающиеся органов государственной власти, обладающих теми же функциями, что и современный Конституционный Суд.

Идея конституционного контроля в России была обозначена еще в 1767 году Екатериной II в Наказе. Она отмечала, что «надобно иметь хранилище законов», уточняя, что «в России Сенат есть хранилище законов» [5, с. 5]. Свое дальнейшее совершенствование идеи конституционного контроля получили в 1808 году в подготовленных графом М. М. Сперанским проектах конституции [10]. Также в Русской правде П. И. Пестеля данные идеи нашли свое отражение [7, т. 2, с. 162]. Похожие идеи имел участник Южного общества М. П. Бестужев-Рюмин [7, т. 2 с. 243]. В вышеперечисленных проектах предлагалось наделение государственного органа полномочием разрешения дел о соответствии основному закону государства. Кроме того, Сперанский один из немногих говорил о толковании «уставов и учреждений», таким полномочием он наделял Государственный совет [9, с.114]. В проектах Конституции Н. М. Муравьева прослеживается институт импичмента. Он писал, что судебное разбирательство по делу импичмента осуществляется Верховной думой [7, т. 1, с. 310]. Новое направление конституционного контроля изложил в начале 60-х годов XIX века П. В. Долгоруков. Он предлагал наделить Боярскую думу функцией арбитра в спорах между правительством и Земской думой [6, с.80]. Многие ученые правоведы, такие как: Н. И. Лазаревский, С. А. Котляревский, В. Н. Дурденевский, М. А. Рейснер, анализировали уже существующие модели конституционного правосудия. Развитие их идей возможно было на основе появления в проекте Конституции 1917 году, главы «Судебная гарантия Российской Конституции». Однако пришедшие к власти большевики отвергли все возможные идеи конституционного правосудия.

Следующим периодом является действие в России конституции. В начале января 1918 года народный комиссар юстиции П.И. Стучка в статье «Старый новый суд» заявил, что «находим лишним существование ...единого толкователя законов и ...будем бороться против учреждения суда типа американского, уполномоченного судить даже о конституционности законодательных актов». На основе этого заявления и текста Конституции РСФСР 1918 года мы пришли к выводу, что Конституционный контроль был попросту не нужен, так как Конституция была принята советами в их же интересах.

Но правительство нашло оптимальный выход. Согласно Конституции СССР 1924 года Верховный суд выполнял функции конституционного надзора, так как его полномочия носили больше консультативный характер. По этому поводу видный советский юрист – В. П. Антонов-Саратовский – отмечал, что «Верхсуд Союза вовсе не представляет собой какой-то формы разделения властей, а есть орган ЦИКа Союза, выполняющий функции Союза» [8, с. 7]. Это очень важное замечание, определяющее положение Верховного суда, отражающееся на эффективности конституционного надзора. Из функций конституционного надзора ему были присущи решения: 1) о законности тех или иных постановлений государственных органов с точки зрения Конституции СССР; 2) о приостановлении и отмене постановлений центральных органов Союза несогласованных с Конституцией СССР. Но не все так хорошо, как может показаться на первый взгляд. Что касается первой функции, то Верховный суд не мог начать данное разбирательство по собственной инициативе и его решение носило лишь консультативный характер для Президиума ЦИК СССР. А вот во второй функции присутствует очень показательный момент, хоть он и мог возбуждать данные дела по собственной инициативе, но в списке центральных органов есть исключение: ЦИК СССР и его Президиум. Мы считаем, что такое устройство работы Верховного суда СССР не могло принести большой пользы в сфере конституционного надзора, ведь последнее слово в рассмотрении дел о неконституционности нормативно-правовых актов оставалось за высшим органом власти СССР (ЦИК СССР), и он так же имел «иммунитет» против нормоконтроля со стороны Верховного суда СССР. Такое устройство работы органа следящего за соблюдением конституции в форме лишь надзора и большие полномочия центральных органов в этом механизме могут привести к злоупотреблению власти со стороны правительства. Мы считаем, что это необходимо учесть и не допустить в будущем.

Подводя итог, можно отметить, что на протяжении данного этапа конституционный надзор осуществлялся очень спорно, во-первых, не существовало специального органа, имеющего только такие полномочия. Во-вторых, органы, следящие за конституционностью, носили консультативный характер. В-третьих, в данной сфере не был предусмотрен контроль за соблюдением конституционных прав личности в судопроизводстве. Это было обусловлено жестким режимом и гибкостью Конституции.

Следующим этапом является попытки создать отдельный орган конституционного контроля. Опыт прошлых лет показал необходимость создания дополнительных конституционных гарантий от рецидивов злоупотребления властью и защиты прав личности. Наконец, первые упоминания о создании отдельного органа конституционного контроля стали появляться в 60-х годах XX века, поступали предложения создать Коллегию по конституционному надзору, но она была бы подчинена Верховному Совету СССР [1]. Важно учесть, что идей о рассмотрении дел о конституционности правоприменительной практики почти не было. Но в это время существовала особая форма общественного конституционного надзора, а именно диссидентское движение, направленное на восстановление прав личности, прописанных в Конституции. Но со временем

данное движение стало неэффективным из-за отсутствия поддержки со стороны власти. Это показывало негодование в обществе. Этап практического создания отдельных специальных органов конституционного правосудия в нашей стране связан с перестройкой, начавшейся в 1985 г. Уже в 1988 году был создан Комитет конституционного надзора СССР. Это был прогресс в истории конституционного контроля и надзора в России. Во-первых, в его деятельности прослеживалась независимость, ведь лица, находящиеся в Комитете, не могли занимать других государственных должностей и подчинялись только закону. Во-вторых, он мог почти все свои функции выполнять по собственной инициативе, также имел право приостановить действие актов государственных органов, противоречащих Конституции СССР [3]. Но впоследствии к 1990 году данный орган стал выполнять почти все свои полномочия по поручению Съезда народных депутатов СССР [2]. Коренных изменений в истории конституционного судопроизводства удалось достичь в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, благодаря законодательному закреплению разделения властей. На ее территории появился Конституционный Суд, который был независим от верховной власти. Это позволило начать создание современного Конституционного Суда России. Используя опыт прошлых лет, очевидно были сделаны выводы, благодаря которым были введены такие основания для начала рассмотрения вопроса конституционности, как обращения граждан. Кроме того, в список функций конституционного контроля были внесены, такие функции как, рассмотрение дел о конституционности правоприменительной практики [4]. Но был и негативный аспект, Конституционный Суд был наделен слишком большим кругом полномочий, которые позволяли влиять ему на политическую обстановку в государстве, поэтому впоследствии он был лишен таких функций, и на данный момент он решает исключительно вопросы права.

В настоящее время выделяется несколько проблем правового регулирования деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Одной из них является снижение его независимости, выраженное в отсутствии права по собственной инициативе осуществлять проверку правового акта на конституционность. С одной стороны, это ограничивает произвол в лице данного органа, но с другой, приводит к таким последствиям, как нарушение конституционных прав граждан, ведь начать дело он может только после применения данного акта или обращения уполномоченных на то государственных органов. Следует разделить мнение ряда конституционалистов о целесообразности наделения Конституционного Суда Российской Федерации правом по собственной инициативе проверять правовые акты на соответствие Конституции Российской Федерации, как это было предусмотрено еще в 1988 году в Законе РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» в полномочиях Комитета конституционного надзора.

И в заключении хотелось бы отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации – это важный шаг на пути становления и развития правового демократического государства в России. Именно этот институт призван укреплять в гражданах уверенность в непоколебимости и гарантии своих конституционных прав.

Библиографический список

1. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923) (утратил силу) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 150. 07.07. 1923 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» (пост. СНК СССР 26.12.1990)(утратил силу) // сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185465/> (дата обращения: 04.11.2019).
3. Закон СССР от 1 декабря 1988 г. N 9853-ХІ «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» (утратил силу) // сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185466/> (дата обращения: 02.11.2019).
4. Закон РСФСР от 06.05.1991 «О Конституционном Суде РСФСР» (пост. ВС РСФСР 06.05. 1991) (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 19, ст. 621.
5. Екатерина II (имп.). Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907.
6. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.) / Н. Я. Куприц. – М. : Изд-во МГУ, 1980.
7. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов / под ред. Щипанов И. Я. М. : Гос. изд-во полит лит., 1951.
8. Митюков М. А. О конкретных теоретических аспектах судебного конституционного надзора в СССР (1924–1933 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. С. 7–16.
9. Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М. : Русская мысль, 1905.
10. Плиев Н. Р. Основные этапы возникновения и развития института конституционного правосудия Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-vozniknoveniya-i-razvitiya-instituta-konstitutsionnogo-pravosudiya-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 02.11.2019).

СЕКЦИЯ 2

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 342.7

Гамзатов Руслан Гамзатович,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
senior-gamzatoff@yandex.ru

Актуальные вопросы при реализации права на судебную защиту гражданина от неправомерных действий и решений государственных органов и должностных лиц

Рассмотрены актуальные вопросы при реализации права на судебную защиту гражданина от неправомерных действий и решений ГОСУ. Приведены основные понятия, формы реализации судебной защиты. Сформулирован вывод о необходимости судебной защиты при реализации права от неправомерных действий.

***Ключевые слова:** Право на защиту, реализация, обжалования судебных актов, права и свободы; принципы, правосудие.*

Gamzatov Ruslan Gamzatovich,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Topical issues in the implementation of the right to judicial protection of a citizen against illegal actions and decisions of the state bodies and officials

Actual issues are considered in the exercise of the right to judicial protection of a citizen from unlawful actions and decisions of the State Civil Law Administration. The basic concepts, forms of implementation of judicial protection are given. The conclusion is drawn about the need for judicial protection in the exercise of the right against unlawful actions.

***Keywords:** the right to defense, implementation, appeal of judicial acts, rights and freedoms; principles, justice.*

В условиях демократии право на защиту жизни, здоровья, свободы, собственности и других благ является наиболее важным, естественным и неотъемлемым правом гражданина. Государство формулирует на защиту, устанавлива-

ет количество, условия реализации, обязанность государственных органов и должностных лиц проверять и принимать средства правовой защиты в определенное время, и все это регулируется законом. В демократическом государстве образование и порядок работы правоохранительных органов крупнейшей, наиболее активной и мощной подсистемы государственного аппарата четко регулированы правовыми нормами.

Основной принцип признания человека, его жизни, его прав и свобод высшими ценностями государства, провозглашенными в Конституции Российской Федерации, не является абстрактно-декларативным, а имеет весьма конкретное содержание, предполагающее такую защиту человеческих и гражданских прав и свобод в конституционном и международном отношениях является юридическим обязательством государства.

Конституция Российской Федерации, которая провозгласила Россию демократическим государством, регулируемым законом (часть I, статья 1), провозгласила права и свободы людей и граждан как высшую ценность, которую придает судебная власть (статья 18), и придает государству обязательство признавать, уважать и защищать свои права и свободы (статья 2). Реализация этих положений обеспечивается государственной гарантией (часть 1 статьи 45), в том числе судебной (часть 1 статьи 46), защитой прав и свобод человека и гражданина. Каждый человек имеет право защищать свои интересы любыми способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45), и предавать суду решения и действия (бездействие).

Реформа судебной системы, осуществляемая с этой целью в Российской Федерации, была направлена на расширение сферы правовой защиты личности и создание условий для усиления роли и значения судебной защиты. Власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и государственные служащие (часть 2 статьи 46) обращаются к межправительственным органам за защитой прав и свобод человека, когда имеющиеся внутренние средства правовой защиты исчерпаны (часть 3 статьи 46).

Термин «правовая защита» используется по-разному как в законодательстве, так и в научной литературе. В законодательстве термин «защита» обычно довольно абстрактен и относится к способности государства и его субъектов защищать определенные права, которые еще не были нарушены. Права человека имеют важные характеристики, которые могут быть последовательно и полностью реализованы только в том случае, если в системе присутствуют определенные гарантийные факторы, в которых государство играет ключевую роль.

В. М. Капицын считает, что «защита прав» включает меры по восстановлению пострадавших и компенсации физического, морального, материального и профессионального вреда [5, с. 12].

З. В. Попов включает в понятие «защита прав» механизм обеспечения прав человека, предоставляемый государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями и частными лицами [3, с. 17]. «Защита прав» достаточно широкое понятие.

Юрисдикция судов возросла, особенно в области защиты прав и законных интересов граждан. В судебной системе страны создан Конституционный Суд

Российской Федерации, появилась подсистема арбитражных судов, которая работает над созданием института мировых судей. Судебный процесс претерпел серьезные изменения в контексте укрепления демократических принципов правосудия.

Российское законодательство о судебной защите характеризовалось в последние годы расширением юрисдикции судов для урегулирования споров о нарушении или незаконном ограничении личных прав, преодолевая многие искусственно созданные препятствия для эффективного осуществления этой деятельности.

Право на судебную защиту является одним из конституционных прав человека и, в отличие от всех других прав, чрезвычайно важной предпосылкой защиты и элементом обеспечения всех других прав человека. Право на судебную защиту обеспечивает реализацию прав и свобод граждан, пострадавших от преступлений и злоупотреблений властью. Государство предоставляет доступ к правосудию и компенсациям (ст. 52 Конституции Российской Федерации, 53 Конституции Российской Федерации). В контексте судебной защиты реализуется право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48 Конституции Российской Федерации), на обжалование незаконных действий и решений государственных органов и должностных лиц (часть вторая статьи 46 Конституции Российской Федерации). Поэтому судебную защиту следует рассматривать как институт, который включает в себя все вышеупомянутые правовые нормы. Только в целом они обеспечивают гарантию судебной защиты прав и свобод человека. Если человек обращается в суд для защиты, он может реализовать свое право на правовую защиту [1, с. 4].

В науке судебную защиту рассматривают как институт конституционного права, как общественное отношение и государственную функцию. Право на судебную защиту содержится во всех видах судопроизводства, каковыми являются конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство. Все права и свободы подлежат судебной защите, независимо от документа, в котором они установлены – в Конституции, отраслевых законах, других государственных или местных законах.

Рассматривая правосудие, как средство обеспечения реализации прав и законных интересов участников, в вопросах урегулирования судебных процессов, а также при рассмотрении жалоб и протестов против незаконных действий государственных органов и государственных служащих, следует иметь в виду, что судебные разбирательства, связанные с конфликтами, являются более субъективными.

Суды общей юрисдикции играют ведущую роль в обеспечении права на судебную защиту [4, с. 17].

Считаю, что существующая, к примеру, процедура обжалования в суде первой инстанции действительно не лишена серьезных недостатков и требует корректировок, в частности, в отношении расширения прав сторон на защиту своих интересов и прав вышестоящего суда на рассмотрение и урегулирование дела. Предлагаемое введение французского апелляционного и кассационного суда – это не единственный способ достижения поставленных целей. Учитывая

существующую судебную систему и трудности с финансированием судов, это решение можно считать спорным.

В ситуации, когда стороны не могут самостоятельно прийти к компромиссу и прийти к мировому соглашению, стороны могут использовать свое конституционное право на правовую защиту своих интересов (часть первая статьи 46 Конституции Российской Федерации). Практическая реализация этого права напрямую связана с таким решающим фактором, как доступность правосудия [2, с. 3].

Реализация закона означает реализацию, реализацию требований правовых норм в жизни путем законного выполнения тем общественных отношений (организаций, государственных служащих, государственных органов и граждан).

Реализация законов всегда связана только с законным поведением, то есть уместно такое поведение, которое соответствует требованиям законодательства. В одном случае это активные позитивные действия – использование закона или выполнение обязательства, в другом случае это касается бездействия субъектов – отказ от незаконных действий.

Правовые нормы реализуются в различных формах. Это связано с таким рядом обстоятельств, как положение той или иной компании в общеправовой системе, ее отношение к правовым требованиям, формой внешнего проявления законного поведения.

В практике Конституционного Суда были разработаны подходы для определения системы гарантий права на судебную защиту, которая позволила бы полностью ее реализовать. Эти гарантии включают в себя – доступность правосудия, требование рассматривать дела без ущерба, полностью, всесторонне и объективно с помощью юридически определенного, но не произвольного состава суда, соблюдение правил юрисдикции, наличие института судебного представительства, обеспечение взаимных и равных прав сторон, включая предоставление сторонам достаточных процессуальных полномочий для защиты их интересов при совершении всех процессуальных действий, рассматривать дело в случае юридической ошибки вышестоящим судом и так далее. Это далеко не полный перечень правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, которые толкуют различные аспекты содержания права на правовую защиту. В литературе описана классификация стандартов по применению законов.

В зависимости от субъективной композиции проводится различие между индивидуальной и коллективной формами реализации. Некоторые юридические требования могут быть реализованы только путем слияния коллективного юридического лица. Характер действий субъектов различает степень их активности и направленность, соответствие, исполнение, использование и применение [6, с. 49].

Соблюдение верховенства закона – это когда субъекты воздерживаются от запрещенных действий. Это пассивная форма поведения субъектов в сфере нормативного регулирования. В большинстве случаев соблюдение закона неза-

метно, обычно не уточняется. Поэтому его правовая природа не ясна. В этой форме, запрещающие нормы осуществляются.

Применение верховенства закона – если субъекты по своему усмотрению используют права, предоставленные им по их воле. В отличие от соблюдения и обеспечения соблюдения запретов и правовых обязательств, использование является совершением законных действий.

Эти формы реализации, в которых правовые нормы непосредственно реализуются действиями, обычно называются формами прямой реализации закона.

Реализация права на судебную защиту во многом зависит от надлежащего правового механизма. Поэтому законодательство, регулирующее судебную защиту субъективных прав граждан и организаций, на основе Конституции значительно расширяется и совершенствуется. Во всех законах, принятых в последнее время, предусматривается право обращения в суд (общий или арбитражный) за защитой субъективных прав и законных интересов.

Возможность неограниченного использования судебной защиты гражданами своих прав и свобод от неправомерных действий и решений ГОСУ является признаком демократического общества, воплощения принципов верховенства права в общественной и государственной жизни.

Правовые гарантии – система правовых норм, регулирующих условия и порядок осуществления гражданских свобод и их защиты. Одним из ведущих органов в этой системе являются конституционные нормы, которые гарантируют, например, права и законные интересы граждан, предоставляя им право – возражать против решений и действий органов государственной власти, местных органов власти, общественных объединений и государственных служащих, прибегать к судебной защите от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и собственность, а так же возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями корпораций или должностных лиц.

Для реализации права на обращение за судебной защитой заинтересованному лицу следует лишь в рамках той же гражданской процессуальной формы подать заявление в надлежащий суд. Вопросы возникающие при реализации права на судебную защиту гражданина от неправомерных действий и решений ГОСУ решаются согласно законодательства.

Любой гражданин имеет право подать жалобу в суд, если он считает, что его или ее права и свободы были нарушены незаконными действиями или решениями органов государственной власти, органов местного самоуправления, учреждений, компаний и их объединений, общественных объединений или должностных лиц. Суды контролируют законность действий и восстанавливают нарушенные права.

Работа прокуратуры так же направлена на укрепление правопорядка и имеет задачу защиты социально-экономических, политических и личных прав граждан, провозглашенных и гарантированных в конституции, федеральном законе и других законах, от любого вмешательства.

Общественные объединения играют важную роль в защите прав и свобод граждан, а так же профессиональные объединения и другие общественные организации. Осуществление защиты прав гражданами обычно осуществляется

в определенных процессуальных и правовых формах. Эти формы определяются правовыми актами, устанавливающими порядок реализации прав человека.

Судебную защиту следует рассматривать как институт. Право обвиняемого на защиту состоит из набора процессуальных прав, предоставленных законом ответчику, его защитнику и его законным представителям, как для установления невиновности лиц или обстоятельств, которые снижают его ответственность, так и для защиты его других законных интересов – чести, достоинства, жизни, здоровья, личной свободы и собственности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.11.2019).

2. Закон РФ от 27.04.1993 № 4866-1 (ред. от 09.02.2009) «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (утратил силу). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1889/ (дата обращения: 02.11.2019).

3. Баранова С. Г. Конституционное право человека и гражданина на правовую защиту. М. : Прима-Пресс-М, 2015. 123 с.

4. Бобвич Б. Б. Правовая система и личность. М. : Весь мир, 2015. 285 с.

5. Ведяхин В. М., Шубина Т. Б. Защита права как правовая категория. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 236с.

6. Капицын В. М. Права человека и механизмы их защиты. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2014. 336 с.

УДК 340/004.83

Кукушка Иван Александрович,

студент, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ivan-kukushka@mail.ru

Использование технологий искусственного интеллекта в государственном строительстве

В статье рассмотрены основы использования технологий искусственного интеллекта в сфере государственного управления, как одного из наиболее перспективных направлений в государственном строительстве. Отмечается, что интеграция искусственного интеллекта в государственное управление может оказать позитивное влияние на дальнейшее прогрессивное развитие

как государственных учреждений, так и государственности в целом. Также в статье рассматриваются практические примеры по внедрению технологий искусственного интеллекта, как на территории современной России, так и в европейских и азиатских передовых государствах на основе заимствования позитивного опыта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государство, информационные технологии, государственное строительство.

Kukushka Ivan Aleksandrovich,

Rostov Institute (branch) of the all-Russian state University of justice,
Rostov-on-don, Russian Federation

The use of artificial intelligence technologies in public construction

The article discusses the basics of the use of artificial intelligence technologies in public administration, as one of the most promising areas in state building. It is noted that the integration of artificial intelligence in public administration can have a positive impact on the further progressive development of both state institutions and statehood as a whole. The article also discusses practical examples of the implementation of artificial intelligence technologies, both in modern Russia and in European and Asian advanced countries based on the adoption of positive experience.

Keywords: artificial intelligence, state, information technology, state building.

Искусственный интеллект (ИИ) стал неотъемлемой частью в жизни современного человека. Стоит отметить, что ИИ может прийти на помощь не только людям с их повседневными задачами, но также представляет возможности по его активному внедрению в процессы, связанные с государственным управлением, координацией деятельности государственных служащих, защиты государства как от внутренних, так и от внешних угроз. Однако в системе применения искусственного интеллекта Россия все еще незначительно проигрывает другим государствам. При этом, уже осуществляются активные попытки перехода от заимствованного зарубежного стандарта искусственного интеллекта к отечественному и преломлению негативных тенденций. Поэтому крайне важно, в современных условиях принять эффективные меры по его разработке и дальнейшему развитию отечественных технологий искусственного интеллекта и их скорейшего внедрения в государственное строительство.

Искусственный интеллект представляет собой способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота выполнять задачи, обычно связанные с разумными существами [8]. Простыми словами можно сказать, что искусственный интеллект задумывался людьми, так как некое подобие самих себя, но при этом исключать ошибки, которые может совершить человек в повседневной жизни.

В развитии технологий и дальнейшего использования искусственного интеллекта в современных условиях немаловажное значение приобретает соот-

ветствующая нормативная база и программа действий. В частности, совсем недавно, 10 октября 2019 года, президентом Российской Федерации была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта [6]. Ключевой целью реализации Стратегии определено – создание условий для эффективного взаимодействия по линии «государство-гражданин», что в итоге позволит российским технологиям искусственного интеллекта занять лидерские позиции на мировом рынке. При этом у РФ есть значительный потенциал, чтобы стать одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий искусственного интеллекта. Данные возможности необходимо всецело использовать и в управлении делами государства, а также в повышении эффективности борьбы и предупреждения преступности. Этому может поспособствовать как высокий уровень базового физико-математического образования, так и сильная естественно-научная школа, наличие компетенций в области моделирования и программирования, в том числе в сфере информационных технологий.

Стоит отметить, что Россия входит в десятку стран – лидеров по количеству научных публикаций по физике, математике и химии. Кроме того, в Российской Федерации сформировано активное и постоянно растущее сообщество специалистов по обработке данных с использованием технологий искусственного интеллекта [5], что в свою очередь способствует не только прогрессивному развитию данной сферы на внутригосударственном уровне, но и создает фундаментальную базу для становления России одной из передовых стран в сфере использования ИИ.

Стоит отметить, что в Стратегии развития информационных технологий [7] подтверждается масштаб влияния отрасли информационных технологий на развитие государства. А это в свою очередь еще раз акцентирует внимание на вопросе качества правового обеспечения индустрии информационных технологий в Российской Федерации, так как информационные технологии являются одним из основополагающих элементов дальнейшего развития и внедрения искусственного интеллекта в России [5, с. 22].

Искусственный интеллект является одним из самых перспективных и эффективных средств в организации деятельности органов государственной власти, в частности за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий, что позволяет выйти на качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности органов власти. Также внедрение ИИ в дела государства значительно облегчает работу с информацией, а также оказывает первостепенное значение в осуществлении не только текущего контроля, но и в прогнозировании развития в сфере государственного управления. Немаловажное значение являют собой технологии искусственного интеллекта и в выполнении одной из важнейших задач государственных органов – сохранении жизни и здоровья граждан, обеспечении охраны общественного порядка. Например, в г. Москва наиболее динамично вне-

дряются современные информационные технологии, в том числе с использованием основ искусственного интеллекта в сфере обеспечения безопасности граждан, выявлении правонарушителей – оснащение городских кварталов, улиц и общественных мест камерами видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. В рамках данного процесса в единую систему задействовано более 100 тысяч видео камер [4]. Именно благодаря камерам с распознаванием лица за текущий год в Москве раскрыто уже более 3-хтысяч преступлений [2].

Дальнейшее использование технологий искусственного интеллекта и его активное внедрение в системе государственного строительства сводится к созданию условий поступательного развития общества, повышения благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, значительного увеличения эффективного государственного строительства и снижения временных и финансовых издержек. Кроме того, современные информационные технологии, гарантируют высокую степень неприкосновенности и защиты территории как внутри государства, так и за его пределами [1]. То есть, ИИ позволяет обеспечивать надзор и контроль за различными сферами общественной и государственной жизни, что может способствовать активному внедрению в систему государственного управления наиболее независимых и достоверных форм мониторинга, постоянного контроля и перспектив дальнейшего развития.

Поэтому неспроста, многие исследователи отмечают, что новые сложнейшие и очень быстро возникающие и развивающиеся вызовы современности, такие, как трансформация и усложнение интернет-пространства, интенсивное развитие робототехники, технологий и искусственного интеллекта, не могут не отражаться на состоянии и развитии законодательства в самых разных сферах общественных отношений [3, с. 45]. Так, дальнейшее продвижение ИИ напрямую связано с потенциальными эволюционными преобразованиями в жизни государства, ведь именно оно является «фундаментом будущего», эффективным механизмом решения проблем и контроля текущей обстановки. Например, президент Индонезии, Джоко Видодо, заявил, что планируется замен двух (из четырех) рангов госслужащих искусственным интеллектом. Предполагается, что это может сократить бюрократию и привлечь в страну больше инвестиций, оказать положительное влияние на бюрократию страны в целом, а также сделать совершеннее и быстрее государственное управление [1]. На примере Индонезии можно судить о том что, власти отдельных государств, уже сегодня готовы к переходу на новые технологии – искусственного интеллекта, в рамках государственного строительства.

Все же стоит отметить, что для более активного внедрения искусственного интеллекта в России, в рамках государственного строительства необходимо увеличить уровень инвестиций. Кроме того, для дальнейшего эффективного внедрения искусственного интеллекта в нашей стране не хватает специалистов с бизнес-опытом, способных превращать научные разработки в успешные

и продаваемые продукты на рынке, также существуют и значительные опасения со стороны государственных служащих.

Несмотря на проблемные аспекты, Россия по-прежнему остается одной из лидирующих держав в мире с глубоким потенциалом знаний в области инженерии и разработки передовых программ по управлению государством. Стоит отметить, что эффективность внедрения ИИ в дела государства может облегчить, а также оказать позитивное влияние не только на все государство в целом, но и найти отражение в отдельных сферах деятельности. Заметим, что прогрессивные тенденции последних лет по внедрению передового оборудования нового поколения и переход на ИИ отечественного производителя, оказывает позитивное влияние не только на экономическое развитие, но и способствует технологическому прорыву, открывает широкие перспективы использования искусственного интеллекта в государственном строительстве.

Библиографический список

1. Indonesia aims to replace some top civil service jobs with AI in 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-indonesia-economy-idUSKBN1Y20AE> (дата обращения: 01.12.2019)

2. Камеры с распознаванием лиц помогли раскрыть тысячи преступлений в столице. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3206759> (дата обращения: 04.12.2019).

3. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018 45 с.

4. Москва может стать экспериментальной площадкой для разработки технологий в области искусственного интеллекта. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/14299/5685050/> (дата обращения: 30.11.2019).

5. Нестерова И. А. Правовое регулирование отношений, возникающих при использовании облачных технологий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 22 с.

6. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

7. Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.11.2013 № 2036-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 2013 г. № 46, ст. 5954

8. Что такое ИИ? URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17550-что-такое-iskusstvennyu-intellekt-ii-opredelenie-ponyatiya-prostyimi-slovami> (дата обращения: 06.11.2019).

УДК 341.231.4

Помелов Кирилл Павлович,
студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
lord-pomelov@yandex.ru

Право на благоприятную окружающую среду в России: история и перспективы развития

В данной статье рассмотрены проблемы закрепления и реализации права человека на благоприятную окружающую среду. Проанализированы стадии закрепления данного экологического права в международной и российской практике. Выявлены основные особенности содержания конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации, особенности право применения в данной сфере и определены проблемы реализации данного права на практике.

Ключевые слова: экологически права, благоприятная окружающая среда, природа, механизм правовой защиты.

Pomelov Kirill Pavlovich,
student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

The right to a favorable environment in Russia: history and development prospects

This article discusses the problems of consolidating and realizing the human right to a favorable environment. The stages of fixing this environmental law in international and Russian practice are analyzed. The main features of the content of the constitutional right of citizens to a favorable environment in the Russian Federation, features of the right to apply in this area are identified and the problems of the implementation of this right in practice are identified.

Keywords: environmental law, favorable environment, nature, legal protection mechanism.

Право на благоприятную окружающую среду является ядром системы экологических прав. Его выработка, как отдельного фундаментального права человека, произошла сравнительно недавно. Конституализация этого права в мировой практике пришлась на последнюю четверть XX века. Впервые попытка его закрепления, как неотъемлемого права человека, в международном документе была реализована на Конференции Организации Объединенных На-

ций по проблемам окружающей человека среды, проходившей в Стокгольме в 1972 году.

По итогам Конвенции была опубликована Декларация, в которой право человека на благоприятную окружающую среду было закреплено в первом Принципе в следующей формулировке: «Человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь, и несет главную ответственность за охрану и улучшение окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений» [3]. Однако изначальный вариант Принципа 1 проекта Декларации был изложен в другом виде: «Каждый имеет фундаментальное право на безопасную и здоровую окружающую среду для полного удовлетворения основных прав человека, включая право на уровень жизни, соответствующий его здоровью и благополучию». Таким образом, приняв окончательный вариант формулировки, право на благоприятную окружающую среду было закреплено не напрямую, а лишь косвенно [7].

Кроме того, существует терминологическая проблема в данной области. Само понятие «право на благоприятную окружающую среду» в современном международном праве не имеет общепризнанного определения. Согласно Терминологическому Бюллетеню ООН «Окружающая среда и развитие», опубликованному в 1992 г., в международных документах используется несколько понятий окружающей среды, которую можно считать благоприятной:

1. окружающая среда, которая способствует здоровью и благополучию людей (an environment adequate for the health and well-being of individuals);

2. здоровая, благоприятная для здоровья окружающая среда (healthy environment);

3. благоприятная окружающая среда (enabling environment);

4. здоровая, безопасная, благоприятная окружающая среда (sound, satisfactory and healthy environment) [7].

Факт наличия нескольких определений благоприятной среды говорит об отсутствии единого мнения мирового сообщества по данному вопросу. На сегодняшний день вопрос все еще остается нерешенным.

Несмотря на правовую неопределенность, государства мира постепенно стали включать в свои правовые системы право на благоприятную окружающую среду. Впервые в мире на национальном уровне оно было закреплено в Конституции Испании 1978 года. Согласно ст. 45 испанской Конституции «все имеют право на благоприятную для развития человека окружающую среду, все обязаны ее сохранять» [4]. Большое количество других стран, таких как Германия, Дания, США, Португалия, Финляндия, Южная Корея, на волне «экологизации» права, включили подобные нормы в свое законодательство в 1980–1990-х годах. В число этих государств так же входит и Российская Федерация.

Впервые в России обсуждаемое право было закреплено в ст. 29 Декларации прав и свобод человека, принятой в 1991 году Съездом народных депутатов СССР. Последующее закрепление оно нашло в ст. 42 Конституции Российской Федерации 1993 года. Согласно данной статье, «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на

возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [1]. Кроме того, согласно ст. 58 Конституции, за каждым закрепляется обязанность по сохранению природы и окружающей среды. Важной вехой в развитии права на благоприятную окружающую среду является принятие Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (далее – Федеральный закон), в котором были закреплены основные понятия и положения законодательства в данной сфере. Кроме прочего было обозначено понятие благоприятной окружающей среды, которой в законодательстве России отныне называется «окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов» [2].

Основной объем нормативно-правовых актов, регламентирующих конкретные вопросы по реализации права на благоприятную окружающую среду, составляют приказы Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (далее – Минприроды России). Кроме всего прочего, приказами установлены критерии для определения наличия и размера нанесенного вреда окружающей среде. Так, например, таковыми приказами являются приказ Минприроды России от 8 июля 2010 г. № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» и приказ Минприроды России от 13 апреля 2009 г. № 87 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства».

Законодательная конкретизация в Федеральном законе и подзаконных правовых актах права на благоприятную окружающую среду, несомненно, имеет положительное влияние на его развитие. Однако анализ законодательства дает понять, что не все элементы этого права получили правовой механизм реализации в равной степени. Если права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, приобрели черты субъективных прав, охраняются и обеспечиваются государством, то вот право на благоприятную окружающую среду в целом, как на условие для существования и стабильного развития человека и общества, не получило такого же развития [6].

В связи с этим судебная практика по защите права на благоприятную окружающую среду сложилась следующим образом. Е. Н. Абанина, анализируя практику российских судов, выделила две категории дел по защите права на благоприятную окружающую среду. Первая связана с нарушением экологического законодательства, в результате которого нарушается или может нарушаться право граждан на благоприятную окружающую среду. Вторая категория связана с экологическими правонарушениями, не влекущими за собой нарушение права на благоприятную окружающую среду [5]. В первом случае речь идет о вреде, который причиняется в данный момент, во втором случае о ситуациях, потенциально опасных для неопределенного круга лиц. Однако в любом случае судебная защита требует поиска ответчика по делу, который нарушил те или иные нормативы качества окружающей среды и, исходя из этого, речь уже идет не о нарушении права на благоприятную окружающую среду как такового,

а о нарушении тех самых нормативов. Все это приводит к тому, что граждане лишены возможности отстаивать свое конституционное право на благоприятную окружающую среду через суд в случае, если ее ухудшение вызвано не каким-то конкретным действием конкретного лица, а тенденцией развития современного общества в целом.

Исходя из всего вышеуказанного, можно сделать следующий вывод. Право человека на благоприятную окружающую среду, появилось относительно недавно и еще не получило однозначного определения в международном праве. Несмотря на это, передовые государства мира закрепили это право в своих нормативных системах на самом высоком уровне, с последующей его реализацией. В Российской Федерации данное право закреплено в Конституции и расширено в законах и подзаконных нормативно правовых актах. Проанализировав судебную практику, можно утверждать, что механизм правовой защиты права на благоприятную окружающую среду ограничен лишь узким кругом общественных отношений, выраженных, как правило, в нарушении экологического законодательства определенными лицами. Механизм же борьбы населения за благоприятную окружающую среду в целом, как систему для стабильного развития общества, в данный момент времени не функционирует.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. референдумом 12 дек. 1993 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.11.2019).

2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об охране окружающей среды». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 22.11.2019).

3. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды : принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 год. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declathenv.shtml (дата обращения: 22.11.2019).

4. Конституция Испании от 6 декабря 1978 г. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM> (дата обращения: 22.11.2019).

5. Абанина Е. Н. Защита права граждан на благоприятную окружающую среду при обращении прокурора в суд: вопросы теории и практики // Современное право. 2014. № 7. С. 39.

6. Краснова И. О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 165–175. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.105.8.165-175> (дата обращения: 22.11.2019).

7. Сучкова В. А. Место права на благоприятную окружающую среду в системе прав человека // Вестник РУДН. Сер.: Юрид. науки. 2005. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-prava-na-blagopriyatnuyu-okruzhayushchuyu-sredu-v-sisteme-prav-cheloveka> (дата обращения: 22.11.2019).

УДК 347.965

Сверчкова Полина Юрьевна,

студент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

polino4ka@yandex.ru

Данченко Андрей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

andanchenko@yandex.ru

Адвокатский запрос: проблемы правового регулирования и пути их преодоления

В статье проведен анализ проблем правовой регламентации адвокатского запроса как одного из основных инструментов оказания квалифицированной юридической помощи гражданам и организациям, а также предложены способы разрешения таких проблем посредством внесения изменений в действующее законодательство об адвокатуре и адвокатской деятельности

Ключевые слова: адвокатский запрос, адвокат, оказание квалифицированной юридической помощи.

Sverchkova Polina Yuryevna,

student, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

Danchenko Andrey Aleksandrovich,

PhD in law, associate Professor, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

Attorney's request: problems of legal regulation and ways to overcome them

The article analyzes the problems of legal regulation of the lawyer's request as one of the main tools for providing qualified legal assistance to citizens and organizations, and also suggests ways to resolve such problems by amending the current law on advocacy and advocacy.

Keywords: attorney's request, attorney, provision of qualified legal assistance.

Часть 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации [3] гарантирует право граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Как известно, на настоящий момент адвокатура выступает единственным правовым институтом, предоставляющим квалифицированную юридическую помощь гражданам и организациям. Однако данному институту гражданского общества присущ ряд проблем, не имеющих правовых решений, что обуславливает необходимость совершенствования форм и методологии деятельности адвокатуры.

Так, одним из основных инструментов оказания квалифицированной юридической помощи адвокатурой выступает адвокатский запрос, практическая реализация которого затруднена в связи с несовершенством действующего законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности. Рассмотрим некоторые проблемы правовой регламентации адвокатского запроса.

К первой проблеме можно отнести установленный законодателем в ч. 2 ст. 6.1. Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [5] (далее – Федеральный закон № 63) необоснованно длительный срок ответа на адвокатский запрос, который составляет 30 суток и может быть продлен еще на 30 суток.

Анализ положений действующего законодательства позволяет сделать вывод, что месячный срок ответа на запрос, как правило, устанавливается в отношении обращений, требующих принятия по ним конкретных мер (проведение дополнительной проверки, разрешение какой-либо проблемы и др.). К примеру, срок рассмотрения органами, их должностными лицами письменных обращений граждан составляет 30 дней (ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [7] (далее – Федеральный закон № 59)), а срок предоставления сведений и документов из государственных реестров не может составлять более пяти дней со дня получения запроса регистрирующим органом (ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [6]).

Думается, регламентация Федеральным законом № 63 общего срока ответа на адвокатский запрос длительностью 1 месяц для всех без исключения случаев не вызвано назревшей на практике необходимостью, противоречит логике законодателя, и, кроме того, в ряде случаев служит препятствием к осуществлению адвокатом возложенных на него полномочий: например, адвокат, получивший запрашиваемые документы по истечении месяца, может быть лишен возможности своевременно представить их в качестве доказательств мировому судье, рассматривающему дело в течение месяца со дня принятия заявления к производству (ч. 1 ст. 154 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1]), следовательно, месячный срок исполнения адвокатского запроса, помимо прочего, также противоречит нормам гражданского процессуального права.

Подводя итог вышесказанному, считаем целесообразным в ч. 2 ст. 6.1. Федерального закона № 63 внести следующие изменения:

1) снизить общий срок ответа на адвокатский запрос до 15 суток (принимая во внимание срок ответа на запрос органов власти и их должностных лиц (ч. 2 ст. 10 Федерального закона № 59), а также Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (ч. 2 ст. 34 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [4], составляющий 15 суток и подразумевая, что установление срока ответа на адвокатский запрос свыше 15 суток необоснованно предоставит адвокату больше прав, чем перечисленным субъектам);

2) закрепить возможность продления общего срока ответа на адвокатский запрос при необходимости до 10 суток. Указанный срок, по нашему мнению,

является достаточным временным промежутком для осуществления необходимых действий по предоставлению адвокатам запрашиваемых сведений, документов.

В качестве второй проблемы правового регулирования адвокатского запроса обозначим некорректность в определении его получателей, допущенную законодателем. Так, в п. 1 ч. 3 ст. 6, ч. 2 ст. 6.1. Федерального закона № 63 в качестве лиц, обязанных предоставлять информацию по адвокатскому запросу, указаны органы власти и организации, однако отсутствует упоминание об индивидуальных предпринимателях. Считаем, что индивидуальные предприниматели также как организации представляют собой организационно-правовую форму, и также способны обладать необходимыми для осуществления адвокатской деятельности сведениями, поэтому их исключение из круга субъектов-получателей адвокатского запроса считаем неправомерным. Указанную проблему, по нашему мнению, возможно решить посредством внесения соответствующих изменений в п. 1 ч. 3 ст. 6, ч. 2 ст. 6.1. Федерального закона № 63.

И, к третьей проблеме правовой регламентации адвокатского запроса отнесем незначительный размер штрафов, предусмотренный за неправомерный отказ должностного лица в предоставлении необходимой информации по запросу адвоката (5 – 10 тыс. руб. согласно ст. 5.39. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [2]). По нашему мнению, увеличение верхней границы штрафа до 30 тыс. руб. является необходимой мерой, т. к. в отличие от правоохранительных органов, которые обладают процессуальными средствами принудительного воздействия на лиц, уклоняющихся от предоставления запрошенной информации, с целью истребования такой информации, адвокаты ограничены в подобного рода мерах воздействия на недобросовестных лиц, обязанных предоставить им необходимые сведения и документы.

Таким образом, в данной статье нами было отмечено несовершенство законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности, в частности, затронуты проблемы правовой регламентации адвокатского запроса. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что институт адвокатского запроса на настоящий момент не является эффективным инструментом оказания квалифицированной юридической помощи адвокатурой, ввиду наличия множества проблем его реализации на практике. В связи с вышесказанным можно сделать заключение – конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи не реализуется должным образом, что обусловлено существующими проблемами в деятельности адвокатуры. Думается, предложенные нами пути решения отдельных выявленных проблем в сфере адвокатуры в некоторой степени обеспечат реализацию рассматриваемого конституционного положения.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 окт. 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 30 окт. 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1.

3. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. : принята всенарод. голосов. 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек.

4. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : федер. конституц. закон Рос. Федерации от 26 фев. 1997 г. № 1-ФКЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 25 дек. 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 фев. 1997 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9, ст. 1011.

5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 апр. 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 мая 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

6. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федер. закон Рос. Федерации от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 13 июля 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20 июля 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 19, ч. 1, ст. 3431.

7. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 апр. 2006 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 апр. 2006 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2060.

УДК 342.5

Фетисова София Михайловна,

студент, Челябинский государственный университет,

г. Челябинск, Российская Федерация

Fetisova.sofia@yandex.ru

Особенность заключения Верховного суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления

В данной статье рассмотрена роль Верховного Суда Российской Федерации в процедуре отрешения Президента Российской Федерации от должности. Основное внимание в работе автор акцентирует на стадиях отрешения (импичмента) в России. Статья посвящена пристальному анализу мнений ученых и законодателей по поводу самой процедуры отрешения Президента от

должности. Упомянуты прецеденты отрешения Президента Российской Федерации, а именно Б.Н. Ельцина в 1993 и в 1999 году, которые так до конца и не были реализованы. Цель статьи состоит в том, чтобы определить – есть ли в данной процедуре несоответствия и действительно ли нужно заключение Верховного Суда Российской Федерации для отрешения Президента Российской Федерации от должности.

Ключевые слова: отрешение (импичмент) от занимаемой должности, тяжкое преступление, Президент, Верховный Суд, выдвижение обвинений.

Fetisova Sofia Mikhailovna,
student, Chelyabinsk state University,
Chelyabinsk, Russian Federation

Feature of the conclusion of the Supreme court of the Russian Federation on the presence of there are no signs of crime in the actions of the President of the Russian Federation

This article discusses the role of the Supreme Court of the Russian Federation in the procedure of removal of the President of the Russian Federation from office. The author focuses on the stages of removal (impeachment) in Russia. The article is devoted to a close analysis of the opinions of scientists and legislators about the procedure of removal of the President from office. The precedents of the removal of the President of the Russian Federation, namely Boris Yeltsin in 1993 and 1999, which have not been fully implemented, are mentioned. The purpose of the article is to determine whether there are inconsistencies in this procedure and whether the conclusion of the Supreme Court of the Russian Federation is really necessary for the removal of the President of the Russian Federation from office.

Keywords: removal (impeachment) from office, serious crime, President, Supreme Court, bringing charges.

«Законодательство должно быть голосом разума, а судья – голосом закона.» – Пифагор, VI век до н. э.

Согласно, ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» и федеральными законами. [7]

Что же касается Президента и наличия в его действиях признаков преступления. Вообще, отрешение (импичмент) от должности является мерой конституционно-правовой ответственности в отношении главы государства.

Данная норма описана в статье 93 Конституции РФ, которая дает разъяснение, что Президент РФ будет отрешен от должности исключительно Советом Федерации на основании обвинения выдвинутого Государственной Думой в совершении тяжкого преступления, этому придает подтверждение заключение

Верховного Суда РФ о наличии в действиях Президента признаков преступления и, в завершении, заключение Конституционного Суда РФ о выдвижении обвинения [1].

Стоит разобрать подробнее стадии отрешения от должности: во-первых, правом выдвижения обвинений наделены депутаты Государственной Думы, а именно при условии согласия не менее 150 депутатов. Эти обвинения должны носить доказательственный характер, которые подтверждаются пояснительной запиской. Затем идет создание специальной комиссии, то есть группы, созданной постановлением Государственной Думой. Она состоит из 15 человек, в том числе председателя и его заместителя. Главная задача комиссии – рассмотреть материалы, из которого следует опровержение либо подтверждение. После чего в течение 7 дней заключение направляют в Совет Думы. Затем оно включается в повестку заседания. Во-вторых, если комиссия подтвердила наличие признаков преступления, решение выносят парламентарии. Для выдвижения обвинительного приговора нужно согласие 300 человек. Через 5 дней Постановление направляется в Совет Федерации и Верховный Суд [5].

Только у Верховного Суда Российской Федерации имеется полномочие давать заключение по материалам, поступившим из Государственной Думы, об обвинении Президента Российской Федерации в каком-либо тяжком преступлении. Процедура выявления признаков преступления довольно тривиальна: Верховный Суд Российской Федерации рассматривает поступившие материалы и готовит по ним заключение, в заключении описывается краткое содержание событий и освещаются выводы о предварительной квалификации действий Президента РФ, которые подтверждают обвинение его в совершении тяжкого преступления, или же отсутствии преступления.

На последних стадиях Конституционный Суд РФ дает заключение о выдвижении обвинения, затем документы передаются в Совет Федерации, который принимает решение об отрешении Президента РФ от должности большинством 2/3 голосов.

По мнению законодателей, данная процедура имеет непроработанные моменты: если в течение трех месяцев после выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента решение Совета Федерации так и не будет предпринято, соответственно обвинения против Президента считаются отклоненными. Это означает, что Президент остается на своей должности, несмотря на выдвинутые против него обвинения. С другой стороны, установление указанного срока считается необходимым в связи с исключением затягивания такого важного решения.

Также имеется спор по поводу совершения Президентом «иного тяжкого преступления». В соответствии с Уголовным кодексом РФ под тяжким преступлением понимается умышленное деяние, за превышение которого максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы [2]. То есть возможен тот факт, что Президент РФ совершит преступление средней тяжести и при этом не будет нести ответственность, за которое последует отрешение от должности.

По мнению О.Г. Румянцева, Верховный Суд Российской Федерации следует исключить из участников отрешения Президента РФ, поскольку: «Верхов-

ный Суд РФ должен рассматривать дело об уголовной ответственности бывшего Президента РФ за совершение преступления, которое уже послужило основанием его отрешения от должности» [6, с.147]. Но как Государственная Дума сможет определить имеются ли в действиях Президента Российской Федерации признаки тяжкого преступления? Данный вопрос является дискуссионным и на сегодняшний день.

Данная процедура применялась на практике два раза: в 1993 и в 1999 году в отношении бывшего Президента РФ Бориса Николаевича Ельцина. В марте 1993 года Съезд народных депутатов РФ, на тот момент действующий, попытался отрешить Б.Н. Ельцина от должности, и на то были причины: Б. Н. Ельцин подписал Указ «Об особом порядке управления до преодоления кризиса», что лишало юридической силы решения органов и должностных лиц, которые были направлены на отмену или приостановление данного Указа. Затем, Конституционный Суд признал неконституционность в действиях главы государства, и депутаты потребовали отрешить Б. Н. Ельцина от занимаемой должности. Верховный Совет объявил о прекращении полномочий Президента РФ в соответствии с решением Конституционного Суда. Но, за импичмент Президента проголосовало 618 из 699 депутатов. Из этого следует, что Б. Н. Ельцин сохранил свою должность и остался у власти [4].

Уже в 1999 году произошла еще одна попытка отрешения от должности Б. Н. Ельцина. На этот раз, у Государственной Думы имелось пять обвинений, а именно: развал СССР; разгон Съезда народных депутатов и Верховного Совета; развязывание войны в Чечне; развал армии и геноцид русского народа. Через некоторое время началась специальная комиссия Государственной Думы. Затем, они проводили подготовку по всем пунктам обвинения, разработали суть обвинений и заключение комиссии, в которой указывалось, что в действиях Президента РФ Б. Н. Ельцина имеются признаки тяжкого преступления. Но, как и в прошлый раз, количества депутатов, проголосовавших «за», было недостаточно [3, с. 55–58].

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ. Ст. 93.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ : ред. от 04.11.2019. Ст. 15.

3. Карасев А. Т., Мамаева Я. Ю. Особенности реализации процедуры отрешения Президента РФ от занимаемой должности // Вопросы управления. 2014. № 2. С. 55–58.

4. Отрешение от должности президента России. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 15.10.2019).

5. Отрешение президента от должности: правила импичмента // Юрист эксперт. URL: [https://www.sibsutis.ru /lib/staff/makeref-gost/](https://www.sibsutis.ru/lib/staff/makeref-gost/)(дата обращения: 15.10.2019).

6. Румянцев О. Г. Отрешение Президента России от должности: конституционно-правовые проблемы. М. : Юрайт, 2007. С. 147.

7. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» : ред. от 02.08.2019 : с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019. Ст. 2.

УДК 342.738

Шашкова Ирина Алексеевна,

студент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
г. Самара, Российская Федерация
irina.shashkova.2013@mail.ru

Право на анонимность в сети Интернет

В связи со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий в статье рассматриваются вопросы соблюдения или запрета анонимности пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Ключевые слова: Интернет, анонимность, законодательное регулирование, информация, мессенджеры.

Shashkova Irina Alekseevna,

student, Samara national research University named after academician S. P. Korolev,
Samara, Russian Federation

Right to anonymity on the internet

In connection with the rapid development of information and communication technologies, the article discusses compliance or prohibiting the anonymity of users of the information and telecommunications network Internet.

Keywords: Internet, anonymity, legislative regulation, information, instant messengers.

Анонимность – одна из ключевых особенностей функционирования Интернета.

28 августа 2015 г. состоялось заседание Совета по правам человека ООН, где было подтверждено, что анонимное использование Интернета и использо-

вание шифрования личных данных и средств коммуникации являются неотъемлемым правом человека [1]. Между тем следует отметить, что с 2006 г. в ЕС действовала директива по хранению данных пользователей и их коммуникаций, которая обязывала провайдеров сохранять эти данные на срок от 6 до 24 месяцев. Однако в апреле 2014 г. директива была отменена.

8 октября 2019 года Председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Андрей Клишас вместе с коллегами внес в Государственную Думу законопроект, предусматривающий блокировку пользователей e-mail-сервисов в случае, если те распространяют нарушающую российское законодательство информацию.

Согласно новой редакции поправок, предлагается уточнить обязанность организатора распространения информации по ограничению передачи электронных сообщений, содержащих запрещенную информацию, на основании требования уполномоченного органа о фактах такой передачи.

Новации заключаются в следующем. Во-первых, для мессенджеров и сервисов электронной почты предлагается установить единое регулирование. Для этого вводится понятие «сервис обмена сообщениями» и предлагается в этой связи внести ряд редакционных поправок. Во-вторых, уточняются полномочия Роскомнадзора и организатора распространения информации. Так, уполномоченный федеральный орган исполнительной власти при выявлении фактов передачи электронных сообщений, содержащих запрещенную информацию, направляет соответствующие требования об ограничении организатору распространения информации, обязанность которого будет заключаться в ограничении возможности рассылки пользователем таких сообщений.

Данные законопроекты, равно как и предыдущая редакция поправок, направлены на решение общей задачи по обеспечению соблюдения прав человека и безопасности пользователей интернета. Предлагаемый механизм является оптимальным для ограничения распространения с использованием электронных сообщений запрещенной информации. Это позволит создать условия для пресечения распространения заведомо ложных угроз совершения террористических актов, которые в последнее время стали иметь массовый характер.

Так, в 2019 году зафиксирован резкий рост распространения анонимных сообщений террористической направленности. По данным на 1 июля 2019 года, с использованием 126 индивидуальных электронных ящиков отправлено 901 анонимное сообщение террористической направленности [2].

Данные инициативы являются последовательным шагом по обеспечению безопасного интернета. Одной из основных задач, которую также необходимо решить в ближайшее время, является деанонимизация пользователей интернета. Анонимность интернет-пользователей предоставляет широкие возможности для противоправных деяний, что является предпосылкой для роста противоправных деяний, совершаемых во всемирной сети.

Так, по данным ВЦИОМ, жертвами интернет-мошенников уже стали около трети россиян. Специалисты прогнозируют рост количества таких случаев. Только при наличии условий для деанонимизации пользователей возможно ус-

тановить лицо, виновное в совершении противоправных действий в интернете, и привлечь его к ответственности.

Одной из основных целей нашей законодательной деятельности в сфере информационных отношений является создание эффективных механизмов пресечения и противодействия нарушению прав с использованием Интернета.

Одновременно законопроектом предполагается корректировка положений закона, касающихся ограничения переписки. Законопроектом на оператора будет возложена обязанность исключительно по блокировке передачи пользователем электронных сообщений и только на основании информации и соответствующего требования уполномоченного федерального органа исполнительной власти (Роскомнадзора).

Кроме того, вносится сопутствующий законопроект с поправками в КоАП РФ, предусматривающими административную ответственность для указанных организаторов почтовых сервисов, аналогичную той, что существует для мессенджеров. По данным «Интерфакса», за неисполнение требований Роскомнадзора предусматривается максимальный штраф в размере 1 млн. руб. для юридических лиц.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации утверждает, что «это будет один из законопроектов, который работать технически не будет, так же как и с блокировкой Telegram. Опыт блокировки Telegram некоторых ничему не научил. Мессенджеры не должны видеть переписку своих клиентов. Принятие такого законопроекта приведет к тому, что все пользователи уйдут в иностранные сервисы и скачают VPN».

Библиографический список

1. ООН признала анонимность в Интернете правом человека. URL: http://www.gazeta.ru/tech/news/2015/08/25/n_7509455.shtm (дата обращения: 15.10.2019).

2. <https://rg.ru/2019/10/09/v-sovfede-obiasnili-smysl-blokirovki-polzovatelej-pochty-i-messendzherov.html> (дата обращения: 15.10.2019).

УДК 347.4:61

Юркевич Виктория Юрьевна,

магистрант, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,

г. Гродно, Республика Беларусь

jrkevich.vj@gmail.com

Правовые проблемы содержания договора на оказание платных медицинских услуг в сфере пластической хирургии

В статье рассмотрены предпосылки к бурному развитию пластической хирургии и косметологии как отраслей медицинской науки. Также в статье

проанализированы спорные аспекты определения качества оказываемой медицинской услуги в сфере пластической хирургии. Также выявлены проблемы правового регулирования договора на оказание платных медицинских услуг в сфере пластической хирургии, которые вытекают из практики рассмотрения судами споров в сфере пластической хирургии, и приведены авторские предложения по их разрешению. Выводы автора также обоснованы с точки зрения применения их на практике.

Ключевые слова: *медицинские услуги, пластическая хирургия, косметология, пациент, защита прав потребителей.*

Yurkevich Victoria Yurievna,
undergraduate, Yanka Kupala Grodno state University,
Grodno, Republic of Belarus

Legal problems of the content of the contract for the provision of paid medical services in the field of plastic surgery

The article considers the prerequisites for the rapid development of plastic surgery and cosmetology as branches of medical science. The article also analyses controversial aspects of determining the quality of medical services provided in the field of plastic surgery. The problems of legal regulation of the contract for the provision of paid medical services in the field of plastic surgery, which arise from the practice of courts to consider disputes in the field of plastic surgery, have also been identified, and author's proposals for their resolution have been presented. The author's findings are also substantiated in terms of their application in practice.

Keywords: *medical services, plastic surgery, cosmetology, patient, consumer protection.*

В современном обществе всего мира прочно укрепилась мода на «красивый» внешний вид. Учеными, работающими над исследованием различных аспектов социальной и общественной жизни было? проведено не мало исследований о том, почему же тенденция на физическую красоту так прочно вошла в нашу жизнь. Одним из примеров исследования феномена «красоты» можно назвать работу социальных психологов Лайзы Слэттери Уокер и Тони Фреверт из университета Северной Каролины, краткое резюме которой было опубликовано на канале ВВС [6]. В указанном резюме есть тезис, что красивая внешность подсознательно ассоциируется с крепким здоровьем человека.

На заре вхождения пластической хирургии в жизнь как российского, так и белорусского общества, существовало много проблем с клиниками, оказывающими медицинские услуги нелегально, без соответствующего сертифицированного оборудования, да и без необходимых и установленных законом требований к самому помещению и процессу для операций по изменению внешнего облика человека.

Сегодня государству обеих стран удалось стабилизировать эти проблемы, взять под контроль деятельность медицинских учреждений, предоставляющих услуги по проведению пластических операций и косметологических процедур, в том числе и путем ужесточения требований, которые необходимо соблюсти для получения разрешения (лицензии) на осуществление деятельности в сфере пластической хирургии и косметологии, а также ужесточения ответственности медицинского и административного персонала медицинских учреждений. Сильно изменились и стандарты сертификации медицинского оборудования, и квалификационные требования, предъявляемые к врачам-пластическим хирургам.

Безусловно, указанные меры были необходимы для урегулирования ситуации, сложившейся тогда на рынке потребления платных медицинских услуг, и не только в области пластической хирургии и косметологии.

Но как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации действует немало медицинских учреждений, оказывающих платные медицинские услуги качественно, добросовестно, с соблюдением всех существующих стандартов и заботящихся о здоровье пациентов.

Вопрос об определении качества медицинской услуги в сфере пластической хирургии и косметологии давно стоит и на практике, и в юридической литературе. Особое внимание уделяется вопросу, по каким критериям не достижение ожидаемых и представляемых результатов при проведении медицинского вмешательства пластическую операцию можно признать некачественно оказанной услугой? [1, 2].

Понятно, что при каждом отдельном рассмотрении исковых заявлений о некачественно оказанной услуге по проведению пластической операции будет назначаться судебно-медицинская экспертиза, исследоваться все доказательства, в том числе и записи в медицинской карточке пациента, результаты анализов, проведенных перед оперативным вмешательством и пр. Но при проведении судебного разбирательства по спору может возникнуть немало трудностей, особенно если учесть особенности гражданского процесса, заключающиеся в том, что каждая из сторон самостоятельно собирает все факты, подтверждающие или опровергающие те или иные обстоятельства по делу (п. 1 ст. 179 Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь от 11 января 1999 года № 238-З с изм. и доп. от 17 июля 2019 года № 233-З) [5].

Полагаем, что существенную роль в защите прав как пациентов, так и медицинских организаций, могут сыграть верно, достоверно и своевременно составленные и медицинские документы. С правовой точки зрения, одним из важнейших документов является договор на оказание платных медицинских услуг, заключаемый между заказчиком – физическим лицом, обратившимся в медицинское учреждение, и исполнителем – медицинской организацией, предоставляющей услуги в сфере пластической хирургии и косметологии.

Оказание платных медицинских услуг в Республике Беларусь производится на основании Положения о порядке оказания платных медицинских услуг гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями здравоохранения, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь

от 10.02.2009 года № 182 (далее – Положение о порядке оказания платных медицинских услуг) [7].

Главой 39 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-З с изм. и доп. от 18 декабря 2018 года № 151-З установлены требования к заключению договора на оказание платных услуг и его содержанию, которые представляют собой общие требования к содержанию договора и не учитывают специфику медицинских услуг [4]. Более детальные требования к договору установлены п. 4 Положения о порядке оказания платных медицинских услуг, в соответствии с которыми в договоре между медицинским учреждением, оказывающим возмездную профессиональную услугу и заказчиком, должны быть определены объем, стоимость, сроки оказания платной медицинской услуги, порядок расчетов за нее и права и обязанности сторон по договору.

Видим, что такие требования законодательства к договору на оказание возмездных платных услуг позволяют медицинским учреждениям использовать общий, не конкретизированный шаблон договора, не учитывающий никакой специфики медицинских услуг в целом и специфики услуг в сфере пластической хирургии в частности.

Практически же клиники и врачи сталкиваются со случаями, когда заказчики обращаются в суд с требованиями о возмещении морального и материального вреда из-за того, что проведенная пластическая операция не привела к ожидаемому ими результату. В таком случае заказчики обосновывают свои претензии тем, что им была оказана некачественная медицинская услуга. В качестве примера рассмотрим случай из российской практики. Гражданка А. требовала возмещения материального и морального вреда от ООО «Университетская хирургическая клиника» за некачественно оказанную, по ее мнению, пластическую операцию. В исковом заявлении истица указала, что между ней и ответчиком был заключен договор на оказание платных медицинских услуг на сумму 300 000 рублей. Клиника успешно провела операцию согласно заключенному договору, однако результатом истица осталась крайне недовольна, потому что желаемого эффекта так и не получила.

В рамках дела суд назначил судебную медицинскую экспертизу, заключение которой подтвердило, что клиника выполнила операцию по изменению внешности гражданки А. в соответствии со стандартами и технологиями оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия», и что вред здоровью истицы в результате хирургического вмешательства причинен не был.

На основании заключения судебной медицинской экспертизы суд пришел к выводу о том, что факт оказания некачественной медицинской услуги доказан не был и в удовлетворении требований гражданки А. отказал [3].

Также на практике может сложиться ситуация, когда заказчик будет утверждать, что врач не уведомил его в всех действиях, которые будет проводить в процессе пластической операции, чем нарушил право пациента на полную и достоверную информацию об оказываемой платной услуге. При такой ситуации

процесс доказывания невинности клиники кажется более затруднительным, потому что судебно-медицинская экспертиза здесь бессильна.

И с другой стороны, врач-пластический хирург и правда может «не вдаваться в подробности» и не рассказать заказчику-пациенту о всех мероприятиях, которые необходимо провести в рамках изменения внешности. И заказчику тоже будет очень сложно отстоять свое нарушенное право в суде или при любом другом способе разрешения спора.

Поэтому полагаем, что в целях всестороннего соблюдения прав потребителя возмездной медицинской услуги, а также для защиты интереса медицинского учреждения – исполнителя возмездной медицинской услуги, в договоре на оказание указанных услуг стоит детально прописывать следующие положения.

Во-первых, подробно указывать объем предоставления медицинских услуг и методику их проведения, а не ограничиваться общими фразами.

Указание подробное указание медицинских манипуляций, которые намеревается провести врач в рамках оказания нужной заказчику медицинской услуги, в договоре, позволит получить доказательство того, что пациент в полном объеме получил информацию, касающуюся предстоящего медицинского вмешательства. В свою очередь, пациент будет достоверно знать, какие именно манипуляции будет проводить врач, будет способен оценить все риски, и также иметь доказательства того, что оговаривал с врачом проведение только указанных в договоре медицинских действий.

Во-вторых, анатомические особенности зоны, подлежащей коррекции, стоит указывать не только в медицинской карте, но и в договоре на оказание платной медицинской услуги. Это позволит доказать, что особенности части тела, которая подвергалась изменению путем пластической операции, действительно существовали, и заказчика об этих особенностях уведомили. Также в этом пункте стоит прописывать положение о том, что заказчику разъяснено о том, что такая анатомическая особенность может влиять на результат пластической операции.

Представляется, что выведенные в данной работе положения о содержании договора на оказание платных медицинских услуг в сфере пластической хирургии, смогут помочь урегулировать конфликты до обращения в суд, или помогут отстоять права, как медицинской организации, так и заказчика-пациентов, в суде.

Библиографический список

1. Пронин И. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере эстетической медицины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб., 2012. URL: <http://lawtheses.com/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-v-sfere-esteticheskoy-meditsiny> (дата обращения: 04.12.2019).

2. Ганьшин И. Б. Гражданско-правовое регулирование в сфере эстетической медицины : автореф. дис. ... докт. мед. наук : 14.02.03 / ФГБОУ учреждении дополнительного профессионального образования «Институт повышения ква-

лификации Федерального медико-биологического агентства». М., 2013. URL: <https://www.dissercat.com/content/plasticheskaya-khirurgiya-sovershenstvovanie-i-uluchshenie-kachestva-okazaniya-spetsializiro/read> (дата обращения: 04.12.2019).

3. Горожанка подала в суд на пластического хирурга за то, что не оправдал ее ожидания // Портал ProГород. URL: <https://progorod33.ru/news/37426> (дата обращения: 04.12.2019).

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: 11 января 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

6. Не родись красивой: чем плоха приятная внешность. URL: <https://inosmi.ru/world/20150226/226490699.html> (дата обращения: 04.12.2019).

7. Положение о порядке оказания платных медицинских услуг гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями здравоохранения : утв. Постановлением совета министров Респ. Беларусь, 10 фев. 2009 г. № 182 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 10.10.2016 г. № 809 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019

УДК 342.341.362

Яременко Дмитрий Андреевич,

студент, Донецкий национальный университет
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
deoles.yaremenko@mail.ru

Право на неприкосновенность частной жизни в условиях глобализации

Статья посвящена одной из основополагающих проблем современности в сфере прав человека – неприкосновенность частной жизни. Мировые глобализационные процессы способствуют обострению необходимости выработки стандартов адекватной защиты прав человека, с учетом опыта сложившегося в мировой практике и практике межгосударственного сотрудничества.

Ключевые слова: глобализация, неприкосновенность частной жизни, права человека, защита прав человека.

Yaremenko Dmitry Andreevich
student, Donetsk national University
Donetsk, Donetsk People's Republic

The right to privacy in the context of globalization

The article is devoted to one of the fundamental problems of our time in the field of human rights-privacy. Global globalization processes contribute to the aggravation of the need to develop standards for the adequate protection of human rights, taking into account the experience of world practice and the practice of inter-state cooperation.

Keyword: *globalization, privacy, human rights, human rights protection.*

Глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации, основным следствием, которого является мировое разделение труда, миграция (и, как правило, концентрация) в масштабах всей планеты капитала, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран. Не смотря на то, что возникновение данного термина ряд ученых связывает с экономической составляющей, процесс глобализации не мог обойти стороной право, в частности право на неприкосновенность частной жизни [6, с. 228–229].

Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также защиту своей чести и доброго имени означает запрет произвольного вмешательства в указанные сферы: вмешательство как со стороны государства, государственных органов, должностных лиц, так и со стороны других граждан, то есть от вмешательства третьих лиц. Государство закрепляет и гарантирует механизмы защиты от такого вмешательства. Так, в законодательстве устанавливается запрет требовать от человека сведения, составляющие его личную и семейную тайну. В содержание права на неприкосновенность частной жизни, как отмечает В. И. Фадеев, включается также запрет на разглашение сведений личного характера (персональные данные). Так, в статье 17 Конституции Донецкой Народной Республики закреплено, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются [2], аналогичное положение закреплено в статье 24 конституции Российской Федерации [3]. Подобные сведения могут быть доверены лицом, носителем персональных данных, представителям некоторых профессий (врачам, нотариусам, банковским работникам, следователям и др.), на которых возлагается обязанность их неразглашения (профессиональная тайна). Так, например, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 248-О отмечается, что право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного характера [5]. В понятие «частная жизнь» включается область и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она

носит не противоправный характер. Вместе с тем, как указано в решении жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его Европейского Суда по правам человека по делу № 16969/90, «основная цель статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод состоит в защите отдельного лица от своевольного вмешательства государственных властей» [4].

С развитием технологий и увеличением различного рода баз данных граждан, применяемых как государственными, так и частными организациями наступают естественные эволюционные процессы изменения конституционного права на неприкосновенность частной жизни, обнаруживая новые аспекты частной жизни. Следует отметить, что ни в законодательстве Донецкой Народной Республики, ни в законодательстве Российской Федерации, категория «частная жизнь» не получила своего нормативного закрепления. Само же право на защиту информации о частной жизни не относится к классическим блокам прав человека, а получило свое развитие в течение последних трех десятилетий, в основном, в ходе судебных процессов в странах Западной Европы. Конституциями большинства стран мира в равной мере защищается как право каждого на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защита своей чести и доброго имени (в частности, Конституцией Донецкой Народной Республики ч.1 ст. 16; Конституцией Российской Федерации ст. 23), так и обосновывается притязание на информационное самоопределение в ч.1 ст. 23 Конституции Российской Федерации [3]. Право на информационное самоопределение в рамках основного права на неприкосновенность частной жизни охватывает личную информацию в той мере, в какой она не защищена тайной переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Собственно, тайну переписки составляют: как факт переписки, так и содержание этой переписки, не зависимо от формы передачи информации.

Анализируя опыт Российской Федерации, можно отметить, что правовая основа защиты персональных данных формируется по двум направлениям: 1) специализированное законодательство, содержащее правовые нормы, гарантирующие неприкосновенность частной жизни; 2) нормы, регулирующие сферу защиты персональных данных. Согласно, Всеобщей декларации прав и свобод человека: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [1]. Право на уважение личной и частной жизни закреплено в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Что же касается правового регулирования данной сферы в Донецкой Народной Республике, то ст. 140 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики предусмотрена уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений [7]. Однако, актуальным остается вопрос разграничения общественной необходимости и превышение допустимых мер ограничения. На наш взгляд вопросы, касающиеся прав человека и пересекающиеся с вопросами выявления и пресечения

общественно опасных деяний, которые могут повлечь нарушение прав и законных интересов иных лиц должны быть в приоритете, перед правом человека на неприкосновенности частной жизни. Данная позиция может способствовать расширению правоприменительной практики в отношении защиты прав человека, при этом в полной мере отграничивать нарушение частной жизни от государственной и правовой необходимости.

Рассмотрение данного вопроса не следует ограничивать лишь правовыми рамками одного (конкретного) государства. Принцип неприкосновенности частной жизни закреплен в статье 17 Международного пакта «О гражданских и политических правах», предусматривающей, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на законную защиту от такого вмешательства.

Анализируя массив нормативно-правовых актов как национального, так и международного уровня следует констатировать наличие назревшей необходимости совершенствования законодательства по вопросам обеспечения неприкосновенности частной жизни, в том числе определение понятия «частная жизнь». Также интересным и актуальным по-прежнему остается вопрос о механизме защиты права на неприкосновенность частной жизни. При этом мы понимаем, что реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни может быть осуществлена методами, выработанными в практике разных государств мира, что позволит разработать наиболее эффективные способы защиты прав человека.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 ноября 1948 г. // Международные и российские механизмы. М. : Московская школа прав человека, 2000.
2. Конституция Донецкой Народной Республики [принята Народным Советом ДНР 14 мая 2014 г.] // Сборник законодательных актов ДНР. № 1. Донецк : Мегаинвест, 2017. 36 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.). М. : Юрид. лит., 1993. 64 с.
4. Киган против Ирландии. URL: <https://precedent.in.ua/2015/12/16/kygan-protyv-yrIan>. (дата обращения: 30.11.2019).
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О.
6. Пензина Е. В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник КрасГАУ. 2012. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

fenomen-globalizatsii-globalizatsiya-i-vesternizatsiya (дата обращения:
01.12.2019).

7. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014
(ред. по сост. на 29.11.2019) // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL:
<https://dnr-online.ru/download/ugolovnyj-kodeks-dnr/> (дата обращения:
18.04.2018).

СЕКЦИЯ 3

ИНСТИТУТЫ ЧАСТНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

УДК 347.1

Аксенов Антон Степанович,
студент, Донбасская юридическая академия,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
anton.funstyle.aksionov@gmail.com

Виртуальные объекты как объекты гражданского права

В данной статье проведен анализ виртуальных объектов как объектов гражданского права, а именно исследованы свойства виртуальных объектов гражданского права, рассмотрен вопрос о соотношении виртуальных объектов и права интеллектуальной собственности, определены современные научно-правовые подходы к правовому режиму виртуальных объектов. Автором сделан вывод о необходимости дополнения перечня объектов гражданского права новой категорией – виртуальные объекты.

Ключевые слова: виртуальные объекты, объекты гражданского права, сделки, право интеллектуальной собственности.

Aksenov Anton Stepanovich,
student, Donbass law Academy,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Virtual objects as objects of civil law

In this article the analysis of virtual objects as objects of civil law is carried out, namely properties of virtual objects of civil law are investigated, the question of a ratio of virtual objects and the right of intellectual property is considered, modern scientific and legal approaches to the legal regime of virtual objects are defined. The author concludes that it is necessary to supplement the list of objects of civil law with a new category – virtual objects.

Keywords: virtual objects, objects of civil law, transactions, intellectual property law.

Постепенное развитие науки и техники обуславливает появление новых явлений и связанных с ними отношений, к которым довольно сложно применить действующие нормы гражданского законодательства. Одним из таких явлений выступают виртуальные объекты, которые нельзя назвать типичными

для современного гражданского права, но которые уже заняли свое место в повседневной жизни человека и нуждаются в законодательном закреплении для четкости правового регулирования связанных с ними отношений и защиты прав и законных интересов участников таковых.

На сегодняшний день жизнь человека довольно сложно представить без так называемых виртуальных объектов: аккаунтов в социальных сетях, службах электронной почты и иных форм интернет-связи, службах доставки, бизнес-сервисах, онлайн-играх и т. д. Такая распространенность этих явлений и тесная связь современного человека с виртуальным миром обуславливает необходимость четкого установления правового режима виртуальных объектов как объектов гражданского права и развития новых подходов для правового регулирования отношений из них вытекающих.

Виртуальный объект – нематериальный объект (благо), находящийся в пределах информационно-телекоммуникационных сетей [3, с. 118]. Эта категория, как и любой другой объект гражданского права, способна выступать предметом правоотношений в рамках различных институтов гражданского права: вещных прав, права интеллектуальной собственности, обязательственного права, наследственного права.

Исследователи выделяют три свойства, анализ которых позволяет определить виртуальные объекты как объекты вещного права:

1. Свойство исключительности, т. е. уникальность объекта, что означает невозможность его использования другими пользователями, пока им пользуется определенный пользователь. Анализируя данный аспект, следует понимать, что виртуальный мир – это код. Большая его часть является неисключительной, так как им одновременно пользуется неопределенное количество пользователей.

2. Свойство устойчивости. Объект должен существовать всегда, независимо от того, взаимодействует ли пользователь с ним. То есть объект должен существовать как в случае пребывания пользователя в сети, так и при его нахождении в автономном режиме (не в сети).

3. Свойство возможности взаимодействия. Объекты реального мира влияют на окружающую их действительность, взаимодействуя как с собственником (владельцем) или другими объектами, так и с теми, кто вещными правами по отношению к ним не обладает. Виртуальные объекты так же являются вполне способными к взаимодействию: пользователь может просматривать страницы в социальных сетях, отправлять сообщения на иной электронный адрес, зрительно воспринимать на дисплее предметы, принадлежащие другому игроку в онлайн-игре и т. д. [1, с. 44–46].

Помимо вышеописанных свойств, следует учитывать, что виртуальные объекты обладают характеристиками, присущими традиционным объектам права собственности: они могут быть приобретены (отчуждены) и обладают выраженной потребительской (рыночной) ценностью. В связи с этим виртуальные объекты часто становятся предметами сделок, что и характеризует их как объект обязательственного права [6, с. 76].

Для виртуальных объектов характерны различные сделки. Чаще всего они связаны с их оборотом либо предоставлением определенных услуг.

Что касается онлайн-игр, то на сегодняшний день оборот игровых предметов ничем не уступает современным отношениям купли-продажи, мены или аренды.

Непосредственно торговля осуществляется на основе трех моделей: рынок, аукцион, торговля реальными деньгами. Для первых двух моделей характерен, как правило, оборот внутриигровой валюты (которая все чаще имеет выраженный эквивалент реальной валюты по определенному курсу). Последняя модель связана с оборотом реальной валюты по двум линиям: разработчик – пользователь либо пользователь – пользователь [1, с. 16].

Выступать объектом купли-продажи либо других форм отчуждения могут не только внутриигровые предметы, но и непосредственно аккаунты (со всей совокупностью персонажей и предметов за ними закрепленных). Это касается не только игрового мира, так как в настоящий момент существует спрос на аккаунты в различных социальных сетях с большим количеством подписчиков, например, и т. д.

Как потенциальные объекты наследственного права виртуальные объекты можно рассмотреть на примере электронной почты. Как правило, компании, владеющие службой электронной почты, не считают электронный почтовый ящик виртуальным объектом принадлежащим наследодателю. А логин и пароль воспринимаются как данные, идентифицирующие пользователя и не входящие в состав наследства.

Действительно, анализ гражданского законодательства Российской Федерации в данной сфере позволяет утверждать, что современная правовая конструкция наследственного права не позволяет включить виртуальные объекты, так как при наследовании к другим лицам (наследникам) переходит имущество наследодателя (ст. 1110 ГК РФ) [4]. В свою очередь, имущество – вещь или их совокупность, а также связанные с ними права и обязанности. Виртуальные объекты под понятие вещи не попадают, так как предметами материального мира не являются.

Иной подход наблюдается в гражданском законодательстве Украины, конструкция которого позволяет выделить виртуальные объекты как потенциальные объекты наследственного права, так как под наследованием понимается переход прав и обязанностей наследодателя к наследникам (ст. 1216 ГК Украины) [5]. Наследодатель связан с компанией, владеющей службой электронной почты, определенной совокупностью прав и обязанностей в соответствии с соглашением на обработку персональных данных и условиями использования электронной почты. Таким образом, наиболее разумным считается подход, при котором наследник обращается в компанию, которая, в свою очередь, проверив полномочия наследника, открывает ему доступ к электронному почтовому ящику либо отказывает в доступе в силу определенных обстоятельств [3, с. 118].

В этой связи, хотелось бы отметить необходимость пересмотра некоторых положений о наследовании, закрепленных ГК РФ, для модернизации данной части законодательства.

Также следует рассмотреть и вопрос о соотношении виртуальных объектов и права интеллектуальной собственности. С одной стороны, некоторые вир-

туальные объекты уже восприняты и защищаются нормами авторского права – компьютерные программы (ст. 1261 ГК РФ, п. 2, ч. 1, ст. 433 ГК Украины) [4, 5]. Однако защите в данном случае подлежит только программный код (исходный и объектный). Но следует учитывать, что некоторые виртуальные объекты, например компьютерные игры, нуждаются в расширении содержания правовой защиты нормами авторского права, так как они могут представлять собой не только программный код, а комплексный объект авторского права, обладающий и признаками компьютерной программы, и литературного, музыкального или аудиовизуального произведения.

Следует учесть и то, что непосредственно социальные сети, а также другие интернет-ресурсы нуждаются в защите нормами авторского права, если они имеют уникальный дизайн, являющийся продуктом творческой деятельности человека. Также следует отметить, что компании защищают названия и логотипы собственных интернет-ресурсов, путем регистрации их как коммерческого наименования и товарного знака соответственно.

Если же говорить о том, что принадлежит пользователю, например страница в социальной сети или электронный почтовый ящик, то объектами охраны со стороны права интеллектуальной собственности они не могут быть. Но может их содержание (произведения, статьи, фотографические произведения и т. д.).

Но, очевидно, что вопрос реального действия права интеллектуальной собственности в сети Интернет очень актуальный и проблемный на сегодняшний день. Скорость и хаотичность оборота информации в информационно-телекоммуникационных сетях, а вместе с тем и виртуальных объектов, очень сильно усложняют возможность контроля и обеспечения реальной защиты объектов права интеллектуальной собственности [2, с. 59].

В связи со всем вышесказанным необходимо отметить современные научно-правовые подходы к правовому режиму виртуальных объектов:

I. Невмешательство права в подобного рода отношения. Абсолютно неприменимый подход, так как исключает совершенствование современного законодательства и возможность защиты реальных законных прав и интересов граждан. Такого подхода придерживаются органы административной, гражданской, уголовной юрисдикции, ссылаясь либо на отсутствие соответствующих норм, либо на (если речь идет об компьютерных играх) положения об играх и пари, требования из которых судебной защите не подлежат, за исключением случаев участия в них лиц под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором (ст. 1063 ГК РФ) [4]. Однако ссылка на положения об обязательствах, вытекающих из игр и пари является совершенно неправильной, так как, например, покупка какого-либо внутриигрового предмета и его дальнейшее использование пользователем не представляют собой соглашения о выигрыше и ничего общего с играми и пари не имеют.

II. Применение к отношениям, связанным с виртуальными объектами, законодательных положений по аналогии. Подход, реализация которого возможна лишь как временная мера в переходный период при подготовке специальных положений.

III. Квалификация данных отношений в контексте существующих лицензионных и иных соглашений. Фактически реализуется на практике на данный момент. Отношения между пользователем (лицензиатом) и правообладателем (например, оператором игрового процесса) урегулированы лицензионным соглашением конечного пользователя (EULA) [6, с. 75–78]. Однако данный подход охватывает лишь отношения по линии разработчик – пользователь, но не предоставляет средств правового регулирования отношений по линии пользователь – пользователь.

IV. Разработка специальных положений правового регулирования отношений, связанных с виртуальными объектами, совершенствование законодательства. Подход, применение которого является неизбежным в силу постепенного научно-технического развития и требований социально-правовой реальности.

Автор является сторонником последнего из подходов. На данный момент для его реализации мы предлагаем:

1. Дополнить главу 12 ГК Украины, главу 6 ГК РФ специальными положениями, дополняющими к уже имеющимся объектам гражданского права новую категорию – виртуальные объекты;

2. Учитывая рыночную ценность виртуальных объектов пересмотреть возможность их включения в состав наследства, а также разработать порядок получения доступа к ним, в случае подобных обращений со стороны наследников;

3. Пересмотреть объем содержания защиты определенного рода компьютерных программ нормами авторского права.

Также, учитывая глобальные масштабы сети Интернет и количество уникальных пользователей по всему миру, следует отметить, что существует необходимость подготовки документа, декларирующего основы правового регулирования отношений, связанных с виртуальными объектами. По нашему мнению, наличие такого документа позволит унифицировать содержание подобных норм по всему миру, а также позволит наладить межгосударственное сотрудничество для облегчения контроля над оборотом виртуальных объектов и обеспечения защиты прав и законных интересов пользователей.

Библиографический список

1. Muijen G. Property rights in virtual objects URL: <http://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=139050> (дата обращения: 01.11.2019).

2. Артений Л. С. Виртуальные правоотношения // Вестник науки и образования. 2018. № 3(39), т. 1. С. 57–60.

3. Боташева Л. Э., Бондарь В. В. Электронная почта как объект правового регулирования // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2(32). С. 115–118.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ : ред. от 29.07.2018 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Гражданский Кодекс Украины. Официальный текст : текст Кодекса приводится по состоянию на 10 октября 2017 г. Киев : Голос України, 2003.

6. Латухина В. С. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1, т. 1. С. 74–80.

УДК 349.3

Арсюкова Алёна Евгеньевна,

студент, Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Российская Федерация
anellaars@mail.ru

Сайфутдинова Венера Максutowна,

старший преподаватель, Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Российская Федерация

Проблемы понятийного аппарата и общая характеристика российской системы социального обеспечения

Данная статья посвящена анализу некоторых проблем понятийного аппарата национальной системы социального обеспечения. Отсутствие специальных исследований по указанной проблематике после масштабных пенсионных реформ последних лет, а также стремительность процессов интеграции и всеобщей глобализации диктуют необходимость скорейшего приведения российского социальнообеспечительного законодательства и правоприменительной практики в соответствие с международными нормами.

***Ключевые слова:** социальное обеспечение, пособие, пенсия, ребенок, типовой получатель.*

Arsyukova Alena Evgenievna

student, Bashkir state University,
Ufa, Russian Federation

Sayfutdinova Venera Maksutovna

senior lecturer, Bashkir state University,
Ufa, Russian Federation

Problems of the conceptual apparatus and general characteristics of the Russian social security system

This article is devoted to the analysis of some problems of the conceptual apparatus of the national social security system. The absence of special studies on this issue after large-scale pension reforms of recent years, as well as the swiftness of integration processes and globalization, dictate the need to bring Russian social secu-

city legislation and law enforcement practice into line with international standards as soon as possible.

Keywords: *social security, benefit, pension, child, typical recipient.*

Конвенция МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» регламентирует минимальные нормы (стандарты) социального обеспечения, где каждый раздел определяет особый вид социального риска и отрасль системы социального обеспечения, гарантирующую защиту от данного риска в каждом конкретном государстве [3].

По замыслу законодателя, каждой отрасли должны соответствовать различные организационно-правовые формы социального обеспечения, которые в дальнейшем следует более детально регламентировать национальным законодательством. В настоящий момент Российская Федерация реализует все виды обеспечения, закрепленные Конвенцией МОТ № 102. Однако наблюдаются существенные различия в определении понятийного аппарата, предусмотренного данной Конвенцией.

Так, например, дефиницию «пособия» (benefit) международный законодатель использует в более широком понимании, охватывая тем самым все виды денежных выплат, таких как пенсии, пособия, дотации и иные виды социальной помощи. В российском законодательстве термин «пособие» не охватывает весь закрепленный перечень, также различия имеют такие понятия как «пособие» и «пенсия». Под пособиями следует понимать кратковременные или разовые компенсационные выплаты, в то время как пенсия – это долговременные ежемесячные выплаты, регулярный денежный доход.

При сравнении законодательства различного уровня можно определить и иные понятийные противоречия. В соответствии со ст.1 Конвенции № 102 «ребенок» – это лицо, не достигшее возраста 15 лет, в то время как российское законодательство в определении данного термина руководствуется Конвенцией ООН о правах ребенка, где закреплено общее правило: «ребенок – лицо, не достигшее возраста 18 лет» [2].

Одним из ключевых отличий в понятийном аппарате, применяемом в Конвенции МОТ №102, является применение термина «типовой получатель», который используется при расчете периодических выплат не на одного получателя пособия, как в российском законодательстве, а на семейную пару, которая и признается бенефициарием.

Так для каждого страхового случая Конвенция определяет «типовой получатель», однако в российской правовой системе данное понятие отсутствует. Это можно объяснить различным уровнем заработной платы между различными категориями работников, что делает невозможным объединение их в одну группу «типового получателя».

Не менее острой проблемой практики применения международных стандартов в Российской Федерации является проблема интерпретации понятия «социальное обеспечение». Конвенция МОТ № 102, устанавливает минимальные нормы социального обеспечения, но не дает самого определения данного понятия. Данное понятие также не находит легального закрепления и в россий-

ском законодательстве, хотя активно используется в различных нормативно правовых актах, включая и Конституцию РФ.

В. С. Андреев, основоположник отрасли права социального обеспечения, отмечал, что отсутствие легального определения данного понятия служит причиной формирования различных взглядов на проблематику всей подотрасли [1]. Правильное, единообразное понимание такой дефиниции как «социальное обеспечение» обуславливает и другие явления экономического, политического и социального характера.

Однако, несмотря на отсутствие законодательного закрепления дефиниции, основной целью социального обеспечения, понятной для всех, является обеспечение социальной стабильности и развития общества. Международные показатели поддерживают позицию, что поддержка национального правительства служит основой эффективного развития общества и содействует социальной справедливости.

Такую тенденцию можно проследить при анализе исторического аспекта формирования пенсионной системы. Так в советский и постсоветский период наблюдались различные тенденции.

Реформы пенсионной системы 1956, 1990 гг. оцениваются различными теоретиками, как «направленные на коренное улучшение пенсионного обеспечения населения», однако уже в 1993, 2002 гг. качество пенсионной системы значительно ухудшилось, что можно объяснить резким падением уровня пенсионного обеспечения, неблагоприятной экономической ситуацией в России непременным своевременных компенсирующих мер [4].

Как отмечают многие специалисты, изменение пенсионного законодательства происходит стремительно, бессистемно, что порождает декодификацию права социального обеспечения. В ходе различных пенсионных реформ уже были приняты попытки унификации законодательства, регулирующего пенсионные отношения, однако данная отрасль так и не была подвергнута комплексной кодификации, что влечет невозможность формирования единой концепции развития законодательства социального обеспечения.

Таким образом, представляется необходимым расширение законодательного понятийного аппарата в соответствии с Конвенцией МОТ №102.

Предлагаем внести поправки в ст.3 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан РФ», где изложить понятие «социального обеспечения» в следующей редакции:

Социальное обеспечение – это организованная государством форма помощи для утвержденного круга лиц, оказываемая при наступлении определенных юридических фактов, в установленных законом ситуациях, с целью выравнивания социального положения граждан.

Библиографический список

1. Андреев В. С. Научные труды : в 2 т. М. : Изд. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013. Т. 2. С. 13–17.
2. Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» : заключена в г. Женеве 28.06.1952) //

СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=137732092008330917502440065&cacheid=0E405CB7FF9B41BB12015987403924C9&mode=splus&base=INT&n=16217&dst=100563&rnd=30CDFD7AD35B8D2FF282A22DF482AF6E#9hpvpa05uqo> (дата обращения: 08.10.2019).

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена генеральной ассамблеей ООН 20.11.1989) // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=9959&fld=134&dst=100018,0&rnd=0.5008104470123729#05986652236507906> (дата обращения: 08.10.2019).

4. Роиц В. Д. Пенсионная система России: от советского к седому обществу. М. : Проспект, 2017. С. 121–123.

УДК 347.4

Бабешко Влада Андреевна,
студент, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
федерального государственного казенного образовательного учреждения
высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
123vlada00@mail.ru

Форс-мажор как исключаящее гражданско-правовую ответственность предпринимателей обстоятельство

В статье рассмотрены понятия форс-мажора и непреодолимой силы. Проведен анализ признаков понятия «форс-мажор» в российском праве. Рассмотрены признаки непреодолимой силы. Проведен анализ судебной практики определения признаков непреодолимой силы: чрезвычайности и непреодолимости. Проведено соотношение понятия «форс-мажор» с понятием непреодолимой силы. Обоснован широкий подход к понятию форс-мажора, охватывающего обстоятельства непреодолимой силы и договорно определяемые обстоятельства, освобождающие от ответственности.

Ключевые слова: предприниматель, форс-мажор, непреодолимая сила, ответственность, чрезвычайность, непредотвратимость.

Babeshko Vlada Andreevna,
student, Saint Petersburg law Institute (branch) Federal state state educational
institution of higher education “University of the Prosecutor's office of the Russian
Federation”,
Saint Petersburg, Russian Federation

Force majeure as a circumstance excluding the civil liability of entrepreneurs

The article deals with the concepts of force majeure and force majeure. The article analyzes the features of the concept of "force majeure" in Russian law. Signs of force majeure are considered. The analysis of judicial practice of determining the signs of force majeure: extreme and insurmountable. The correlation of the concept of "force majeure" with the concept of force majeure is carried out. A broad approach to the concept of force majeure is justified, covering force majeure circumstances and contractually determined circumstances that release from liability.

Keywords: *entrepreneur, force majeure, force majeure, liability, emergency, unavoidable.*

Законодательно-закрепленного термина «форс-мажор» в российском праве не предусмотрено, однако данный термин широко используется в научной доктрине, практике зачастую приравнивается к обстоятельствам непреодолимой силы, которые понимаются как чрезвычайные непредотвратимые при определенных условиях обстоятельства.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предприниматель имеет повышенный уровень ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы.

При определении непреодолимой силы следует руководствоваться целевой направленностью конкретных норм, регулирующих форс-мажорные обстоятельства.

В первую очередь важно установить баланс интересов как слабой, так и сильной стороны. Необходимость обеспечения интересов слабой стороны проявляется в ее неосведомленности обо всех обстоятельствах правонарушения. Сильная сторона, в свою очередь, осведомлена об обстоятельствах правонарушения, однако важно гарантировать защиту ее интересов путем освобождения от ответственности в случаях ее невиновности.

Кроме того, в отношении лиц, обладающих повышенной ответственностью в независимости от наличия в их действиях вины, важно стимулирование таких субъектов к повышению бдительности в предотвращении последствий неблагоприятных форм-мажорных обстоятельств.

Понятие «форс-мажора» включает в себя такие признаки невозможности исполнения обязательства, как действительный характер невозможности исполнения обязательства и обусловленность невозможности исполнения обстоятельствами, за которые стороны не отвечают. Данные признаки вытекают из законодательных положений о непреодолимой силе, однако подробно их значение не раскрывается, а потому оценка наличия соответствующих обстоятельств осуществляется судом.

В своем постановлении от 07.07.98 № 6841/97 Президиум Высшего арбитражного суда указал, что «под чрезвычайностью понимается исключительность, выход за пределы «нормального», обыденного, необычайность для тех

или иных жизненных условий, что не относится к жизненному риску и не может быть учтено ни при каких обстоятельствах».

В определении Верховного Суда РФ от 01.09.2009 № 24-В09-8 дается толкование понятия «непредотвратимость», под которым понимается «действие объективных факторов, которые не позволяют лицу исполнить возложенную на него обязанность».

Можно отметить сложившуюся судебную практику отнесения к непреодолимой силе следующих явлений: чрезвычайные события, природные явления, а также некоторые события общественного характера, например, военные действия или эпидемии [1, с. 2].

По мнению А. И. Фролова, к признакам непреодолимой силы относятся: чрезвычайность, непреодолимость, признак большой мощи проявления соответствующих обстоятельств, внешний характер происхождения обстоятельств непреодолимой силы по отношению к деятельности сторон [3, с. 17–18]. Под чрезвычайностью следует понимать исключительность, необычность, экстраординарность события, под непреодолимостью – невозможность исправить сложившееся положение, под большой мощью проявления – большую силу соответствующих обстоятельств в сравнении с силами, им противостоящими.

Отдельно следует сказать про абстрактные обстоятельства непреодолимой силы. По сути их нельзя признать форс-мажором, поскольку отсутствует прямое препятствие исполнению договора.

Стороне, нарушившей обязательство, необходимо доказать факт невозможности преодолеть и предотвратить наступившие негативные последствия. Так, к обстоятельствам непреодолимой силы в соответствии со ст. 401 ГК РФ не может быть отнесено «нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств» [2].

Кроме того, судебная практика значительно расширяет приведенный перечень обстоятельств и не признает обстоятельством непреодолимой силы финансовый кризис, банкротство, кражу, а в ряде случаев и пожар.

При этом сторона может сослаться на непреодолимую силу лишь при наличии причинно-следственной связи между форс-мажорным обстоятельством и невыполненным обязательством. В любом случае, стороной должны быть приложены усилия для выполнения обязательства.

Имеет место судебная практика по случаям, когда стороны договорились считать непреодолимым обстоятельство, которое объективно таковым не является. При разрешении данных вопросов суды признают такие условия договора ничтожными, отмечая, что данное условие ничтожно в силу ст. 168 ГК РФ как не соответствующее п. 3 ст. 401 ГК РФ. Однако в договоре можно предусмотреть условие о форс-мажоре и определить такое чрезвычайное обстоятельство, которое по закону не может относиться к непреодолимой силе. Это основано на том, что понятия форс-мажор в законе нет, а п. 3 ст. 401 ГК РФ позволяет договором установить иные основания освобождения от ответственности.

Обстоятельства, не относящиеся в соответствии с законом к непреодолимой силе, не могут быть предусмотрены сторонами договора в качестве непре-

одолимой силы, поскольку норма, закрепляющая обстоятельства непреодолимой силы, является императивной. Вместе с тем, сформулировать иные обстоятельства, освобождающие от ответственности, в том числе обстоятельства, обладающие меньшей степенью чрезвычайности и субъективной непредотвратимостью, стороны договора могут.

Следует не согласиться с мнением о тождестве понятий непреодолимой силы и форс-мажора. Последнее понятие является более широким и включает в себя императивно сформулированное в законе понятие непреодолимой силы, а также иные обстоятельства форс-мажора, о которых договорились стороны.

Библиографический список

1. Вакуленко М. Ю. Непреодолимая сила как основание освобождения от ответственности // Научные записки молодых исследователей. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepreodolimaya-sila-kak-osnovanie-osvobozhdeniya-ot-otvetstvennosti> (дата обращения: 21.11.2019).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ [с послед. изм.] // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 07.07.98 № 6841/97 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

УДК 347.1

Бедило Марина Александровна,
студент, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
marina.bedilo@mail.ru

Генезис законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации

В данной статье проводится анализ исторического становления и развития института защиты таких нематериальных благ как честь, достоинство и деловая репутация. Этот институт развивался с течением времени и «подстраивался» под развивающиеся общественные отношения на каждом этапе своего развития.

Ключевые слова: правовой институт, защита чести, достоинства и деловой репутации, становление и развитие законодательства, нематериальные блага.

Bedilo Marina Aleksandrovna,
student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Genesis of legislation on the protection of honor, dignity and business reputation

This article analyzes the historical formation and development of the institution of protection of intangible goods such as honor, dignity and business reputation. This institute developed over time and “adapted” to developing social relations at every stage of its development.

Keywords: *legal institution, protection of honor, dignity and business reputation, formation and development of legislation, intangible goods.*

Институт защиты таких нематериальных благ как честь, достоинство и деловая репутация, развивался с течением времени и «подстраивался» под развивающиеся общественные отношения на каждом этапе своего развития [7, с. 20].

В цивилистической доктрине принято рассматривать процесс исторического становления и формирования законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации в четырех периодах: XI – начало XIX в.; XIX – начало XX в.; 1922 г. – конец 80-х годов XX в.; 90-е годы XX в. – по настоящее время.

В период XI – начала XIX в. в отечественном законодательстве начали закладываться основы защиты некоторых нематериальных благ. Следует заметить, что в этот период таких правовых понятий, как «честь», «достоинство» и «деловая репутация» вообще не существовало [1, с. 150].

Первым документом, в котором были закреплены нормы о чести и достоинстве славян, является Правда Ярослава – документ, датированный XI веком. В данном акте защите чести человека посвящено 4 статьи. В качестве примера таких преступлений можно указать удар необнаженным орудием, что в контексте того исторического периода считалось тяжелым оскорблением, унижением чести жертвы данного деяния [10, с. 38].

Следующим правовым источником норм древнерусского права, затрагивающим вопрос нематериальных благ, была Краткая правда (XI в.). В ней предусматривалась защита, прежде всего, чести и достоинства мужчин, а честь женщин отстаивалась в церковных судах. Дальнейшее развитие институт защиты чести и достоинства получает в Соборном Уложении 1649 года, которое включало 73 статьи. Особенностью данного акта является наличие дифференциации людей по признакам пола, возраста, материального положения, происхождения. В изучаемом источнике права используется термин «бесчестие», обозначающий, говоря современным языком, компенсацию морального вреда. Например, оскорбление мужем чести своей жены наказывалось двукратным штрафом, дочери отцом – четырехкратным штрафом [2, с. 150].

На втором этапе (XIX – начало XX в.) развития в отечественном праве появляется институт диффамации. Данный термин понимается учеными как распространение заведомо порочащих сведений. Стимулом для появления института диффамации стало частичное освобождение органов печати от предварительной цензуры. С этого момента разглашение в печати обстоятельств, ко-

торые могут опорочить честь, достоинство и доброе имя частного или должностного лица, являлось преступлением.

Если рассмотреть институт диффамации, то, согласно Декрету 1917 г. «О печати», вводился упрощенный порядок опровержения данных в печати. Пострадавшему следовало отправить специальному комиссару вырезку из издания, затрагивающую интересы лица, и приложить текст опровержения. В случае принятия положительного решения издательство обязывалось разместить опровержение размерами в два раза превышавшее первоначальное [10, с. 39].

Свод законов Российской империи, действовавший до 1917 г., закреплял норму о возмещении убытков за причиненный вред, однако не содержал в себе разделения материального и морального вреда. Законодательство того времени также содержало понятие «кредит», что обозначало доверие. Производное понятие «дискредитация» обозначала один из способов уничтожения конкурента путем подрыва его «кредита», то есть доверия.

Третий этап (1922 г. – конец 80-х годов XX в.). В принятом Гражданском кодексе РСФСР 1922 года не было упоминания ни о защите репутации, ни о чести и достоинстве гражданина.

Глава 6 Уголовного кодекса РСФСР, принятого в 1926 г., содержала норму о запрете всех видов оскорбления, в том числе устного, письменного и в печати. Данный тезис также подтверждается тем, что уголовно-процессуальное законодательство того периода относит данные преступления к сфере дел частного обвинения, а оскорбление граждан, находящихся при исполнении властных функций, образует специальный состав преступления.

Однако уже в 1961 г. в принятых Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик впервые в советском праве появилась норма, которая позволила и юридическим лицам защищать свои нематериальные блага. Эти изменения конкретизировали порядок защиты чести и достоинства в случае распространения недостоверных порочащих сведений через средства массовой информации. Главной особенностью было установление обязательного досудебного урегулирования спора. Так, ч. 1 ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик предусматривала, что «гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности» [1, с. 11].

На четвертом этапе (90-е годы XX в. – по настоящее время) происходят коренные изменения основных принципов советского права, что сказывается на нормах гражданского права [3, с. 19].

Одним из первых нормативно-правовых актов, предусматривающих возможность взыскания морального вреда, является Закон СССР от 12 июня 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации».

Одновременно были внесены изменения в ряд нормативно правовых актов, среди которых были и Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик от 08 декабря 1961 г., касательно установления обязательного для всех субъектов правоотношений досудебного урегулирования спора. В ка-

честве примера можно привести содержание части 6 статьи 7, в которой определяется, что гражданин имеет право на обращение в суд только после требования о публикации опровержения либо ответа в СМИ, в случае если ему было отказано или истечении месяца после неисполнения его законного требования [10, с. 42].

Смену всех сфер государственной и общественной жизни в Украине провозгласило принятие 28 июня 1996 года Конституции Украины. Новый Основной закон государства признавал высшей ценностью общества и государства человека с его правами и свободами и провозгласившей переход Украины на рыночную экономику.

Гражданский Кодекс Украины, принятый 16 января 2003 года, оказал прямое влияние на защиту нематериальных благ, в том числе защиту чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц.

Принятый 18 марта 2004 г. Гражданский – процессуальный кодекс Украины провозгласил что, суд обязан уважать честь и достоинство всех участников гражданского процесса и осуществлять правосудие на началах их равенства перед законом и судом независимо от расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного состояния, местожительства, языковых и других признаков [9, с. 4].

14 мая 2014 года Верховным Советом Донецкой Народной Республики была принята Конституция Донецкой Народной Республики, которая провозгласила что, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а также что достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления [6, с. 2].

Помимо основополагающих норм Гражданского Кодекса Украины, регулирующих отношения, связанные именно с защитой деловой репутации, можно также отметить нормы, зачастую включенные в кодексы этики, в которых закреплены требования, касающиеся необходимости дорожить профессиональной репутацией, а также недопустимости причинения вреда действиями, посягающими на деловую репутацию. В качестве примера можно привести Кодекс этики и служебного поведения сотрудников судов Донецкой Народной Республики, Правила профессиональной этики нотариусов Донецкой Народной Республики.

Особо следует рассмотреть положения Закона Донецкой Народной Республики от 1 февраля 2019 года № 14-ПНС «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ), поскольку очень часто сведения, порочащие деловую репутацию предприятия, могут распространяться через средства массовой информации.

Так, согласно ст. 277 Гражданского Кодекса Украины физическое лицо, личные неимущественные права которого, нарушены в печатных или в других средствах массовой информации, имеет право на ответ, а также на опровержение недостоверной информации в том же средстве массовой информации [8, с. 90]. Аналогичное право предоставлено в ст. 53 Закона о СМИ, в которой указывается что, физическое лицо, организация, независимо от организационно-

правовой формы, вправе потребовать от редакции опровержения не соответствующих действительности и порочащих их честь и достоинство сведений, которые были распространены в данном средстве массовой информации [5, с. 49].

Значительную роль в защите деловой репутации юридического лица от недобросовестной конкуренции или ненадлежащей рекламы играет и закон Донецкой Народной Республики от 22 декабря 2017 г. № 198-ІНС «О рекламе» (далее – Закон о рекламе), который указывает на недопустимость использования рекламы, направленной на оговаривание юридических лиц. Так, согласно статье 6 Закона о рекламе реклама должна быть добросовестной и достоверной. Ненадлежащая реклама не допускается [4, с. 6].

Также в соответствии со статьей 27 Закон о рекламе лица, права и интересы которых нарушены в результате распространения ненадлежащей рекламы, вправе обращаться в установленном порядке в суд [4, с. 38].

Таким образом, анализ исторического процесса формирования категории «честь», «достоинство» и «деловая репутация», а также отношений, складывающихся по поводу их реализации, свидетельствует о формировании, прежде всего охранительного института нематериальных благ в гражданском праве, который представляет собой совокупность юридических норм, предусматривающих охрану и защиту (в административном и судебном порядке) чести, достоинства и деловой репутации, закрепленных в положениях Конституции Донецкой Народной Республики, и иных нормативных актах.

Библиографический список

1. Аленина К. И. Эволюция отечественного законодательства о защите деловой репутации юридических лиц // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире. 2017. № 2. С. 150–152.

2. Архиереев Н. В. Развитие законодательства Российской Федерации о защите деловой репутации юридических лиц // Юрист. 2015. №5. С. 10–17.

3. Белых В. С., Белых С. В. Конституция РФ и правовые основы предпринимательской деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 2. С. 19–24.

4. Донецкая Народная Республика. Закон «О рекламе» от 22.12.2017 г. № 198-ІНС : принят Постановлением Народного Совета 22 декабря 2017 г. : ред. от 10.01.2018 г. // Собрание законодательства Донецкой Народной Республики. 2018. Ст. 31.

5. Донецкая Народная Республика. Закон «О средствах массовой информации» от 29.06.2015 г. № 59-ІНС : Принят Постановлением Народного Совета 29 июня 2015 г. : ред. от 06.02.2019 г. // Собрание законодательства Донецкой Народной Республики. 2019. Ст. 75.

6. Конституция Донецкой Народной Республики : принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014, с учетом изменений, внесенных Законами ДНР о внесении поправок в Конституцию ДНР от 29.12.2017 года № 205-ІНС // Собрание законодательства Донецкой Народной Республики. 2018. № 01-ІНС.

7. Старичкова Л. И. Развитие правового регулирования защиты чести и достоинства личности в Российской Федерации // Государство и право: теория

и практика : материалы IV Междунар. науч. конф. (Казань, 20–23 марта 2018 г.). Казань, 2018. С. 20–23.

8. Украина. Законы. Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 № 435-IV : принят Верховной Радой 16 января 2003 года, с изм. от 13.05.2014 // Ведомости Верховной Рады. 2014. № 31. 368 с.

9. Украина. Законы. Гражданский – процессуальный кодекс Украины от 18.03.2004 № 1618-IV : принят Верховной Радой 18 марта 2004 года, с изменениями от 13.05.2014 // Ведомости Верховной Рады. 2014. № 1263-VII. Ст. 502.

10. Шестаков О. В. Исторический анализ института деловой репутации юридических лиц // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы Российской Федерации : материалы Всерос. науч. конф. (Сыктывкар, 4–5 апреля 2017 г.). Сыктывкар, 2017. С. 38–42.

УДК 342.7

Гончарова Наталья Владимировна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
nataliag98@mail.ru

Столбова Дарья Дмитриевна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
d.stolbowa@yandex.ru

Бармина Ольга Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, Волго-Вятский институт (филиал)
университета им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация

Проблемы правового регулирования детского отдыха и туризма

Одной из важнейших задач государственной политики Российской Федерации в отношении детей является организация их отдыха и оздоровления. Данному направлению защиты прав детей уделяется большое внимание, однако, несмотря на востребованность, наличие значимого по объему законодательной базы этому препятствует. Целью данной статьи выступает анализ проблем правового регулирования организации детского отдыха и туризма, поиск возможных решений для развития и совершенствования законодательства Российской Федерации в данной сфере, что необходимо для гармонизации нормативно-правовых актов всех уровней, а также исключения юридических коллизий.

Ключевые слова: дети, отдых, туризм, проблемы, законодательство, компенсации.

Goncharova Natalia Vladimirovna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Stolbova Daria Dmitrievna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Barmina Olga Nikolaevna,

candidate of law, associate Professor, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Problems of legal regulation of children's recreation and tourism

One of the most important tasks of the state policy of the Russian Federation in relation to children is the organization of their recreation and rehabilitation.

Much attention is paid to this area of protecting the rights of children, but despite the relevance, the presence of a large legislative base prevents this. The purpose of this article is to analyze the problems of legal regulation of the organization of children's leisure and tourism, search for possible solutions for the development and improvement of the legislation of the Russian Federation in this area, which is necessary for the harmonization of regulatory acts at all levels, as well as the elimination of legal conflicts.

Keywords: children, recreation, tourism, problems, legislation, compensation.

Одной из важнейших задач государственной политики Российской Федерации в отношении детей является организация их отдыха и оздоровления.

В настоящее время в РФ действует масштабный проект – «Десятилетие детства», реализация которого Указом Президента от 29 мая 2017 года № 240 запланирована на 2018–2027 гг. [2].

К сожалению, несмотря на поставленную государством цель, попытки совершенствования законодательства не принесли результата: в настоящее время имеется огромное количество нормативных правовых актов, регулирующих организацию детского отдыха и туризма, основные из которых: Федеральный Закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [4] (далее также – Закон «Об основах туристской деятельности»), Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [5] (далее также – Закон «Об основных гарантиях прав ребенка»), Федеральный закон от 16.10.2019 № 336-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования организации отдыха и оздоровления детей» [6] (далее также – Закон «О внесении изменений в Фе-

деральный закон об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации») и т. д.

В Кировской области принято постановление Правительства Кировской области от 10 марта 2017 года № 52/146 «Об организации и обеспечении отдыха и оздоровления детей и молодежи на территории Кировской области», которое детализирует особенности детско-юношеского туризма [1].

Проанализировав указанные акты, можно увидеть некоторые пробелы, нормы, содержащие как дублирующие, так и противоречащие положения, и другие недостатки.

Между тем в перспективе детский туризм может и должен стать одним из приоритетных направлений развития туризма в России. Преимущества в экономической сфере этого вида туризма очевидны: дети путешествуют, как правило, организованными группами, поездки являются не разовыми, а повторяются довольно часто, что значительно облегчает планирование бизнеса.

Также детский туризм важен с социальной точки зрения, так как он предоставляет уникальную возможность детям лучше узнать и ознакомиться с культурным наследием своей страны и других государств, способствует формированию здорового образа жизни человека и общества в целом, что имеет большое значение для государства в воспитании подрастающего поколения.

Нельзя не отметить, что, к сожалению, на сегодняшний день имеет место ряд проблем, не дающие развиваться данному направлению. Так, крайне важной проблемой является детский травматизм. Несмотря на неутешительную статистику, в России не существует ни одной государственной программы, занимающейся этим вопросом [7].

Препятствует развитию детского туризма и стоимость поездки в целом. Основными факторами роста стоимости услуг детских лагерей являются повышение аренды земли и помещений, рост коммунальных платежей, удорожание продуктов питания, повышение затрат на образовательно-развлекательную программу.

Так, например, в 2012–2016 гг. средняя цена пребывания в детском лагере увеличилась на 46,1 % и достигла 2151,0 руб. на человека в день в 2016 г. В связи с ростом цен на услуги детских лагерей и расходов родителей на отдых детей, в 2012–2016 гг. наблюдалось уменьшение среднего количества дней пребывания в детском лагере на одного ребенка в год на 4 %. В 2016 г в детских лагерях отдохнуло 5,16 млн детей. Детский отдых не должен быть дорогим. К примеру, в Брянске, Алтайском крае, стоимость путевок в загородные лагеря колеблется от 8 до 13 тысяч рублей за 21 день пребывания [7]. И большую часть цены компенсируют региональные власти.

Что касается Кировской области, то в Кировском областном государственном автономном учреждении «Центр отдыха и оздоровления детей «Вятские каникулы», созданном на основании распоряжения Правительства Кировской области от 14.09.2018 № 259 «О создании автономного учреждения путем изменения типа существующего бюджетного учреждения» [3] цены на путевку в зависимости от лагеря варьируются от 20500 до 20900 тысяч рублей без субсидий и от 12900 до 13300 тысяч рублей с субсидиями соответственно за

19 дней пребывания. Тогда как средняя зарплата в Кировской области в 2019 году составила 29 101 рубль по данным Росстат [8].

Нельзя не отметить, что транспортные ведомства в пиковые периоды повышают цены на билеты, в том числе, на летние маршруты, что вызывает сложности у родителей, которые должны оплатить своим детям дорогу до места проведения отдыха и соответственно обратно. Остро этот вопрос стоит касаясь удаленных регионов, где вопрос организации ежегодного выезда детей на летний отдых в значительной степени и напрямую зависит от возможностей бюджета каждой отдельно взятой семьи. В связи с этим следует говорить о необходимости повышения адресности бюджетной помощи и поддержки летнего отдыха и оздоровления детей. Так, например, для детей школьного возраста из многодетных семей в период летней оздоровительной кампании можно было бы ввести льготы на приобретение железнодорожных билетов.

Рост тарифов на электроэнергию также значительно оказывает влияние на итоговую стоимость отдыха. Было бы целесообразно установить льготы для подобных организаций и учреждений. Например, установления льгот по земельному налогу и арендным платежам за земельные участки, на которых расположены лагеря.

Поскольку полномочия по организации отдыха детей и их оздоровления отнесены к ведению региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления, все вышеуказанные проблемы, по нашему мнению, являются результатом межведомственной разобщенности, отсутствия единого координирующего органа в сфере организации детского отдыха.

Нельзя не отметить и недавние изменения в законодательстве, действующие с 16 октября 2019 года, а конкретно: Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования организации отдыха и оздоровления детей» установлена обязанность организаций отдыха детей и их оздоровления представлять сведения о своей деятельности в уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ в сфере организации отдыха и оздоровления детей для включения в реестр организаций отдыха детей и их оздоровления. Организации, не включенные в реестр не вправе оказывать услуги по организации отдыха и оздоровления детей.

Таким образом, данный Закон внес определенные коррективы в существующее законодательство не только с целью усовершенствования действующих норм, но и также с целью повышения безопасности организации детского отдыха и оздоровления детей.

В Закон «Об основах туристской деятельности» были также ранее внесены изменения, согласно которым Министерство культуры России устанавливает общие требования к туристским маршрутам для прохождения организованными группами детей и порядку организации их прохождения детьми, находящимися в организациях отдыха детей и их оздоровления, либо являющимися членами организованной группы туристов

Первое противоречие заключается в том, что частица «либо» в этом случае недопустима, потому что дети, находящиеся в организациях отдыха и оздоровления детей и идущие в поход, уже являются туристами.

Следующее противоречие состоит в том, что в настоящее время действуют два закона, предусматривающие наделение органов исполнительной власти в сфере отдыха и оздоровления детей правом утверждать списки рекомендуемых туристских маршрутов. В одном случае вопрос туристских маршрутов регламентируется Законом «Об основах туристской деятельности», в другом случае – Законом «Об основных гарантиях прав ребенка». Специалисты в области активного туризма утверждают: не бывает одинакового маршрута в зависимости от климатических условий, сезона, погоды. Рекомендуемый сегодня маршрут может быть nereкомендуемым в ближайшем будущем – уже завтра [8].

Таким образом, можно отметить проблемы, ограничивающие развитие детского туризма и отдыха: несовершенство законодательной базы, высокая стоимость детских путевок, недостаток финансирования детских государственных лагерей, отсутствие единого информационного портала с информацией о возможностях детских лагерей и их программам пребывания, недостаточное количество страховых программ, отсутствие конкурентоспособного детского туризма в Российской Федерации, слабое продвижение качественного туристского детского продукта.

Пути решения перечисленных проблем можно свести к тому, что необходимо: повысить безопасность детского отдыха, детских маршрутов; разработать единую систему статистических показателей; проводить ежегодный рейтинг загородных детских лагерей; обеспечить господдержку производителей товаров и услуг нового качества для инфраструктуры детского туризма; развивать государственно-частное партнерство.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Кировской области от 10 марта 2017 года № 52/146 «Об организации и обеспечении отдыха и оздоровления детей и молодежи на территории Кировской области. URL: <http://kirovreg.ru> (дата обращения: – 30.11.2019)
2. Указ Президента от 29 мая 2017 года № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: – 30.11.2019).
3. Устав КОГАУ ЦООД «Вятские каникулы» // Официальный сайт КОГАУ ЦООД «Вятские каникулы» в сети Интернет (дата обращения: 30.11.2019)
4. Федеральный Закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 1996. № 231.
5. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета. 1998. № 147.
6. Федеральный закон от 16.10.2019 № 336-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенст-

воования государственного регулирования организации отдыха и оздоровления детей» // Парламентская газета. 2019. № 37.

7. Объем туристских услуг, оказанных населению. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 30.11.2019).

8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области. URL: <https://kirovstat.gks.ru/news/document/78712?print=1> (дата обращения: 30.11.2019).

УДК 347.965

Давлетбаев Дмитрий Юрьевич,
студент, Башкирский Государственный Университет,
г. Уфа, Российская Федерация
dimon.davlet@gmail.com

О некоторых проблемах юридических клиник как субъекта оказания бесплатной юридической помощи

Конституция Российской Федерации предусматривает возможность оказания бесплатной юридической помощи, федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» развивает данное положение, закрепляя юридическую клинику как одного из субъектов оказания бесплатной юридической помощи. Кроме того, юридические клиники направлены на формирование у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи. Таким образом, юридическая клиника де юре является эффективным слиянием теории и практики в преподавании юриспруденции, однако существует ряд проблем, которые требуют решения для дальнейшего развития бесплатной юридической помощи в Российской Федерации.

Ключевые слова: юридические клиники, бесплатная юридическая помощь, образовательная деятельность, студенты-клиницисты, негосударственная система юридической помощи, клиническое образование.

Davletbaev Dmitry Yuryevich,
student, Bashkir State University,
Ufa, Russian Federation

About some problems of legal clinics as a subject of providing free legal aid

The Constitution of the Russian Federation provides for the possibility of providing free legal aid, the federal law “On Free Legal Aid in the Russian Federation” develops this provision, consolidating the legal clinic as one of the subjects of free legal aid. In addition, legal clinics are aimed at developing skills in providing legal assistance for students in a legal specialty. Thus, the de jure legal clinic is an effec-

tive merger of theory and practice in the teaching of jurisprudence, but there are a number of problems that need to be addressed for the further development of free legal aid in the Russian Federation.

Keywords: *legal clinics, free legal aid, educational activities, clinical students, private legal aid system, clinical education.*

Не вызывает сомнений большая роль юридических клиник в решении правовых вопросов населения, повышении уровня образования, распространения знаний, а также в формировании профессиональных навыков и умений у будущих юристов.

На сегодняшний день юридические клиники оказания помощи малоимущим гражданам создаются на базе образовательной организации высшего образования [1]. Так, на сегодняшний день в Республике Башкортостан действует Юридическая клиника при Институте права Башкирского Государственного Университета, которая располагается в городе Уфе. Следует отметить, что население города Уфы составляет чуть более 1 миллиона 100 тысяч человек.

Важно подчеркнуть, что в данном субъекте имеются: 1 город численностью более 250 тыс. человек (г. Стерлитамак), 3 города численностью от 100 до 250 тыс. человек (Салават, Октябрьский, Нефтекамск). Данные города отдалены от столицы субъекта как минимум на 120 километров, как максимум на 200. Также следует учитывать, что численность населения Стерлитамакской агломерации составляет около 565 тысяч человек.

Поскольку образовательные организации высшего образования, учреждающие юридические клиники, как правило, располагаются в столице субъекта, возникает вопрос о реализации заложенных Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ № 324) принципов: 3) доступность бесплатной юридической помощи для граждан в установленных законодательством Российской Федерации случаях; 8) равенство доступа граждан к получению бесплатной юридической помощи и недопущение дискриминации граждан при ее оказании. На примере Республики Башкортостан, становится заметно, что в силу расположения центров бесплатной юридической помощи в столице, для значительной части населения обратиться за бесплатной юридической помощью становится затруднительно. Также следует учитывать, что статья 20 ФЗ № 234 устанавливает круг лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, среди них, к примеру, малоимущие граждане, инвалиды I и II групп, граждане пожилого возраста и инвалиды, проживающие в организациях социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги в стационарной форме. Разумеется, указанные категории граждан проживают не только в столице субъекта.

В связи с этим, существует проблема реализации принципов, декларируемых ФЗ № 324 Граждане, проживающие на значительном расстоянии от столицы субъекта вынуждены для решения неотложных правовых вопросов нести транспортные расходы, если они вообще по состоянию здоровья или возрасту способны добраться до мест, где оказывается бесплатная юридическая

помощь. В отсутствие возможности безвозмездного решения правовых вопросов, граждане вынуждены либо обращаться за оказанием платных юридических услуг, либо же отказываться от защиты своих прав в силу неспособности оплатить эти услуги. Представляется, что данные обстоятельства не способствуют повышению правовой грамотности населения, правовой культуры, защите прав и свобод личности.

Какие же способы решения указанной проблемы существуют? На мой взгляд, в связи с развитием информационных технологий, сети интернет возможно проведение консультации в электронной форме, посредством использования систем видеосвязи. Также обмен необходимыми для решения вопросов копий документов через интернет является реальным. Возникает вопрос: где будет размещаться компьютер для соединения лица, нуждающегося в помощи, с его консультантом? Думается, что в этом направлении организациям высшего образования следует организовать сотрудничество с муниципальными образованиями. К примеру, в крупном городе (в котором отсутствуют юридические клиники) в одном из кабинетов органа местного самоуправления установить необходимое оборудование для связи с юридической клиникой, которая находится в городе, в котором находится высшее учебное заведение, также нанять минимальный персонал для обеспечения приема граждан, заполнения необходимых для оказания услуг документов.

Одним из важных примеров является опыт юридической клиники Сибирского института бизнеса и информационных технологий по введению системы «онлайн правовое консультирование» [2, с. 92]. В связи с этим, предлагается, разработать мобильное приложение и веб-сайт, с помощью которого гражданин, имеющий доступ в Интернет, может изложить свою проблему или же выбрать из предложенного перечня проблем. Затем, студент-клиницист, ознакомившись с проблемой гражданина, выявив ее суть, подготовив ответ либо же документ, посоветовавшись с преподавателями, может в электронной форме проконсультировать гражданина, направить ему необходимые документы (исковое заявление, претензию и т. д.). Однако следует учитывать, что данное новшество направлено скорее на лиц молодого и среднего возраста.

Учитывая положительный опыт организации выездных юридических консультаций, предполагается возможным организация летней учебной практики в указанных кабинетах местной администрации, представительного органа муниципального образования, расположенных в крупных городах субъекта, где студенты-клиницисты также смогут осуществлять юридическую помощь, но уже без использования электронных средств, то есть вживую. Данная мера представляется актуальной также в свете того, что студенты смогут проходить летнюю учебную практику в родном городе. Помимо этого, в связи со значимостью оказания бесплатной юридической помощи стоит предусмотреть для таких студентов всевозможные виды поощрения от образовательной организации.

Помимо этого, на сегодняшний день имеется проблема недостаточной осведомленности граждан о существовании бесплатной юридической помощи, в частности о существовании юридических клиник при учебных заведениях.

Население считает, что оказание юридической помощи оказывается только на платной основе и поэтому не отстаивает свои права в полном объеме [3, с. 167]. Необходимо развивать правовое информирование граждан в том направлении, чтобы исполнительный, правоохранительный орган или же суд при отсутствии компетенции в определенном вопросе при обращении гражданина разъяснял возможность обращения гражданина в субъект оказания бесплатной юридической помощи.

Подводя итог всему вышесказанному, юридическая клиника является важным инструментом, реализующим важные социальные функции, а также способствующим развитию гражданского общества и формированию правового государства. Указанные меры направлены на укрепление статуса юридической клиники, как института оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 № 324-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.11.2019).

2. Анохина О. В., Елисеева Г. В. К вопросу о роли юридической клиники в деятельности будущих юристов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 1. С. 89–94.

3. Романова А. Е. Бесплатная юридическая помощь в России // Символ науки. 2016. № 5. С. 166–167.

УДК 347.2/3+342

Демкович Дмитрий Анатольевич,
студент, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
demkovichanatol@mail.ru

Виртуальный мир как объект права интеллектуальной собственности

В статье рассмотрен виртуальный мир как объект права интеллектуальной собственности и проблемы его современной правовой регламентации. Проанализированы научные труды и нормативно-правовые акты, определено соотношение понятий «виртуальный мир», «компьютерная программа» и «компьютерная игра». Выявлены основные признаки виртуальных миров, обуславливающие необходимость отдельного регламентирования отношений, связанных с данным объектом интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, компьютерная игра, компьютерная программа, виртуальный мир.

Demkovich Dmitry Anatolyevich,
student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Virtual world as an object of intellectual property rights

The article considers the virtual world as an object of intellectual property rights and the problems of its modern legal regulation. Scientific works and normative legal acts are analyzed, the ratio of the concepts “virtual world”, “computer program” and “computer game” is determined. The main features of virtual worlds, causing the need for separate regulation of relations related to this object of intellectual property, are revealed.

Keywords: *intellectual property, copyright, computer game, computer program, virtual world.*

С каждым годом в современном мире растут темпы происходящих изменений. Интенсивное развитие технологий, способов производства, способов общения между людьми происходит прямо на наших глазах, что неизбежно приводит к замене существующего старого приходящим новым. Так, на фоне развития происходит отмирание одних охраняемых объектов интеллектуальной собственности (таких как географические карты), и возникновение других, абсолютно новых потенциальных объектов (к ним мы можем отнести доменной имя и интернет-сайт) [8, с. 64]. Одним из активно развивающихся виртуальных объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет является виртуальный мир.

Сегодня все еще могут возникнуть споры об определении понятия «виртуальный мир» и его соотношении с понятиями «компьютерная программа» и «компьютерная игра». Так на первый взгляд виртуальный мир, как наглядная компьютерная модель реальных процессов и явлений, должен подпадать под совокупность объектов авторского права, которые включает в себя понятие «компьютерной программы», определение которого закреплено в законодательстве, как набор инструкций в виде слов, цифр, кодов, схем, символов или в любом другом виде, выраженных в форме, пригодной для считывания компьютером, которые приводят его в действие для достижения определенной цели или результата (это понятие охватывает как операционную систему, так и прикладную программу, выраженные в исходном или объектном кодах). К компьютерным программам будут относиться как подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы, так и порождаемое программой аудиовизуальное отображение.

Под компьютерной игрой стоит понимать программное обеспечение, предназначенное для реального отображения игрового пространства и реализации игровой механики. Компьютерная игра является прикладной компьютерной программой. При этом игровое пространство существует на основе заложенных в программном коде правил. Однако многопользовательские онлайн-

игры обладают дополнительными признаками, такими как заселение игрового мира «аватарами» (цифровыми образами пользователей) с последующим взаимодействием «аватаров» пользователей [4, с. 116–118]. При этом игроку предоставляется широкая свобода действий, а его «аватар», по мере прохождения игры претерпевает всяческие изменения.

Использование пользователями многопользовательских онлайн-игр происходит на основании пользовательского соглашения, неисключительной лицензии, то есть разрешения, позволяющего лицу использовать объект с сохранением всех прав у его владельца, при этом неисключительная лицензия может выдаваться неопределенному числу субъектов [1, с. 113]. Важно учесть, что соглашения между пользователем и разработчиком многопользовательских онлайн-игр в большинстве случаев нельзя отнести к алеаторным сделкам, так как многопользовательские онлайн-игры нельзя считать играми азартными, в связи с отсутствием в этих играх как такового результата, окончания игры. Однако несмотря на это в правоприменительной практике Российской Федерации присутствуют примеры применения к многопользовательским онлайн-играм статьи 1062 Гражданского Кодекса Российской Федерации о требованиях связанных с организацией игр и пари, и участием в них [3] (например, Определение Басманного районного суда города Москвы от 01.06.2011 по делу № 11-43/2011 и делу № 11-115/2009 [7]). Такая практика, по нашему мнению, является неприемлемой.

Именно многопользовательские игры можно отнести к одной из разновидностей виртуальных миров. Профессор университета Эссекса Ричард Баркл добавляет к характеристике виртуального мира также такие принципы, как принцип общей реальности (виртуальный мир един для всех пользователей), принцип немедленной реакции (события в виртуальном мире происходят в режиме реального времени) и принцип постоянства (виртуальный мир существует даже в случае отсутствия в нем пользователей в данный момент) [5].

Несмотря на то, что в современном мире виртуальные миры чаще всего представляются в виде многопользовательских онлайн игр, существуют и другие их разновидности, создаваемые не в игровых целях. Так существуют виртуальные миры, созданные в целях ведения бизнеса, как самый настоящий онлайн-офис, где помимо организации досуга можно приобретать товары и услуги компании. На данный момент уже существуют популярные платформы для «строительства» онлайн-офисов, например, Timvi и Second Life [2]. Важно отметить что виртуальным миром не могут считаться современные социальные сети, так как они не содержат в себе такой элемент как вымышленность мира, его относительная обособленность от остального интернет-пространства (при этом виртуальные миры иногда выражаются как приложения в социальной сети).

Из всего вышесказанного следует, что понятия «компьютерная игра» и «виртуальный мир» не тождественны, но пересекаются в виде многопользовательских онлайн игр (в некоторых случаях виртуальный мир может быть сочетанием компьютерной программы и комплексного интернет-сайта). Теперь необходимо выяснить можно ли к виртуальному миру применить нормы авторского права касательно компьютерных программ, либо все же в случае с виртуальным миром существуют некоторые разночтения.

Почти все существующие виртуальные миры, требуют в своей разработке, интеллектуальной деятельности целой команды разработчиков, значительных затрат времени и ресурсов. Очевидно, что разработчик будет стремиться заработать на своем продукте как можно больше. Так платным стал сам доступ к первым играм (оплата подписки). Сейчас разработчик виртуальных миров нашел новый способ обогащения путем не только продажи права доступа к виртуальному миру (доступ к многим онлайн-играм в настоящее время является бесплатным), но и продажи виртуальных объектов за реальные деньги. Так за реальные деньги могут покупаться как премиум-аккаунты, предоставляющие более широкие возможности пользователям, так и отдельные виртуальные объекты, объекты в играх (артефакты, доступ к персонажам, способности персонажей, задания, карты и т. п.).

Соответственно, реально работающий механизм охраны объектов интеллектуальных прав на виртуальные миры, основанный на нормах гражданского законодательства, всерьез интересуется разработчиков. Как и в случае с комплексным интернет-сайтом виртуальные миры могут содержать в себе такие объекты права интеллектуальной собственности, которые не относятся к объектам авторского права. Если авторским правом будут защищены следующие элементы: программный код виртуального мира, его графические элементы, саундтреки, тексты (находящиеся внутри виртуального пространства (диалоги, задания, правила и т. п.)), видео элементы (видео вставки, заставки и т. п.) – то товарные знаки, которыми могут быть наполнены виртуальные миры являются уже не объектами авторского права. Товарным знаком может стать имя персонажа виртуального мира, его изображение, отдельные элементы и название самого мира. Регистрация товарных знаков на эти элементы позволяет упростить процесс доказывания в суде факта нарушения использования отдельных элементов виртуального мира.

Кроме того, некоторые элементы виртуального мира могут быть запатентованы как промышленные образцы, если они обладают такими свойствами как новизна и оригинальность, и их возможно использовать в промышленном производстве. Так некоторые танки игры World of Tanks, не существовавшие в действительности, были зарегистрированы как промышленные образцы [6].

Не исключена ситуация, когда в основе виртуального мира будет лежать такой программный код, являющийся в своем роде результатом научного открытия в сфере информационных технологий, связанного с развитием возможностей искусственного интеллекта, открытием таких закономерностей, которые ранее не были известны человечеству. В подобном ключе могут быть смоделированы ситуации и в отношении других объектов права интеллектуальной собственности, (так, например, сведения о содержании и особенностях программного кода виртуального мира, его системы безопасности могут считаться коммерческой тайной).

Таким образом, можно утверждать, что отнесение виртуальных миров к компьютерным программам невозможно в силу перечисленных обстоятельств. Виртуальный мир может быть определен как заселенная «аватарами» пользователей и существующая в режиме реального времени социально-коммуникативная компьютерная модель процессов и явлений, образованная совокупностью резуль-

татов интеллектуальной деятельности, выраженная в виртуальном игровом пространстве, едином для всех пользователей и функционирующая по заложенным разработчиком правилам. Как интернет-сайт и доменное имя, виртуальный мир является новым, современным виртуальным объектом интеллектуальной собственности, требующим особого подхода к регулированию, регулирование посредством приравнивания к компьютерным программам как объектам авторского права на литературные произведения стоит считать неприемлемой. В связи с этим необходимо продолжить исследования в данном направлении для совершенствования механизма регулирования описанных отношений.

Библиографический список

1. Архипов В. В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 2(307). С. 93–114.
2. Виртуальные миры для бизнеса. Timvi и Second Life. URL: http://wiki.vspu.ru/users/думаа/my_project/index (дата обращения: 01.12.2019).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Дюранске Б. Т., Кейн Ш. Ф. Виртуальные миры, реальные проблемы // Известия вузов. Правоведение. 2013. №2(307). С. 115–134.
5. История виртуальных миров. URL: <http://www.lki.ru/text.php?id=745> (дата обращения: 01.12.2019).
6. Компьютерная игра: защита интеллектуальных прав разработчиков URL: <https://habr.com/ru/post/413651/> (дата обращения: 01.12.2019).
7. Определение Басманного районного суда г. Москвы № 11-115/2009 11-43/2011 от 1 июня 2011 г. по делу № 11-115/2009. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.12.2019).
8. Попов М.В. Эволюция объектов интеллектуальной собственности (на примере информационных услуг в Интернете) // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2011. № 4. С. 64–71.

УДК 347.751

Загуменный Кирилл Ильич,

аспирант, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
zagumennyu2011@mail.ru

Правовая характеристика договора купли-продажи недвижимого имущества

В статье исследованы отдельные практические и теоретические особенности положений гражданского законодательства и правоприменительной

практики в отношении договора купли-продажи недвижимого имущества. Ввиду того, что сделки с недвижимым имуществом занимают значительную часть хозяйственного оборота и имеют определяющее значение в жизни и деятельности граждан и юридических лиц, автором была рассмотрена практика применения договора купли-продажи недвижимого имущества, выявлены отрицательные стороны и способы нарушения договора. Кроме того, в статье делается акцент на изучении правовой природы, содержания и формы договора купли-продажи недвижимости. Также были выработаны предполагаемые пути решения проблем, которые возникают на практике.

Ключевые слова: договор купли-продажи, недвижимость, сделка, форма договора, способы нарушения договора.

Zagumennyi Kirill Pyich,

postgraduate student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Legal characteristics of the contract of sale of real estate

In the article some practical and theoretical features of provisions of the civil legislation and law enforcement practice concerning the contract of purchase and sale of real estate are investigated. Due to the fact that transactions with real estate occupy a significant part of the economic turnover and are of decisive importance in the life and activities of citizens and legal entities, the author considered the practice of applying the contract of sale of real estate, identified the negative sides and ways of violating the contract. In addition, the article focuses on the study of the legal nature, content and form of the contract of sale of real estate. The proposed ways of solving the problems that arise in practice were also worked out.

Keywords: contract of sale, real estate, transaction, form of contract, methods of breach of contract.

Право на жилище является одним из фундаментальных прав человека и гражданина, которые закрепляются Конституцией Российской Федерации. Это означает, что государство обязуется создавать условия, при которых каждый гражданин имеет возможность построить жилье, приобрести его или взять в аренду, а также имеет право распоряжаться принадлежащим ему имуществом, в том числе путем купли-продажи.

Безусловно, договор купли-продажи, является одним из наиболее эффективных средств взаимосвязи производства и потребления, выступает регулятором нормального функционирования хозяйственного комплекса государства. Его могут заключить как граждане, так и организации, предприятия, учреждения, что свидетельствует о его универсальности.

Сегодня рынок недвижимости продолжает развиваться и, как следствие, граждане, являясь субъектами гражданского права, совершают сделки по купле-продаже недвижимости, а именно: квартир, земельных участков и т. д. В то же время объекты недвижимости – это дорогостоящие объекты, в связи с этим,

существует множество рисков: мошенничества при купле-продаже, юридическая чистота сделки и т. д.

Граждане, совершая сделку по отчуждению недвижимости должны взвесить и проанализировать все риски, продумать схему отчуждения, передачу денег [1, с. 119].

В своих трудах договор купли-продажи недвижимого имущества исследовали такие ученые, как Т. Е. Абова, М. М. Агарков, К. Анненков, М. И. Брагинский, М. И. Бару, С. Н. Братусь, Е. В. Васьковский, А. В. Венедиктов, В. В. Витрянский, Е. Годэмэ, Б. М. Гонгало, Д. Д. Grimm, А. М. Гуляев, Г. Денбург, Ф. И. Гавзе, О. С. Иоффе, О. М. Козырь, П. В. Крашенинников, Л. А. Лунц, А. Л. Маковский, М. Г. Масевич, Д. И. Мейер, В. П. Мозолин, И. Б. Новицкий, Л. А. Новоселова, В. А. Ойгензихт, К. Победоносцев, Н. В. Рабинович, В. К. Райхер, М. Г. Розенберг, В. В. Ровный, Р. Саватье, О. Н. Садиков, А. П. Сергеев, К. И. Скловский. Однако, несмотря на столь значительную разработку данной темы, споры о форме данного договора, о понятии «недвижимое имущество», о предмете договора продолжают вестись в научных трудах по сей день.

В этой связи, проанализируем основные аспекты и проблемы заключения договора купли-продажи недвижимости в Российской Федерации.

С точки зрения классических гражданско-правовых характеристик договор купли-продажи недвижимого имущества является консенсуальным, возмездным и взаимным. Однако следует отметить, что не всегда и не всеми цивилистами поддерживалась данная характеристика договора купли-продажи. Так, среди дореволюционных цивилистов высказывались две диаметрально противоположные точки зрения по поводу природы договора купли-продажи и возможности его существования как договора. Такие цивилисты, как Г. Ф. Шершеневич и Д. И. Мейер признавали существование такого гражданско-правового договора как купля-продажа и подчеркивали, что данный договор является двусторонним. В свою очередь, К. П. Победоносцев, вообще не считал куплю-продажу недвижимости гражданско-правовым договором, а рассматривал ее лишь как действие, которым одна сторона передает другой вещь за определенную цену [3, с. 84].

На сегодняшний день не вызывает сомнений утверждение о том, что купля-продажа – это все-таки двусторонний гражданско-правовой договор, по которому одна сторона – собственник имущества обязуется передать имущество в собственность другой стороне за плату. Как уже было отмечено выше, договор купли-продажи вообще, и договор продажи недвижимости в частности, цивилисты рассматривают в качестве консенсуального договора.

В качестве основания отнесения договора к реальному или консенсуальному выступает момент, к которому приурочивается их возникновение. Консенсуальный договор признается заключенным в момент получения лицом, отправившим оферту, его акцепта, то есть в момент достижения соглашения между сторонами. Для заключения реального договора помимо соглашения между сторонами требуется также передача имущества. В момент передачи имущества реальный договор считается заключенным.

Для легального определение договора купли-продажи обратимся к ст. 549 Гражданского кодекса Российской Федерации: по договору купли-продажи недвижимого имущества (договору продажи недвижимости) продавец обязуется передать в собственность покупателя земельный участок, здание, сооружение, квартиру или другое недвижимое имущество [2].

Требования к форме договора выражаются в том, что договор должен быть заключен в письменной форме в виде единого документа, подписанного сторонами (ст.550 ГК РФ) и содержащего соглашения по всем существенным условиям [2].

Однако нотариальное удостоверение сделок обязательно в случаях указанных в законе, и в случаях, предусмотренных соглашением сторон. Путем совершения на документе удостоверительной надписи нотариусом или другими должностными лицами, имеющими право совершать такое нотариальное действие осуществляется нотариальное удостоверение сделок. В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, договор купли-продажи недвижимого имущества не подлежит обязательному удостоверению [4, с. 128].

Мнения ученых-юристов расходятся о необходимости нотариального удостоверения данного вида договора. Некоторые считают, что государственная регистрация прав на недвижимое имущество делает излишним нотариальное удостоверение таких сделок, что обосновывается наличием обязательной процедуры регистрации перехода права собственности при продаже недвижимости органами, специально уполномоченными заниматься этой деятельностью, а также наличием реестра прав на недвижимое имущество. Обязательное нотариальное удостоверение сделок возложило бы дополнительное бремя по уплате вознаграждения за оказание этих действий на граждан.

Другие ученые исходят из конституционного принципа охраны частной собственности, в соответствии с которым представляется неприемлемым какое-либо сужение гарантий, обеспечивающих его реализацию. К числу таких гарантий относится нотариальное оформление договора отчуждения недвижимости.

Отсутствие обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью необоснованно принижает роль нотариата в обеспечении правовой безопасности граждан и юридических лиц при осуществлении своих прав и законных интересов. Положения части второй ГК РФ, связанные с отказом от обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью, существенно сужают гарантии, обеспечивающие предусмотренный Конституцией Российской Федерации принцип охраны прав и свобод гражданина, включая право частной собственности [5, с 76].

Подводя итоги, следует отметить, что в современный имущественный оборот неразрывно связан с договором купли-продажи недвижимости, но в то же время специфика этого договора еще исследована недостаточно в юридической литературе. Отечественное законодательство закрепляет особые правила отчуждения, в том числе продажи недвижимого имущества, учитывая специфику, значение и ценность недвижимого имущества как объекта гражданских прав. Правовые отношения, которые вытекают из договора купли-продажи, ха-

рактикуют отношения обмена товара на деньги. Ключевой особенностью рынка недвижимости является действие на нем значительного количества посредников, представителей сторон договора, что является осложняющим фактором. Названные обстоятельства подтверждают тот факт, что обладание недвижимым имуществом обеспечивает стабильность экономического положения его законного владельца. Недвижимое имущество выступает социально значимым объектом, в связи с чем законодательство должно отводить значительную роль правовому инструментарию, который призван защищать и охранять права и законные интересы отдельных физических и юридических лиц, общества и государства в целом.

Библиографический список

1. Болтанова А. Н. Договор купли-продажи недвижимости: Общие положения : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Томск, 2001. 248 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ : ред. от 28.03.2017) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Гришин Н.П. Купля-продажа земельных участков : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Саратов, 2011. 222 с.
4. Петрушкин В. А. Договор купли-продажи недвижимости с участием организаций и индивидуальных предпринимателей: Проблемы теории и судебно-арбитражной практики : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Казань, 2001. 190 с.
5. Скиба П. В. Особенности сделок купли-продажи недвижимости : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2001. 462 с.

УДК 347.2/3

Камалетдинов Рафаэль Рашидович,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
KRafael18@gmail.com

Вопрос целесообразности права оперативного управления и права хозяйственного ведения как юридических форм, опосредующих имущественную самостоятельность в предпринимательских отношениях

Право хозяйственного ведения и право оперативного управления проанализированы с точки зрения различных подходов к их природе и аргументированно определена истинная сущность данных правовых институтов, просматривается надуманность и искусственность господствующего в доктрине

и нормах права подхода. Ключевым выводом статьи является то, что содержание обсуждаемых ограниченных вещных прав «укладываются» в содержание корпоративных отношений по управлению юридическим лицом. Законодательство требуется скорректировать, дать подходящую правовую оболочку для отношений, возникающих между собственниками государственных юридических лиц и самими этими организациями.

***Ключевые слова:** право хозяйственного ведения, право оперативного управления, ограниченные вещные права, корпоративные правоотношения, сущность и природа гражданско-правовых институтов.*

Kamaletdinov Rafael Rashidovich,

Lobachevsky national research Nizhny Novgorod state University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The question of the appropriateness of the right of operational management and the right of economic management as legal forms that mediate property independence in entrepreneurial relations

The right of economic management and the right of operational management are analyzed from the point of view of various approaches to their nature and the true essence of these legal institutions is reasonably determined, the far-fetchedness and artificiality of the approach prevailing in doctrine and norms of law are examined. The key conclusion of the article is that the content of the limited property rights being discussed "fits" into the content of corporate relations for the management of a legal entity. The legislation needs to be adjusted, to provide a suitable legal framework for relations arising between the owners of state legal entities and these organizations themselves.

***Keywords:** economic management law, operational management law, limited property rights, corporate legal relations, the nature and nature of civil law institutions.*

Развертывание советской социалистической системы хозяйствования, существование плановой экономики вызвало к жизни ограниченные вещные права, не типичные для гражданского оборота западных держав.

Законодатель с помощью права хозяйственного ведения и оперативного управления дал возможность юридическим лицам – не собственникам принимать участие в гражданско-правовом обороте.

С. Б. Селецкая пишет, что право оперативного управления и право хозяйственного ведения имеют особенную, как бы комплексную природу происхождения и существуют в действительности как ограниченные вещные права с элементами корпоративности [6, с. 112].

Существует мнение С. С. Алексеева и Д. В. Петрова, которые объясняют существование данных как юридико-вещный путь управления имуществом собственника. Эти ограниченные права предоставляют субъекту максимально возможный объем правомочий на объект права из чего автор проводит парал-

лель с правомочиями собственника и получается, что данные институты ограниченных прав являются техническим приемом, который служит осуществлению права собственности государством [5, с. 101, 104, 106, 110].

Научная общественность имеет различные мнения относительно истинной природы и перспектив данных институтов ограниченных прав. Принципиально важно определиться с вопросом об их необходимости и оправданности в условиях гражданского оборота. Увидеть – выполняют ли они какие-то особенные функции и есть ли основания сохранять или развивать эти правовые институты? Как их квалифицировать? Для этого взглянем на доктринальную характеристику правовой квалификации права хозяйственного ведения и оперативного управления в отечественном праве.

Современные мнения замечают, что конструкции устаревают и не могут и не должны объясняться правоведами таким же образом как это делалось в советское время. Превалирование государственного регулирования в экономике сказывается сегодня на названных ограниченных вещных правах в виде несоответствия рассматриваемых конструкций (во многом необоснованно существующих поныне [4]) потребностям гражданского оборота, основанного на рыночном хозяйстве [7].

Так, Е. А. Суханов отмечает, в нормальном имущественном обороте прогрессивных стран удобнее и полезнее для гражданского и экономического оборота участие не просто субъектов, а исключительно собственников имущества [8, с. 174–175].

Профессор В. А. Дозорцев имеет сходную позицию и считает сохранение в российской правовой системе названных ограниченных вещных прав и обслуживаемых ими государственных унитарных предприятий предпосылкой для неэффективной хозяйственной деятельности. Путь решения проблемы видится через процедуру акционирования. Виктор Абрамович пишет, существующие государственные предприятия могут быть превращены в акционерные общества, все акции которых будут принадлежать государству. Кроме того, правовед считает необходимым пересмотр понимания природы и содержания права оперативного управления и права хозяйственного ведения [9].

Очень актуальным и значимым, поворачивающим представление о рассматриваемых институтах представляется мнение О. В. Гутникова [1].

Крайне непросто оправдывать наличие государственных организаций – несобственников в условиях развития теории и практики корпоративных отношений. Данные правовые институты не имеют достойного теоретического обоснования в существующей действительности, а практическая жизнеспособность советских конструкций права хозяйственного ведения и права оперативного управления не выдерживает никакой критики, отмечает Олег Валентинович.

В господствующей доктрине и в ГК РФ существуют пробелы, из-за которых происходит искаженное восприятие и непонимание содержания отношений корпоративно-правового регулирования (которое относится и к государственным юридическим лицам) (ключевой – п. 3 ст. 48 ГК РФ).

Так, взглянув на полномочия учредителей государственных организаций, становится ясно, что между учредителями и государственными организациями возникают конкретные правоотношения, касающиеся управления собственником этими организациями (право на утверждение устава, назначение руководства, получения доли дохода государственного предприятия). Эти полномочия не в отношении имущества, но в отношении государственной организации.

В этих отношениях невооруженным глазом просматривается управленческая природа – публично-правовое образование (собственник, учредитель, субъект гражданско-правового оборота) управляет созданным им юридическим лицом. Следовательно, такие отношения являются гражданско-правовыми корпоративными отношениями, что Гражданский кодекс РФ оставляет без внимания.

В добавление к предыдущей аргументации хочется использовать позицию Н. В. Козловой, которая пишет: «права хозяйственного ведения и оперативного управления являются по своей природе не ограниченными вещными правами, а корпоративными правами...» [2].

Еще аргумент, отметим, что если считаем природу отношений между публичным образованием и созданным им юридическим лицом корпоративной, то ярче видно, что сводится к нулю содержание номинально оставшегося за собственником (государственным юридическим лицом) права собственности; оно лишено вещно-правового аспекта вообще.

Получается, что содержание права хозяйственного ведения и права оперативного управления (любые ограничения и рамки в пользу собственника имущества ЮЛ) «укладываются» в содержание корпоративных отношений по управлению юридическим лицом (между собственником ЮЛ и самим ЮЛ).

Своего рода подтверждение наших позиций отражено (целым перечнем) в п.1 ст.295 ГК РФ – собственник имущества, находящегося в хозяйственном ведении имеет полномочия не столько в отношении имущества, сколько в отношении самого предприятия (да и сужение полномочий государственного ЮЛ по распоряжению недвижимостью (только с согласия собственника (п. 1 ст. 295 ГК РФ)) – известный институт корпоративного права. В хозяйственных обществах и товариществах, например, требование о необходимости получения согласия высшего органа управления юридического лица (функции которого выполняет собственник) на осуществление определенного законом и учредительной документацией круга сделок). То есть распоряжение имуществом происходит с согласия собственника (и др.), т. е., эти полномочия собственника в отношении имущества являются не полномочиями собственника, а полномочиями субъекта корпоративного права в отношении юридического лица (государственного учреждения, предприятия).

Здесь могут выступить против корпоративной природы обсуждаемых правовых институтов с аргументом заключающемся в том, что принято отождествлять корпоративные отношения с объединениями нескольких лиц, которые преследуют какую-то общую цель или отождествлять с отношениями членства (участия), что абсолютно претит устройству унитарных организаций [3, с. 63].

Контраргумент начнем с того, что данные признаки относятся к любым объединениям лиц и характеризуют экономические кооперационные связи, которые являются основой различных гражданских договоров; Это можно отнести даже к неправосубъектным объединениям лиц, имеющим одинаковое право (например, сособственники, сонаследники) [10] или даже к неправовым образованиям (клуб по интересам).

Часть, касающаяся членства, основывается на классическом доктринальном понимании корпоративных отношений в корпоративных организациях (основанной на членстве по природе, где члены формируют высший орган). Эти положения критикуется многими учеными и декларируются мнения, что фактор участия (членства) не является неотъемлемым, обязательным или единственным признаком корпоративных отношений [11]. А вот наличие юридического лица – корпорации обязательно для возникновения корпоративных правоотношений

Из этого следует, что ключевым является именно наличие особых гражданско-правовых управленческих отношений между учредителем (собственником) и юридическим лицом с набором определенных правомочий первого (таких как, например, утверждение устава, назначение органов управления). Так вот, эти правоотношения могут принадлежать либо одному лицу, либо нескольким и то, сколько лиц выступает на стороне управомоченного существа дела не меняет. Содержание и природа управленческих (корпоративных) правоотношений те же. Множественность лиц по сути не может изменять правовую природу отношений и соответственные субъективные права, следовательно, публичные собственники и созданные ими организации исходя из своей природы обладают идентичными критериями с корпоративными правоотношениями (с единственным исключением – количество участников) ведь в корпоративном праве отталкиваемся не от количества лиц, а от содержания, которое выражается в комплексе правомочий, связанных с управлением любым юридическим лицом.

Таким образом, действующее законодательство и господствующая доктрина умножают сущности без необходимости. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления смотрятся после изучения различных подходов к их природе и аргументированного определения истинной сущности данных правовых институтов надуманно и искусственно. По нашему мнению, законодательство требуется урегулировать и дать подходящую правовую оболочку для отношений, возникающих между собственниками государственных юридических лиц и самими этими организациями.

Библиографический список

1. Гутников О. В. Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц // Журнал российского права. 2016. №7(235). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-organizatsii-kak-subekty-korporativnyh-otnosheniy-o-dopustimosti-uchastiya-v-korporativnyh-otnosheniyah-unitarnyh> (дата обращения: 16.10.2019).
2. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 130–131.

3. Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт, 2009. 678 С.

4. Мицык Г. Ю. Необходимость комплексного и тщательного изучения института ограниченных вещных прав // Концепт. 2014. № 07 (июль). С. 91–95. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14191.htm> (дата обращения: 16.10.2019).

5. Петров Д. В. Право хозяйственного ведения и оперативного управления. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 361 с.

6. Селецкая С. Б. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления как элементы правового положения унитарных предприятий : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Казань, 2016. С. 112.

7. Суханов Е. А. Развитие института вещных прав при переходе к рынку // Гражданское право России – частное право. М., 2008. С. 197–198.

8. Суханов Е. А. О понятии юридического лица и предприятия // Законодательство России в 21 веке: по материалам научно-практической конференции. Москва, 17 октября 2000 г. М. : Городец-издат, 2002. – С. 173–182.

9. Соловьев Е. С. Право на имущество государственных корпораций // Kant. 2016. №1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-imuschestvo-gosudarstvennyh-korporatsiy> (дата обращения: 16.10.2019).

10. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М., 2019. С. 281.

11. Сеницын С. А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование : монография. М., 2015. С. 364.

УДК 347.78

Карпунина Екатерина Михайловна,

студент, Донецкий национальный университет,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

katekattycat@gmail.com

К вопросу об авторах аудиовизуального произведения

В данной статье рассмотрено аудиовизуальное произведение как объект авторского права, круг лиц, которые признаются его авторами и отличия правовой регламентации данного вопроса в Российской Федерации и Украине. Проанализированы нормативные правовые акты и доктринальные источники, в которых закреплены сведения об объектах авторского права, в частности аудиовизуальном произведении, а также художественном фильме как его разновидности. Выявлена и обоснована необходимость закрепления в нормативных правовых актах термина произведение, его отличий от составных частей аудиовизуальных произведений.

Ключевые слова: аудиовизуальное произведение, авторы, произведение, составное произведение.

Karpunina Ekaterina Mihailovna,
student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

On the question of the authors of an audiovisual work

This article considers an audiovisual work as an object of copyright, the range of persons who are recognized as its authors and the differences in the legal regulation of this issue in the Russian Federation and Ukraine. Normative legal acts and doctrinal sources, which contain information about the objects of copyright, in particular audiovisual work, as well as a feature film as its varieties, are analyzed. The necessity of fixing the term work in normative legal acts, its differences from the constituent parts of audiovisual works is revealed and substantiated.

Keywords: *audiovisual work, the authors, the work, the composite work.*

Аудиовизуальные произведения являются одним из ключевых объектов авторского права. В современном быстро развивающемся мире высоких технологий они имеют важное экономическое значение, так как занимают немалую часть в общей массе интеллектуальной собственности – это стало поводом включения их национальными и международными законодательствами в список охраняемых объектов интеллектуальной собственности. Как писал Р. Дюма, «аудиовизуальное произведение является самым могучим и самым пленительным способом выражения творчества» [2, с. 330].

В то же время они представляют собой достаточно уязвимый объект, защита которого не проработана должным образом ни в Украине, ни в Российской Федерации, что в первую очередь, связано с определением круга лиц, которые являются его авторами. В связи с этим предлагается сравнительно-правовой анализ российского и украинского законодательства касательно аудиовизуальных произведений. Данный анализ позволит учесть все существующие пробелы и коллизии и принять необходимые меры по их устранению.

Прежде всего, определим понятие аудиовизуального произведения. В Гражданском Кодексе содержатся основные положения о праве интеллектуальной собственности, но наиболее детально этот вопрос регулируется в отдельных специальных законах. Закон Украины «Об авторских и смежных правах» определяет аудиовизуальное произведение как произведение, которое фиксируется на определенном материальном носителе (киноплёнке, магнитной плёнке или магнитном диске, компакт-диске и т. п.) в виде серии последовательных кадров (изображений) либо аналоговых или дискретных сигналов, отображающих (кодирующих) движущиеся изображения (как со звуковым сопровождением, так и без него), и восприятие которого возможно исключительно при помощи того или иного вида экрана (киноэкрана, телевизионного экрана и т. п.), на котором движущиеся изображения визуальным образом отображаются при помощи определенных технических средств [4]. Видами аудиовизуального произведения являются кинофильмы, телефильмы, видеофильмы, диафильмы, слай-

дофильмы и т. п., которые могут быть игровыми, анимационными (мультипликационными), неигровыми или другими.

Что же касается Российской Федерации, то вопрос авторского права урегулирован главой 70 Гражданского Кодекса. Так, согласно ст.1263 ГК РФ, аудиовизуальное произведение – это произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации [1].

Нетрудно заметить, что в РФ главным признаком аудиовизуального произведения является возможность его зрительного восприятия при помощи технических устройств. В Украине же помимо этого признака обязательно фиксирование на определенном материальном носителе. Оба законодателя выделяют последовательность изображений как обязательную составляющую. Что касается видов аудиовизуальных произведений, в законе Украины дан более широкий список, однако важен тот факт, что он не является исчерпывающим, равно как и российский.

Одной из проблем при определении объектов интеллектуальной собственности в составе аудиовизуального произведения как в РФ, так и в Украине, является неисчерпываемость списка авторов произведений, вошедших составной частью в аудиовизуальное произведение. Субъектный состав аудиовизуального произведения и состав объектов, входящих составной частью в художественный фильм, телесериал и т. п., может дать только подробное изучение технологии создания аудиовизуальных произведений. Кроме того, ввиду отсутствия в законе дефиниции «произведения», довольно сложным представляется разграничение между составными частями произведения и самостоятельными произведениями в рамках аудиовизуального произведения. Рассмотрим состав авторов аудиовизуального произведения, определенный законодателем.

В обоих государствах законодательно закреплен перечень лиц, которые являются авторами аудиовизуального произведения. Отметим, что данный объект авторского права в науке признается сложным, так как состоит из нескольких самостоятельных произведений. Учитывая это, авторами аудиовизуального произведения в Украине признаются режиссер-постановщик, автор сценария и (или) текстов, диалогов, автор специально созданного для аудиовизуального произведения музыкального произведения с текстом или без него, художник-постановщик, оператор-постановщик. При этом указано, что одно и то же лицо может совмещать в себе две или больше перечисленных авторских функций. В ГК РФ же оператор-постановщик и художник-постановщик исключены из числа авторов, а их произведения рассматриваются как те, что вошли составной

частью в аудиовизуальное произведение, что не означает, что соблюдение исключительных прав последних при использовании аудиовизуального произведения не требуется. Статья 1263 ГК РФ так же предусматривает отдельную фигуру – изготовителя или продюсера аудиовизуального произведения, который согласно статье 1240 ГК РФ является организатором создания аудиовизуального произведения [3, с. 5].

Более удачным представляется менее широкий круг авторов, определенный в РФ. С точки зрения законодателя логичнее и рациональнее предусмотреть узкий перечень, состоящий всего из трех лиц, которые признаются авторами аудиовизуального произведения: режиссер-постановщик, сценарист и композитор. Эти фигуры принимают наиболее активное участие в создании произведения, а результаты их творчества оценить несколько проще, нежели оператора и художника-постановщиков. Исходя из этого, при определении принадлежности авторских прав и возможности использовать свое произведение отдельно, как самостоятельное и цельное, законодательно целесообразнее определить более узкий круг авторов.

Произведение, созданное в ходе деятельности режиссера-постановщика, композитора или сценариста представить легко, несмотря на то, что законодательно признаки составного произведения и его отличия от целостного не закреплены. За основу разграничения предлагается взять объективную форму выражения в связи со способностью существовать отдельно от аудиовизуального произведения. Так музыкальное произведение, созданное заранее либо специально для аудиовизуального произведения, можно использовать самостоятельно, что нередко происходит на практике. То же самое можно сказать и об авторе сценария. Нередко в основу фильмов ложатся художественные произведения, созданные задолго до возникновения кинематографа, что говорит о целостности результатов творческого труда сценаристов. Сценарий аудиовизуального произведения достаточно просто использовать в качестве отдельного самостоятельного произведения. Что же касается режиссера-постановщика, то вопрос о признании его автором аудиовизуального произведения не стоит вообще, так как именно благодаря ему и появляется подобный результат творческой деятельности. Он занимает главенствующую роль в организации всего съемочного процесса, реализации идеи и воплощении задуманного в сложное произведение искусства.

Однако, обратившись к профессии оператора-постановщика, нетрудно понять, что результатом его работы являются отбор и воплощение на экране наиболее выразительных композиционных, светотональных и колористических решений, точек съемки, ракурсов, оптической трактовки и освещения, способствующих максимально полной, глубокой передаче темы и идеи фильма [5]. Для того чтобы изображения приобрели форму законченного аудиовизуального произведения необходимо осуществить еще и монтаж произведения [3, с. 41]. Каким образом можно использовать подобные плоды творческой деятельности отдельно от целостного аудиовизуального произведения представить трудно.

Правильно подобранные ракурсы, освещение и другая техническая работа не имеет объективного выражения вне аудиовизуального произведения, что позволяет отнести подобное к составным частям аудиовизуального произведения. Что же касается художника-постановщика, то его деятельность заключается в организации процесса построения изобразительного аспекта фильма. Он дает соответствующие указания и рекомендации для построения декорации, выбора природы, реквизита, костюмов, композиции отдельного кадра и т. д. Как правило, в съемочной группе под руководством художника-постановщика работают художник-декоратор, художники по костюмам, гриму, мебели, реквизиту, комбинированным съемкам [5]. То есть его деятельность также ограничена рамками самого аудиовизуального произведения. Говоря простым языком, правильно выстроенный кадр, наполненный соответствующими декорациями и реквизитом отдельно от аудиовизуального произведения, хоть и являясь продуктом творчества, не будет целостным и самостоятельным, и вряд ли будет использоваться так же широко, как например саундтреки из фильма или книга, положенная в основу сценария.

Таким образом, при определении круга авторов аудиовизуального произведения предлагается ориентироваться на трех лиц, результаты работы которых представляют собой отдельное, целостное и самостоятельное произведение искусства, а именно: режиссер-постановщик, сценарист и композитор. Кроме того, необходимо внести четкое понятие произведения в Гражданский кодекс РФ и Украины, а также его признаки и отличия от составной части произведения для разграничения круга лиц, которые признаются авторами аудиовизуального произведения, которые можно выделить при публикации научно-практических комментариев к Гражданскому кодексу.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. №230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 1263
2. Дюма Р. Литературная и художественная собственность // Авторское право Франции. М., 1989. 336 с.
3. Кувшинов Н. Н. Художественный фильм, как объект интеллектуальной собственности : монография. М., 2015. 135 с.
4. Про авторське право і суміжні права: Закон України від 23 грудня 1993 р. № 3793-ХІІ: прийнятий Постановою ВР № 3793-ХІІ від 23.12.93, ВВР, 1994, № 13, ст. 65. Ст. 17.
5. Энциклопедия кино, 2010. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_cinema/ (дата обращения: 03.12.2019).

Кирда Анна Васильевна,

студент, Владивостокский государственный университет экономики
и сервиса,

г. Владивосток, Российская Федерация

annakirda@mail.ru

История развития института приобретательной давности

Статья посвящена общетеоретическому анализу истории развития института приобретательной давности в отношении земельных участков: автором исследованы основные этапы, сформулированы значимые выводы.

Ключевые слова: история, развитие, приобретательная давность, земельный участок, институт.

The history of the development of the institution of acquisitive prescription

Kirda Anna Vasilyevna,

student, Vladivostok state University of Economics and service,

Vladivostok, Russian Federation

The article is devoted to a general theoretical analysis of the history of the development of the institution of acquisitive prescription in relation to land: the author investigated the main stages, formed significant conclusions.

Keywords: history, development, acquisitive prescription, land, institute.

Впервые категория «приобретательная давность» (или же «usucapio») появилась в праве Древнего Рима: так, закреплялось, что владение вещью в течение года является условием возникновения права собственности на нее (для возникновения права собственности на недвижимое имущества срок давностного владения составляло два года). При этом также подчеркивалось, что установление владения должно было происходить без насилия, при отсутствии тайны и других оснований передачи вещи [1, с. 111].

Кроме того, в Древнем Риме применялся на практике и так называемый институт исковой погасительной давности в отношении провинциальных земель (а в последующем и в отношении всех земель повсеместно), суть которого данный заключалась в погашении иска собственника в виду его длительного не предъявления (при этом, подчеркнем, что срок давности составлял 10 лет, если собственник и приобретатель проживали в одной провинции, и 20 лет, в случаях, когда собственник с приобретателем проживали в разных). Немаловажным условием применения указанного института выступали законность и добросовестность владения земельным участком, а основанием – предъявление иска

давностного владельца к собственнику о возврате этой земли добросовестному владельцу [2, с. 365-366].

Положения о приобретательной давности, закрепившиеся в римском праве, были заимствованы Францией, Германией, Италией, частично Англией и Уэльсом. Так, французский гражданский кодекс закреплял приобретательную давность лишь на недвижимое имущество, срок давности владения которого устанавливался в 30 лет. По истечении указанного периода вне зависимости от добросовестности владельца, последний становился собственником. При добросовестном владении данный срок уменьшался в зависимости от провинции и составлял уже 10 и 20 лет.

Иначе дела обстояли в Швейцарии и Федеративной Республике Германии. Так, в отличие от Франции здесь единственным объектом гражданского оборота, который можно было приобрести путем давностного владения, были только движимые вещи, срок владения которыми устанавливался в 5 и 10 лет соответственно подтверждение чему мы находим в ст. 728 Швейцарского гражданского кодекса и § 937 Германского гражданского уложения.

В Италии законы позволяют приобретать право собственности на недвижимое имущество, а также вещные права на него на основании давностного владения. Срок давностного владения здесь составляет не менее двадцати лет. Также предусмотрен срок давности в десять лет в тех случаях, когда недвижимое имущество переходит к добросовестному приобретателю на основании официального документа, зарегистрированного в установленном законом порядке. Началом течения такого срока считается момент внесения соответствующей записи в земельную книгу. Срок давности в десять лет применим касательно вещных прав в случаях регистрации таких прав в установленном законом порядке. Таким образом, срок приобретательной деятельности для добросовестного владельца составит десять лет, а для недобросовестного – двадцать. Необходимо отметить также то, что в случаях, когда движимое имущество занесено в реестр, сроки приобретательной давности для добросовестного приобретателя составят три года, за исключением случаев захвата вещи насильственным путем [3, с. 189-190].

Истоки института приобретательной давности в России берут свое начало с середины 15 века. Первые упоминания о рассматриваемом нами институте отражены в содержании Псковской Судной Грамоте: так, закреплялись положения о возможности возникновения права собственности в отношении земельных участков при владении и пользовании пахотной землей по истечении 4-5 лет. Однако в связи с отсутствием должного развития экономических отношений указанного периода в содержание института не входили добросовестность и титульное владение [4, с. 351]. Вследствие развития Московского княжества и падения Пскова правовые нормы в вопросах приобретательной давности неизбежно претерпели изменения, в результате чего вовсе прекратили свое действие до 1832 г., с принятием свода законов Российской империи [1, с. 137].

Свидетельства таких перемен были зафиксированы дореволюционным цивилистом Г. Ф. Шершеневичем. Ч. 1 ст. 533 т. X Свода законов гласит: «спокойное, непрерывное и бесспорное владение в виде собственности превращает-

ся в право собственности, когда оно продолжится в течение установленной законом давности». Здесь можно наблюдать сходство с нормами гражданского законодательства Франции того времени, которая также не требовала добросовестности как основания владения, как, например, было принято в Риме. В законодательстве Российской империи также появляется понятие «земская давность», которое подразумевало спокойное и бесспорное владение собственностью в течение определенного законом времени и являлось, по сути, сроком давности [5, с. 187].

В дальнейшем Сводом законов, судебной практикой, а также прочими источниками дореволюционного гражданского права, были исключены из объектов приобретательной давности: заповедное имущество, церковные земли, межи генерального межевания, дворцовое имущество, войсковые и юртовые земли области войска Донского, а также участки железнодорожного транспорта [5, с. 191–192]. При этом, необходимо также отметить, что порядок признания права собственности по давности владения установлен не был. Соответственно, напрашивается вывод, что в случаях соблюдения всех условий такого владения, право собственности появлялось «само собой».

Иная картина возникает при рассмотрении судебной практики, которая, в свою очередь, установила порядок укрепления права на недвижимое имущество, приобретенное посредством давности владения. Так, по истечении срока давности, лицам фактически владеющим имуществом, необходимо было обратиться в окружной суд непосредственно по месту расположения (или нахождения) имущества, для последующего получения свидетельства на право собственности. Если суд выносил решение о выдачи свидетельства заявителю, то получить он его мог у нотариуса, данный документ представлял собой акт укрепления, в результате выдачи такого акта в реестр крепостных дел вносились соответствующие сведения, а после осуществлялся и сам ввод во владение [6, с. 15-16].

При анализе Российского дореволюционного законодательства в конце XIX столетия можно сделать вывод о том, что давность владения не являлась способом приобретения права собственности, а в судебной практике давность владения применялась в виде исковой давности. Так, Л. В. Попович в своих работах указывал на то, что дореволюционная Россия воспринимала приобретательную давность как соглашение между фактическим владельцем и собственником об уступке имения, не оформленное крепостным актом и длящееся по меньшей мере на протяжении десяти лет [6, с. 17–18].

ГК РСФСР 1922 г. и ГК РСФСР 1964 г. не содержали положений о приобретательной давности, в связи с запретом частной собственности на многие объекты недвижимости. Во всех случаях, когда собственник отказывался от своего имущества или был неизвестен, имущество переходило в собственность государства в силу так называемой презумпции государственной собственности: пока принадлежность имущества не установлена, предполагалось, что собственником этого имущества является государство [7, 8].

При этом, обратим свое внимание на то, что в п. 6. ст. 247 ГПК РСФСР от 1964 г. была предусмотрена возможность установления факта владения строе-

нием на праве собственности. На наш взгляд, здесь просматривается некое сходство с институтом приобретательной давности, поскольку данное правовое положение было непосредственно направлено на те случаи, когда у заявителя имелся правоустанавливающий документ о принадлежности этого строения. Отметим, утратил свою силу данный правовой документ в силу наличия в нем большого числа пробелов. К примеру, при помощи самого банального инструмента доказывания – свидетельских показаний, заявитель мог подтвердить в суде, что документы на имущество у него некогда имелись и, таким образом, при отсутствии возможности восстановить или получить эти документы в досудебном порядке, факт владения строением устанавливался в суде. В данном примере можно наблюдать и некоторое несоответствие касательно комментируемой статьи и судебной практики. В то время, как в правовом положении речь идет об установлении факта владения строением на праве собственности, судом устанавливается только факт наличия у истца документов, это право подтверждающих. Также подчеркнем, что суд не рассматривал заявления об установлении факта владения строением на праве собственности в тех случаях, когда:

- а) строение являлось законченным объектом строительства или не было принято в эксплуатацию в предусмотренном порядке;
- б) данное строение ранее было зарегистрировано на имя другого лица;
- в) сделка на передачу данного строения была оформлена ненадлежащим образом;
- г) строение являлось самовольным возведением [9].

Однако же существующие на тот момент идеологические барьеры, убеждали ряд ученых-цивилистов настаивать на введении в законодательство института приобретательной давности [10, с. 456].

Например, в своих работах Б.Б. Черепяхин отмечал: «В пользу приобретательной давности говорит главным образом стремление к устранению той неясности и неопределенности, которые имеют место тогда, когда владелец вещи не имеет бесспорного права на данную вещь при наличии оснований для закрепления такого права» [11, с. 159]. Автор был твердо убежден, что введение такого института как приобретательная давность, не может негативно сказаться на строе социалистического государства. В качестве решения основной проблемы, которая имела свое выражение в страхе государства утратить часть какого-либо значимого имущества, они предлагали наделить государство полномочиями на него распространяющиеся. Необходимость же введения данного института они мотивировали тем, что он представлял собой крайне эффективный инструмент защиты имущественных прав, приобретенных до истечения сроков давности по какому-либо правовому основанию, не имеющему достаточных доказательств.

Принятый в последующем закон РСФСР «О собственности в РСФСР», который также принял и в сфере земельно-правовых отношений, рассматривал институт приобретательной давности как способ возникновения права собственности [12]. Необходимо отметить, что в 1991 г. гражданское законодательство Союза РСФСР и республик также имело в своем составе нормы, на-

правленные на приобретательную давность (п. 3 ст. 50) [13]. Однако на современном этапе времени рассмотренные нами нормативные правовые акты уже утратили свою юридическую силу.

Таким образом, завершая изложение информации в рамках настоящего научно-практического исследования, посвященного разработке особенностей возникновения права собственности на земельные участки, в силу приобретательной давности, допустимо сформулировать следующие промежуточные выводы, имеющие немаловажное значение:

Институт приобретательной давности прошел достаточно долгий путь своего развития и становления на законодательном уровне: так, первые упоминания о нем известны еще праву Древнего Рима, которые в последующем переняли и наиболее развитые страны мира (Франция Германия, Италия). Россия не стала исключением: несмотря на то обстоятельство, что на протяжении длительного периода времени на территории российского государства права частной собственности на землю не существовало, на сегодняшний день в действующем российском гражданском и земельном законодательстве данный институт закреп

Библиографический список

1. Энгельман И. Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. М. : Статут, 2003. 290 с.
2. Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний Сад, 1999. 710 с.
3. Залесский В. В. Основные институты гражданского права зарубежных стран. М. : Норма, 2009. 255 с.
4. Чистякова О. И. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. М. : Юридическая литература, 1984. 428 с.
5. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М. : Спарк, 1995. 550 с.
6. Попович Л. В. Приобретательная давность по русскому и остзейскому гражданскому праву, равно по проекту гражданского уложения (коллекционное переиздание). Варшава, 2013. 230 с.
7. О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР: постановление ВЦИК и СИК РСФСР, принятое на IV сессии 31.10.1922 (утратил силу) // СПС «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901808921> (дата обращения 15.10.2019).
8. Гражданский кодекс РСФСР: утвержден ВС РСФСР 11.06.1964 (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (дата обращения 15.10.2019).
9. О презумпции (предположении) права собственности государства на спорное имущество: постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 24.06.1925 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25718#_04652596643421796 (дата обращения 15.10.2019).

10. Камышанский В. П., Коршунов Н. М., Иванов В. И. Приобретательная давность в российском гражданском праве. М. : Эксмо, 2010. 600 с.

11. Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. 201 с.

12. О собственности в РСФСР: Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37/ (дата обращения 15.10.2019).

13. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утвержден ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1 (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс». URL: [http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_972/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_972/) (дата обращения 15.10.2019).

УДК 347.92

Кротова Елизавета Сергеевна,

студент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

kelizabet@list.ru

К вопросу об институте истребования доказательств

В данной работе рассмотрены некоторые особенности института истребования доказательств в гражданском судопроизводстве. Обозначены признаки положительного влияния данного института как на гражданский процесс в целом, так и на институт судебного доказывания в судопроизводстве по гражданским делам. Автором рассматриваются условия принятия и отказа в удовлетворении ходатайства об истребовании доказательств. В связи с этим предлагается дополнить статью 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации частью 2.1, в которой закрепить предлагаемый автором перечень оснований для отказа в удовлетворении данного ходатайства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, истребование доказательств, ходатайство, судебное доказывание, основания.

Krotova Elizaveta Sergeevna,

student, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

On the issue of the institute for the collection of evidence

This paper discusses some of the features of the institute for the collection of evidence in civil proceedings. Indicated are the signs of a positive impact of this institution both on the civil process as a whole and on the institution of judicial evidence in legal proceedings in civil cases. The author examines the conditions for accepting

and refusing to satisfy a request for evidence. In this regard, it is proposed to supplement Article 57 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation with Part 2.1, which will fix the list of grounds proposed by the author for refusing to satisfy this application.

Keywords: *civil proceedings, demand for evidence, petition, judicial proof, grounds.*

В гражданском судопроизводстве обязанность представления доказательств лежит на сторонах. Однако не всегда реализация данной обязанности представляется возможной в силу объективных причин. Для содействия сторонам в представлении доказательств в гражданское процессуальное законодательство введен институт истребования доказательств.

Данный институт представляет собой процесс получения необходимого для разрешения дела доказательства по требованию суда. Данное требование реализуется либо с помощью запроса суда, обязательного для исполнения и выданного ходатайствующей о содействии стороне, либо непосредственно судом [4, ч. 2 ст. 57]. Институт истребования доказательств положительно влияет на гражданский процесс, поскольку:

а) позволяет представить доказательства, которые самостоятельно сторона получить не может, в силу чего доказательственная база по делу становится более полной;

б) доказательства исследуются всесторонне, поскольку каждое новое доказательство может раскрывать предыдущее с новой стороны, позволяет взглянуть на него под другим ракурсом;

в) исследование обстоятельств дела становится более объективным, поскольку судом учитываются и исследуются все возможные обстоятельства, способствующие разрешению дела по существу.

Для «запуска» процедуры исследования доказательств в суде необходимо волеизъявление стороны – ходатайство об истребовании доказательств. Для удовлетворения данного ходатайства имеется несколько обязательных условий:

1) необходимость представления доказательства для подтверждения того или иного факта в суде. Если доказательство не отвечает свойству относимости, или же имеющихся на данный момент доказательств достаточно – нет необходимости истребования нового доказательства. Таким образом, ходатайство должно содержать аргументацию необходимости истребования, указание причин, по которым имеющейся доказательственной базы недостаточно, мотивировку потребности в представлении данного доказательства (часть 2 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ));

2) невозможность самостоятельного представления лицом данного доказательства, в силу чего возникла потребность в содействии суда. ГПК РФ закрепляет, что в ходатайстве об истребовании доказательств должно быть указано, по какой причине сторона не может самостоятельно представить доказательство.

Ходатайство об истребовании доказательств должно содержать также его местонахождение. Данный пункт является обязательным для исполнения, поскольку необходимо понимать, куда необходимо отправить запрос, какому лицу его представить, а также субъект ответственности при отказе в представлении истребуемого доказательства.

Отказ в представлении истребуемого доказательства при отсутствии надлежащего уведомления суда об этом или же при неуважительности причин такого отказа влечет за собой наложение штрафа. При этом уплата штрафа не освобождает лицо от обязанности представить истребуемое доказательство [4, ч. 3-4 ст. 57].

Данный институт в гражданском судопроизводстве Российской Федерации представляет собой некий гарант защиты прав лиц, участвующих в судебном разбирательстве, поскольку открывает доступ к необходимым доказательствам, подкрепляя его принудительной силой государственной власти.

Однако институт истребования доказательств не является детально разработанным, в связи с чем возникают трудности в его понимании и толковании. В частности, если условия для принятия ходатайства об истребовании доказательств косвенно прописаны в нормах ГПК, то основания для отказа не определены. В связи с этим целесообразно закрепить перечень оснований для отказа в удовлетворении данного ходатайства в ч. 2.1 ст. 57 ГПК РФ.

Закреплению данного перечня уже положено начало: в определении Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2019 года указано, что «отказ в содействии в истребовании доказательств возможен лишь в случаях, когда соответствующее доказательство не имеет отношения к гражданскому делу, либо не отвечает требованиям относимости и допустимости» [5].

Представляется, что перечень оснований для отказа в истребовании доказательств должен быть несколько шире. Среди таковых предлагается указать:

1. достаточность имеющихся в деле доказательств (так, например, в апелляционном определении Пензенского областного суда от 14.05.2019 г. закрепляется правильность отказа суда первой инстанции в истребовании доказательств в силу достаточности уже имеющихся доказательств по делу [3]),

2. отсутствие затруднительности самостоятельного представления доказательств участвующим в деле лицом (пример отказа по данному основанию содержится в апелляционном определении Воронежского областного суда от 18.04.2019 г. [1]),

3. несоответствие доказательств свойствам относимости и допустимости (определение Курского областного суда от 27.05.2015 г. [6]),

4. а также наличие веских оснований полагать, что данное ходатайство имеет своей целью необоснованное затягивание рассмотрения дела (пример содержится в апелляционном определении Кемеровского областного суда от 31.07.2012 г. [2]).

Данные разъяснения позволили бы лицам, участвующим в деле, обладать ясными знаниями об условиях истребования доказательств, а суду – определенными критериями для принятия ходатайства об истребовании доказательств или отказа в его принятии, что позволило бы упростить и конкретизировать та-

кую стадию судебного доказывания, как представление и истребование доказательств.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 18.04.2019 г. по делу № 33-2616/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2019).

2. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 31.07.2012 г. по делу № 33-7213 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2019).

3. Апелляционное определение Пензенского областного суда от 14.05.2019 г. по делу № 33-1591 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2019).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2019).

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2019 г. по делу № 5-КГ19-105. URL: <http://vsrf.ru/lk/practice/acts> (дата обращения: 16.11.2019).

6. Определение Курского областного суда от 27.05.2015 г. по делу № 33-1338-2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2019).

УДК 340.142

Кукушкин Иван Александрович,

студент, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Иваново, Российская Федерация
accs_98@mail.ru

Литов Егор Андреевич,

студент, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Иваново, Российская Федерация
litov.2911@gmail.com

Интернет – инструмент и сфера взаимодействия общества и власти в России

В статье описывается роль Интернета в политической сфере жизни общества. Рассматривается политический сегмент российского Интернета, его развитие и перспективы. Уделено внимание соотношению понятий Интернет и демократия. Сделан вывод о том, что Интернет станет одним из ключевых инструментов взаимодействия между обществом и властью.

Ключевые слова: интернет, политическая жизнь, политическое участие, информационно-коммуникативная система, демократия.

Kukushkin Ivan Aleksandrovich,

student, Ivanovo branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration,

Ivanovo, Russian Federation

Litov Egor Andreevich,

student, Ivanovo branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration,

Ivanovo, Russian Federation

The Internet is a tool and sphere of interaction between society and authorities in Russia

The article describes the role of the Internet in the political sphere of society. The political segment of the Russian Internet, its development and prospects are considered. Attention is paid to the relationship between the concepts of the Internet and democracy. It is concluded that the Internet will become one of the key tools for interaction between society and government.

Keywords: Internet, political life, political participation, information and communication system, democracy.

В современном обществе практически для каждого человека Интернет стал частью жизни. Интернет-технологии открывают перед обществом множество перспектив. В политической жизни тема интернет-коммуникации между гражданами и властью является особенно актуальной. Интернет может помочь справиться с преодолением негативной тенденции к «снижению уровня политического участия, с помощью упрощения процедуры контактирования между гражданами и правительством, а также снизить затраты на согласование возможных путей политического взаимодействия между индивидами, которые придерживаются аналогичных политических взглядов» [6, с. 23], но не контактируют непосредственно между собой [5, с. 1].

В странах развитых, где аудитория Глобальной Сети уже стала значимой категорией электората, большинство политиков успешно использовали в качестве избирательных технологий Интернет-коммуникации. Например, в Соединенных Штатах Америки на всех уровнях Интернет используется для того, чтобы распространять сведения о деятельности правительства, расходовании бюджетных средств и т. д. Граждане штатов имеют возможность через интернет зарегистрировать автотранспортные средства, продлить водительскую лицензию, заплатить налоги и многое другое. При этом не требуется физически посещать официальные учреждения и стоять в очередях.

Как же обстоят дела в российском интернет-сегменте?

В российском Интернете представлены следующие типы политических сайтов:

1. Сайты органов власти (такие как: сайт, посвященный Конституции Российской Федерации, официальный Интернет-портал правовой информации, портал государственных и муниципальных услуг и т. д.).

2. Сайты политических партий и лидеров («Справедливая Россия» – <http://www.spravedlivo.ru/>, «Яблоко» – <https://www.yabloko.ru/>, «Единая Россия» – <https://er.ru/> и т. д.) [2, с. 3].

3. Новостные политические сайты (<http://regions.ru/>, <https://rg.ru/> – официальный новостной сайт правительства РФ и т. п.).

4. Форумы и опросы (<http://debatepolitics.ru/>, <https://www.polituserforum.ru/forums/>).

Можно привести следующие формы участия граждан в политической жизни через телекоммуникационные сети:

1. Формирование и копирование информации политического содержания в рамках персонального контента (сайта, блога, форума, чата) и ее рассылка своим единомышленникам, СМК, в адрес государственных органов или политических партий.

2. Прямое участие граждан в интересных для них телеконференциях, организованных политическими партиями, а также в блогах, форумах, чатах, как политических организаций, так и некоммерческих в части политических вопросов, в форумах представителей государственной власти, в том числе депутатов и политических лидеров.

3. Участие в социологических опросах, интернет-голосованиях, референдумах.

4. Участие в выработке всевозможных законодательных инициатив, программ политических партий, проектов политических решений и т. д.

5. Виртуальное участие в съездах политических партий.

6. Руководство действиями своих политических сторонников [7, с. 2].

«При этом главным фактором эффективности присутствия граждан в Интернете становится их способность, как субъектов политики, самостоятельно отбирать нужную информацию о политической жизни, производить и распространять политически важный контент» [4, с. 2].

Использование интернета в политическом мире может эффективно продвигать демократию. Интернет предоставляет большую свободу выражения мнений, что является основным демократическим правом. Рассматривая данную тему, выделим основные подходы.

Первый из них отражает популистскую точку зрения, в которой говорится о том, что Интернет создает возможность индивидуального воздействия на правительство и его политику. Сущность данной концепции выражается в том, что различные средства коммуникации являются факторами, которые определяют уровень политической активности граждан. Интернет как бы перераспределяет доступ граждан к обмену информации. Индивидуальное участие граждан в политической сфере будет возрастать с увеличением их влияния на общественную жизнь. Если данный процесс получит достаточное развитие, то это приведет к изменениям в обществе.

Второй из них отражает коммунитаристскую точку зрения, в которой говорится о том, что Интернет станет содействовать изменению связей между различными социальными слоями населения, то есть формировать и развивать так называемое «сообщество», что в идеале приведет к усилению взаимодействия между гражданами.

Третий из них отражает концепцию «ускоренного развития плюрализма», которая рассматривается в двух аспектах. Первый из них исходит из того, что при увеличении возможности обмена и получения информации благодаря Интернету, не изменится сама суть плюрализма. На персональном уровне Интернет никак не сможет изменить то обстоятельство, что большая часть граждан весьма разборчивы в подборе политических проблем и способов получения информации. Их заинтересованность проявляется лишь к определенному количеству политических тем, минуя остальные. Исходя из данной концепции, Интернет способствует разделению политической системы исходя из экономических интересов политических групп и переходу к более гибкой системе, которая основывается на разных стратегиях воздействия политических групп, которые в меньшей степени зависимы от общественных институтов и организаций.

Интернет будет являться наилучшей мерой для обеспечения демократии в общественной сфере. Ученые видят потенциал Интернета в том, что он позволяет сделать более эффективными и прозрачными поток информации и политическую связь в обществе. Интернет дает возможность гражданам принимать участие в политических процессах.

Наиболее важными из них являются:

1. Эффективное управление посредством организационных мероприятий.
2. Более результативная связь между политикой и гражданами.
3. Деятельность мотивационного характера, направленная на то, чтобы посредством Интернета вовлечь граждан в реальную политику.
4. Принятие более взвешенных и практичных политических решений в результате опоры на опыт и знания граждан [3, с. 3].

В современную эпоху российское государство делает ряд шагов, направленных на развитие информационного общества. Это, в первую очередь, функционирование «электронного правительства», предоставление в электронной форме муниципальных и государственных услуг. В тех государствах, где большинство населения является участниками интернет-сообщества, без его поддержки, без опоры на новейшие информационно-коммуникационные технологии, государственная власть долго функционировать не сможет [1, с. 8]. «Именно эффективное использование интернет-коммуникаций является определяющим фактором сохранения и завоевания политической власти в обществе нового типа» [1, с. 10]. Интернет постепенно становится не только средством для политики, но и местом, где эта политика делается вполне реально.

Библиографический список

1. Акопов Г. Л. Политика и Интернет : монография. М. : Инфра-М, 2014. 202 с.

2. Балашов А. Н. Интернет-активность Российских политических партий: политологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 3. 2014. С. 107–116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/internet-aktivnost-rossiyskih-politicheskikh-partiy-politologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 02.12.2019).

3. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе : монография. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2001. 252 с.

4. Войнов Д. А. Интернет-диалог власти и общества в современной России : монография. Шуя, 2007. 130 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskie-internet-kommunikatsii-samoupravlenie-vs-kontrolya> (дата обращения: 02.12.2019).

5. Зорин В. Интернет и политика // Русский журнал. 2002. 29 июля. URL: <http://old.russ.ru/politics/20020729-zor.html> (дата обращения: 02.12.2019).

6. Прокопенко А. Н. Интернет как инновационное средство глобализации : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ростов н/Д, 2004. 174 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002623171> (дата обращения: 03.12.2019).

7. Туронок С. Г. Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 51– 63.

УДК 347.4

Мельников Иван Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
melnikk44@gmail.com

Шарагин Владислав Владимирович,

магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
ruozversa@yandex.ru

Служебный контракт на государственной гражданской службе

В статье анализируется правовая природа служебного контракта, а также необходимость его существования для возникновения государственно-служебных правоотношений. Авторами исследуется легальное определение служебного контракта на государственной гражданской службе Российской Федерации, а также приводятся аргументы в пользу отнесения служебного контракта к разновидности административного договора. Рассматриваются вопросы, посвященные субъектному составу служебного контракта и моменту возникновения государственно-служебных правоотношений. Делается вывод о возможности исключения служебного контракта из сложного юридиче-

ского состава необходимого для поступления на государственную гражданскую службу.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, служебный контракт, административный договор, государственный гражданский служащий, служебные правоотношения, трудовой договор.

Melnikov Ivan Nikolaevich,

candidate of law, associate Professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Sharagin Vladislav Vladimirovich,

undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Service contract in the civil service

The article analyzes the legal nature of the service contract, as well as the need for its existence for the emergence of public service relations. The authors study the legal definition of a service contract in the state civil service of the Russian Federation, and also provide arguments in favor of classifying a service contract as a kind of administrative contract. The issues of the subject composition of the service contract and the moment of the emergence of state-service legal relations are considered. It is concluded that it is possible to exclude a service contract from the complex legal structure necessary for entering the civil service.

Keywords: state civil service, service contract, administrative contract, state civil employee, official legal relations, employment contract.

В науке существует два подхода к пониманию служебного контракта. Ученые административисты относят служебный контракт к разновидности административного договора. В свою очередь ученые, специализирующиеся в области трудового права, предлагают рассматривать служебный контракт как самостоятельный вид трудового договора.

Позиция сторонников подхода отнесения служебного контракта к разновидности трудового договора, хотя и не лишена смысла, все-таки носит ряд изъянов. Во-первых, потому что трудовые правоотношения носят частноправовой характер, тогда как служебные отношения публично-правовой, где отсутствует равенство субъектов правоотношений, потому что они строятся на основе субординационных связей. Так гражданский служащий в большинстве своем не может повлиять ни на одно из условий служебного контракта. При этом представитель нанимателя вправе в одностороннем порядке изменять условия служебного контракта, за исключением изменения условий, связанных с должностными обязанностями гражданского служащего. Несогласие лица с условиями служебного контракта ведет к не заключению служебного контракта либо освобождению от замещаемой должности или увольнению с государственной гражданской службы. Во-вторых, служебный контракт является лишь одним из

элементов сложного юридического состава для поступления на государственную гражданскую службу. Трудовой договор напротив может выступать самостоятельным и единственным основанием для признания того факта, что трудовые отношения возникли между работодателем и гражданином. В-третьих, служебным контрактом определяется не трудовая функция гражданского служащего, а его должностные обязанности. Подобные аргументы позволяют говорить об административно-правовой природе служебного контракта, правовая регламентация которого происходит на основе норм административного права. Элемент трудовых отношений в рамках государственной гражданской службы можно выделить лишь в возможности субсидиарного применения норм Трудового кодекса РФ к государственно-служебным правоотношениям.

В ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон о государственной гражданской службе) сформулировано понятие служебного контракта [4]. По поводу данного определения в науке возникли споры относительно сторон служебного контракта. В связи с тем, что согласно определению одной из сторон служебного контракта, помимо лица, поступающего на гражданскую службу, является представитель нанимателя. Хотя в данном случае уместным было использовать в качестве другой стороны Российскую Федерацию или субъект Российской Федерации, которые являются нанимателем согласно ч. 3 ст. 10 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [5]. Некоторые ученые полагают, что нанимателем должен выступать конкретный государственный орган, а не государство. В качестве обоснования такой позиции приводятся ссылки на значительное число решений, которые принимает государственный орган в отношении гражданского служащего: издает акт о назначении на должность и прекращении служебного контракта, выносит решения о поощрении и др. Своей точки зрения придерживаются О. Л. Казанцева и О. В. Меженина, которые считают, что нанимателем является руководитель государственного органа, обосновывая это тем, что «именно руководитель государственного органа включен непосредственно в процесс поступления на государственную гражданскую службу, он в конечном итоге несет ответственность за реализацию прав гражданского служащего в сфере трудовых отношений» [2, с. 89]. Стоит отметить, что О. Л. Казанцева и О. В. Меженина считают, что служебный контракт регулирует трудовые правоотношения. Мы находим правильным придерживаться позиции заключения служебного контракта от лица нанимателя, что должно быть отражено в легальном определении. Это вызвано, прежде всего, необходимостью исключения противоречий между двумя нормативными правовыми актами, а также исключению вопросов о легитимности служебного контракта, когда происходит смена представителя нанимателя.

Другая дискуссия ведется по поводу второй стороны в служебном контракте – гражданин или государственный гражданский служащий. Ученые считают, что в данном случае стороной всегда будет являться государственный гражданский служащий, в силу того что служебный контракт в соответствии с ч. 1 ст. 26 Закона о государственной гражданской службе заключается на ос-

нове акта государственного органа о назначении на должность гражданской службы. Следовательно, гражданин на момент заключения служебного контракта уже является государственным гражданским служащим. Однако здесь также содержится другой дискуссионный вопрос, а именно с какого момента возникают государственно-служебные правоотношения.

При анализе Закона о государственной гражданской службе сложно установить дату возникновения государственно-служебных отношений, так как в законе предусматриваются несколько дат, которые могли бы выступать отправной точкой для их возникновения: дата издания акта государственного органа о назначении гражданина на должность гражданской службы, дата подписания служебного контракта ч. 5 ст. 26, дата начала исполнения должностных обязанностей п. 3 ч. 3 ст. 24. При этом может возникнуть еще четвертая дата, связанная со вступлением служебного контракта в силу. Так, В. Б. Башуров считает, что «факт заключения служебного контракта не порождает государственно-служебных правоотношений, так как они, с учетом публично-правовых начал, возникают с момента издания акта о назначении на должность государственной службы или, если быть более точным, со дня назначения гражданина Российской Федерации, поступающего на гражданскую службу, на должность гражданской службы» [1, с. 59]. Разделяя позицию В. Б. Башурова, считаем, что издание акта о назначении на должность гражданской службы в полной мере выражает административно-правовую природу государственно-служебных отношений, основанных на власти и подчинении, и опосредует возникновение данных отношений. В то же время в науке есть и другие точки зрения, к примеру, Л. А. Чиканова считает, что «акт назначения на должность сам по себе не является основанием для возникновения служебного отношения» [6, с. 64]. Сторонники аналогичного подхода в обоснование своей позиции часто ссылаются на ст. 13 Закона о государственной гражданской службе, в которой говорится, что гражданский служащий осуществляет профессиональную служебную деятельность на должности гражданской службы в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом. Исходя из данной нормы, они делают вывод, что одного только издания акта о назначении на должность недостаточно для возникновения служебных правоотношений. Однако в данной статье говорится, в соответствии с чем гражданский служащий осуществляет свою деятельность, а не в связи с чем возникают служебные отношения. Следовательно, соответствующая статья никак не противоречит точке зрения, что акт о назначении на должность гражданской службы является основанием для возникновения служебных отношений.

В связи с неравенством сторон служебного контракта и публично-правовым характером служебных отношений, в которых гражданин, поступающий на гражданскую службу, не имеет возможности повлиять на условия контракта, и, по сути, может только присоединиться к ним, возникает закономерный вопрос о необходимости существования служебного контракта. По этому поводу А. К. Соловьева пишет, что «было бы оправданным исключить служебный контракт из действующего законодательства о государственной гражданской службе и оставить в качестве основного акта поступления на

службу – приказ государственного органа о назначении гражданина на должность гражданской службы, детально прописав в законе его форму, содержание и порядок принятия»[3, с. 38]. При этом как считают некоторые авторы служебный контракт не является основанием для возникновения служебных отношений, а, значит, его необходимость незначительна. Полагаем, есть все предпосылки для исключения служебного контракта из юридического состава поступления на государственную гражданскую службу и закрепления условий служебного контракта, не отраженных в должностном регламенте, в акте о назначении на должность гражданской службы. В противовес позиции о том, что в заключении служебного контракта кроется свободное волеизъявление гражданина на замещение должности гражданской службы, можно сказать, что такое волеизъявление выражается еще на стадии подачи документов для поступления на должность. Основываясь на этом, значение служебного контракта в служебных отношениях уменьшается, а его функциональная роль может быть перенесена на другие акты.

Таким образом, служебный контракт как соглашение между представителем нанимателя и гражданином выполняет второстепенную роль в возникновении государственно-служебных отношений и может быть исключен из этого сложного юридического состава.

Библиографический список

1. Башуров В. Б. Место служебного контракта в установлении государственно-служебных правоотношений на государственной гражданской службе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 1. С. 58–63.

2. Казанцева О. Л., Меженина О. В. Особенности сторон служебного контракта на государственной гражданской службе в Российской Федерации // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3(91). С. 86–91.

3. Соловьева А. К. Служебный контракт государственного служащего: правовое регулирование // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 61–73.

4. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [от 27.07.2004 № 79-ФЗ : по состоянию на 01.05.2019] // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2019).

5. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» : [от 27.05.2003 № 58-ФЗ : по состоянию на 23.05.2016] // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2019).

6. Чиканова Л. А. Правовое регулирование служебных отношений на государственной гражданской службе: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2005. № 4 (100). С. 67–71.

УДК 349

Никитина Лада Алексеевна,
студент, Волго-Вятский институт (филиала) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
Email: lada02121997@mail.ru

К вопросу о самозанятых гражданах как субъектах предпринимательской деятельности

Данная статья посвящена вопросу определения категории самозанятых граждан как субъектов предпринимательской деятельности. Автор рассматривает проблемы правового регулирования, касающиеся места данной категории граждан среди иных субъектов предпринимательской деятельности, ее правового статуса, перед которыми поставлен российский законодатель. Кроме того, автор приводит мнения ученых по данному вопросу, а также проводит изучение и анализ нормативно-правовых актов РФ, на основании которых выявляет основные задачи, стоящие перед законодателем в вопросе регулирования положения самозанятых граждан и пути их решения.

Ключевые слова: самозанятые граждане, доход, предпринимательская деятельность, налогообложение, правовое регулирование.

Nikitina Lada Alekseevna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch) of O. E. Kutafin University
Kirov, Russian Federation

To the question of self-employed citizens as subjects of business activity

This article is devoted to the issue of determining the category of self-employed citizens as business entities. The author considers the problems of legal regulation relating to the place of this category of citizens among other business entities, its legal status, which the Russian legislator is confronted with. In addition, the author cites the views of scientists on this issue, and also studies and analyzes the legal acts of the Russian Federation, on the basis of which he identifies the main tasks facing the legislator in the issue of regulating the situation of self-employed citizens and ways to solve them.

Keywords: self-employed citizens, income, business activity, taxation, legal regulation.

Основополагающие положения о предпринимательской деятельности в Российской Федерации впервые были закреплены ее Основным законом. Согласно статье 34 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на

свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [6].

Впоследствии данные положения были подробно конкретизированы и детализированы в первую очередь Гражданским [3] и Налоговым Кодексами РФ [7], а также рядом федеральных законов, например, Федеральными законами «Об акционерных обществах» [9]. Ими были заложены понятия о предпринимательской деятельности, субъектах и их правовом статусе, других, тесно связанных с ними институтах.

Одним из наиболее важных моментов являлось установление перечня субъектов предпринимательской деятельности, организационно-правовых форм, прав и обязанностей данных субъектов. На первый взгляд, изучив ряд нормативных правовых актов в данной сфере можно заключить, что законодатель справился с этой задачей. Однако, как показала практика, в современном законодательстве имеются пробелы, связанные с положением таких субъектов предпринимательской деятельности как самозанятые граждане.

Основная проблема, касающаяся самозанятых граждан, заключается в том, что деятельность, осуществляемая данной категорией граждан, по своей сущности, является предпринимательской и подлежит государственному контролю, однако, в отличие от предпринимательской деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, должным образом не урегулирована российским законодательством. Выделим два основных аспекта.

Во-первых, нормы, определяющие статус самозанятых граждан, до изменений 2017 года практически полностью отсутствовали в российском законодательстве.

Так, например, в абзаце 4 пункте 2 статьи 6 Федерального закона «Об основах обязательного социального страхования» среди иных застрахованных лиц выделяются «лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой» [10]. Данная категория не уточнена законодателем, однако, как факт, данной нормой он установил, что такая существует.

Во-вторых, те немногочисленные нормы, которые даже с учетом изменений 2019 года отнесены к регулированию деятельности самозанятых граждан, являются зачастую слишком общими либо по своему содержанию недостаточными для того, чтобы закрепить все особенности регулирования деятельности самозанятых граждан.

Таковыми являются нововведения в статьях 2 и 23 Гражданского Кодекса РФ, внесенные Федеральным законом от 26.07.2017 №199-ФЗ, окончательно установившие существование такого субъекта предпринимательской деятельности как самозанятые граждане [11], а также нормы Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»...» [13], который закрепляет лишь отдельные положения о регулировании деятельности самозанятых граждан и о котором речь пойдет ниже.

Вместе с тем, в случае с самозанятыми гражданами недостаточно принять новые нормы, подобные тем, что регулируют предпринимательскую деятельность организаций и индивидуальных предпринимателей, поскольку в отноше-

нии последних установлены четкие и строгие механизмы контроля и отчетности об их деятельности, которые не подойдут для самозанятых граждан в силу малого (небольшого) масштаба их деятельности, невысокого показателя дохода, его нестабильности и относительной ограниченности его увеличения в силу специфики работы на себя, а также ряда других причин.

Актуальность проблемы урегулирования правового статуса самозанятых граждан определяется также тем, что в лице самозанятых граждан, находящихся в теневом секторе экономики, государство «теряет» своих налогоплательщиков, обязанных платить установленными законодательством налоги и сборы, в увеличении которых Российская Федерация сегодня особенно заинтересована в связи с кризисными явлениями в российской экономике [2, с. 62–74].

К решению данной проблемы требуется серьезный подход. И первые шаги на пути к нему уже были сделаны.

Начало кампании по легализации деятельности самозанятых граждан было положено поручением Президента РФ еще в 2013 году. Согласно п. 1.27 Перечня поручений от 27 декабря 2013 года Правительству было высказано требование об обеспечении внесения в законодательство изменений по применению в отношении самозанятых граждан патентной системы налогообложения и «обязательных платежей по страховым взносам одновременно с их регистрацией в качестве индивидуальных предпринимателей по принципу «одного окна», что впоследствии и было осуществлено [8].

Следующим шагом стало принятие Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации...» [12], в соответствии с которыми физическим лицам, не зарегистрированным в качестве индивидуальных предпринимателей, оказывающих без привлечения наемных работников услуги для личных, домашних и (или) иных подобных нужд по определенным видам деятельности, например, присмотру и уходу за детьми, больными лицами и т. д., предоставляются двухлетние налоговые каникулы. При этом субъекты РФ путем принятия закона могут установить иные виды подобного рода услуг, доходы от оказания которых освобождаются от НДФЛ. Кроме освобождения от НДФЛ было решено в течение 2017–2018 гг. не включать доходы от оказания этих видов услуг в базу для исчисления страховых взносов.

Далее последовало принятие Федерального закона от 26.07.2017 № 199-ФЗ, внесшего изменения в статьи 2 и 23 Гражданского Кодекса, о которых речь уже шла выше.

Заключительным и наиболее прогрессивным шагом, предпринятым законодателем, стало принятие Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ, посвященного эксперименту по установлению специального налогового режима для самозанятых граждан, получившего название «налог на профессиональный доход».

Определение профессионального дохода в законе дано обобщающее и всеобъемлющее: «доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества».

Стоит отметить, что данный экспериментальный закон направлен на «вывод из тени» самозанятых граждан путем ряда поощрительных мер, таких как предоставление налогового капитала в размере 10 000 рублей, включение в налог вносов в Фонд обязательного медицинского страхования, отсутствие обязанности уплаты НДС и НДФЛ, возможность отчисления взносов в Пенсионный фонд РФ, получение трудового стажа, а также обещаниями проведения работ по выявлению самозанятых граждан и применению ряда санкционных мер в отношении тех, кто не соблюдает Закон [4, с. 2–3].

Также, важным моментом является то, что реализации данный эксперимент подлежит пока только на территории четырех субъектов и рассчитан по срокам до 2028 года включительно.

Таким образом, российский законодатель, с одной стороны, стремится к окончательному урегулированию вопроса о правовом статусе самозанятых граждан, с другой – делает это очень медленно и в малых масштабах, что выглядит очень противоречиво и вызывает вопросы, в первую очередь, связанные с тем, насколько стремительно будут самозанятые граждане заявлять о себе.

С позиции научных исследований вопрос по урегулированию положения самозанятых граждан определяется во многом единообразно.

Е. А. Абрамова отмечает, что необходимо облагать налогом лишь крупные и средние предприятия – юридические лица, индивидуальных предпринимателей и крестьянско-фермерские хозяйства, а фрилансеров, лиц, имеющих личные и сельские подсобные хозяйства, занимающихся собирательством и других, налогом облагаться не стоит. По ее мнению, важно поддерживать гражданскую инициативу, содействовать формированию слоя собственников и предпринимателей в малом бизнесе, что в конечном итоге позволит смягчить сложную экономическую ситуацию в стране [1, с. 6–10].

Т. Ю. Карпова и Г. Э. Арбаев уделяют внимание тому, что большинство самозанятого населения «располагается» в теневом секторе экономики, что связывается с необходимостью регистрации как минимум в качестве индивидуального предпринимателя, последующими этому уплатами налогов, взносов и других непомерных для самозанятых издержек. С точки зрения авторов для успешного развития самозанятости населения государству необходимо определить правовой статус самозанятого, установить законодательную базу для упрощенной регистрации в качестве самозанятого, создать лояльную систему налогообложения и специальную систему поддержки самозанятых в виде возможности прохождения соответствующего обучения, а также правовой, информационной и иной поддержки [5, с. 3–4].

Суммируя все изложенное можно сделать следующие выводы:

1. Российскому законодателю с целью устранения противоречий в сфере регулирования деятельности самозанятых граждан и дальнейшего ее реформирования необходимо четко закрепить легальное определение категории самозанятых граждан и правовой статус данных лиц путем принятия специального Федерального закона либо внесения изменений в Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ;

2. Для преодоления кризисного состояния в российской экономике путем выведения самозанятых граждан из теневого сектора экономики законодателю следует предпринять больше мер, направленных на поддержку, а не санкционирование самозанятых граждан, в частности тех, что были предложены авторами Т. Ю. Карповой и Г. Е. Арбаевым, являющихся, по нашему мнению, качественно наиболее эффективными.

Библиографический список

1. Абрамова Е. А. Кризисная самозанятость в России: классификация, структура, уровни развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/krizisnaya-samozanyatost-v-rossii-klassifikatsiya-struktura-i-urovni-razvitiya> (дата обращения: 01.11.2019).

2. Бондаренко Д. В. Самозанятые лица как субъекты предпринимательской деятельности // Право и политика. 2018. № 5. С. 62–74.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.

4. Каминова А. Ю., Захарьева Д. Г. Анализ введения в РФ нового налогового режима для самозанятых граждан. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-vvedeniya-v-rf-novogo-nalogovogo-rezhima-dlya-samozanyatyh-grazhdan> (дата обращения: 31.10.2019).

5. Карпова Т. Ю., Арбаев Г. Э. Самозанятость в Российской Федерации: проблемы и пути развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/samozanyatost-v-rossiyskoj-federatsii-problemy-i-puti-razvitiya> (дата обращения: 01.11.2019).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398;

7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. 1998. № 148-149.

8. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 27 декабря 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/20004> (дата обращения: 01.11.2019).

9. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. 1995. № 248.

10. Федеральный закон «Об основах обязательного социального страхования» от 16.07.1999 № 165-ФЗ // Российская газета. 1999. № 139.

11. Федеральный закон от 26.07.2017 № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2017. № 167.

12. Федеральный закон от 30.11.2016 № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2016. № 275.

13. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“ в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также

УДК 347.78

Носенко Полина Дмитриевна,

студент, Донецкий национальный университет,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

nosenkopolina.99@mail.ru

Фотографическое произведение как объект авторского права

В данной статье рассмотрено фотографическое произведение как объект авторского права и проблемы его правовой регламентации в Российской Федерации. Проанализированы нормативные правовые акты и доктринальные источники, в которых закреплены сведения об объектах авторского права и способах их защиты от нарушений путем самозащиты или обращения с исковым заявлением в суд и специальные органы по защите авторских прав. Выявлена и обоснована необходимость закрепления в нормативных правовых актах термина фотографическое произведение и критерии его охраноспособности.

***Ключевые слова:** фотографическое произведение, правообладатель, творчество, критерии охраноспособности, самозащита.*

Nosenko Polina Dmitrievna,

student, Donetsk national University,

Donetsk, Donetsk people's Republic

Photographic work as an object of copyright

This article considers a photographic work as an object of copyright and the problems of its legal regulation in the Russian Federation. The author analyzes normative legal acts and doctrinal sources, which contain information about the objects of copyright and ways to protect them from violations by self-defense or filing a claim with the court and special copyright protection bodies. The necessity of fixing in normative legal acts of the term photographic work and criteria of its security capability is revealed and proved.

***Keywords:** photographic work, copyright holder, creativity, criteria of protection, self-defense.*

Фотографическое произведение в современном обществе является одним из наиболее проблемных объектов при защите нарушенных прав автора, поскольку пробелы в законодательстве существенно затрудняют процесс охраны авторского права на фотографическое произведение, в том числе произведения,

выполненные способами, подобными фотографии. Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит в себе определение понятия «фотографическое произведение» [3], а также законодательство не закрепляет в себе критериев, которые были бы присущи фотографическому произведению, служившими гарантией для автора на созданное им творение. Согласно доктринальным источникам, фотографическое произведение – это воплощенные на материальном носителе изображения объектов окружающего мира в некоторый момент времени, предназначенные для зрительного восприятия, в том числе с помощью или посредством технических средств [4].

Несмотря на то, что в законодательстве нет определение понятию «фотографического произведения», оно все же является объектом авторского права и означает, что использование таких произведений возможно только с разрешения лица, являющегося автором или уполномоченным на это.

Следует отметить, что отсутствие определения понятию «фотографическое произведение» и критериев охраноспособности может быть связано с тем, что фотографии до 1928 года как таковые не признавались произведением, а рассматривались как результат механического копирования, возможно, это и вызвало трудности у законодателя при выделении фотографического произведения как объекта авторского права. Отсутствие критериев охраноспособности является существенной проблемой при постановке вопроса о том, все ли фотографические произведения являются объектом авторского права и подлежат охране при нарушении права автора [2].

Принято считать, что фотография должна быть результатом творческой деятельности, однако здесь может возникнуть существенный спор. Малый академический словарь трактует «творчество», как деятельность человека, направленная на создание культурных или материальных ценностей. Толковый словарь Ожегова трактует «творчество», как некое создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей. Авторы фотографического произведения на один и тот же объект могут иметь различные точки зрения. Так, например, существуют такие виды фотографий, как модная и предметная, казалось бы, они созданы для достижения существенно отличавшихся друг друга задач и целей. Однако объектом как модной, так и предметной может быть аксессуар или одежда, но задачей авторов является подобрать ракурс так, чтобы фотографии не были схожи между собой. Творческая деятельность – это относительное определение понятию, поскольку у каждого человека свое виденье на созданное произведение.

В доктринальных источниках под объектом авторского права понимаются только те результаты, которые были созданы творческим трудом. В этом случае действует презумпция творчества, которая предполагает то, что пока не будет доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности будут считаться созданными творческим трудом [4].

Анализируя возникновение проблемной ситуации, существует необходимость выявления критериев, присущих фотографическому произведению. Некоторые авторы научных источников рекомендуют ответить на ряд вопросов, чтобы все-таки понять, является ли созданное произведение творческим. На-

пример, является ли творение объектом результата творческой деятельности; использовалось ли копирование уже созданного произведения или же автор использовал оригинальные методы фотографирования [4].

Для примера обратимся к Закону Соединенных Штатов Америки «Об авторском праве», в котором произведениями изобразительного искусства признаются фотографии, выполненные только для выставочных целей, существующие в одном экземпляре, подписанном автором, или в ограниченном издании (200 копий или меньше), которые также подписаны и пронумерованы [1]. То есть практически отсутствует возможность другого человека присвоить себе авторство. Отечественная же практика напротив требует усвершенствования, поскольку частым нарушением исключительного права автора является присвоение авторства и распространение без согласия правообладателя фотографических произведений. Некоторые суды по интеллектуальным правам выделяют под творческой деятельностью фотографа такие действия, как: выбор экспозиции, размещение объекта фотографии в пространстве, собственная позиция по созданию произведения, подбор световых фильтров для объектива, настройка резкости кадра, обработка полученного изображения при помощи специальных компьютерных программ, проявление фотографий или фотопленки.

Ежедневно в мире создается более десяти миллиардов фотографий, но не все из них являются новыми и равно, оригинальными, так как существует множество однотипных фотографических произведений и по нашему мнению, охрана права автора на все произведения приведет к существенному дисбалансу между защитой прав и злоупотреблением правами.

Автором фотографического произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Под автором фотографического произведения понимается фотограф, сложность вызывает факт доказывания им своего авторства [4].

Следует рассмотреть такой способ защиты своих прав, как самозащита, предусмотренная статьей 14 Гражданского кодекса Российской Федерации. Самозащитой является применение, в этом случае правообладателем, способов противодействий, которые не запрещены законом и не противоречат моральным принципам общества. Способ самозащиты выбирает само лицо, право которого было нарушено. Например, автор фотографического произведения может опубликовать свое фотографическое произведение в средствах массовой информации, журналах, выставках, книгах и так далее. А также при желании автора, можно на самой фотографии поместить информацию о себе или фотографии. Но, конечно, обнародование своих фотоснимков не всегда является гарантией, поэтому авторам необходимо сохранять оригиналы (исходные материалы) на материальных носителях, где четко закреплена дата и время проведения фотосъемки. Как указано в нормативных правовых актах, авторское право возникает у лица с момента создания произведения и его регистрация не является обязательным условием для закрепления данного права. Однако для того, чтобы предотвратить копирование или присвоение авторства другим лицом, есть необходимость обнародования фотографий с указанием своего имени или псевдонима, представления определенной информации об авторе либо же соз-

дании фотоснимка. В случае нарушения своих прав автор имеет право обратиться в суд [2].

Таким образом, проанализировав законодательство, регулирующее авторское право и доктринальные источники, мы видим, что охрана фотографического произведения закреплена не в полной мере. Определение понятия и критериев охраноспособности фотографии являются в современном мире необходимыми, поскольку профессия фотографа является востребованной и лицо, осуществляющее фотосъемку, использует в своем арсенале порой самые экстравагантные способы фотографирования для того, чтобы не было обыденных снимков, который может сделать любой человек на материальный носитель. По нашему мнению, в главе 70 Гражданского кодекса Российской Федерации необходимо закрепить определение понятию в таком виде: «фотографическое произведение» – это созданные на материальном носителе изображения объекта окружающего мира, предназначенные для зрительного восприятия.

Также закрепить критерии охраноспособности всех объектов авторского права, в частности, фотографического произведения. Такими критериями должны выступать: оригинальность, художественный замысел и уникальность.

Под оригинальностью требуется понимать индивидуальное виденье фотографического произведения, то, что трудно повторить, но доступно для зрительного восприятия.

Художественный замысел является тонкой гранью оригинальности, но отличие в том, что автор видит определенную обстановку, ее творческое закрепление, а не просто инструмент документирования.

Под уникальностью необходимо понимать запечатление объекта таким, чтобы не было схожести при сравнении другого снимка.

Библиографический список

1. Copyright Act of 1976, Pub. L. No. 94-553, 90 Stat. 2541 (for the general revision of copyright law, title 17 of the United States Code, and for other purposes), October 19, 1976: URL: <https://www.copyrightservice.net/ru/copyright/us> (дата обращения: 26.11.2019).

2. Гиричева В. В. Проблемы критериев правовой охраны фотографии как объекта авторского права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kriteriev-pravovoy-ohrany-fotografii-kak-obekta-avtorskogo-prava/viewer> (дата обращения: 26.11.2019).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) № 230-ФЗ от 18 декабря 2006 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 26.11.2019).

4. Косякова Ю. Л. Критерий творчества как признак объекта авторского права: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriteriy-tvorchestva-kak-priznak-obekta-avtorskogo-prava/viewer> (дата обращения: 26.11.2019).

УДК 347

Рожкова Мария Александровна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
rojkovamaria@yandex.ru

Закупки малого объема: спасение для заказчика или способ неэффективного использования бюджетных средств?

В статье автором анализируются преимущества и недостатки закупок малого объема, выделяется проблема искусственного дробления закупок при наличии единой хозяйственной цели, предлагаются пути решения данной проблемы.

***Ключевые слова:** закупки малого объема, 44-ФЗ, заказчик, контракт, единая хозяйственная цель.*

Rozhkova Maria Aleksandrovna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Small volume purchases: salvation for the customer or a way of inefficient use of budget funds?

In the article the author analyzes the advantages and disadvantages of small volume purchases, highlights the problem of artificial fragmentation of purchases in the presence of a single economic goal, suggests ways to solve this problem.

***Keywords:** small volume purchases, 44-FZ, customer, contract, common economic purpose.*

Закупка у единственного поставщика – это механизм, при котором заказчик приглашает к исполнению контракта одного исполнителя, минуя конкурентные процедуры. Одной из разновидностей закупки у единственного поставщика является закупка малого объема.

Данная форма закупок регулируется ст.93 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. (далее 44-ФЗ) [2]. Закупки малого объема – это закупки для государственных и муниципальных нужд, при которых заключаются соглашения стоимостью до 300 тыс. руб., а образовательные, научные и иные организации, учреждения, перечисленные в п. 5 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ могут заключать контракты до 600 тыс. руб. Необходимо отметить, что с 1.07.2019 г. в 44-ФЗ внесены изменения и максимальные суммы были увеличены со 100 до 300 тыс. рублей и с 400 до 600 тыс. рублей.

Согласно экспертным оценкам, 5–7 % от всего объема госзаказа приходится на неконкурентные малые закупки [7, с. 29]. С марта по июнь 2017 года было проведено первое в России исследования осуществления закупок малого объема «Малые закупки. Три рубля – не деньги!?!». Данный проект был организован компанией – разработчиком ИТ-решений для автоматизации бизнеса «Фогсофт» и Центром эффективных закупок «Тендеры.Ру» при поддержке Аналитического центра «Интерфакс ProЗакупки» [5, с. 41].

В ходе исследования респондентов, спрашивали о том, что в их организации понимается под малой закупкой, о годовом объеме таких заказов, какие подразделения и какими способами их осуществляют. Авторы исследования также интересовались тем, сколько времени занимают такие закупки и многие другие вопросы, которые помогали выявить практические проблемы в данной форме закупок.

Можно отметить, что 80 % опрошенных знают положения о закупках, закрепленных в 44-ФЗ. Однако 60 % опрошенных отмечает, что существует острая проблема малых закупок. Результаты исследования подтвердили предположения специалистов о низкой эффективности закупок малого объема [5, с. 40–41].

Для начала хотелось бы отметить преимущества малых закупок. Во-первых, экономия времени для заказчика. Несомненно, отступление от традиционной процедуры проведения закупок значительно позволяет сэкономить время для заказчика. В плане-графике закупок все соглашения идут одной строкой с итоговой суммой. Также заказчик освобождается от необходимости обосновать способ закупки и начальную цену соглашения.

Как справедливо отмечает Т. Конышева, «преимущества закупки у единственного поставщика – меньшие сроки проведения (в отличие от полноценных аукционов), упрощенные процедуры, экономия ресурсов и возможность заключить контракт с проверенной организацией» [3, с.53]. Несмотря на экономию времени, рассматривая данную процедуру в совокупности с принципом эффективного использования бюджетных средств, возникает фактор «субъективного усмотрения» при формировании перечня соглашений малого объема.

Во-вторых, помимо эффективной экономии времени заказчика, также экономятся и его денежные средства. Например, у организации срочно возникла потребность в пачке белой бумаги, которая стоит 250 рублей. Если следовать традиционной процедуре закупки, то возникает необходимость согласования закупки пачки бумаги через отдел снабжения, опубликовать извещение о проведении закупки, затем проводить закупку, оформлять необходимые бухгалтерские документы и т. д. Несомненно, данная процедура несет в себе расходы в разы больше, чем стоит данная пачка бумаги.

В. Лагутин отмечает, что в экономию затрат на закупки малого объема включаются и трудозатраты на сотрудников. Так, по оценке Гильдии отечественных закупщиков и специалистов по закупкам и продажам, цена одной тендерной процедуры для бюджета доходит до 27 тыс. руб. [6, с. 48].

В-третьих, минимальный набор документов, который необходим для оформления закупки. В том числе заказчик освобождается от необходимости

предъявления документации в ЕИС. Также необходимо отметить, что соглашение между поставщиком и заказчиком может быть оформлено в любой форме, предусмотренной ГК РФ [1]. В связи с данной возможностью 44-ФЗ предусматривает, что информация о заключении соглашения не направляется в реестр контактов (ч. 1 ст. 103 44-ФЗ), поэтому по таким соглашениям заказчик освобождается от оформления отчета об исполнении (ч. 9 ст. 94 44-ФЗ).

Необходимо отметить, что возможность заключения контрактов в устной форме несет за собой ряд дополнительных действий. Если контракт заключен в устной форме, что не запрещено законодательством РФ, то принять товар, работу или услугу заказчик должен в письменном виде, для того чтобы в последующем отчитаться в потраченных деньгах.

Вместе с тем закупочная практика показывает, что даже в такой упрощенной процедуре закупок имеются существенные недостатки.

Одной из основных и наиболее важных проблем возникает при дроблении закупок. 44-ФЗ предусматривает только 2 ограничения: максимальная сумма (300 и 600 тыс. руб.) и совокупный годовой объем таких закупок. При этом данные ограничения являются достаточно формальными и не ограничивающими процедуры закупок от проблемы дробления при наличии единой хозяйственной цели.

Так в административной и судебной практике отсутствует единство подходов к определению случаев, когда производится дробление закупки.

Например, между ИП и администрацией муниципального образования заключено 4 муниципальных контракта, по условиям которых поставщик обязался поставить заказчику искусственный газон, а заказчик его принять и оплатить: на сумму 97 850 руб. (по контракту № 1), на сумму 98 800 руб. (по контракту № 2), на сумму 98 800 руб. (по контракту № 3), на сумму 99 750 руб. (по контракту № 4).

Контракты заключены со ссылкой на п. 4 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ с единственным поставщиком. Полагая, что указанные муниципальные контракты на поставку искусственного газона образуют единую сделку на поставку одного и того же товара на сумму 395 200 руб., однозначно превышающую 100 тыс. руб. (дело было рассмотрено в 2015 году), прокурор области обратился в арбитражный суд с иском о признании муниципальных контрактов недействительными.

Суд, исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства, пришли к выводу, что контракты № 1, 2, 3 и 4 направлены на достижение единой хозяйственной цели. Приобретателем по ним является одно и то же лицо, имеющее единый интерес, предметом – одноименные товары, в связи с чем контракты фактически образуют единую сделку, искусственно раздробленную и оформленную четырьмя самостоятельными договорами.

При таких обстоятельствах, суд, установив, что общая стоимость оспариваемых контрактов превышает предельно допустимый размер закупки у единственного поставщика, пришли к выводу о нарушении процедуры их заключения и, как следствие, о недействительности (ничтожности) сделки, оформленной указанными контрактами, в связи с чем удовлетворили заявленные требования прокурора в полном объеме [4, с. 31–32].

В другом случае, 1 сентября 2015 г. администрация муниципального образования заключила с ИП договор № 208 на поставку насоса PEDROLLO с ценой контракта 99 900 руб.; а также договор №206 на поставку устройства автоматического управления промышленным оборудованием, прожектора RGB с ценой контракта 99 900 руб.

При рассмотрении материалов административного дела УФАС России установлено, что администрацией МО проводилось две закупки с ценой контракта по каждой закупке 99 900 руб., что соответствует требованиям п. 4 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ. Таким образом, заключение контракта у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) по п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе возможно, если сумма закупки товара, работы или услуги на сумму, не превышающую сто тысяч рублей, и годовой объем закупок по данному пункту не должен превышать два миллиона рублей. Иных ограничений по закупкам товаров, работ, услуг по п. 4 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ не установлено действующим законодательством РФ. Соответственно, в действиях администрации МО, заключившей договоры № 206, 208 от 1 сентября 2015 г., отсутствует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.29 КоАП в части принятия решения о способе закупки с нарушением требований, установленных 44-ФЗ [7].

Анализируя положения п. 4 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ, можно сделать вывод, что нет запрета заключения договора (контракта) на закупку одноименных товаров, работ, услуг, в том числе с одной и той же организацией. При этом отсутствует как на законодательном, так и на правоприменительном уровне признаков (критериев) искусственного дробления закупок.

Необходимо отметить, что установление факта дробления закупки носит субъективный характер и зависит от усмотрения сотрудников контролирующего органа или судьи арбитражного суда, рассматривающего дело. В том случае, если в отношении заказчика будет проведена закупка, то он должен доказать, что не было осуществлено намеренное дробление сделки. Например, заказчик не может заключить один крупный контракт, потому что у него нет возможности хранить одну крупную закупку, так как нет складского помещения для этого. Поэтому он вынужден проводить малые закупки ежемесячно. Если же объективных причин нет, то лучше закупку не дробить, а иначе возможно наложение санкций в виде штрафа.

Таким образом, при наличии таких преимуществ как экономия времени и средств, для заказчика существует достаточно острая проблема искусственного дробления закупок при наличии единой хозяйственной цели. Путем решения данной проблемы может служить повышение качества предварительного контроля на стадии формирования (определения) потребностей организации. Все это позволит, во-первых, избежать легкомысленного усмотрения каждой отдельной организации при формировании своих потребностей, что будет склонять организации к проведению процедуры в рамках конкурса и во-вторых станет способом реализации принципа защиты и поддержки конкуренции на российском рынке.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14, ст. 1652.
2. Кичанов С. Закупки до 100 тысяч рублей у единственного поставщика // Госзакупки.Ру. 2017. № 3. С. 20–24.
3. Коротаева А. И. Закупки «малого объема»: это просто или сложно? // Прогосзаказ.РФ. 2017. № 6. С. 28–39.
4. Лагутин В. Копейка рубль бережет. Эксперты изучили возможности роста экономии на закупках малого объема // Бюллетень оперативной информации «Московские Торги». 2017. № 7. С. 40–41.
5. Лагутин В. Разрешение и запрещение. Несколько рекомендаций по закупкам малого объема // Бюллетень оперативной информации «Московские Торги». 2018. № 1. С. 48–49.
6. Степанова Е. Е. Актуальные вопросы закупок малого объема у единственного поставщика // Юрист. 2019. № 2. С. 29–34.
7. Постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении Краснодарского УФАС России № 13 А-РЗ/2016 от 10 февраля 2016 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/433460677> (дата обращения: 10.11.2019)

УДК 347.511

Семионов Дмитрий Леонидович,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
partnerplus44@mail.ru

Бриль Геннадий Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор, Костромской государственный
университет,
г. Кострома, Российская Федерация
g_bril@ksu.edu.ru

Противоправность в деликтах органов публичной власти и их должностных лиц

В статье рассматривается содержание понятия «противоправность» применительно к условиям деликта в отношении органов публичной власти и их должностных лиц. Рассматриваются понятия субъективной и объективной противоправности. Делаются выводы, что в деликтах при установлении такого условия ответственности как «противоправность» не требуется доказывать нарушения субъективных прав лица. Автор приходит к выводу, что помимо нарушения норм права, противоправность должностных лиц может

быть установлена судом при оценке поведения должностного лица на предмет разумности, достаточности принятых мер, своевременности реализации возложенных на него полномочий. В отношении органа публичной власти противоправность может быть установлена в случаях, когда вред причинен лицу в результате ошибок в государственных информационных системах или неэффективной организации публичной власти.

***Ключевые слова:** деликт, противоправность, незаконные действия (бездействия), органы публичной власти, должностные лица, возмещение вреда.*

Semionov Dmitry Leonidovich,
undergraduate, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Bril Gennady Gennadevich,
doctor of law, Professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Wrongfulness in delicts of public authorities and their officials

The article deals with the content of the term “wrongfulness” in relation to the conditions of delict against public authorities and their officials. The concepts of subjective and objective wrongfulness are considered. It is concluded that in delicts, in establishing such a condition of liability as “wrongfulness”, it is not necessary to prove violations of a person's subjective rights. The author concludes that, in addition to violating the rules of law, the wrongfulness of officials can be established by the court in assessing the conduct of the official for the reason, the adequacy of the measures taken and the timeliness of the exercise of his powers. In relation to a public authority, wrongfulness may be established in cases where harm is caused to a person as a result of errors in public information systems or of inefficient organization of public authority.

***Keywords:** tort, wrongfulness, illegal actions (omissions), public authorities, officials, compensation of damage.*

Одним из обязательных условий наступления деликтной ответственности является противоправность совершенного деяния.

В деликтах органов публичной власти и их должностных лиц противоправность имеет особое значение, так как данные субъекты в предусмотренных законом случаях имеют полномочия на ограничения прав лиц и причинения им ущерба правомерными действиями.

Противоправность, применительно к деликтам органов публичной власти и должностных лиц, выражается в незаконных действиях (бездействии) деликвента.

В частности, это следует из статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации в которой указано, что вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государ-

ственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования [1, с. 520].

В цивилистической литературе долгое время существует несколько точек зрения, различающихся между собой по вопросу о том, что такое противоправность. Одни авторы призывают рассматривать противоправность в объективном смысле, их оппоненты указывают на возможность понимания противоправности исключительно в субъективном смысле.

Объективная противоправность выражается в том, что любое действие (бездействие) нарушающее норму объективного права будет считаться незаконным, а значит и противоправным. Соответственно, чтобы в суде доказать противоправность действий (бездействий) должностного лица, достаточно представить доказательства нарушения им полномочий, установленных законом.

Так, согласно части 1 статьи 66 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» орган регистрации прав несет ответственность за ненадлежащее исполнение полномочий, установленных настоящим Федеральным законом, правилами ведения Единого государственного реестра недвижимости, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [7, с. 144].

Субъективная противоправность выражается в нарушении конкретных субъективных прав лица, таких как право на жизнь, здоровье, собственность. В связи с чем, для установления противоправности действий (бездействий) органов публичной власти и их должностных лиц, истцу необходимо доказать, что такие действия (бездействия) нарушают его субъективные права.

Некоторые авторы понимают противоправность одновременно как в объективном, так и в субъективном смысле.

И. Хакимов указывает, что «условием наступления деликтной ответственности также является противоправное поведение лица, которое выражается в нарушении нормативно-правовых норм и субъективных прав граждан и юридических лиц» [8, с. 5].

И. Е. Кабанова считает, что «действия (бездействие) публичных субъектов только тогда будут рассматриваться в качестве противоправных, когда ими нарушаются не только нормы публичного права, но и субъективные абсолютные права потерпевшего» [3, с. 174].

Сложно согласиться с точкой зрения вышеуказанных авторов. В условиях установленной в статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации презумпции генерального деликта, которая гласит, что любое действие (бездействие) причинившее лицу вред противоправно пока не доказано иное, сам по себе факт причинения вреда подразумевает нарушения субъективных прав лица.

В связи с чем разумно считать, что в деликтах для установления противоправности достаточно определить, что действия (бездействия) публичных органов власти и их должностных лиц нарушают нормы объективного права. Доказывание нарушения субъективных абсолютных прав потерпевшего необходимо лишь при оспаривании действий (бездействий) должностного лица, либо актов органов публичной власти в рамках административного судопроизводства, когда причиненный вред имуществу лица не является предметом заявленных требований.

Возникают затруднения в установлении противоправности тогда, когда действия (бездействия) должностного лица хоть и причинили вред гражданину, но не нарушают конкретную норму права или норма права имеет широкое содержание в результате чего формально невозможно установить какое-либо нарушение.

В абзаце 3 пункта 15 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» указано, что «бездействие судебного пристава-исполнителя может быть признано незаконным, если он имел возможность совершить необходимые исполнительные действия и применить необходимые меры принудительного исполнения, направленные на полное, правильное и своевременное исполнение требований исполнительного документа в установленный законом срок, однако не сделал этого, чем нарушил права и законные интересы стороны исполнительного производства» [6, с. 7].

Верховный суд Российской Федерации в вышеуказанном постановлении приводит пример, когда судебный пристав-исполнитель хоть и установил отсутствие у должника денежных средств, но не совершил весь комплекс исполнительных действий, связанных с выявлением другого имущества должника, на которое, в целях исполнения судебного акта, могло быть обращено взыскание (в том числе, не направил запросы в налоговые органы, в органы, осуществляющие государственную регистрацию имущества и (или) прав на него, и т. д.).

Основываясь на вышеуказанных разъяснениях Верховного суда Российской Федерации можно заключить, что противоправность действий (бездействий) должностного лица органа публичной власти должна определяться не только с позиции нарушения нормы права, но также судом должно оцениваться поведение должностного лица на предмет разумности, достаточности принятых мер, своевременности реализации возложенных на него полномочий.

А. А. Маркелова указывает, что «тенденцией в судебной практике при оценке противоправности является ориентация на результат, а не на приложенные усилия. Такая тенденция усматривается только в отношении государственных органов, но не должностных лиц, что является оправданным. Показательной в этом отношении является категория дел о возмещении вреда, причиненного ошибками информационной системы. Когда вред причиняется сбоем информационной систем, суды склонны возлагать бремя ответственности на орган, в ведении которого находится эта система, даже в случаях, когда вред причинен не в результате каких-либо противоправных действий должностных лиц

(недостаток контроля, неверная эксплуатация и т. д.) а в результате системного сбоя» [4, с. 110].

Вышеуказанный автор приводит примеры из судебной практики, когда ошибка в информационной системе Федеральной налоговой службы России о налоговой задолженности юридического лица, стала препятствием для выдачи лицензии на продажу алкоголя, а как следствие причинение ущерба связанного с оформлением лицензии и с невозможностью осуществления лицензируемой деятельности.

В то же время необходимо отметить, что если действие (бездействие) должностного лица основывались на существующих вне его контроля ошибках информационных систем, противоправность со стороны должностного лица будет отсутствовать.

Например, если регистратор приостановит регистрацию перехода права собственности на объект недвижимости в виду наличия в Едином государственном реестре недвижимости недостоверных сведений о наложении на данную недвижимость ареста, его действия будут правомерными. В то же время, если недостоверность вышеуказанных сведений вызвано неэффективной организацией взаимодействия двух государственных органов (Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации и Управления Росреестра субъекта Российской Федерации), то будет иметь место противоправность государственного органа отвечающего за ведения Единого государственного реестра недвижимости.

Таким образом, противоправность в деликтах органов публичной власти и их должностных лиц может выражаться в нарушении норм права. В отношении должностных лиц противоправность может быть также установлена судом при оценке поведения должностного лица на предмет разумности, достаточности принятых мер, своевременности реализации возложенных на него полномочий. В отношении органа публичной власти противоправность будет возникать в случае причинения вреда лицу в результате ошибок в государственных информационных системах или в результате неэффективной организации публичной власти, впрочем, последнее основание судебной практикой не подтверждается.

Необходимо отметить, что для обращения в суд с иском о возмещении вреда причиненного ненормативным правовым актом органа государственной власти не требуется предварительно обращаться в судебные органы с требованиями о признании ненормативного правового акта недействительным.

Суд при рассмотрении иска о возмещении вреда самостоятельно оценивает ненормативный правовой акт органа государственной власти на предмет его законности.

Данная правовая позиция была впервые сформирована в пункте 4 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 145 от 31 мая 2011 года и продолжает поддерживаться в кассационной судебной практике Верховного суда Российской Федерации.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : по состоянию на 01.10.2019. М. : Проспект, 2018.
2. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 145 от 31 мая 2011 года «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.10.2019).
3. Кабанова И. Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики : монография / отв. ред. М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2018. 398 с.
4. Маркелова А. А. Соотношение вины и противоправности в деликтах государства // Договоры и обязательства : сб. работ выпускников РШЧП при ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ : в 2 т. / сост. и отв. ред. А. В. Егоров и А. А. Новицкая. Т. 2. Особенная часть. М. : ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. 989 с.
5. Обязательства, возникающие не из договора : сб. ст. / Ф. Х. Альманса Монтойя, А. А. Амангельды, Д. В. Афанасьев и др. ; отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2015. 444 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.10.2019).
7. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости». от 13.07.2015 № 218-ФЗ : по состоянию на 03.08.2018 // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.10.2019).
8. Хакимов И. Ответственность за причинение вреда: проблемы правоприменения // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.197.1

Силкина Арина Тимофеевна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
9206407552@mail.ru

Солидарная ответственность основного общества по долгам дочернего: проблемы реализации

В статье рассмотрена проблема реализации правовых норм о солидарной ответственности основного общества по обязательствам дочернего. Кредит-

торам сложно доказать в суде, что основное общество давало обязательные указания дочернему по сделке, совершенной последним. Автор предлагает в федеральных законах «Об обществах с ограниченной ответственностью» и «Об акционерных обществах» употреблять понятие «указаний», а не «обязательных указаний», исключить из ФЗ «Об акционерных обществах» правило о том, что право дачи обязательных указаний дочернему обществу должно содержаться в уставе дочернего общества или в договоре с ним основного общества. Автор также считает, что необходимо дополнить перечень оснований для привлечения основного общества к ответственности по обязательствам дочернего.

Ключевые слова: основное общество, дочернее общество, солидарная ответственность, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество.

Silkina Arina Timofeevna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Joint liability of the main company for the debts of the affiliated company: implementation problems

The problem of implementation of the legal norms regulating the joint liability of the main company for the debts of the affiliated company is considered in this article. It's difficult for creditors to prove in court that the main company has given the compulsory directives to the affiliated company on the transaction concluded by the last. The author proposes to use the concept of the directives, not the compulsory directives in the federal laws «On limited liability companies» and «On Joint Stock Companies» and to exclude from the last law the rule that the right to give the compulsory directives must be contained in the charter of the affiliated company or the contract between the main and affiliated companies. The author also considers that it's necessary to complete the list of the reasons for holding the main company responsible for the obligations of the affiliated company.

Keywords: the main company, the affiliated company, joint liability, limited liability company, joint stock company.

Согласно п. 1 ст. 67.3 ГК РФ хозяйственное общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное общество имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом. Это возможно в силу преобладающего участия основного общества в уставном капитале дочернего, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом [2]. В п. 3 ст. 6 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и в п. 3 ст. 6 ФЗ «Об акционерных обществах» определено, в каких случаях основные общества отвечают по долгам дочерних: основное хозяйственное общество, которое имеет право давать дочернему обществу обязательные для него указания, отве-

чает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение таких указаний [5; 6].

Существуют определенные проблемы применения этих правовых норм. В законодательстве недостаточно урегулированы вопросы, связанные с процедурой дачи обязательных указаний. Суды очень часто отказывают в удовлетворении исковых требований о привлечении основного общества к солидарной ответственности по сделкам, совершенным дочерним, если считают, что отсутствуют доказательства того, что дочернее общество совершило сделки по указанию основного общества. Проблема усугубляется еще и тем, что в п. 3 ст. 6 ФЗ «Об акционерных обществах» закреплено правило, согласно которому суд может сделать вывод о том, что основное общество имеет право давать обязательные указания дочернему только в случае, когда это право предусмотрено в договоре с дочерним обществом или уставе дочернего общества. Для того, чтобы избежать возможной ответственности основные акционерные общества не предусматривают в уставе дочернего общества или в договоре с ним положений о праве основного общества давать обязательные указания дочернему обществу [1; 7, с. 9–11].

К тому же, мы полагаем, что п. 3 ст. 6 ФЗ «Об акционерных обществах» противоречит п. 1 ст. 67.3 ГК РФ, который предусматривает открытый перечень оснований признания хозяйственного общества дочерним. В этом пункте сказано, что хозяйственное общество признается дочерним в тех случаях, когда основное общество может, в том числе, «иным образом определять решения, принимаемые таким (дочерним) обществом». По смыслу п. 1 ст. 67.3 ГК РФ, отношения дочерности определяются оценочно, главным критерием является фактическая возможность основного общества влиять на принятие решений дочерним обществом. В то же время, п. 3 ст. 6 ФЗ «Об акционерных обществах» устанавливает формальное требование, согласно которому право дачи обязательных указаний основного общества дочернему должно обязательно содержаться в уставе дочернего общества или в договоре с дочерним обществом. Таким образом, п. 3 ст. 6 ФЗ «Об акционерных обществах» сужает смысл п. 1 ст. 67.3 ГК РФ, что является нарушением п. 2 ст. 3 ГК РФ, согласно которому нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ [2; 5].

Описанный нами вопрос является аспектом проблемы защиты прав кредиторов юридического лица. О существовании этой проблемы свидетельствует и то, что в проекте ФЗ № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержалось предложение об усилении ответственности контролирующих лиц по обязательствам подконтрольных. Также предлагалось включить в ГК РФ понятие «аффилированные лица», планировалось предусмотреть возможность признания лиц аффилированными в судебном порядке. Однако эти изменения не были приняты из-за недовольства ими представителей крупного бизнеса [7, с. 4]. Об актуальности темы свидетельствует и большое количество научных публикаций.

Приведем примеры из судебной практики. ООО «Параграта» обратилось в Арбитражный суд города Москвы с требованиями к ОАО Банк «Северный морской путь» о взыскании задолженности, неустойки, а также расходов по уплате государственной пошлины. Между ООО «Параграта» (исполнитель) и ЗАО «Северо-Западная электронная торговая площадка» (заказчик, ЗАО «СЗЭТ») заключен договор. ООО «Параграта» свои обязательства по договору выполнило полностью. Истец указывает на то, что ответчик является единственным учредителем ЗАО «СЗЭТП», владеющим 100 % акций последнего. Спорный договор заключен ЗАО «СЗЭТП» по указанию и с согласия ответчика и в интересах последнего [3].

Ответчик фактически определял условия договора, принимал исполнение по договору, получил результаты работ, а именно: необходимость заключения договора и его условия обсуждались с Вице-президентом Банка на встрече с Генеральным директором истца. Вице-президенту Банка было направлено по электронной почте предложение, содержащее существенные условия договора. Предложение было ею принято. Все письма в адрес истца направлялись с адресов электронной почты, принадлежащих ответчику. Преддоговорная переписка велась и с другими представителями Банка, которые направили истцу ответ на оферту, предложения по отдельным пунктам договора, доработанный проект договора. В соответствии с заявлением Генерального директора ЗАО «СЗЭТП», договор заключен во исполнение прямого указания Вице-президента Банка, согласованного с органами управления Банка. Кроме того, после заключения договора все действия по его исполнению на стороне заказчика осуществлялись сотрудниками ответчика. Заказанное по договору программное обеспечение изготавливалось в интересах ответчика с использованием фирменного наименования ответчика, логотипа и товарного знака.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения истца с иском о взыскании задолженности и неустойки по договору к ответчику ОАО Банк «Северный морской путь» как солидарно ответственному лицу на основании ст. 67.3 ГК РФ. Тем не менее, суд не нашел оснований для удовлетворения исковых требований несмотря на то, что в Уставе Банка было предусмотрено право давать ЗАО «СЗЭТП» обязательные указания. Суд считал, что этот факт сам по себе не влечет солидарной ответственности основного общества по обязательствам дочернего, что истец не представил достаточных доказательств [4].

В данном случае суд не только не принял во внимание фактические обстоятельства дела, но и посчитал недостаточными доказательства, полностью основанные на законе.

Мы считаем, что для решения проблем реализации норм о солидарной ответственности основного общества по долгам дочернего необходимо, в первую очередь, исключить из п. 3 ст. 6 ФЗ «Об акционерных обществах» положение о том, что право основного общества давать обязательные указания дочернему должно содержаться в уставе дочернего общества или в договоре между основным и дочерним обществами. Мы согласны с мнением И. С. Шиткиной, которая считает, что в качестве оснований солидарной ответственности по сделкам дочернего общества должны быть признаны указания основного обще-

ства, а не «обязательные указания». Сложно разграничить обязательность и необязательность указаний основного общества, когда оно влияет на волю дочернего. Также И. С. Шиткина полагает, что другим основанием ответственности основного общества по сделкам дочернего следует признать выраженное в любой форме согласие основного общества на совершение сделки дочерним [7, с. 24–25].

Наиболее сложной для разрешения проблемой является вопрос об установлении факта дачи указаний основным обществом дочернему. Мы считаем, что в федеральных законах «Об обществах с ограниченной ответственностью» и «Об акционерных обществах» необходимо предусмотреть наиболее полный перечень признаков того, что основное общество давало указания дочернему. Предлагаем внести изменения в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и в Федеральный закон «Об акционерных обществах», дополнив пункт 3 статьи 6 соответствующего закона абзацем следующего содержания:

«Считается, что основное общество давало указания дочернему обществу, если:

- 1) из условий договора, на основании которого возникло обязательство, следует, что договор мог быть заключен только с согласия основного общества;
- 2) основное общество приняло исполнение по договору;
- 3) органы управления основного общества, его должностные лица, иные представители принимали участие в обсуждении условий договора, его заключении, вели переписку с контрагентом, направили ему ответ на оферту;
- 4) основное общество исполнило часть обязательств по договору».

Это примерный перечень, который может быть дополнен и другими признаками.

Внесение этих изменений в законодательство будет способствовать тому, что права кредиторов будут защищаться более эффективно.

Библиографический список

1. Воскобойник И. А. Ответственность основного общества по долгам дочернего. Основные проблемы // Материалы III Всерос. конф. молодых ученых «Наука и инновации XXI века». Сургут, 2016. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=32526151> (дата обращения: 10.11.2019).

2. Гражданский кодекс РФ. Части первая, вторая, третья и четвертая. М. : Проспект, 2019. 704 с.

3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17 марта 2017 года по делу № А40-174145/16-52-1524 // Судебные акты и решения. URL : https://sudact.ru/arbitral/doc/oMCSO08VA71L/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1574595319323&snippet_pos=3720#snippet (дата обращения: 15.11.2019).

4. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» : ред. от 04.11.2019. URL : http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 10.11.2019).

5. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» : ред. от 04.11.2019. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 10.11.2019).

6. Шиткина И. С. Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. URL : <http://www.hozpravo.ru/assets/files/pdf/2013-02.pdf> (дата обращения: 09.11.2019).

УДК 349.235

Смирнов Алексей Георгиевич,

студент, Костромской Государственный университет,

г. Кострома, Российская Федерация

smirnov9284385@yandex.ru

Проблемы правового регулирования работ за пределами нормальной продолжительности рабочего времени

В статье исследованы проблем, связанные с правовым регулированием работ за пределами нормальной продолжительности рабочего времени в России. Все эти проблемы, в той или иной степени, ухудшают положение работника и позволяют работодателю злоупотреблять своими правами в отношении привлечения работника к таким работам.

Ключевые слова: *сверхурочная работа, ненормированный рабочий день, злоупотребление правом, механизм регулирования, недостаточное регулирование.*

Smirnov Aleksey Georgievich,

student, Kostroma State University,

Kostroma, Russian Federation

Regulation of work beyond normal working hours: problems remain

The article deals with the problems associated with the legal regulation of work outside the normal working hours in Russia. All these problems, to some extent, worsen the situation of the employee and allow the employer to abuse its rights in relation to the involvement of the employee in such work.

Keywords: *overtime work, irregular working hours, abuse of right, regulatory mechanism, inadequate regulation.*

В Российской Федерации на сегодняшний день в трудовом законодательстве закреплены два основных вида работ за пределами нормальной продолжительности рабочего времени: сверхурочная работа и ненормированный рабочий

день. Трудовой кодекс является основным нормативно-правовым актом для регулирования этих работ, но полного нормативного регулирования в нем нет. И, несмотря на кажущееся, с учетом всех правовых норм, достаточное регулирование, остается еще много проблем, которые необходимо решать, чтобы обеспечить защиту прав работников.

Одной из таких проблем является отсутствие правового механизма для регулирования оплаты сверхурочной работы при суммированном учете рабочего времени [4, с. 243]. Выбор механизма оплаты полностью ложится на работодателя и в данном случае он находится в более выгодном положении в отличие от работника. Ведь работодатель сам устанавливает размер оплаты сверхурочной работы, и он может быть намного ниже, чем определен для сверхурочной работы при обычном графике рабочего времени.

Например, Южно-Сахалинским городским судом было рассмотрено дело о взыскании сумм недоплаты за сверхурочную работу [6]. Рассматривая дело, суд установил, что оплата сверхурочной работы при суммированном учете рабочего времени оплачивается в соответствии с локальным нормативным актом, принятым работодателем. Согласно этому акту, сверхурочная работа оплачивается в полуторном размере за первые два часа каждого дня в течение учетного периода. Суд, рассматривая данное дело, пришел к выводу, что работодатель, за исключением физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, имеет право принимать локальные нормативные акты, которые регулируют трудовые отношения работника и работодателя, но они не должны ухудшать положение работников. Ст. 152 ТК РФ содержит общепринятые принципы расчета сумм оплаты сверхурочной работы, согласно которым, оплата в полуторном размере производится только за первые два часа из общего количества сверхурочной работы, приходящейся на учетный период. И так суд, сравнив локальный акт работодателя и ст. 152 ТК РФ, пришел к выводу, что принятый локальный акт ухудшает положение работника. Суд пришел к выводу, что при применении порядка исчисления сумм оплаты за сверхурочную работу, установленную в локальном акте работодателя, оплата за сверхурочную работу будет составлять значительно меньшие суммы, чем при применении расчета оплаты, определяемой исходя из буквального толкования ст.152 ТК РФ. Таким образом, суд постановил, требования истца удовлетворить и взыскать с ответчика недоплату по заработной плате за оплату сверхурочной работы за учетный период.

Ранее вопрос об оплате сверхурочной работы при суммированном учете рабочего времени был урегулирован нормативным правовым актом бывшего СССР – Рекомендациями по применению режимов гибкого рабочего времени на предприятиях, в учреждениях и организациях отраслей народного хозяйства [5]. Но сейчас они не действуют. Поэтому для решения данной проблемы оплаты сверхурочной работы при суммированном учете рабочего времени лучше всего переработать эти рекомендации в части оплаты сверхурочной работы при суммированном учете рабочего времени и включить их в Трудовой кодекс. Считаем, что следует добавить в ст. 99 ТК РФ следующий пункт: при суммированном учете рабочего времени оплата сверхурочной работы производится ис-

ходя из количества рабочих дней, приходящихся на учетный период. В соответствии с положениями указанного пункта в части, не противоречащей требованиям ст. 152 ТК РФ, оплата сверхурочной работы должна была осуществляться в следующем порядке:

1) за первые два часа, приходящиеся в среднем на каждый рабочий день учетного периода, – не менее чем в полуторном размере;

2) за последующие часы – не менее чем в двойном размере.

Еще одной проблемой является недостаточное регулирование ненормированного рабочего времени, выражающаяся в следующем: отсутствуют основания для привлечения к работе в условиях ненормированного рабочего дня; отсутствуют ограничения в продолжительности ненормированного рабочего времени [1, с.130]; категории «эпизодичность» и «необходимость» лишены содержания [2, с.107]; дополнительный отпуск, предоставляемый работнику, работающему в условиях ненормированного рабочего дня, не продолжителен и не зависит от фактически отработанного количества рабочего времени.

Все эти аспекты приводят к тому, что работодатель начинает злоупотреблять своим правом на привлечение работника к выполнению работ в условиях ненормированного рабочего дня, что ведет к тому, что институт ненормированного рабочего дня становится средством несправедливой эксплуатации работника.

Для решения этой проблемы необходимо внести в ст. 101 ТК РФ и ст. 119 ТК РФ следующие изменения/дополнения:

1) предложение второе абзаца первой статьи 101 ТК РФ изложить в следующей редакции: «Перечень должностей работников с ненормированным рабочим днем и перечень конкретных оснований для привлечения к работе на условиях ненормированного рабочего дня устанавливаются коллективным договором, соглашениями или локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения представительного органа работников»;

2) ввести в абзац первый статьи 101 ТК РФ предложение третьего следующего содержания: «Продолжительность дополнительных работ не должна превышать для каждого работника 4 часов в течение двух дней подряд»;

3) изложить в абзац первый статьи 119 ТК РФ в следующее редакции «Работникам с ненормированным рабочим днем предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого определяется коллективным договором или правилами внутреннего трудового распорядка и который не может быть менее трех календарных дней, если работник в течение периода, за который предоставляется дополнительный оплачиваемый отпуск не привлекался к дополнительным работам, и семи дней, если работник реально осуществлял трудовую деятельность в условиях ненормированного рабочего дня»;

4) в статью 101 ТК РФ ввести абзац третий следующего содержания: «Примечание: Для целей настоящей статьи необходимость понимается как невозможность выполнить в течение установленного рабочего времени без участия работника работу, которая требует обязательного выполнения; а эпизо-

дичность – как возможность привлечения работника к подобным работам только определенное количество раз и на определенные промежутки времени».

Все эти изменения/дополнения позволят ограничить произвол работодателя и защитить права работников, а также улучшить их положение.

Еще одной проблемой является тенденция к ухудшению положения работников в части компенсации оплаты за работу в условиях ненормированного рабочего дня. Так, из ч.1 ст.119 ТК РФ исключено положение о компенсации переработки работникам с ненормированным рабочим днем как сверхурочной работы, если им не предоставляется дополнительный оплачиваемый отпуск в связи с работой на условиях ненормированного рабочего дня [3]. Теперь работники не имеют возможности получить материальную компенсацию в случае не предоставления дополнительного отпуска [7, с. 115]. Теперь новую редакцию ч. 1 ст. 119 можно истолковать так, что работникам, которым установлен ненормированный рабочий день, для них обязательно предоставление дополнительного оплачиваемого отпуска, а иного вида компенсации возможной переработки для них теперь не предусмотрено [3].

Для решения этой проблемы предлагаем ввести в ст. 119 ТК РФ ввести абзац третий следующего содержания: «В случае невозможности предоставления работнику, занятому на работе в условиях ненормированного рабочего дня, ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, по причинам, не зависящим от воли работника, работодатель обязан материально компенсировать работнику не предоставленный отпуск в соответствии с правилами оплаты сверхурочных работ».

Такие изменения и дополнения позволят защитить работника в случае непредставления компенсации за выполнение работ в условиях ненормированного рабочего дня. То есть это расширит компенсационной механизм и повысит желание работника выполнять работу в условиях ненормированного рабочего дня.

Таким образом, мы рассмотрели три основные проблемы, связанные с привлечением к работам за пределами нормальной продолжительности рабочего времени: отсутствие правового механизма для регулирования оплаты сверхурочной работы при суммированном учете рабочего времени; недостаточное регулирование ненормированного рабочего времени; тенденция к ухудшению положения работников в части компенсации оплаты за работу в условиях ненормированного рабочего дня. Все они улучшают положение работодателя, но ухудшают положения работника. Поэтому решение этих проблем поможет улучшить положение работников и даже улучшить производительность труда.

Для решения этих проблем было предложено внести изменения и дополнения в отдельные положения следующих статей ТК РФ: ст. 99, 101 и 119. Все эти изменения и дополнения позволят улучшить положение работников и защитить их от произвола работодателей.

Библиографический список

1. Васильев В. С. Некоторые вопросы применения ненормированного рабочего дня // Юридические науки. 2015. № 7. С. 130.
2. Демидов Н. В. Трудовое право России: системные проблемы истории и современности // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 107.
3. Комментарии к Трудовому кодексу Российской Федерации 2019 года. URL: <http://sttkrf.ru/119> (дата обращения 15.10.2019).
4. Куренной А. М. Трудовое право России : учебник / под ред. А. М. Куренного. М. : Юрист, 2008. С. 243.
5. Постановление Госкомтруда СССР и ВЦСПС «Об утверждении Рекомендаций по применению режимов гибкого рабочего времени на предприятиях, в учреждениях и организациях отраслей народного хозяйства» от 30.05.1985 №162/12-55. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.11.2019).
6. Решение Южно-Сахалинского городского суда по делу №2-7504/2016 от 16.11.2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AiYUS4HzEf5X/> (дата обращения: 01.12.2019).
7. Смородинов М., Корягина Е., Алексеева А. Комментарии к статье «Ненормированный рабочий день: на что могут рассчитывать работники? Анны Савельевой, юрисконсульта // Трудовое право. 2013. № 2. С. 115.

УДК 336.7(470)

Смирнова Анастасия Олеговна,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
nature.1234@mail.ru

Проблемы правового регулирования защиты интересов участников краунфандингового рынка в России

В работе представлен анализ становления краунфандинга в России и его объем на рынке инвестиций. Наглядно показан процесс роста краунфандинга в России. Перечислены попытки урегулирования данного вопроса на законодательном уровне в виде отдельного и специального нормативно-правового акта. В итоге выявлена проблема отсутствия на 2019 год специального закона, регулирующего краунфандинговую деятельность в Российской Федерации.

***Ключевые слова:** инвестиции, краунфандинг, участники краунфандинга, рынок инвестиций, правовое регулирование.*

Smirnova Anastasia Olegovna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Problems of legal regulation of protection of interests of participants of the crowdfunding market in Russia

The paper presents an analysis of the formation of crowdfunding in Russia and its volume in the investment market. The process of crowdfunding growth in Russia is clearly shown. Attempts to resolve this issue at the legislative level in the form of a separate and special legal act are listed. As a result, the problem of the lack of a special law regulating crowdfunding activities in the Russian Federation for 2019 was revealed.

Keywords: *investments, crowdfunding, crowdfunding participants, investment market, legal regulation.*

Становление краудфандинга в мире началось с созданием в США, в начале 2000-х первых интернет площадок для финансирования различных проектов творческой направленности, таких как кинофильмы, музыкальные альбомы, книги, игры. Что в дальнейшем привлекло к данной практике сферу финансирования стартапов и локальных бизнес – проектов. Исходя из этого в апреле 2012 года в США был разработан и вступил силу закон под названием «JOBS Act» (Jumpstart Our Business Startups Act) [1], в рамках которого регламентируется деятельность интернет площадок в данной сфере, позволяющий осуществлять сбор средств до 1 млн. долл. посредством краудфандинга без подачи бумаг, регистраций на продажу акций как это требовалось ранее. В дальнейшем за счет успешного опыта в США краудфандинг стал применяться в других странах, в том числе и в России.

В России институт краудфандинга появился только на рубеже 2000–2010 гг., благодаря запуску успешных интернет площадок «Boomstarter» [2] и «Planeta.ru» [3], первая площадка имеет популярность в среде инноваций и бизнес идей, а вторая в социальной и творческой сферах, а специальное регулирование указанного явления отсутствует до сих пор. Однако на необходимость развития альтернативных источников финансирования указывалось в распоряжении Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р [4], что обусловлено переходом Российской Федерации к цифровой экономике.

Краудфандинг является частным случаем краудсорсинга. Краудсорсинг, в свою очередь, является привлечением к решению проблем инновационно-производственной деятельности большого круга лиц для использования их креативных и творческих способностей. Краудфандинг-это привлечение инвестиций коммерческими организациями или индивидуальными предпринимателями с использованием информационных технологий посредством инвестиционных платформ. Центральный Банк Российской Федерации предлагает следующее определение краудфандинга – это финансирование, привлеченное компаниями либо частными субъектами с помощью платформ в сети Интернет. Стоит подчеркнуть, что инвестирование гражданами проектов посредством инвестиционной платформы не требует государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя либо юридического лица. На основе инвестиционных платформ объединяются создатели проектов с потенциальными инвесторами. Платформы оказывают колоссальную поддержку в их совместном сотрудничестве и предоставляют доступ к сопутствующим сервисам. Этот вид финансирования обозначается краудинвестингом. Из всего вышесказанного мы

видим, что понятие краунфандинга можно найти во многих экономических источниках, но на законодательном уровне закрепление отсутствует.

На данный момент, затрагиваемый нами вопрос имеет большую актуальность. Рынок инвестирования растет с каждым годом, граждане начинают отказываться от вкладов в банках, и тут встает вопрос: «Куда вкладывать деньги?». Граждане, которые на понятийном уровне разбираются в способах инвестирования, доверяют краунфандингу, но большинство, из-за отсутствия законодательного закрепления, отказываются от данного вида инвестирования.

В России рынок краунфандинга находится под контролем Центрального Банка Российской Федерации. Согласно данным статистики, в 2017 году общий объем рынка, посредством сделок на инвест-платформах составил 11,2 млрд рублей, это в два раза больше, чем в 2016 году и в 7,5 раза больше, чем в 2015 году. Если брать статистику 2018 года, то объем рынка краудфинансирования прибавил 30 %. И уже в 2019 году объем рынка по сравнению с 2018 годом вырос на 42 % и составил 16 млрд рублей. Краудфандинг занимает лидирующее место на рынке частных инвестиций малого бизнеса. По информации Банка России, с момента создания инвестплатформ через площадки по сбору денег прошло 11 млрд. рублей. Краудфандинг относится к высоко рискованным инвестициям, но дает повышенную доходность.

Высокий рост напрямую связан с ужесточением требований финансовых организаций к заемщикам. В кризисный период банки почти исключили возможность получения кредитов заемщиками с так называемой «плохой» кредитной историей. Такая же проблема возникает и перед теми заемщиками, которые вообще не имеют кредитной истории. Поэтому многие начинающие предприниматели обращаются к коллективному финансированию.

Сегодня присутствует как положительный, так и отрицательный опыт привлечения инвестиций через краудфандинговые платформы. Из негативного опыта можно привести один из ярких примеров – это «Кэшберри» [5]. Данная платформа является финансовой пирамидой, которая привлекла более 1,5 млрд рублей. Но в этой ситуации есть и позитивный момент – это то, что данная инвест-платформа развития интернет инициатив привлекла более трех миллиардов рублей на реализацию реальных проектов. И из этого можно сделать вывод, что краудфандинг открывает для субъектов малого и среднего бизнеса альтернативный доступ к финансированию и стимулирует частную предпринимательскую инициативу.

Одновременно, и инвестору, и инициатору нужно учитывать основные риски, который сопутствуют всем инвестиционным площадкам. Например, ключевой риск, то есть риск невозврата средств – в случае с краудфандингом, кредитный риск несет только инвестор. Информационный риск связан с полной зависимостью инвестора от сведений, предоставленных на платформе, например, умышленное недостоверное ранжирование займов по уровню рисков или процентных ставок; правовые риски, они связаны с хранением и обработкой данных (риск кражи идеи проекта), или риск мошенничества; операционный риск – это риск, связанный с технологическими сложностями платформы и ее непрерывной деятельностью.

Огромное количество рисков связаны с отсутствием в России законодательной базы. Но в настоящее время Министерство экономического развития, при активном участии Центрального Банка России ведет подготовку ко второму чтению законопроекта «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». В рамках этого законопроекта предполагается выделить профессиональных инвесторов, обеспечить и защитить их права, а также повысить ответственность собственников платформ.

Попытка законодательного урегулирования краунфандинга в стране была также предпринята в марте 2018 года. Был рассмотрен законопроект № 419090-7 Федеральный Закон «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краунфандинге), который внесли депутаты Государственной Думы А. Г. Аксаков, И. Б. Дивинский, О. А. Николаев и член Совета Федерации Н. А. Журавлев. Законопроект моментально вызвал большое количество споров и активное обсуждение не только среди лиц, заинтересованных в краунфандинге, но и в кругу законодателей.

Данный законопроект предполагал регулирование отношений по привлечению инвестиций коммерческими организациями или индивидуальными предпринимателями с использованием информационных технологий посредством инвестиционных платформ, а также определял бы правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ по организации розничного финансирования (краудфандинга).

Исходя из данного проекта Федерального закона, услуги по краудфандингу оказывались бы одновременно на основании договоров об оказании услуг по привлечению инвестиций и договоров об оказании услуг по содействию в инвестировании.

По договору об оказании услуг по привлечению инвестиций одна сторона (оператор инвестиционной платформы) обязуется в соответствии с правилами инвестиционной платформы предоставить другой стороне – лицу, привлекающему инвестиции, доступ к информационным ресурсам инвестиционной платформы для заключения с их использованием договора с инвестором, а лицо, привлекающее инвестиции, обязуется оплатить такие услуги.

По договору об оказании услуг по содействию в инвестировании оператор инвестиционной платформы обязуется в соответствии с правилами инвестиционной платформы предоставить другой стороне – инвестору доступ к информационным ресурсам инвестиционной платформы для заключения с их использованием договора с лицом, привлекающим инвестиции, а инвестор обязуется оплатить такие услуги.

Договор об оказании услуг по привлечению инвестиций и договор об оказании услуг по содействию в инвестировании являются договорами присоединения, условия которых предусмотрены в правилах инвестиционной платформы. Присоединение к этим двум договорам осуществляется при условии идентификации и аутентификации лица, которое намеренно стать участником инвестиционной платформы, и закрепляется электронным документом, подписанным простой электронной подписью, если иной вид электронной подписи, либо

иной способ присоединения к договору, не предусмотрен правилами инвестиционной платформы.

Государство напрямую заинтересовано в развитии отечественного краудфандинга и должно создавать благоприятные условия для долговременного сотрудничества с бизнесом на базе инвестиционных платформ, в частности – снижать налоговую нагрузку на первых этапах становления бизнес, упрощать процедуры получения разрешений на строительство, заключения договоров аренды земельных участков, технических условий на подключение к коммуникациям, а также ввода объектов в эксплуатацию. В рамках концессионных соглашений на льготных условиях предлагать право аренды земельных участков, зданий и сооружений, являющихся федеральной и муниципальной собственностью. Повышать статус социально значимых краудфандинговых проектов через выдачу государственных льгот и гарантий.

Одним из таких примеров взаимодействия бизнеса и государства через краудфандинг стала платформа «Крым». Огромные риски оставили без инвестиций малый и средний бизнес Крымского полуострова. Поэтому в марте 2019 года была запущена первая в России краудфандинговая платформа на базе блокчейн технологий. И теперь любой гражданин, в том числе иностранные граждане смогут профинансировать строительство торговых центров, гостиниц и прочих объектов инфраструктуры региона. Государственная дума и Правительство РФ полностью одобрили и поддержали данный цифровой проект. К тому же и региональные власти готовы к активному сотрудничеству с потенциальными инвесторами.

Безвозмездный краудфандинг принято считать разновидностью дарения, однако ввиду особенностей данных отношений необходимо закрепление специальных норм о дарении через специальные интернет-платформы, которые установят обязанность получателя отчитываться перед своими дарителями о целевом расходовании денежных средств, а также обязанность оператора платформы проводить юридическую экспертизу крупных проектов с целью защиты интересов доноров от мошенничества. Условно-возвратный краудфандинг, имеет сходства с куплей-продажей будущей вещи или договором оказания услуг, оказанных в будущем, но существует множество различий, которые не позволяют отождествлять эти категории.

Главные отличия мы видим в цели заключения договора и его предмете: при краудфандинге инвестор желает помочь реализации проекта, а не получить услугу или вещь в собственность, также возможное встреченное предоставление играет роль «благодарности» за помощь и может быть неэквивалентно сделанному вложению. Вопреки положениям абзаца 2 ч. 1 ст. 572 ГК такая сделка не является притворной. Из-за этого необходимо установить либо специальное правило о запрете судебной защиты доноров в случае непредставления реципиентом «награды» за помощь, либо исключить применение вышеуказанной нормы к краудфандингу. Также много общего награды краудфандинг и все формы краудинвестинга имеют с договором простого товарищества. Но при крауд-

фандинге нет единого договора, заключенного между всеми товарищами, товарищи не осуществляют совместной деятельности, а также отсутствует фидуциарный характер отношений между участниками.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод о том, что определить правовую природу краудфандинга как единого явления достаточно сложно. Безвозмездный краудфандинг, на наш взгляд, нужно считать новым видом договора дарения, который требует специальной законодательной регламентации. Договор условно-возвратного краудфандинга имеет смешанную природу договора дарения и договора возмездного оказания услуги в будущем. Краудфандинг модели «Роялти» [6] является новым видом инвестиционного договора, а долевой краудфандинг и краудлендинг имеют природу договора об учреждении хозяйственного общества и договора займа соответственно. Сейчас законодатель впервые за долгое время начал активную реформу действующего законодательства и приведение законов в соответствие с реалиями жизни современного общества. К сожалению, на данный момент в России краудфандинг остается фактически ничем не урегулированным. Все это требует установления специального регулирования в действующем законодательстве РФ. И, на наш взгляд, специальный закон, регулирующий краудфандинговую деятельность даст мощный толчок для дальнейшего развития инвестиционной деятельности России и предотвратит мошеннические действия на различных инвестиционных платформах.

Библиографический список

1. Jumpstart Our Business Startups Act от 05.04.2012. URL: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ106/PLAW-112publ106.pdf> (дата обращения: 27.11.2019)
2. Инвестиционная платформа краудфандинга в России. URL: <https://boomstarter.ru/> (дата обращения: 27.11.2019).
3. Инвестиционная платформа краудфандинга в России. URL: <https://planeta.ru/> (дата обращения: 27.11.2019).
4. Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/ (дата обращения: 27.11.2019).
5. Инвестиционный сервис // URL: <https://cashbery.com/> (дата обращения: 27.11.2019).
6. Портал крауд-сервисов. URL: http://crowdsourcing.ru/article/kraudfandigovaya_model_royalti_kak_sposob_soxranit_dolyu_v_biznese (дата обращения: 27.11.2019)

УДК 004.8

Старосельцева Юлия Михайловна,
студент, Юго-западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
kapulettijuljetta@yandex.ru

Может ли искусственный интеллект заменить судью?

В данной статье рассматривается вопрос о замене функций судьи при вынесении приговора компьютерными технологиями. В ходе исследования проанализированы точки зрения на данную проблему известных юристов и судей Российской Федерации, рассмотрены положительные и отрицательные аспекты проведения данной реформы в уголовно – процессуальной сфере.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальное право, суд, приговор, мотивировочно-описательная часть приговора, компьютерные технологии, реформа уголовного процесса.*

Staroselzeva Yulia Mihailovna,
student, Southwestern state University
Kursk, Russian Federation

Can artificial intelligence replace the judge?

This article discusses the replacement of the functions of the judge in sentencing computer technology. In the course of the study, the points of view on this problem of well-known lawyers and judges of the Russian Federation are analyzed, the positive and negative aspects of this reform in the criminal procedure sphere are considered.

Keywords: *criminal procedure law, court, sentence, motivational and descriptive part of the sentence, computer technology, reform of the criminal process.*

Каждое гражданское, уголовное дело подлежит разрешению в суде. Судебное решение в основном выносится по гражданским делам, а каждое уголовное дело заканчивается вынесением приговора. Для кого-то он является спасением от уголовного наказания, для кого-то наоборот, но в каждом случае он играет огромную роль для обвиняемого. Также приговор имеет немалое значение для сохранения законности и правопорядка в стране, об этом свидетельствует то, что нормы о приговоре описаны в законе достаточно четко в строгой юридической форме, от которой нельзя отступить.

Об особом месте приговора в числе других уголовно – процессуальных актов говорят следующие свойства: это единственный акт, который постановляется судом от имени Российской Федерации; специфичной является процеду-

ра его провозглашения. Детально изучив все материалы дела, анализируя все обстоятельства, судья выносит приговор, где должны быть приведены мотивы, на основании которых он пришел к выводу о виновности или невиновности в отношении каждого подсудимого. При этом должны быть указаны конкретные доказательства, положенные судьей в основу обвинения или оправдания подсудимого, с приведением мотивов, почему он принял эти доказательства. Таким образом, только судья, владеющий колоссальными знаниями в области права и человеческой мудростью, сможет верно и законно решить судьбу человека [5, с. 132].

Однако научно-техническая революция постепенно вытесняет многие профессии с рынка труда, делая их ненужными, так как на смену приходят компьютерные технологии. В данной ситуации назревает вполне логичный вопрос: останутся ли востребованными представители юридических профессий или их также заменят машины? Идея о том, что компьютер справится с судебной работой быстрее и гораздо лучше, пришла в голову одному американскому судье при вынесении решения по делу о лишении родительских прав. Ввиду наличия у судьи одновременно в производстве не менее 30 дел затруднено восприятие им всех деталей. Создав специальную программу для вынесения судебных решений, можно предположить, что придет конец судебным ошибкам. Ведь, как правило, компьютер прав, а судьи – люди, которым свойственно ошибаться. Конечно, допустить ошибку может и компьютер, однако вероятность этого значительно меньше.

О преимуществах компьютера перед человеком на своем личном примере рассказывает заслуженный юрист РФ, адвокат, профессор, доктор юридических наук Анатолий Кучерена. Однажды в практике ему пришлось столкнуться с обвинительным заключением, объем которого составлял 19 965 страниц текста. Понятно, что ни один судья не способен в сжатые сроки этот текст прочесть и, тем более, тщательно проанализировать, чтобы вынести законное и обоснованное решение. Для компьютера же это не составит ни малейшей труда [2].

Разработки компьютерных программ, которые заменяют судью при вынесении приговора, ведутся во многих странах. Эстония может стать первой страной, в которой выносить приговор в суде будет компьютер с функцией искусственного интеллекта. Внедрение новой технологии начнется в конце 2019 года. Как сообщает американское издание *Wired*, интерес к подобной разработке проявило министерство юстиции Эстонии. Ведомство заказало программу для рассмотрения споров по мелким судебным делам – на сумму до 7 тыс. евро. Согласно задумке, участники разбирательства смогут загружать самостоятельно все данные в компьютер и быстро узнавать свой вердикт [3].

В конце 2018 года в Российской газете появились заголовки статей о том, что в Перми разработали компьютерную программу «Лазер», помогающую судьям выносить приговор. При правильном заполнении форм программа практически сразу генерирует мотивированное решение, что ускорит работу судебной системы. Алгоритм софта работает по следующему принципу: судья в определенном порядке вносит в программу все известные данные дела, а в ответ мгновенно получает мотивированное решение.

Разработчики уверены, что это значительно повысит скорость вынесения приговора и точность работы. Заработать приложение может после 2020 года, но уже сейчас «Лазер» презентовали на IX Пермском конгрессе ученых-юристов [4].

Многие ученые уверены, что компьютер в роли судьи начисто исключит приговоры, вынесенные под давлением чиновников, председателей судов или еще каких-то внешних сил, если, разумеется, он будет надежно защищен от хакерских атак. Он также сделает невозможными ошибочные приговоры, вынесенные в результате тех или иных стереотипов или предрассудков судей. Однако, как и любая дискуссионная тема, вопрос о замене судьи компьютером имеет несколько точек зрения.

Безусловно, научно-технический прогресс не стоит на месте, в обыденную жизнь входят различные приборы и оборудование, которые значительно экономят время и силы при решении многих задач. Возможно, и «Лазер» сможет сэкономить время судей для подробного изучения дела и вынесения решения по нему. При этом многие судьи не видят смысла в новой программе из-за возможного нарушения принципов уголовного процесса. Однако справедливый приговор учитывает все обстоятельства конкретного дела, в том числе и личность подсудимого, и его биографию, и в идеале не противоречит приговору законному, но чтобы вынести такой приговор, судье требуется не только блестящее знание законов, но и безупречное логическое мышление и человеческая мудрость, чего нет у компьютера [6, с. 153].

Процессуальное законодательство требует от судьи при оценке доказательств руководствоваться своим внутренним убеждением, которое является гораздо более сложной категорией, чем программные алгоритмы. В зависимости от конкретных обстоятельств одни и те же доказательства могут быть в одном деле отвергнуты, а в другом деле, наоборот, приняты за основу. Кроме того, суд при вынесении решения руководствуется целым рядом оценочных и ценностных критериев, закрепленных в законе. Например, принципами справедливости и гуманизма при назначении наказания, требованиями разумности и добросовестности в гражданском праве. Понимание таких общих категорий формируется у человека в процессе социализации, воспитания, становления личности – все это невозможно воспроизвести в программном алгоритме.

В научном сообществе также бытует мнение, что компьютер с легкостью может заменить судью в гражданском судопроизводстве. Применительно к гражданско-правовому деликту программный алгоритм должен вероятностным образом выстроить причинно-следственную связь между фактом причинения вреда потерпевшему и деянием правонарушителя и с помощью загруженной в память машины библиотеки нормативно-правовых и судебных актов определить вероятность отнесения такого действия или бездействия к гражданскому правонарушению в форме деликта. Однако существующие программы пока не в состоянии отвечать на вопросы, включающие в себя оценочный элемент. Например, они не могут оценить выводы технической экспертизы и определить размер причиненного вреда, а также соответствующий ему размер компенсации. Не могут определить моральный аспект деликта, выражаемый в причиненных потерпевшему нравственных страданиях. Программа может лишь ответить «да» или «нет»,

имея в виду, будет ли решение по данному иску вынесено в пользу истца или против него, исходя из максимально усредненных и специально подготовленных для машинной обработки фактических обстоятельств дела.

Отметим, что при разрешении гражданских дел компьютерные технологии более применимы, чем в уголовном процессе. Компьютерной программе можно «доверить» бесспорные гражданские дела, так как в большинстве своем они являются типовыми, и от судьи требуется лишь проверить формальные данные, что ускорит рассмотрение подобных исков. Уголовные же дела требуют большей аналитической работы, так как обстоятельства совершения преступления различны.

Возникает еще несколько вопросов. Если все-таки приговор будет выносить компьютер, то какова будет процедура его обжалования? Как известно, приговор является окончательным решением суда по уголовному делу, которым суд разрешает дело по существу. В приговоре содержатся ответы на вопросы о виновности лица в совершении вменяемого ему преступления и о наказании за его совершение. Основания для отмены или изменения приговора в апелляционном порядке предусмотрены ст. 389.15 УПК РФ. Например, обжаловать решение по фактическому основанию можно, если судья сделал выводы, которые не находят подтверждение в доказательствах или суд не принял во внимание материалы, которые играли существенную роль для принятия решения, или суд поверил одним доказательствам и не поверил другим, при этом в приговоре отсутствует пояснение такого выбора. То есть, ответственность за неправильный или несправедливый приговор полностью возлагается на судью. Возникает логичный вопрос, на который на данный момент пока не существует ответа: «Кто будет нести ответственность в данном случае, если приговор выносит компьютер?»

Еще одним дискуссионным вопросом в данной теме является роль судьи, а именно, нужна ли будет такая должность в дальнейшем? Институт судей может быть упразднен, ведь абсолютно любой человек, не имеющий высшего юридического образования и опыта работы в сфере юриспруденции, сможет вводить исходные данные в поля компьютерной программы и «выносить решение по делу». Но в ходе проведения данной реформы может снова возникнуть логичный вопрос: кто будет осуществлять контрольные и надзорные функции в отношении данных людей?

Какой вывод мы можем сделать в итоге? По действующему законодательству о судебной системе Российской Федерации искусственный интеллект не может заменить судью-человека. Но современный уровень роботизации процессов в обществе уже подходит к внедрению в разные сферы деятельности человека искусственных систем принятия решений. Возможно, в недалеком будущем уголовно-процессуальную систему полностью реформируют, заменив судью компьютерной программой. Многие оценят это техническое новшество, ведь тогда большая часть времени и сил будет сэкономлена. В данном случае следует согласиться с мнением председателя Совета судей РФ, судьи Верховного Суда РФ Виктора Мамонтова, который на VI Московском юридическом форуме «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» в Университете им. О.Е. Кутафина отметил: «Искусственному ин-

теллекту, в частности, неведомы принципы справедливости и гуманизма при назначении наказания. Поэтому говорить о замене судьи искусственным интеллектом как минимум преждевременно, а, скорее всего, невозможно. Но, не исключив при этом применение искусственного интеллекта при рассмотрении бесспорных требований, когда работа судьи не связана с анализом правоотношений сторон и носит технический характер. Но и в этом случае окончательную оценку должен давать человек» [1].

Библиографический список

1. В Верховном суде считают, что роботы никогда не смогут заменить судью // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6296926> (дата обращения: 15.10.2019).
2. Кучерена А. Г. Компьютер выносит приговор // Известия. URL: <https://iz.ru/646042/anatolii-kucherena/kompiuter-vynosit-prigovor> (дата обращения: 20.11.2019).
3. Правосудие по-эстонски: судей заменят компьютером // Правда – TV.ru. URL: <https://www.pravda-tv.ru/2019/03/27/412921/pravosudie-po-estonski-sudej-zamenuat-kompyuterom> (дата обращения: 20.11.2019).
4. Российские суды начнут использовать искусственный интеллект для вынесения приговоров // Рамблер. URL: https://news.rambler.ru/other/41428017/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copy_link (дата обращения: 20.11.2019).
5. Стародубова Г. Н. Приговор суда: обоснованность и объективность // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. С. 131–136.
6. Чистилина Д. О. Председательствующий как носитель судебной власти // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Орел, 2017. С. 151–154.

УДК 340.132.6; 343.159; 347.933.5

Стебенькова Надежда Евгеньевна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Ine18@mail.ru

Неисполнимость судебных решений: недоработки законодателя или ошибки судей?

В статье рассматривается проблема неисполнимости судебных решений на практике. Автор предлагает решение данной проблемы по средствам внесения изменений в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации. Также проводится сравнение процедуры контроля за испол-

нением судебных решений и исполнительным производством в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия.

Ключевые слова: судебная практика, неисполнимость судебных решений, исполнительное производство в Российской Федерации, исполнительное производство в Федеративной Республике Германия, судебный контроль за исполнением решений.

Stebenkova Nadezhda Evgenevna
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Non-enforceability of court decisions: inadequacies of the legislator or mistakes of judges?

The article deals with the problem of the non-enforceability of court decisions in practice. The author proposes a solution to this problem by amending the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Also a comparison of the control procedures of the enforcement of court decisions and proceedings in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany has been done.

Keywords: *judicial practice, non-enforceability of court decisions, enforcement proceedings in the Russian Federation, enforcement proceedings in the Federal Republic of Germany, judicial control over the execution of decisions.*

Исполнительное производство играет весьма значительную роль как в сфере гражданского судопроизводства, так и в общественной жизни. Реальные показатели исполнения судебных решений прекрасно характеризуют не только судебную систему, но и государственную власть в целом. В данной сфере ведутся постоянные дискуссии и обсуждения, но никто не оспаривает мнение, высказанное когда-то о том, что «в правосудии не было бы никакой пользы, если бы решения суда не приводились в исполнение» [3].

На сегодняшний день в Российской Федерации судебные органы не отвечают за исполнение вынесенных решений, переложив эту обязанность за Федеральную службу судебных приставов. Как указано в п. 1 ст. 5 Федерального закона «Об исполнительном производстве»: «Принудительное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, возлагается на Федеральную службу судебных приставов и ее территориальные органы» [7]. Безусловно, в законе предусмотрено и добровольное исполнение требований суда должником, однако контроль за исполнением решений в целом является обязанностью судебных приставов-исполнителей.

Следует сделать вывод, что это, возможно, стало одной из причин повышения количества вынесенных неисполнимых решений судьями. В данном случае речь идет о решениях, которые нельзя исполнить путем воздействия на ответчика со стороны судебных приставов, то есть принудительно исполнить это решение невозможно, а, значит, пока ответчик сам не захочет его испол-

нить, оно так и будет в стадии исполнительного производства. А. О. Манташян в своей статье «Исполнимость судебного решения в трудах Марка Аркадьевича Гурвича» указывал на «существование ряда требований неимущественного характера, которые невозможно исполнить (практическая невозможность исполнения), хотя формально юридически вынесение таких решений законом допускается (например, требование об обязанности должника построить и ввести в эксплуатацию объект недвижимости). Либо требований, которые формально юридически исполнимы, но в конкретной ситуации с учетом конкретных обстоятельств и правоотношений их исполнение невозможно» [5].

Статья 17.15 КоАП РФ [4] предусматривает ответственность за неисполнение решений суда, однако установлен только один вид санкций – штраф и тот мизерный. Решение по делу №2-4300/2017 [6], вынесенное в Кировском районном суде г. Ярославля, в котором недобросовестного работодателя обязали зарегистрироваться в качестве страхователя в Фонде Социального Страхования, является на сегодняшний день неисполнимым. Исполнительное производство начато 21.12.2017 и до сих пор не исполнено. Главной проблемой в исполнении данного решения является исключительного добровольный порядок его исполнения со стороны ответчика и отсутствие механизма принудительного исполнения через Федеральную службу судебных приставов, так как у приставов-исполнителей нет в данном случае никаких инструментов воздействия на волю ответчика. Штрафы, возложенные на ответчика по ст. 17.15 КоАП РФ, неэффективны, потому что у должника уже более 300 тысяч имеющихся долгов, которые не погашены с 2011 года. Этот вид наказания, очевидно, не очень эффективен, особенно в отношении лиц, которые по решению судов уже имеют личную сумму задолженности.

Данную проблему можно решить путем добавления в указанную выше статью альтернативных наказаний для злостных неплательщиков, что позволило бы суду, учитывая финансовое положение ответчика, сумму уже имеющихся у него долгов, назначать иное наказание, стимулирующее ответчика исполнить судебное решение, например, обязательные работы.

При анализе зарубежного законодательства, в частности законодательства Федеративной Республики Германии, были выявлены эффективные конструкции реализации контроля за исполнением вынесенных судебных решений. Принудительное производство ФРГ представляет собой гармоничное и тесное взаимодействие суда, и судебных исполнителей, их функции переплетаются, а сами органы принудительного исполнения делятся между собой по различным категориям дел [2].

Что касается исполнительного производства в Российской Федерации, то система тут более сложная и разветвленная: во-первых, деление на центральный аппарат и территориальные органы; территориальные органы делятся на аппарат управления и структурные подразделения; и те, и другие, в свою очередь, включают в себя массу различных отделов. Конечно, деление на отделы в данном случае происходит так же, как и в ФРГ, по категории дел, но, на мой взгляд, наша система слишком сложна. Как и любой государственный орган в Российской Федерации, Служба судебных приставов имеет огромный аппарат

управления, который зачастую практически не занимается непосредственно исполнительным производством, тогда как в системе принудительного исполнения ФРГ каждый орган осуществляет контроль над подведомственными ему органами и параллельно осуществляет исполнительное производство по иной категории дел.

Нельзя не отметить достоинство исполнительного производства Российской Федерации в возможности исполнения судебных решений без участия государственных органов, то есть непосредственно через частную организацию (преимущественно через банки). Это значительно упрощает работу судебных приставов-исполнителей, освобождая их от кучи дел, возбуждение исполнительного производства по которым занимает больше времени, чем непосредственно исполнение судебного решения.

Однако выделение исполнительного производства в отдельную самостоятельную систему не привело к хорошим результатам и эффективному исполнению судебных решений. В настоящий момент полномочия судьи заканчиваются в момент вынесения окончательного решения по рассмотрению дела, то есть отсутствует последующий судебный контроль над исполнением вынесенного решения. Проще говоря, судья не заинтересован не то что в исполнении в срок, а даже просто в исполнении собственного решения.

Иначе дела обстоят в ФРГ, где статистика судей зависит именно от исполнения решений, которые они вынесли, так как пока решение не исполнено, дело считается не завершенным [1]. Кроме того, наличие тесных связей и постоянного сотрудничества суда и судебных исполнителей предусматривает судебный контроль над исполнением решений суда. Возможно, именно благодаря такому порядку и наличию у суда контрольной функции в ФРГ 83 % всех исполнительных производств завершается в срок, чего нельзя сказать о российских исполнительных производствах, некоторые из которых тянутся не один год.

Если бы в Российской Федерации судьи осуществляли судебный контроль над исполнением собственных решений и имели полномочия для содействия в исполнении решений, возможно, статистика по исполнению судебных решений значительно улучшилась.

Рассмотрев актуальную на сегодняшний день проблему, можно говорить о том, что помимо недостаточности правовой регламентации процедуры принудительного исполнения решений суда, также отсутствует детальный порядок осуществления контроля судебными органами за собственными вынесенными решениями, что повышает вероятность вынесения неисполнимых решений судьями.

Таким образом, необходимо внести изменения в действующую редакцию Кодекса об административных правонарушениях в статью 17.15, чтобы создать более эффективную мотивацию для исполнения судебных решений, помимо назначения штрафов.

Внесение данных изменений позволит решить сразу несколько проблем:

1. Судьи всех инстанций перед вынесением решений будут заранее рассматривать возможность исполнения вынесенного решения и вероятность его неисполнения.

2. Судебные приставы-исполнители будут обладать большим количеством инструментов и средств воздействия на должника для исполнения им судебного решения.

3. Для добровольного исполнения судебного решения будет разработана более эффективная мотивация.

4. Потенциальные должники, осознавая наступление неблагоприятных для них последствия помимо назначения штрафов, будут ответственней относиться к своим обязанностям и обязательствам перед другими людьми.

Библиографический список

1. Gerichtsverfassungsgesetz (GVG) vom 9 Mai 1975. (Закон о судебной системе 1975 г.) URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gvg> (дата обращения: 01.01.2019).

2. Zwangsvollstreckungsrecht. 2 Aufl. 2003. (Гражданский процессуальный кодекс ФРГ). URL: <https://lawbook.online/protsess-zarubejnyih-grajdanskiy/grajdanskiy-protsessualnyiy-kodeks-56683.html> (дата обращения: 01.01.2019).

3. Аристотель. Политика. М., 2002. С. 230.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1. (с изм. и доп.).

5. Манташян А. О. Исполнимость судебного решения в трудах М. А. Гурвича // Актуальные проблемы российского права. 2016. №8 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnimost-sudebnogo-resheniya-v-trudah-marka-arkadieвича-gurvicha> (дата обращения: 01.11.2019).

6. Решение Кировского районного суда г. Ярославля от 04.10.2017 №2-4300/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jlISYLHAAGxm> (дата обращения: 30.10.2019).

7. Федеральный закон от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

УДК 347.1

Стёпина Виктория Юрьевна,

студент, Донбасская юридическая академия,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

vika.stiyorina@mail.ru

Актуальные проблемы использования оценочных понятий в гражданском праве

В данной научной статье автором были рассмотрены оценочные понятия, используемые в современном гражданском праве. Были обозначены основ-

ные виды оценочных понятий, а также особенности их урегулирования. Автором был поднят вопрос о проблемах применения в гражданском праве понятий, которые носят оценочный характер. Были рассмотрены некоторые из видов оценочных понятий, дана их краткая характеристика. По результатам рассмотрения всех особенностей и существующих сложностей в области применения оценочных понятий, был предложен путь разрешения этих проблем.

Ключевые слова: понятия оценочного характера, абстрактность понятий, коррупциогенный фактор, разумность, существенность.

Stiopina Victoria Yurievna,

student, Donbass law Academy,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Current applying problems of evaluative notions in civil law

This article is devoted to consideration of evaluative notions, used in modern civil law. The main types of evaluative notions and relatable features of regulation were marked. The applying issue of evaluative notions within civil law was raised by author. Some types of evaluative notions were considered and briefly characterized. Summarizing the consideration of current features and difficulties in the sphere of evaluative notions application author proposed the ways of existing problems resolving.

Keywords: *evaluative notions, abstractness of notions, corruptionogenicity factor, rationality, essentiality.*

В современном гражданском праве стран СНГ довольно распространены так называемые «оценочные понятия». По мнению Д. А. Гараймович, оценочные понятия, имея особую форму неопределенность, играют важную роль для современного гражданского права многих стран, позволяя гражданской форме быть достаточно гибкой и обтекаемой, они обеспечивают определенную стабильность законодательства и регулирования правоотношений. Д. А. Гараймович считает, что правильное использование оценочных понятий позволит облегчить процесс уяснения правовых норм гражданами [1].

По мнению многих авторов, в самое содержание понятий, носящих оценочный характер, в любой момент можно включить совершенно новый, ранее неизвестный признак. По их убеждению, признаки, которые непосредственно составляют содержание оценочного понятия, по своей природе являются достаточно гибкими и нечеткими, т. е. дело не совсем в самом понятии, носящем оценочный характер, а в его признаках, которые и делают это понятие таким неопределенным.

Существует огромное множество определений в научной среде термина «оценочные понятия». Данный вопрос активно исследовался учеными различных наук, в том числе и юридической. Сам термин «оценочное понятие» появился в отечественной правовой науке в 1956 году, ввел его С. И. Вильнянский. В данной области масштабное исследование было проведено вышеупомянутым

Д. А. Гараймовичем, а также Т. В. Кашаниной. По мнению Т. В. Кашаниной «оценочные понятия – это понятия, в которых фиксируются наиболее общие признаки какого-либо множества разнообразных предметов, выступающие в качестве заместителей неоднородных фактов, явлений, действий, процессов, находящихся в сфере правового регулирования» [5].

В свою очередь В. В. Игнатенко считает, что понятие оценочного характера содержит в себе обобщающие признаки типичных явлений, которые детально не разъяснены законодателем, и их конкретизация осуществляется посредством оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации [4].

В этой связи, целесообразнее привести примеры некоторых оценочных понятий, который так часто используются в сфере гражданско-правового регулирования тех или иных общественных отношений, к ним относят: разумный срок; необходимые расходы; существенный вред; несоразмерный ущерб; неблагоприятные обстоятельства; уважительная причина; предмет роскоши; порочащие сведения; недобросовестный приобретатель; явные недостатки; значительные изменения; и пр.

Исследователи считают, что такая абстрактность и противоречивость оценочных понятий, а также отсутствие законодательного толкования каждого из них, является существенной проблемой современного гражданского права не только РФ, но и иных стран СНГ, поскольку не все понятия достаточно четко ясны для обычных граждан, которые не имеют юридического образования. В научном мире сформировалось мнение, что основным негативным результатом применения оценочных понятий в практике, при отсутствии их официального толкования, является коррупциогенный фактор положений различных нормативно-правовых актов, либо проектов нормативно-правовых актов, которые устанавливают для правоприменителя безосновательно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также тех положений, которые содержат неопределенные требования к гражданам или организациям, что в свою очередь создает условия для уклонения от нормы закона, иными словами, «обход закона».

По результатам анкетирования практикующих юристов, которое было проведено Е. В. Дубининой, 95 % опрошенных сталкивались с оценочными понятиями. Из них, 98 % считают, что отсутствие официального толкования оценочных понятий, а также их противоречивость и абстрактность, является проблемой для применения норм современного гражданского права, и 70 % из числа опрошенных убеждены, что такая неурегулированность является уклонением от нормы закона. По сему можно сказать, что выбранная тема исследования подтверждает свою актуальность и злободневность на современном этапе развития отечественного права.

По мнению вышеупомянутой Т. В. Кашаниной, главное назначение оценочных понятий в праве – индивидуальное регулирование [5]. Кроме того, оценочные понятия устанавливают пределы индивидуального регулирования. Иными словами, если законодатель не просто предоставит субъектам права возможность усмотрения, но и обозначит какие-то границы этого самого ус-

мотрения, то эффект индивидуального регулирования в несколько раз повысится, что сделает в свою очередь правоотношения более определенными.

Оценочные понятия содержатся в нормах, являющихся двухэлементными нормами-предписаниями, которые состоят из гипотезы и диспозиции. По своему содержанию такие нормы более близки к мере правовой свободы субъектов правоприменения по выбору варианта поведения в гражданском обороте. Существенная роль в определении содержания норм, в которых содержатся оценочные понятия, отводится принципам гражданского права, а также нормам морали и нравственности. Однако такие особенности гражданско-правовых норм с оценочными понятиями не изменяют сущность этого правового явления, а лишь характеризуют специфику проявления этой сущности гражданских правоотношениях.

По мнению многих специалистов в области права, оценочные понятия необходимы гражданскому законодательству и имеют некоторые преимущества. При достаточно лаконичной трактовке гражданско-правовой нормы, оценочные понятия обеспечивают динамичность и полноту гражданского законодательства, способствуют отображению в праве явлений морального и нравственного характера, позволяет субъекту выбирать в определенной ситуации более эффективную и целесообразную модель поведения, что имеет достаточно важное значение для гражданско-правовой сферы, отличающейся от других сфер инициативой и свободой выбора ее участников.

Если говорить более детально относительно конкретных оценочных понятий, применяемых в гражданском законодательстве, то, к примеру, включение в гражданско-правовую норму такого понятия как «разумность» («разумный срок», «разумная цена», «разумные действия» и т. д.) придает характер относительной неопределенности действию или предмету. Таким образом, при применении такой нормы, по нашему мнению, оценивать с точки зрения права следует разумный срок, разумную меру и др., а не разумность как таковую. То есть, например, основу понятий «разумный срок» и «разумная цена» положен объективный средний размер, а именно, среднее время, которое затрачивается на выполнение различными лицами и средняя рыночная стоимость, которая обычно взимается при сравнимых обстоятельствах за аналогичный товар в том месте, в котором должна была быть осуществлена передача товара. Таким образом, в основу понятий «разумный срок» и «разумная цена» положен количественный признак, который определяется средними мерками.

Что же касается применения в гражданско-правовых нормах такого определения как «существенный», то здесь, как нам кажется, стоит исходить из экономического критерия значительности разницы между тем, на что рассчитывала сторона, вступая в правоотношения, и тем, что в итоге она получила.

Таким образом, можно отметить, что в современном гражданском праве имеются проблемные аспекты в толковании и применении в гражданско-правовых нормах оценочных понятий. С одной стороны, оценочные понятия способствуют гибкости и динамичности норм гражданского права, а с другой – неизбежно создают все условия для процветания коррупции в сфере их приме-

нения, разночтению и решению аналогичных ситуаций абсолютно диаметрально-ными путями.

Для разрешения существующих проблем в области применения оценочных понятий в гражданском законодательстве, предлагаем: для снижения риска нарушения прав граждан при применении оценочных понятий в гражданском законодательстве возможно применение так называемого «рамочного регулирования» (минимальные/максимальные границы для количественно-оценочных категорий) и толкования для качественных и морально-ценностных оценочных категорий) [2, с. 108].

Подытоживая все вышесказанное можно отметить, что многие авторы убеждены, что такая категория как «оценочное понятие» вовсе не должна содержаться в нормах гражданского права, в силу ее неурегулированности. Однако, по мнению М. Ф. Лукьяненко, с коим мы абсолютно согласны, оценивающие определения права законодателю просто необходимы, а их уничтожение не просто невозможно, а приведет к снижению производительности правового регулирования законных взаимоотношений, необоснованно расширит область процессуального усмотрения. По нашему мнению, проблема здесь кроется в том, что использовать данные суждения следует грамотно: следуя рекомендациям современной правовой науки и надлежащими эталонами юридической техники [3].

По нашему мнению, понятия оценочного характера могут упростить применение законодательства, сделать норму закона не просто легкодоступной, а понятной для абсолютного большинства граждан. Полный и бесповоротный отказ от применения в гражданском законодательстве оценочных понятий невозможен. Мы считаем, что традиционно применяемые в праве оценочные понятия могут и должны исключаться из него только при наличии весомых аргументов и никак иначе.

Библиографический список

1. Гараймович Д. А. Оценочные понятия в современном гражданском праве // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. М., 2001. URL: <http://antonivanov.ru/balfort/civil-notes.html> (дата обращения: 30.11.2019).

2. Дубинина Е. В. Оценочные понятия в гражданском праве// Инновационная наука. 2017. № 04-4. С. 106–110.

3. Ефимов Е. Г. Экономика : учебное пособие. М. : МГИУ, 2005. 368 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks /Econom/economics2/ (дата обращения: 30.11.2019).

4. Игнатенко В. В., Миронов А. В., Волоскова М. В. Оценочные понятия в российском праве: правовые и внеправовые особенности. URL: <http://law29.ru/library/arbit-prot/otsenochnye-ponyatiya-v-arbitrazhnom-i-grazhdanskom-protsessualnom-prave-2008> (дата обращения: 30.11.2019).

5. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2007. URL: <https://studfile.net/preview/3534544/> (дата обращения: 30.11.2019).

УДК 34.037

Столярова Виктория Игоревна

студент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

karf-elizobet@yandex.ru

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

melnikk44@gmail.com

Временное ограничение пользования специальным правом как мера понуждения должника к исполнению требований исполнительных документов

В данной работе рассматривается сущность временного ограничения пользования специальным правом и его влияние на выполнение требований исполнительных документов. Рассматривается порядок применения указанной меры: кем, в отношении каких объектов устанавливается, а также ситуации, в которых к должнику нельзя применить временное ограничение специальным правом. Выделяются проблемы и пути их решения для более эффективного использования данной меры.

***Ключевые слова:** исполнительное производство, транспортное средства, должник, судебный пристав-исполнитель, временное ограничение специального права.*

Stolyarova Victoria Igorevna,

student, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich,

candidate of law, associate Professor, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

Temporary restriction of the use of a special right as a measure to compel the debtor to comply with the requirements of executive documents

This paper considers the essence of the temporary restriction of the use of a special right and its impact on the implementation of the requirements of Executive documents. The order of application of the specified measure is considered: by whom, concerning what objects it is established, and also situations in which to the debtor it is impossible to apply temporary restriction by the special right. The problems and ways of their solution for more effective use of this measure are allocated.

Keywords: enforcement proceedings, vehicle, debtor, bailiff, temporary restriction of special rights.

Федеральная служба судебных приставов (далее по тексту ФССП) – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности. ФССП России подведомственна Минюсту России, которое осуществляет координацию и контроль деятельности Службы [9].

Вопросы, связанные с деятельностью данного органа достаточно актуальны в наше время. Согласно статистических данных, размещенных на официальном сайте ФССП России, общее количество исполнительных производств в 2018 года по сравнению с 2017 годом увеличилось, а фактическое исполнение наоборот уменьшилось. Если в 2017 году в работе ФССП находилось 86 246 531 производств, из них исполнено в течение года 33 691 644, то в 2018 году в работе находилось 87 584 813 производств, а было исполнено 30 076 509. Исходя из аналитических справок об итогах деятельности Управления Федеральной службы судебных приставов по Костромской области за 2017 и 2018 год, размещенных на официальном сайте Управления ФССП по Костромской области, за 12 месяцев 2018 года окончено и прекращено 291 460 исполнительных производств, или на 23,4 % меньше чем в 2017 году.

Указанная статистика подтверждает актуальность поиска эффективных механизмов решения вопросов, связанных с осуществлением исполнительного производства. В настоящее время внедряются новые средства, направленные на повышения результатов деятельности ФССП, одним из которых является временное ограничение пользования специальным правом [2].

В ряде зарубежных стран, таких как США, Канада, Польша временное ограничение пользования специальным правом используется в качестве действенной меры принудительного исполнения уже давно. Потребность во введении ее в России обусловлена плачевной статистикой и стремлением обеспечить интересы взыскателя в исполнительном производстве. Данная мера введена в России Федеральным законом от 28.11.2015 № 340-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В соответствии с ч. 1 ст. 67.1 Закона «Об исполнительном производстве» временное ограничение пользования специальным правом представляет собой приостановление действия, специального права в виде права управления транспортными средствами, которое предоставляется должнику в соответствии с законодательством РФ, до того момента, пока требования, установленные в исполнительном документе, не будут исполнены, либо же, пока не возникнут основания для отмены такого ограничения [10].

Современная наука не определилась с правовой природой данной меры. Одни ученые считают, что временное ограничение пользования специальным

правом является мерой юридической ответственности [1, с. 464]. Другие определяют ее в отдельную группу мер косвенного принуждения [7, с. 200].

Третьи относят ее к ограничениям личного характера, характерным для административного наказания [5, с. 6–11]. На наш взгляд, данную меру стоит относить к группе мер косвенного принуждения, поскольку смысл ее существования состоит в побуждении должника и создании для него определенной мотивации к самостоятельному исполнению содержащихся в исполнительном документе требований.

В ч. 2 ст. 67.1 Закона «Об исполнительном производстве» указываются условия, при которых данная мера может применяться:

1) истечение срока для добровольного исполнения исполнительного документа;

2) отсутствие уважительных на это причин;

3) исполнительный документ, сумма задолженности по которому составляет не менее 10 000 руб. (исходя из п. 4 ч. 4 ст. 67.1 Закона «Об исполнительном производстве», где установлены основания, когда временное ограничение специальным правом не может применяться), содержит требования о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного здоровью, возмещении вреда в связи со смертью кормильца, имущественного ущерба и (или) морального вреда, причиненных преступлением, а также требования неимущественного характера, которые связаны с воспитанием детей.

Если говорить о таком условии как срок добровольного исполнения, необходимо учитывать, что в некоторых случаях, предусмотренных законом, он не устанавливается. Например, на основании ч. 14 статьи 30 Закона «Об исполнительном производстве», в таких случаях, как:

– последующее предъявление исполнительного документа;

– по исполнительному документу по конфискации имущества;

– по исполнительному документу об отбывании обязательных работ;

– по исполнительному документу, подлежащему немедленному исполнению;

– по исполнительному документу о принудительном выдворении за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства;

– по запросу центрального органа о розыске ребенка.

На практике чаще всего возникают проблемы при определении уважительности причин пропуска срока добровольного исполнения.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 г. № 13-П в качестве уважительных причин рассматриваются различные фактические обстоятельства, сделавшие невозможным своевременное исполнение требований исполнительного документа [4].

К таким обстоятельствам относятся:

– непреодолимая сила (если добровольному исполнению препятствовало чрезвычайное и непредотвратимое обстоятельство);

– предоставление должнику отсрочки, рассрочки исполнения требований исполнительного документа;

– только требования, закрепленные в законе;

Суд может признать уважительной причиной задержку заработной платы при отсутствии имущества, на которое может быть обращено взыскание. А вот нахождение должника в стационаре на практике не определяют, как уважительную причину. Хотя, казалось бы, во многих отраслях права болезнь является уважительной причиной.

Порядок установление ограничения права определен в Законе «Об исполнительном производстве». У судебного пристава-исполнителя должны быть доказательства того, что должник был извещен о возбуждении исполнительного производства в отношении его, и того, что он уклоняется от добровольного исполнения. Согласно ч.1 статьи 27 Закона «Об исполнительном производстве» доказательством извещения будет являться уведомление о вручении, причем не обязательно чтобы извещение получил сам должник, можно и передать любому совершеннолетнему члену его семьи. Далее действия судебного пристава-исполнителя зависят от того, является ли исполнительный документ судебным актом, выдан на основании его или нет. Если так, то ограничение права происходит по постановлению пристава, а если нет, то только через суд. Нужно отметить, что вынесение постановления приставом (обращение в суд) является его правом, а не обязанностью. Но есть исключение – при объявлении должника в розыск.

Важной особенностью, и на наш взгляд недоработкой является то, что должник не обязан сдавать свои права в подразделение Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту ГИБДД) они остаются у него на руках. Несмотря на то, что за вождение с ограниченным правом существует административная ответственность, на практике люди являются недобросовестными и злоупотребляют наличием документов на руках. Поэтому следует законодательно закрепить обязанность должника, у которого временно ограничено специальное право, сдавать документы в ГИБДД или судебному приставу-исполнителю.

Порядок сдачи документов, на наш взгляд, должен выглядеть следующим образом:

1. Судебным приставом-исполнителем проверяется наличие доказательства того, что должник был извещен о возбуждении исполнительного производства в отношении его, и того, что он уклоняется от добровольного исполнения.

2. Если исполнительный документ является судебным актом или выдан на основании его, то судебный пристав-исполнитель на свое усмотрение выносит постановление о временном ограничении пользования специальным правом.

2.1. Если исполнительный документ не является судебным актом, то судебный пристав-исполнитель обязан обратиться в суд.

3. Далее судебный пристав-исполнитель направляет уведомление о данных решениях, а именно о постановлении или решения суда, в ГИБДД, а также должнику заказным письмом с уведомлением о вручении.

4. В течение 10 дней с момента получения уведомления должник обязан явиться в ГИБДД и сдать документы подтверждающее его право управления тем или иным транспортом.

В случае неявки или уклонения лица от сдачи документов установленный срок ограничения специального права приостанавливается. Течение срока ограничения специального права начинается со дня сдачи лицом документа подтверждающего его право управления тем или иным транспортом.

Также считаем, что здесь целесообразно провести аналогию с административным правом и ввести обязанность в целях предупреждения ДТП, сдавать теоретический экзамен Правил Дорожного Движения, если срок ограничения права год и более.

Временное ограничение на использование должником специального права устанавливается в отношении следующих транспортных средств (согласно нормам, регулирующим общественные отношения связанные с обеспечением безопасности дорожного движения, транспортное средство-устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем):

- 1) автомобильного транспортного средства;
- 2) воздушного судна;
- 3) судна морского транспорта;
- 4) судна внутреннего водного транспорта;
- 5) мотоцикла;
- 6) мопеда;
- 7) легкого квадрицикла;
- 8) трицикла;
- 9) квадрицикла;
- 10) самоходной машины

Полагаем расширить данный перечень и включить в него железнодорожный подвижной состав.

Анализируя закон, мы пришли к выводу, что существуют и случаи, при которых назначение данной меры не допускается вообще. Так, нельзя временно ограничить должника в пользовании специальным правом, если:

1) данное ограничение лишает его основного законного источника средств к существованию;

2) единственным средством для обеспечения жизнедеятельности должника и его семьи является использование транспортного средства (с учетом ограниченной транспортной доступности места постоянного проживания) [6];

3) должник является инвалидом 1 или 2 группы или имеет на иждивении такое лицо;

4) сумма задолженности по исполнительному документу/исполнительным документам не превышает 10 000 рублей;

5) должнику предоставлена отсрочка/рассрочка исполнения требований исполнительного документа;

Данный перечень достаточно широк, а это значит, может возникнуть злоупотребление по сокрытию имущества или иных действий должника.

Нужно учитывать, что не у всех граждан есть права на управление транспортным средством, а соответственно и сами транспортные средства. Согласно статистике, размещенной на сайте Федеральной службы государственной статистики, в Костромской области на 1000 человек приходится 292 машины [11]. Следовательно, около 71 % населения области данное ограничение не коснется.

Актуальной проблемой является ограничения в применении данной меры к лицам, которые работают в такси. В нашей стране данная профессия достаточно популярна и с каждым годом таксистов становится все больше. По данным аналитического центра при Правительстве РФ на 2019 год в России количество занятых в сфере такси в 2019 г. составляет порядка 600 тыс. человек. С 2018 г. рост численности работников составил 3 % [8]. На наш взгляд, не даст никакого положительного эффекта применение данной меры к таким субъектам, так как они лишаются своей заработной платы, а, следовательно, у них не будет средств для исполнения требований указанных в исполнительных документах. Таким образом, при определении использования данной меры стоит учитывать профессию должника чтобы данное ограничение оказало как можно более эффективное воздействие.

Для совершенствования механизмов исполнительного производства следует проанализировать законодательство зарубежных стран.

Закон Республики Казахстан от 02.04.2010 № 261-IV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей», а именно статья 34 выделяет следующие меры при неисполнении должником без уважительных причин исполнительного документа:

1) временное запрещение выдавать должнику лицензии, разрешения и специальные права;

2) приостановление действия ранее выданных должнику лицензий, разрешений и специальных прав;

3) временные ограничения и приостановление временного ограничения на выезд физического лица, руководителя (исполняющего обязанности) юридического лица, являющегося должником;

В Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь, а именно в статье 469, определены следующие меры при неисполнении должником без уважительных причин исполнительного документа:

1) временное ограничение права на выезд из Республики Беларусь;

2) временное ограничение права должника на управление механическими транспортными средствами, моторными маломерными судами, мощность двигателя которых превышает 3,7 киловатта (5 лошадиных сил), права на охоту, за исключением случаев, когда пользование указанными правами необходимо должнику в связи с инвалидностью либо в качестве единственного средства получения дохода, – на срок до исполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе, но не более чем на пять лет [3].

При изучении зарубежного законодательства, мы пришли к выводу о том, что нам стоит позаимствовать зарубежный опыт для более эффективной деятельности судебных приставов-исполнителей

Благоприятно, на наш взгляд, будет расширение предмета ограничения. Для этого необходимо изменить статью 67.1 Закона «Об исполнительном производстве», а именно: часть 1 «Под временным ограничением на пользование должником специальным правом понимается:

1) приостановление действия предоставленного должнику в соответствии с законодательством Российской Федерации специального права в виде права управления транспортными средствами (автомобильными транспортными средствами, воздушными судами, судами морского, внутреннего водного транспорта, моторными маломерными судами, мощность двигателя которых превышает 3,7 киловатта (5 лошадиных сил), мотоциклами, мопедами и легкими квадрициклами, трициклами и квадрициклами, самоходными машинами);

2) приостановление действия, предоставленного должнику в соответствии с законодательством Российской Федерации ранее выданных должнику лицензий, разрешений и специальных прав, а также временное запрещение выдачи их.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что в целях полноценной реализации нововведений, касающихся временных ограничений на пользование должником специальным правом, на наш взгляд, порядок указанного взаимодействия следует детально регламентировать. Также при использовании данной меры следует учитывать индивидуальные особенности субъекта (должника), такие, как наличие машины или место работы для наиболее эффективного применения данной меры

Однозначно сказать, что это важное и эффективное нововведение нельзя. Однако при правильном его использовании и более детальной законодательной регламентации можно достичь хороших показателей.

Библиографический список

1. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. С. 464.

2. Гусаков С. Ю. Временное ограничение на пользование должником специальным правом // Практика исполнительного производства. 2017. № 2. С. 21–28.

3. Гражданский кодекс республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 21.11.2019)

4. Методические рекомендации по порядку взыскания исполнительского сбора : утв. ФССП РФ 23.12.2010 № 01-8. URL: <https://zakonbase.ru/content/base/173773> (дата обращения: 21.11.2019)

5. Насонов Ю. Г. Ограничение права граждан на выезд из Российской Федерации в исполнительном производстве: исполнительное действие, элемент судебной защиты или наказание // Исполнительное право. 2013. № 3. С. 6–11.

6. Постановление Правительства РФ от 14.12.2006 №761 «О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг» : ред. от 26.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 5, ст. 5547

7. Парфенчикова А. А. Меры косвенного принуждения в исполнительном производстве / под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2017. 200 с.

8. Рынка такси в России. Досье. URL: <http://ac.gov.ru/events/024166.html> (дата обращения: 21.11.2019).

9. Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» (в ред. от 13.05.2019). URL: <https://base.garant.ru/12137241/> (дата обращения: 21.11.2019).

10. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» : ред. от 03.08.2018. URL: <https://base.garant.ru/77663894/> (дата обращения: 21.11.2019).

11. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 21.11.2019).

УДК 349.41

Суходоева Екатерина Андреевна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
kates9327@yandex.ru

Электронные торги на право заключения договора аренды и купли-продажи земельных участков: плюсы и минусы

В связи с тем, что в настоящее время идет переходный переход от молотковых торгов к электронным, мы считаем необходимым проанализировать достоинства и недостатки электронных торгов. Для этого рассмотрим позицию законодателя, научных деятелей и практику организаторов торгов.

Ключевые слова: *электронные торги, земля, аукцион, аренда.*

Sukhodoeva Ekaterina Andreyevna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Electronic bidding for the right to conclude land lease and purchase agreement: pros and cons

We consider it necessary analyse the strengths and weaknesses electronic bidding in connection with the transition process from to electronic bidding. We will consider the convinces legislators, scientists and specialist's work who is organizing biddings.

Keywords: *electronic bidding, land, auction proceeds, rent.*

1 января 2019 года вступили в силу Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О внесении изменений в Земельный кодекс Рос-

сийской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», добавивший статью 39.13. Однако п. 7 вышеуказанного Федерального закона предусмотрено, что «положения статьи 39.13 Земельного кодекса Российской Федерации (в редакции настоящего Федерального закона) применяются со дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок проведения аукционов в электронной форме по продаже земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и аукционов в электронной форме на право заключения договоров аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности» [5]. В настоящее время указанный порядок не принят.

22 сентября 2019 года в Государственную думу РФ был внесен на рассмотрение проект №758964-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части проведения торгов по предоставлению земельных участков в электронной форме)». Законопроект предлагает: 1) проводить аукционы на право заключения договора купли-продажи или аренды земельного участка в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О защите конкуренции», дополнив указанный Федеральный закон общими положениями о порядке проведения торгов в электронной форме. При этом в Земельном кодексе сохраняется регулирование особенностей проведения аукционов на право заключения договора купли-продажи или аренды земельного участка, связанных с подготовкой к проведению указанных аукционов (формирование земельных участков, определение начальной цены предмета договора), порядок ведения реестра недобросовестных участников аукционов и включения в него сведений; 2) установить в Федеральном законе «О защите конкуренции» общую часть порядка проведения электронных торгов, которая единообразно будет применяться для проведения вышеуказанных торгов, в частности, общей частью процедуры торгов предусмотрено, что подача заявок для участия в аукционе осуществляется в электронной форме, установлены общие требования к участникам торгов, основания для отклонения заявок участников торгов; 3) урегулировать отдельные процедуры осуществления торгов актом Правительства Российской Федерации, чтобы избежать избыточного законодательного регулирования, а также позволит более оперативно уточнять особенности осуществления торгов при необходимости [4].

Сохранение в имущественном обороте земельных участков случаев применения молотковых аукционов (п. 2 ст. 39.13 ЗК РФ) предопределяет необходимость их соотношения с электронной формой. Главным отличием электронных торгов в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, от молотковых является наличие электронной площадки и ее оператора. Включение дополнительного субъекта (оператор электронной площадки) в систему соответствующих процедурных отношений сказывается в основном на технических аспектах. Дело в том, что суть торгов в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, остается прежней, она не меняется при переводе их в электронную форму. Появляется лишь новое процедурное действие – заключение договора на проведение такого

электронного аукциона между его организатором и оператором электронной площадки. В прежнем виде остаются правовой статус организатора аукциона, требования к предмету аукциона, определение цены предмета аукциона, шаг аукциона, размер задатка, основания для отказа в проведении аукциона и признания его несостоявшимся, вложение проекта будущего договора в документацию об аукционе, комплект документов для участия в аукционе, оформление результатов аукциона протоколом, проведение повторного аукциона, реестр недобросовестных участников аукциона. В электронную форму облакаются только технические действия, которые незначительно изменяют некоторые процедурные моменты. Полагаем, что на электронные торги в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, следует распространить нормы ст. 39.11 ЗК РФ о подготовке и организации аукциона по предоставлению находящихся в публичной собственности земельных участков. Единственным исключением являются п. 18, 19, 21 ст. 39.11 ЗК РФ, где данные о месте проведения аукциона заменяются сведениями об электронной площадке, а сам аукцион становится «виртуальным». Заявка уже подается в электронном виде на торговой площадке. Извещение о проведении «земельного» электронного аукциона должно размещаться не на сайте torgi.gov.ru, где содержится информация исключительно о молотковых торгах, а на отдельном специализированном сайте [3].

Очевидно, что наличие в Земельном кодексе РФ рассматриваемой нормы означает намерение законодателя осуществлять формирование единой электронной площадки по проведению земельных аукционов, аналогичной площадке, на которой осуществляется проведение аукционов при размещении заказов для обеспечения государственных, муниципальных нужд. Возникает вопрос: почему необходимо создание именно новой площадки? Мы считаем, что электронная площадка zakurki.gov.ru является подходящей исключительно для аукционов на размещении заказов для обеспечения государственных, муниципальных нужд, а электронные торги по земле обладают определенной спецификой, не подпадающие под работу данной площадки. Создание отдельной самостоятельной площадки поможет максимально удобно и быстро для участников и организаторов аукционов по земле реализовать данную процедуру.

В Пояснительной записке к проекту федерального закона № 185240-7 «О внесении изменений в Федеральный закон „О содействии развитию жилищного строительства“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» говорится о том, что внедрение электронных торгов преследует достижение большей доступности аукционов, соблюдения их прозрачности и эффективности. Перевод торгов в электронный вид открывает новые возможности для потенциальных участников из отдаленных регионов страны, минимизирует возникновение коррупционных схем [3].

Общность рационального землепользования с торгами проявляется при раскрытии функций торгов в процедуре предоставления «публичных» земельных участков. При описании одной из функций торгов в виде защиты публичных и частных интересов М. П. Имекова представляет торги как средство эффективного использования государственных или муниципальных земельных

участков. Электронная форма торгов направлена на обеспечение максимальной прозрачности процедуры предоставления земельных участков и позволяет остановиться на лучшем из имеющихся предложений и заключить договор на максимально выгодных условиях [1]. В настоящее время «прозрачность» молотковых торгов по земельным участкам есть, но является ли она удобной для каждого заинтересованного лица? Мы согласны с мнением М. П. Имековой и считаем, что электронные торги помогут, во-первых, собрать всю информацию (не только аукционную документацию, но и порядок проведения и др.), связанную с проведением аукционов по земле в одном месте, во-вторых, создание специализированной площадки по проведению таких торгов поможет упростить контроль за чистотой проведения аукционов по земле со стороны контролирующих органов, заинтересованных лиц, потенциальных участников и др.

На всех площадках действуют свои локальные нормативные акты в виде регламентов (регламент работы на электронной площадке, регламент системы электронных торгов, регламент применения электронной подписи в системе электронных торгов и др.), инструкции (инструкция по информационной безопасности для пользователей электронной площадки, инструкция для участников аукциона по работе на электронной площадке и др.) и иные документы (пользовательское соглашение, руководство участника торгов, руководство организатора торгов). На каждой электронной площадке разработан индивидуальный интерфейс со своими командами. Не для всех электронных площадок подходит электронная подпись, выдаваемая определенным удостоверяющим центром. Перечисленное многообразие усложняет техническую возможность участия в электронных аукционах граждан-непрофессионалов. Наличие одной-единственной электронной площадки, где будут осуществляться земельные электронные торги в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, разрешит описанную проблему и обеспечит техническое единообразие в электронных командах [6].

Также существенной проблемой молотковых торгов, в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, является затянутость самой процедуры аукциона. На практике процедура проведения аукциона требует привлечения большого числа лиц (комиссия по проведению аукциона), организационные моменты и пр. Проведение торгов в электронном виде значительно бы упростило и ускорило предоставление земельных участков, находящихся в муниципальной собственности. Отлаженная схема работы на электронной площадке может значительно сократить время по обработке всей информации касающейся каждой стадии торгов и исключило бы человеческий и коррупционный фактор.

Однако несмотря на все преимущества электронных торгов, из всего вышперечисленного вытекает один большой недостаток: станут ли электронные торги в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, доступными для всех желающих участвовать? Для работы на электронных площадках по торгам требуется наличие электронно-цифровой подписи, подача всех заявок в электронном виде и непосредственно само участие в электронных торгах. Следовательно, может возникнуть проблема для физиче-

ских и юридических лиц уже на этапе получения электронно-цифровой подписи. Для решения данной проблемы мы считаем необходимым отдельной нормой в законодательстве закрепить возможность участия в земельных электронных торгах через профессионального посредника (представителя, поверенного, доверенного лица, комиссионера, агента). Целесообразно прописать виды юридического посредничества, необходимость предоставления свидетельствующих об оказании посреднических услуг документов, подаваемых вместе с заявкой на участие в торгах [2]. Также для решения проблемы связанной с электронно-цифровой подписью мы предлагаем сделать возможным подавать заявку на участие в электронном аукционе физическим лицам через портал Госуслуги.ру. Данный портал самостоятельно проводить идентификацию и проверку всех граждан и максимально упрощает физическим лицам доступ к получению государственных и муниципальных услуг.

Проанализировав вышеизложенное, можно сделать следующий вывод, что вынесенный на рассмотрение проект №758964-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части проведения торгов по предоставлению земельных участков в электронной форме)» требует определенных доработок, а именно:

- включение дополнительного субъекта (оператор электронной площадки) в систему соответствующих процедурных отношений;
- разработки отдельной электронной площадки для проведения таких торгов, с систематизированной и актуализированной информацией, относящейся не только к предметам аукциона, но и порядку его проведения;
- внесение изменений в законодательство относительно «профессиональных посредников»;
- разработка возможности подачи заявки на участие в электронном аукционе физическим лицом через портал Госуслуги.ру.

Библиографический список

1. Значение торгов в процедуре предоставления государственных или муниципальных земельных участков / Имекова М. П. // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 12. С. 23–28.

2. Лунева Е. В. Агентский договор как правовое средство участия в электронных торгах по банкротству // Предпринимательское право. 2017. № 1. С. 57–63.

3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 23 и 32.1 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» (в части повышения открытости процессов приватизации государственного и муниципального имущества) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 758964-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.07.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : ред. от 31.12.2017 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Электронные торги по предоставлению земельных участков, находящихся в публичной собственности, как способ обеспечения рационального землепользования / Лунева Е. В. // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 120–134.

УДК 349.41

Суходоева Екатерина Андреевна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация

kates9327@yandex.ru

Практические проблемы аукционов на право заключения договора аренды и купли-продажи земельных участков, находящихся в муниципальной собственности

В современной юридической литературе большое внимание уделено положениям гражданского и земельного законодательства, касающегося предоставления через аукцион права на заключение договоров аренды и купли-продажи земельных участков, находящихся в муниципальной собственности. Однако это исключительно теоретические точки зрения на возникающие в процессе проведения данных аукционов проблемы. Мы считаем, что для того чтобы определить пути решения данных проблем, необходимо посмотреть на них с практической точки зрения.

Ключевые слова: аукцион, земля, торги, муниципальная собственность, организатор торгов, участник аукциона, заявка на участие, задаток, договор.

Sukhodoeva Ekaterina Andreyevna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Practical problems of auctions for the right to conclude municipal land lease and purchase agreement

In modern legal literature, a lot of attention is paid to the provisions of civil and land legislation regarding the granting of the right to conclude municipal land lease and purchase contracts via auction. However, these are exclusively theoretical points of view on the problems that arise in the process of holding these auctions. We believe that in order to define ways to solve these problems it is necessary to look at them from a practical point of view.

Keywords: *auction, land, tendering, municipal property, auction organizer, auction participant, application for participation, deposit, contract.*

Характерными признаками торгов являются публичность и состязательность. Под публичностью подразумевается «обращение к публике», то есть о проведении торгов извещается широкий круг лиц, что позволяет привлечь на торги максимальное число участников. Состязательность заключается в том, что победителем торгов станет тот участник, который предложит наиболее выгодную цену приобретения имущества либо лучшие условия, поэтому каждый из участников стремится, чтобы его предложение было наиболее выгодным.

Состязательность, как конститутивный признак торгов, находит прямое выражение в отдельных элементах установленного для торгов правового режима. Прежде всего, следует указать на количественный состав участников. Торги с одним участником не могут считаться состоявшимися (участников должно быть не менее двух). Стоит также отметить, что необходимой предпосылкой состязательности является равенство условий. Состязательность, применительно к торгам, предполагает соревнование на равных. Требование равенства участников торгов не исключает возможности предоставления некоторым категориям участников преимуществ при проведении торгов, однако это возможно только в строго определенных законом случаях и об этом должны быть поставлены в известность все лица, желающие участвовать в конкурсе. Именно состязательность и публичность, присущие торгам, позволяют реализовать имущество, выставленное на торги, на максимально выгодных для организатора торгов условиях. [1, с. 222].

В соответствии со ст. 39.2 Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ) решение о проведении торгов по продаже земельного участка или предоставлении права на заключение договора аренды земельного участка из государственной или муниципальной собственности принимает уполномоченный орган государственной исполнительной власти либо орган местного самоуправления.

Земельное законодательство предусматривают, что в случае принятия решения о проведении торгов организатор торгов должен опубликовать извещение о проведении торгов.

В соответствии с п. 19 ст. 39.11 ЗК РФ извещение о проведении аукциона размещается на официальном сайте Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов, определенном Правительством Российской Федерации, а именно torgi.gov.ru. Указанное извещение должно быть доступно для ознакомления всем заинтересованным лицам без взимания платы. Так же в соответствии с п. 20 указанной статьи организатор аукциона обеспечивает опубликование извещения о проведении аукциона в порядке, установленном для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов уставом поселения, городского округа, по месту нахождения земельного участка. Как правило это опубликование на официальном сайте организатора аукциона и в газете, которая относится к надлежащим средствам массовой информации. Публика-

ция должна быть сделана не менее чем за 30 дней до даты проведения торгов и содержать все сведения, указанные в п. 21 ст. 39.11 ЗК РФ.

При проведении торгов часто имеет место несоблюдение порядка опубликования и требований к содержанию извещения о торгах. Судебная практика, сложившаяся в отношении таких нарушений, весьма разнообразна. В частности, суды, как правило, признают торги недействительными в случае, если опубликование извещения осуществлено в ненадлежащих средствах массовой информации. Например, ФАС Московского округа в Постановлении по делу от 28 февраля 2008 г. № КГ-А41/1070-08 по делу № А41-К1-1591/07 указал, что публикация информационного сообщения о торгах в газете, которая не относится к местной периодической печати и не является специальным изданием, предназначенным для опубликования сведений о продаже объектов недвижимости, привела к ограничению числа участников аукциона, поскольку не обеспечила наибольшей степени доступности информации о проводимых торгах для лиц, потенциально заинтересованных в приобретении реализованного имущества, поэтому данные торги и заключенный по их итогам договор с победителем являются недействительными. [5, с. 110]

В соответствии с п. 6 ст. 39.12 ЗК РФ заявка на участие в аукционе, поступившая по истечении срока приема заявок, возвращается заявителю в день ее поступления. Весьма сложной представляется ситуация, когда заявка с предлагающимися документами направлена по почте до истечения срока приема заявок, однако к организатору торгов она поступила по окончании этого срока. [2] В соответствии с пунктом 2 ст. 194 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) письменные заявления и извещения, сданные в организацию связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, считаются сделанными в срок.

Если мы проанализируем судебную практику, касающуюся земельных торгов, то можем сделать вывод о том, что данное положение ГК РФ не находит применения. Так, например, в Постановлении ФАС Центрального округа от 28.01.2009 по делу от 28 января 2009 г. по делу № А14-2893/2008/104/10 рассматривается случай, когда заявка была направлена по почте до окончания срока приема заявок, но организатору торгов поступила уже после его истечения. Заявитель не был допущен для участия в торгах, обжаловал отказ в арбитражный суд, который отказал в удовлетворении требований о признании незаконным отказа в допуске к участию в торгах. Кассационный суд, признав решение арбитражного суда первой инстанции обоснованным, указал, что обязанность по своевременному представлению организатору торгов заявки на участие возлагается на юридических и физических лиц, намеревающихся принять участие в торгах (претендентов). Указанная обязанность распространяется на претендента вне зависимости от выбранного им способа представления такой заявки – лично или через своего представителя (в том числе посредством услуг почтовой связи). [3] Таким образом, потенциальным участникам аукционов необходимо направлять заявки по почте с таким расчетом, чтобы они поступили к организатору до окончания срока приема, соответственно они самостоятельно несут от-

ветственность за своевременное поступление своей заявки к организатору аукциона.

Решение о признании претендентов участниками торгов или об отказе в допуске претендентов к участию в торгах оформляется протоколом. В протоколе приводится перечень принятых заявок с указанием имен (наименований) претендентов, перечень отозванных заявок, имена (наименования) претендентов, признанных участниками торгов, а также имена (наименования) претендентов, которым было отказано в допуске к участию в торгах с указанием оснований отказа. В соответствии с п. 10 ст. 39.12 ЗК РФ заявителям, признанным участниками аукциона, и заявителям, не допущенным к участию в аукционе, организатор аукциона направляет уведомления о принятых в отношении них решениях не позднее дня, следующего после дня подписания протокола. Однако на практике у организаторов аукциона часто возникают технические проблемы при уведомлении участников, связанные с неточным указанием в заявках телефонных номеров, адресов электронной почты и почтового адреса местонахождения лица. К тому же, сжатые сроки не всегда позволяют надлежащим образом уведомить участников аукциона о допуске к участию. Решением данной проблемы могло бы стать внесение изменений в п. 10 ст. 39.12 ЗК РФ, в части признания размещения протокола рассмотрения заявок на официальных электронных ресурсах и самостоятельного ознакомление с ним лиц, подавших заявки на участие. В связи с тем, что в информационном сообщении о торгах указывается конкретная дата рассмотрения заявок и размещения протокола рассмотрения этих заявок, такое самостоятельно «уведомление» видится возможным.

В соответствии с п. 25 ст. 39.12 ЗК РФ, если договор купли-продажи или аренды земельного участка, в течение тридцати дней со дня направления победителю аукциона проектов указанных договоров не были им подписаны и представлены в уполномоченный орган, организатор аукциона предлагает заключить указанные договоры иному участнику аукциона, который сделал предпоследнее предложение о цене предмета аукциона, по цене, предложенной победителем аукциона. На практике организаторы аукциона часто сталкиваются с тем, что, предложив иному участнику аукциона, который сделал предпоследнее предложение о цене предмета аукциона заключить договор по цене предложенной победителем, такой участник как правило отказывается по причине того, что цена, предложенная победителем аукциона для него высока и уже на этапе торгов, оказалась для него не приемлема. Следовательно, в соответствии с п. 26 вышеуказанной статьи аукцион объявляется повторно, что приводит к излишней бумажной волоките и нецелесообразному использованию времени.

В соответствии с п. 97 «Правил проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества» [4], в случае если победитель конкурса признан уклонившимся от заключения договора, организатор конкурса обязан заключить договор

с участником конкурса, заявке на участие, в конкурсе которого присвоен второй номер. Организатор конкурса в течение трех рабочих дней с даты подписания протокола об отказе от заключения договора передает участнику конкурса, заявке на участие в конкурсе которого присвоен второй номер, один экземпляр протокола и проект договора, который составляется путем включения условий исполнения договора, предложенных участником конкурса, заявке на участие в конкурсе которого присвоен второй номер, в заявку на участие в конкурсе, в проект договора, прилагаемый к конкурсной документации. Данная норма эффективно применяется на практике и таким образом, видится вполне логичным внести изменения в п. 25 ст. 39.12 ЗК РФ, в части возможности заключения договоров аренды и купли-продажи земельных участков с иным участником аукциона, который сделал предпоследнее предложение о цене предмета аукциона, по цене, предложенной этим участником.

Проанализировав вышеизложенное, можно сделать следующий вывод, что с практической точки зрения, выявленные проблемы возможно решить следующим образом:

1) необходимо определить требования к печатному изданию, в котором публикуется извещение о проведении торгов;

2) законодательно закрепить, что заявители самостоятельно несут ответственность за своевременное поступление своей заявки к организатору аукциона;

3) внести изменения в п. 10 ст. 39.12 ЗК РФ, в части признания размещения протокола рассмотрения заявок на официальных электронных ресурсах и самостоятельного ознакомление с ним лиц, подавших заявки на участие как официальное уведомление, о том что они признаны участниками аукциона или не допущены к участию;

4) внести изменения в п. 25 ст. 39.12 ЗК РФ, в части возможности заключения договоров аренды и купли-продажи земельных участков с иным участником аукциона, который сделал предпоследнее предложение о цене предмета аукциона, по цене, предложенной этим участником.

Библиографический список

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М. : Статут, 1999. С. 222.

2. Постановление ФАС Московского округа от 28 февраля 2008 г. № КГ-А41/1070-08 по делу № А41-К1-1591/07 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление ФАС Центрального округа от 28 января 2009 г. по делу № А14-2893/2008/104/10 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ ФАС России от 10.02.2010 № 67 (ред. от 11.07.2018) «О порядке проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, и перечне видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса» (вместе с «Правилами проведения

конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества») : зарегистрировано в Минюсте России 11.02.2010 № 16386.

5. Сухадольский В. А. Тендеры. Вопросы и ответы. М. : Вершина, 2004. С. 110.

УДК 347.91/.95

Сухорученко Владислав Георгиевич,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

vladislav.vlad-kirov@yandex.ru

Зонов Лев Олегович,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

royske@bk.ru

Бармина Ольга Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, Волго-Вятский институт (филиал)

университета им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

К вопросу о досудебном урегулировании спора в арбитражном процессе

В статье рассматривается институт досудебного урегулирования споров в претензионном порядке в арбитражном процессе и ряд его проблем. Авторы выделяют проблему содержания претензии, а также поднимают вопрос касательно наличия описи вложения. Рассматривается также проблема способа направления претензии. Проблемы претензионного порядка являются актуальными в связи с неоднозначностью принятия решения судом по данному вопросу. Базовый тезис связан с тем, что стороне, которой необходимо соблюсти претензионный порядок, не даны четкие критерии того, как и в каком виде необходимо направить претензию.

Ключевые слова: претензия, претензионный порядок, досудебное урегулирование споров, проблемы претензионного порядка.

Suhoruchenko Vladislav Georgievich,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,

Kirov, Russian Federation

Zonov Lev Olegovich

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Barmina Olga Nikolaevna,

candidate of law, associate Professor, Volga-Vyatka Institute (branch) University named after O. E. Kutafin,
Kirov, Russian Federation

On the issue of pre-trial settlement of a dispute in the arbitration process

The article discusses the institution of pre-trial settlement of disputes in a claims procedure in the arbitration process and a number of its problems. The authors highlight the problem of the content of the claim, and also raise the question regarding the availability of an inventory of the attachment. Also considered is the problem of the method of filing a claim. The problems of the claim procedure are relevant in connection with the ambiguity of the decision of the court on this issue. The basic thesis is that the party that needs to comply with the claim procedure is not given clear criteria for how and in what form it is necessary to send a claim.

Keywords: claim, claims procedure, pre-trial settlement of disputes, claims claims.

Урегулирование споров в досудебном порядке в арбитражном процессе в настоящее время является важным институтом, но от этого не менее проблематичным в применении его на практике.

Цель настоящей статьи состоит в исследовании проблем содержания претензии, наличия описи вложения и способа направления ее контрагенту, связанных с применением положений ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса [1] (далее – АПК).

Согласно ч. 5 ст. 4 АПК РФ, споры о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других, сделок, вследствие неосновательного обогащения, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные срок и (или) порядок не установлены законом или договором.

Анализируя указанную статью, мы понимаем, что прежде, чем обращаться в арбитражный суд необходимо соблюсти претензионный порядок и после того, как истекнут 30 дней, если спор не был урегулирован, Истец имеет право на то, чтобы спор был рассмотрен в суде. Но в ч. 5 ст. 4 АПК не дается перечень требований по форме претензии, ее содержанию, способу направления. И на этом этапе возникают ряд сложностей соблюдения вышеуказанной статьи, чтобы у суда не было оснований вернуть иск по пп. 5 ч. 1 ст. 129 АПК. Считается, что претензия может быть отправлена заказным или ценным письмом с описью вложения, по телеграфу, факсу, а также с использованием средств электронной связи.

По общему правилу при отсутствии в заключенном между сторонами договоре условий о способе отправки претензии последняя направляется почтовым отправлением по адресу, указанному в Едином государственном реестре юридических лиц.

Заслуживает внимания тот факт, что среди судов нет единого мнения относительно того, является ли направление претензии почтовым отправлением без описи вложения достаточным для признания досудебного порядка урегулирования спора надлежаще соблюденным.

В одних случаях, суды пришли к выводу, что отсутствие описи вложений не имеет правового значения, поскольку ни действующим законодательством, ни договором обязанность по направлению претензии именно с описью вложения не предусмотрена.

В других случаях, отсутствие описи вложений рассматривается судами как несоблюдение обязательного претензионного порядка, вследствие чего исковое заявление подлежит оставлению без рассмотрения.

В случае отсутствия описи вложения, суды считают, что такое доказательство не является надлежащим, ссылаясь на пп. 7 п. 1 ст. 126 АПК РФ, поскольку из квитанции не представляется возможным определить, какие именно документы были направлены истцом ответчику. (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.12.2016 по делу № А40-141599/16 [5], Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2017 по делу № А40-197709/15 [6]).

Напротив, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 09 февраля 2017 г. № Ф05-1104/2017 по делу № А41-59746/16 [4] суд установил, что представление описи вложения нормами АПК РФ не предусмотрено.

Целесообразно задуматься о важности того, каким способом будет направлена претензия: в форме почтового отправления или по электронной почте, и как это отразится на рассмотрении судом вопроса о принятии искового заявления.

Так, Арбитражный суд г. Москвы Определением от 17.02.2017 по делу № А40-7553/17 [3] оставил исковое заявление без рассмотрения, не признав претензию, направленную по электронной почте надлежащим доказательством соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования спора.

В данном случае суд исходил из того, что претензию необходимо направлять почтовым отправлением либо курьерской доставкой.

Однако в судебной практике нашла отражение точка зрения, что имеет место применение электронной почты для соблюдения досудебного урегулирования спора.

Постановлением Шестого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2016 № 06АП-5018/2016 по делу № А73-6790/2016 [8] было отказано в удовлетворении апелляционной жалобы. В апелляционной жалобе Ответчик ссылался на то, что Истцом не был соблюден досудебный порядок урегулирования спора, а также, что договором не была предусмотрена возможность направления претензии по электронной почте.

При этом не имеет значения, согласовали ли стороны такой способ направления претензии в договоре. Отсутствие между сторонами соглашения об обмене электронными документами не является нарушением требований закона, поскольку положения ст. ст. 160, 434 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) допускают возможность использования в гражданском обороте документов, полученных посредством электронной связи.

Следовательно, в соответствии с ч. 3 ст. 64 АПК РФ, доказательства направления претензии в электронном виде по электронной почте можно считать допустимыми.

Касаемо содержательной части претензии можно сказать, что из содержания претензии должны четко следовать суть и обоснование претензионных требований (обстоятельств, на которых основываются требования), цена и расчет этой цены с указанием обоснования примененных расценок и объемов.

Согласно п. 1 ст. 330 ГК РФ, неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков.

В таком случае, если в силу п. 5 ст. 4 АПК РФ Истцом в адрес Ответчика была направлена претензия заказным письмом с уведомлением с требованием в добровольном порядке произвести оплату образовавшейся задолженности, которая получена ответчиком и на которую ответ предоставлен не был, то в данном случае Ответчик обязан указать свои требования в части неустойки.

В противном случае при подаче искового заявления в суд и последующем рассмотрении дела суд может оставить требование в части взыскания неустойки без рассмотрения.

Обязательное соблюдение неустойки необходимо потому, что это требование является договорным условием. В случае же, если неустойка предусмотрена законом, то требование о ее взыскании в претензии может и отсутствовать.

Так, по аналогии данный вопрос решен в п. 43 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 г. № 7 [7], согласно которому если кредитором соблюден претензионный порядок в отношении суммы основного долга, считается соблюденным и претензионный порядок в отношении процентов, взыскиваемых на основании статьи 395 ГК РФ.

Таким образом, вопрос о том, каково должно быть содержание претензии, каким образом она была направлена и необходимо ли наличие описи вложения при почтовом отправлении, остается дискуссионным, поскольку судебная практика не дает нам однозначного ответа. В связи с этим полагаем необходимым разработать Верховному суду РФ позицию в целях достижения единообразия названных в данной статье вопросов (с учетом современных способов доставки корреспонденции, в том числе в электронном виде). Как представляется, это позволит упорядочить эту сферу процессуальных отношений.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 12.11.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 01.12.2019).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.12.2019).
3. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 17.02.2017 по делу № А40-7553/17. URL: <http://www.msk.arbitr.ru> (дата обращения: 01.12.2019).
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09 февраля 2017 г. № Ф05-1104/2017 по делу № А41-59746/16. URL: <http://www.msk.arbitr.ru> (дата обращения: 01.12.2019).
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.12.2016 по делу № А40-141599/16. URL: <http://9aas.arbitr.ru> (дата обращения: 01.12.2019).
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2017 по делу № А40-197709/15. URL: <http://9aas.arbitr.ru> (дата обращения: 01.12.2019).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 г. № 7. URL: http://www.supcourt.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2019 (дата обращения: 01.12.2019).
8. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2016 № 06АП-5018/2016 по делу № А73-6790/2016. URL: <http://6aas.arbitr.ru> (дата обращения: 01.12.2019).

УДК 347.2/3

Темникова Елена Сергеевна,

студент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

lena.temnikova.1999@bk.ru

Вопросы распоряжения органами и тканями человека

В статье рассматриваются вопросы реализации положений Закона о «презумпции согласи» на изъятие органов и (или) тканей человека после его смерти. К сожалению, число спорных случаев изъятия и распоряжения органами и тканями человека увеличивается с каждым годом, что подтверждает актуальность исследования. В работе предлагается совершенствование нормативной базы, регламентирующей правоотношения в рассматриваемой сфере правоотношений с учетом всех положений специализированного законода-

тельства, а также судебной практики, что позволит максимально соблюсти баланс интересов общества и государства, предусмотреть все возможные со стороны заинтересованных лиц злоупотребления правами, а также пресечь в будущем факты произвольного толкования законодательства и иные последствия.

Ключевые слова: изъятие органов, трансплантация органов, распоряжение органами, трансплантация.

Temnikova Elena Sergeevna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Issues of disposal of human organs and tissues

The article deals with the implementation of the provisions of the Law on the “presumption of consent” for the removal of organs and (or) tissues of a person after his death. Unfortunately, the number of disputed cases of removal and disposal of human organs and tissues increases every year, which confirms the relevance of the study. In the work, it is proposed to improve the regulatory framework regulating legal relations in this sphere of legal relations subject to all the provisions of the specialized legislation and case law, allowing to observe balance of interests of society and the state, to provide all possible with stakeholders, the abuse of rights, and prevent future instances of arbitrary interpretations of law and other consequences.

Keywords: organ removal, organ transplantation, organ disposal, transplantation.

Следует подчеркнуть, что возможность распоряжаться органами и тканями человека на сегодняшний день приобретает существенное значение, в первую очередь для защиты прав пациента [1, с. 8]. Так, Федеральный закон от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее по тексту – Закон о трансплантации) регулирует общественные отношения, связанные с трансплантацией органов и (или) тканей человека [6]. Обратим внимание на ст. 8 Закона о трансплантации, где закреплена «презумпция согласия» на изъятие органов и (или) тканей человека после его смерти. Отметим, что Конституционный суд признал «презумпцию согласия» законной [2].

Необходимо подчеркнуть, что данное положение не коррелирует с п. 1 ст. 5 Федерального закона от 12.01.1996 г. № 8 «О погребении и похоронном деле» (далее по тексту – Закон о погребении), где рассматривается выражение согласия или несогласия на изъятие органов и тканей человека [7]. Следует отметить, что это, прежде всего, противоречит, закрепленной в Законе о трансплантации «презумпции согласия» на изъятие органов. Сущность вышеизложенного сводится к тому, что положения, содержащиеся в п.1 ст. 5 Закона о погребении и ст. 8 Закона о трансплантации, содержат кардинально отличающиеся

ся положения об одном и том же объекте. На наш взгляд, законодателю необходимо решить проблему двойственности.

Большинство граждан не знают о существующей «презумпции согласия», что на наш взгляд, свидетельствует о низком уровне правовой грамотности населения. В качестве иллюстрации вышесказанного приведем результаты анонимного социологического опроса, проведенного в одной из социальных сетей в рамках исследования данного вопроса. В результате опроса 768 человек были получены следующие результаты: 65 % респондентов вообще не знают о «презумпции согласия»; 60 % респондентов оформили бы согласие на изъятие собственных органов и тканей после смерти; 88% респондентов ответили, что законодательство в сфере трансплантации органов и тканей человека требует реформирования [4].

Для решения противоречий, которые существуют на сегодняшний день в законодательстве, считаем необходимым предложить следующие варианты:

Во-первых, нужно закрепить на законодательном уровне систему «испрошенного согласия», которая на наш взгляд, является наиболее эффективной. Для этого необходимо исключить из Закона о трансплантации «презумпцию согласия» на изъятие органов и (или) тканей человека после смерти, а Определение Конституционного суда от 04.12.2003 г. № 459-О признать утратившим силу.

Во-вторых, закрепить на законодательном уровне возможность официально зафиксировать волеизъявление человека относительно изъятия органов и тканей. На наш взгляд, это можно решить с помощью создания единого национального автоматизированного реестра волеизъявления граждан.

Следует постепенно устранять противоречия, существующие в законодательстве.

Статья 8 Закона о трансплантации, регламентирует изъятие органов и тканей человека в благих целях – донорства. Нельзя исключать преступные цели использования. Такой случай произошел со студенткой московского вуза Алиной Саблиной. Из тела Алины было изъято семь органов. Опираясь на презумпцию согласия, которая закреплена в ст. 8 Закона о трансплантации, Определении Конституционного суда Российской Федерации врачи и сотрудники Министерства здравоохранения РФ не дали родителям Алины четких ответов [3].

Похожий случай произошел по делу Павла Мардаря из тела, которого были изъяты органы [5]. Следует отметить, что приведенных выше случаях, суд ссылается на определение Конституционного суда от 4 декабря 2003 г. № 459-О отмечает, что «презумпция согласия» Конституции не нарушает».

Подобная судебная практика, на наш взгляд, подтверждает существование криминальной трансплантации органов и тканей.

Изъятие органов и тканей человека нельзя квалифицировать ни по одной статье Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ). По пункту «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицировать деяние нельзя, так как речь

идет уже об изъятии у мертвого человека. Если допустить мысль о привлечении по ст. 244 УК РФ, то сотрудникам правоохранительных органов нужно совершить юридическое чудо и доказать, что действия могут быть квалифицированы по данной норме. В любом случае применение ст. 244 УК РФ не будет иметь никакой превентивной силы на практике. Ввиду изложенного считаем необходимым ввести в УК РФ норму об ответственности за незаконное изъятие органов и (или) тканей человека у живого или мертвого донора в криминальных целях.

В качестве заключения необходимо сказать о том, что если не провести реформу медицинского законодательства в виде введения уголовной ответственности за изъятие органов и (или) тканей человека в преступных целях, а так же, не пересмотреть существующую «презумпцию согласия» на посмертное изъятие органов и (или) тканей человека, то наша страна останется легальным поставщиком донорских органов для черного рынка.

Библиографический список

1. Бурков А. Л. Априори все мы доноры // ЭЖ-Юрист. 2014. № 47. С. 8
2. Определение Конституционного суда от 4 декабря 2003г. № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-04122003-n-459-o-ob/> (дата обращения: 13.04.2020).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 №N 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 17.03.2020).
4. Социологический опрос трансплантация органов и тканей человека // Вконтакте. URL: https://vk.com/im?peers=c48_112205891_515801730_c50_136868953 (дата обращения: 15.04.2020).
5. Изъятые органы оставили без движения // Газета коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3888826>.
6. Федеральный закон от 22.декабря.1992 г. № 4180-1 ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (в ред. от 23.02.2016) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.04.2020).
7. Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 8 ФЗ «О погребении и похоронном деле» (в ред. от 01.10.2019) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.04.2020).

Шарофост Наталья Александровна,
студент, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
sharofost.natali@mail.ru

Гражданско-правовая ответственность медицинских работников

В данной статье рассмотрены особенности гражданско-правовой ответственности медицинских работников: отдельные проблемные аспекты в теории и практике российского здравоохранения, а также рассмотрены основания для привлечения к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный медицинскими работниками.

Ключевые слова: медицинская деятельность, гражданско-правовая ответственность, здравоохранение, медицинские работники, пациент.

Sharofost Natalia Alexandrovna,
student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Civil liability of medical workers

This article discusses the features of civil liability of medical workers: some problematic aspects in the theory and practice of Russian health care, as well as the grounds for bringing to civil liability for harm caused by medical workers.

Keywords: medical activity, civil liability, healthcare, medical workers, patient.

На сегодняшний день медицинская деятельность – это наиболее сложный процесс, так как именно он связан с использованием препаратов и специального медицинского оборудования. Все препараты и предметы, которые связаны с медициной являются источниками, представляющими наиболее повышенную опасность. Следует отметить то, что законодатель четко не определяет, является ли медицинская деятельность и ее предметы угрожающими для жизни человека.

Ежедневно при оказании медицинской помощи лечебные учреждения сталкиваются с большим количеством претензий пациентов, которые касаются некачественного платного лечения, при этом часть таких жалоб закономерно переходят в область судебного разбирательства. Следовательно, проблема охраны здоровья граждан в России является одной из наиболее важных задач государства. Соответственно в ст. 41 Конституции Российской Федерации закреплена следующая норма: каждому гарантируется право на охрану здоровья и медицинскую помощь [3]. Но следует отметить, что в каждом случае здоровье граждан зависит именно от квалифицированности медицинских работников, поэтому законодательством также регламентируется профессиональная дея-

тельность по оказанию медицинской помощи. Основным законодательным актом, который был принят в 1993 году, является «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан». Однако, несмотря на четкое регулирование, вопрос гражданско-правовой ответственности остается открытым и с каждым годом он обостряется. Это обусловлено, прежде всего, тем, что существует большое количество пробелов в законодательстве, отсутствие единой судебной практики и неопределенность в правовом регулировании гражданской ответственности медицинских работников.

Для начала следует отметить, что гражданско-правовая ответственность – это один из видов юридической ответственности, т. е. ее наступление связано с возникновением какого-либо неблагоприятного последствия из-за виновных действий (бездействий). В гражданском праве она подразделяется на договорную и внедоговорную. В медицинской деятельности такая ответственность называется деликтной – ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью в результате вмешательства медицинского работника.

В таких взаимоотношениях как «медицинское учреждение – пациент» ответственность всегда односторонняя, возникающая у медицинского учреждения и представляющая собой изначальную обязанность воздержаться от нарушения прав пациента (права на охрану здоровья, права на жизнь, права на личную неприкосновенность) [1, с. 30–34].

Нормы, регламентирующие ответственность медицинских работников, собраны в отдельную главу 59 Гражданского кодекса Российской Федерации – «Обязательства вследствие причинения вреда» [2]. Согласно ст. 1064 ГК РФ, вред, причиненный личности гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, если это лицо не докажет, что вред возник не по его вине. Норма, содержащаяся в ст. 1068 ГК РФ является более специализированной, она гласит, что на юридическое лицо ответственность возлагается, в том случае, если его работником был причинен вред при исполнении трудовых обязанностей. По имеющейся на сегодняшний день практике ответственность за вред, причиненный здоровью пациента, несет перед ним медицинское учреждение. Оно будет признано виновным, если будет установлена вина его работников, которая выражается в ненадлежащем выполнении своих служебных обязанностей по оказании медицинской помощи. Согласно ст. 1081 ГК РФ то медицинское учреждение, которое возместило вред пациенту, имеет право регресса (обратного требования) к своим виновным работникам при установлении вины конкретных работников.

Следует отметить еще один немаловажный факт – специфика медицинской деятельности. В современных медицинских учреждениях используются такие препараты и оборудование, которые являются источниками повышенной опасности: электрические, рентгеновские и лазерные установки; сильнодействующие лекарственные препараты и т. д. В данном случае, медицинское учреждение, которое работает с такими предметами и оборудованием, причинив вред здоровью пациента, будет нести ответственность согласно ст. 1079 ГК РФ.

Главным вопросом в каждом из случаев является – несет медицинский работник ответственность или нет. К условиям наступления гражданско-правовой ответственности относятся:

- наличие вреда у потерпевшего, который выражен в моральной или материальной форме;
- причинная связь;
- противоправный характер поведения;
- вина того, кто причинил вред.

Итак, обобщив вышеизложенное, следует отметить, что наличие вреда – это обязательное основание гражданско-правовой ответственности. При его отсутствии вопрос о гражданско-правовой ответственности возникнуть не может.

Возникает большое количество вопросов при урегулировании таких ситуаций, когда врачебная ошибка налицо. Ю. В. Максимова считает медицинской ошибкой один из видов профессиональной ошибки, сочетающей в себе неправильные (ошибочные) действия, которые совершаются медицинскими работниками в процессе оказания медицинских услуг [4]. По мнению данного автора, гражданско-правовая ответственность будет отсутствовать, если ошибка была, но опасных последствий в виде причиненного вреда здоровью не наступило. В этом случае о медицинской ошибке речь не идет, субъект, который причинил вред, понесет ответственность, но она наступит уже по общему правилу (виновные действия). Автор считает, что лицо, которое совершило медицинскую ошибку, действовало невиновно, т. е. данное обстоятельство должно исключать гражданско-правовую ответственность.

Данный вопрос по-прежнему продолжает оставаться острым и дискуссионным как в современной науке, так и на практике. Нижеприведенная статистика правонарушений в сфере оказания медицинских услуг свидетельствует о его нерешенности. По данным Следственного Комитета РФ, за последние годы количество заявлений с жалобами на врачей растет. В данное число жалоб составляет большое количество уголовных дел в отношении медицинских работников. Так, за 2017 год в России зафиксировано 6050 заявлений, из них 1790 составили уголовные дела, что в сравнении с 2016 годом выросло более чем в 2 раза [5].

Таким образом, в настоящее время отношения по оказанию медицинских услуг нуждаются в последовательной регламентации. Эксперты считают необходимым ввести обязательное страхование профессиональной ответственности медицинских работников. Страхование является наиболее универсальным и надежным экономическим возмещением убытков, когда ответственность за возникающие риски медицинского учреждения за определенную плату берет на себя страховая компания.

Библиографический список

1. Александрова О. Ю., Габуева Л. А. О концептуальных вопросах развития обязательного медицинского страхования // Экономика здравоохранения. 2006. № 1. С. 30–34.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 14-ФЗ от 26 января 1996 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 03.12.2019).
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.12.2019).

4. Максимова Ю.В. Медицинская ошибка как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-oshibka-kak-osnovanie-osvobozhdeniya-ot-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti/viewer> (дата обращения: 03.12.2019).

5. Статистические и информационные материалы. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/> (дата обращения: 03.12.2019).

УДК 347.775

Чашников Михаил Алексеевич,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

mihailchashnikov@mail.ru

Игнатов Алексей Александрович,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

aleksey1998ignatov@gmail.com

К вопросу о правовой охране коммерческой тайны

В статье рассматриваются особенности правовой охраны коммерческой тайны и секрета производства. Проанализированы нормы различных отраслей российского права в части привлечения к юридической ответственности за нарушение режима конфиденциальности информации. Выявлены некоторые проблемы правового регулирования в этой сфере. В качестве рекомендации предложено более детально урегулировать установление режима конфиденциальности сведений, составляющих секреты производства, без их привязки к коммерческой тайне.

Ключевые слова: коммерческая тайна, секрет производства, конфиденциальность, юридическая ответственность, правовая охрана.

Chashnikov Mikhail Alekseevich,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Ignatov Alexey Alexandrovich,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

On the issue of legal protection of trade secrets

The article deals with the features of legal protection of trade secrets and secrets of production. The norms of various branches of Russian law are analyzed in part of bringing to legal responsibility for violation of confidentiality of information. Some problems of legal regulation in this sphere are revealed. As a recommendation, it is proposed to regulate in more detail the establishment of a regime of confidentiality of information constituting secrets of production, without their binding to trade secrets.

Keywords: *trade secret, secret of production, confidentiality, legal responsibility, legal protection.*

В российской юридической практике под понятиями «коммерческая тайна» и «секрет производства» понимаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны [10, с. 2].

Говоря проще, коммерческая тайна – это обладающая новизной информация, известная только ограниченному кругу лиц, имеющая практическую значимость, способная принести ввиду своей практической ценности своему владельцу экономические выгоды, и в отношении которой обладателем приняты меры по обеспечению ее секретности. Защищенность от раскрытия и ограниченная известность являются условиями существования коммерческой тайны, а ее обладателем становится не только лицо, первым предложившее нечто новое и полезное, но и все другие лица, которым предоставлено право ее использования в трудовой деятельности с его согласия.

Э.П. Гаврилов, анализируя состояние охраны и защиты коммерческой тайны в своей статье, вполне правомерно считает, что такое понятие как «правовая защита», является частью более широкого понятия, каким является «правовая охрана» [5, с. 11]. В частности, под правовой охраной в юридической практике понимают установление общего правового режима, в пределах которого охраняются права, а под правовой защитой – меры, которые принимаются в случаях, когда эти права нарушены или оспорены, причем такая защита может осуществляться по инициативе государства нормами публичного права (суд, прокуратура, финансовые, налоговые, таможенные и другие органы), либо частного права по инициативе обладателя права [7, № 7, с. 17].

В соответствии со статьей 1466 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ, ГК) обладатель секрета производства имеет на него исключительное право.

В то же время, согласно Э.П. Гаврилову, поскольку секрет производства неизвестен неопределенному количеству третьих лиц, он не может выступать для них в качестве объекта правовых отношений, ибо такие отношения в гражданском праве возникают лишь при известности объекта охраны [6, с. 5]. Другими словами, право на коммерческую тайну не может быть нарушено неопре-

деленным кругом лиц, поскольку она им неизвестна. Если же третьи лица сами добыли законным путем коммерческую тайну, то в этом случае против них не действует никакое исключительное право.

Это означает, что право на коммерческую тайну носит не исключительный, а относительный характер и может быть нарушено одним или несколькими определенными лицами, которые состоят в правоотношении с обладателем коммерческой тайны. Что же касается исключительного права, оно защищает его владельца при отсутствии каких-либо правоотношений между владельцем и нарушителем. Секрет производства и объект исключительных прав объединяет лишь их общая нематериальная природа, которой недостаточно для отнесения секрета производства к объектам исключительных прав. В связи с этим провозглашение законодателем исключительного права на секрет производства является серьезной правовой ошибкой [5, с. 18].

В российской юридической практике для привлечения к ответственности лиц, виновных в разглашении коммерческой тайны, а также для принуждения лицензиата к оплате полученных конфиденциальных сведений, крайне важно соблюдение формальностей, в частности проставления на материальных носителях информации грифа «коммерческая тайна» с указанием ее обладателя, поскольку отсутствие такого грифа будет истолковываться судом как отсутствие и самой коммерческой тайны [9, с. 5].

Кроме того, должна быть произведена оценка стоимости коммерческой тайны, в основу которой может быть положена рыночная цена сделок по передаче подобной информации, либо затраты, понесенные владельцем коммерческой тайны в процессе создания секрета производства. При этом принимаемые для обеспечения секретности меры должны соответствовать уровню ценности коммерческой тайны.

При доказательствах вины в разглашении секретов производства в соответствии со статьей 1472 ГК РФ помимо расторжения трудового договора правонарушитель обязан понести гражданско-правовую ответственность, в частности возместить правообладателю убытки в полном объеме, включая упущенную выгоду.

Более мягкие меры ответственности за разглашение коммерческой тайны предусмотрены в ст. 238 Трудового Кодекса Российской Федерации [2] (далее – ТК РФ, ТК), в соответствии с которой «работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб. Неполученные доходы (упущенная выгода) взысканию с работника не подлежат». При этом возможна ограниченная (взыскание с виновника в соответствии с частью 1 ст. 238 ТК РФ суммы, не превышающей его месячный заработок) или полная материальная ответственность (взыскание в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 243 ТК РФ суммы в размере нанесенного ущерба без ограничений) в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О коммерческой тайне» [4] (далее – Закон о коммерческой тайне).

Разглашение коммерческой тайны приводит порой к резкому снижению рентабельности производства и увеличению доходов у схожих по роду деятельности конкурирующих фирм. Поэтому обладатели коммерческой тайны

просто обязаны предпринимать серьезные меры организационно-технического и правового характера, направленные на ее защиту. Однако самые, казалось бы, надежные меры не способны, как показывает практика, оградить сохранность секретов от человеческого фактора, за исключением, пожалуй, сложных технологий производства безалкогольных напитков Coca-Cola, Pepsi или передаваемой по наследству технологии изготовления венецианского стекла [11, с. 70].

Это обусловлено тем, что практические проблемы охраны коммерческой тайны решить намного труднее, чем правовые. Наибольшая опасность в разглашении коммерческой тайны исходит, прежде всего, от посвященных в ее суть работников самой компании и ненадежных контрагентов. Хорошо понимая это, законодатель предусмотрел в Законе о коммерческой тайне детальное регулирование гражданско-правовых и трудовых отношений работников с работодателем.

С целью воспрепятствования утечки коммерческой тайны рекомендуется заключать с работником гражданско-правовой договор о неразглашении. Желательность такого договора обусловлена тем, что это позволит снизить возможность разглашения им коммерческой тайны. При этом следует иметь в виду, что договор о неразглашении не будет иметь юридической силы, если к нему в качестве неотъемлемой части не будут приложены документы, в которых дано разъяснение о том, что является коммерческой тайной, как ее хранить, кто с ней и в каком порядке имеет право работать. В договоре о неразглашении обязательно должна быть ссылка на ст. 81 ТК РФ о расторжении трудового договора по инициативе работодателя в случае разглашения коммерческой тайны, а также ссылка на ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] (далее – УК РФ), предусматривающую лишение свободы на срок до 7 лет за повлекшее тяжкие последствия разглашение.

Что касается трудового права, то отвечать перед законом должен не только виновный работник, но и не состоящее в трудовых отношениях с работодателем лицо, получившее от работника сведения о коммерческой тайне. В частности, согласно ст. 1080 ГК РФ лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим лицом солидарно. Следовательно, в соответствии с нормами ст. 323 ГК РФ работодатель вправе требовать возмещения убытков от указанных лиц в полном объеме. Кроме того, согласно п. 3 ст. 11 Закона о коммерческой тайне работник после прекращения трудовых отношений обязан не только передать работодателю материальные носители информации, содержащие коммерческую тайну, но и продолжать соблюдать в отношении ее режим конфиденциальности в течение всего срока действия коммерческой тайны, в том числе не использовать ее в своих целях [8, с. 31].

Вместе с тем, как указывает Р.В. Речкин, несмотря на предусмотренную российским законодательством дисциплинарную, гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность за нарушение требований Закона о коммерческой тайне существуют объективные сложности доказывания – как самого факта разглашения коммерческой тайны, так и факта наступления каких-либо неблагоприятных последствий. Это связано с тем, что в большинстве случаев разглашение коммерческой тайны не причиняет ее обладателю пря-

мого и очевидного ущерба. Как правило, в этих случаях речь может идти лишь об упущенной выгоде, а она сложно доказуема даже в гражданско-правовых отношениях, а в трудовых отношениях вообще не подлежит взысканию с работника в силу прямого указания закона (ст. 238 ТК РФ). Эти обстоятельства делают крайне важным заключение с работником детально расписанного договора о неразглашении информации, в отношении которой установлен режим коммерческой тайны [12, с. 16].

Кроме того, создав такой режим, обладатель конфиденциальной информации должен сам заботиться о ее сохранении в тайне от других лиц. В случае нарушения режима коммерческой тайны кем-либо из работников организации обладателю коммерческой тайны необходимо еще доказать факт разглашения таких сведений именно этим работником.

Например, работник производственной организации в темное время суток провел на территорию этой организации представителя конкурирующей компании и показал весь производственный цикл или его часть. Если свидетели в данном случае отсутствуют и нет видеозаписей с камеры наблюдения, то факт раскрытия секрета производства доказать практически невозможно.

Аналогичная ситуация будет наблюдаться, если работник не показал, а рассказал о секрете производства либо передал информацию на флэше. В подобных случаях работодателю нужно либо устанавливать за своими работниками наружное наблюдение, либо прослушивать его телефонные переговоры, либо делать и то и другое одновременно, что, однако, является незаконным.

Исходя из этого, следует констатировать, что нормативная база в сфере охраны секретов производства нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходимо более детально урегулировать установление режима конфиденциальности сведений, составляющих секреты производства, в ГК РФ без их привязки к коммерческой тайне.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть четвертая (в ред. от 18 июля 2019 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации (в ред. от 18 ноября 2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 4 ноября 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
4. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (в ред. от 18 апреля 2018 г.) «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. 2004. № 32. ст. 3283.
5. Гаврилов Э.П. Защита частным правом секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Патенты и лицензии. 2015. № 4. С. 10–19.
6. Гаврилов Э. К вопросу об охране коммерческой, служебной и личной тайны. Гражданско-правовые аспекты // Хозяйство и право. 2003. № 5.
7. Галифанов Р.Г., Карлиев Р.А., Галифанов Г.Г. О секретных изобретениях и коммерческой тайне // ИС. Промышленная собственность. 2018. № 6. С. 35–44; № 7. С. 15–30.

8. Городов О. А. Незаконные действия с конфиденциальной информацией как акты недобросовестной конкуренции // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 1. С. 29–35.

9. Лопатин В. Н. Правовая охрана и защита служебной тайны // Государство и право. 2000. № 6. С. 85–91.

10. Матюкова О. С. «Ноу-Хау как объект правовой охраны» // Ученые записки Тамбовского отделения РосМУ. Право. 2018. С. 109–112.

11. Полонская И. Защита коммерческих секретов в Соединенных Штатах Америки // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2016. № 4. С. 68–71.

12. Речкин Р. В. Как обеспечить сохранность коммерческой тайны. Практические рекомендации по защите коммерческой тайны при ведении бизнеса URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/kak_obespechit_sohrannost_kommercheskoj_tayny/ (дата обращения: 12.10.2019 г.).

УДК 347

Чупров Влад Анатольевич,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

www.vliatelen@mail.ru

Принцип эстоппель в российском праве

В работе исследуются проблемы применения общепризнанного принципа эстоппель в материальном и процессуальном праве России. Определяются истоки зарождения данного правового института в мире и начало применения его в российской правовой действительности. Анализируются различные судебные акты по проблеме исследования и высказываются выводы. Дается определение принципу эстоппель, выделяются позитивные моменты такого механизма в судебной практике, препятствующего недобросовестному поведению сторон, а также ограничение злоупотребления своими правами в процессуальных отношениях, нарушающее права противной стороны в конкретном деле.

Ключевые слова: эстоппель, принцип добросовестности, злоупотребление правом, механизм защиты.

Chuprov Vlad Anatolevich,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,

Kirov, Russian Federation

The estoppel principle in Russian law

The paper investigates the problems of applying the universally recognized principle of estoppel in the substantive and procedural law of Russia. The sources of the origin of this legal institution in the world and the beginning of its application in Russian legal reality are determined. Various judicial acts on the research problem are analyzed and conclusions are made. The definition of the estoppel principle is given, the positive aspects of such a mechanism in judicial practice, which impedes the dishonest behavior of the parties, as well as the restriction of abuse of their rights in procedural relations, violating the rights of the opposing party in a particular case, are highlighted.

Keywords: *estoppel, principle of good faith, abuse of law, protection mechanism.*

С относительно недавнего времени российской правовой науке и практике стал известен такой общепризнанный принцип международного права, как «эстоппель». Исторически исследуемый принцип сложился еще в XVI веке в рамках англосаксонской правовой системы. Estoppel в переводе с английского означает лишать права возражения. Так, в то время эстоппель представлял собой комплексный регуляторный механизм, созданный судами справедливости, позволяющий исправлять несправедливость, которую может породить формализм общего права (common law) [7, с. 345].

В XVII веке английский правовед Эдвард Кок, основываясь на сложившейся судебной практике, определил несколько видов эстоппеля [7, с. 346], однако впоследствии изыскания ученого не нашли должного признания другими правоведом. Тем не менее, основные элементы эстоппеля, сформированные в английском праве, были полностью восприняты международным правом, возвысившим эстоппель до нормы-принципа. В международном праве правило эстоппеля понимается, как запрет высказываться в противоречие своему собственному слову или поступку, когда исходя из поведения одной из сторон другая может прийти к выводу, что спор окончен [3, с. 73]. Так, институт эстоппеля выполняет защитную функцию, так как не допускает отказ от обещания воздержаться от использования права, но в то же время не предоставляет возможность требовать исполнения этого обещания.

Впервые принцип эстоппеля в России был сформулирован в судебной практике. Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 22.03.2011 № 13903/10 впервые закрепил возможность применения принципа эстоппель [5]. Впоследствии правовая позиция ВАС РФ, легла в основу формирования российской судебной практики по применению правила эстоппель, развитие которой привело к появлению в 2013 году в российском законодательстве нового принципа – эстоппель.

Однако прямых указаний на принцип эстоппель в законодательстве не закреплено, его смысл можно определить исходя из системного толкования положений п. 5 ст. 166, п. 3 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2].

Особо следует отметить, что эта новация, явилась продолжением принципа добросовестности. Это обусловлено тем, что как в ст. 166 ГК РФ, так

и ст. 432 ГК РФ имеется отсылка к общим принципам гражданского права. Действительно, согласно рассматриваемым положениям ГК РФ сторона не вправе ссылаться на определенные факты с учетом сложившихся обстоятельств, если действует заведомо недобросовестно.

Таким образом, под принципом эстоппель следует понимать принцип утраты права на возражение при недобросовестном или противоречивом поведении. В результате такого поведения сторона может лишиться права оспорить или расторгнуть договор. Под недобросовестностью в данном контексте следует понимать действия участника сделки, который вел себя таким образом, что не возникало сомнений в том, что она в момент заключения сделки действовала добросовестно, согласна со сделкой и имеет намерение придерживаться ее условий по договору.

Рассматриваемый правовой принцип является весьма интересным и ввиду его двойственного характера, проявляющегося в его материальном и процессуальном выражении. При этом в отечественном правопорядке он развивается преимущественно в рамках договорного права.

Проанализировав судебную практику можно привести следующие примеры, применения принципа эстоппель в договорном праве. Так, в пункте 3 Обзора судебной практики Верховного суда РФ от 15 ноября 2017 №4 была сформулирована правовая позиция, согласно которой лицо, представившее расписку, подтверждающую частичное погашение долга перед контрагентом, не вправе (в силу принципа эстоппель) впоследствии ссылаться на незаключенность между ними договора займа [4].

В постановлении от 25 мая 2016 №Ф05-6042/2016 по делу № А40-139332/2015 Арбитражный суд Московского округа отказал в удовлетворении требования истца о признании договора незаключенным в силу того, что ранее ответчик принял исполнение обязательств по договору. Также в постановлении от 21 декабря 2016 по делу №46-2040/2016 Арбитражный суд Западно-Сибирского округа признал договор добровольного комплексного страхования автотранспортных средств заключенным. Поскольку в ходе разбирательства были установлены длительные отношения сторон по ежегодному страхованию спорного транспорта, что говорит о добровольном его заключении сторонами и соглашении их с условиями договора на момент его заключения.

Принцип эстоппель является также своего рода средством защиты прав лиц от недобросовестного поведения контрагента.

Однако, на данный момент большое количество вопросов возникает в связи с определением пределов применения исследуемого принципа.

Такие пределы можно определить следующим образом: использование принципа эстоппель не должно нарушать право на возражение участника судебного процесса, с одной стороны, и право на возражение прекращается тогда, когда одной из сторон возникшего спора создается ситуация, характерная для применения эстоппель, с другой стороны.

Применение принципа эстоппель возможно не только при наличии заявления стороны при разрешении спора, но и использовании его непосредственно

судом в целях пресечения злоупотребления сторонами судебного процесса их процессуальными правами.

Именно в этом, на наш взгляд, видится баланс между проблемой защиты процессуальных прав сторон и расширением судебной дискреции.

Также считаем, что самостоятельное применение принципа эстоппель судами является одним из способов правового противостояния судебной системы проблеме злоупотребления процессуальными правами участников процесса. Массовое злоупотребление процессуальными правами является социальным явлением, которое дестабилизирует правосудие [1, с. 1104]. При этом наличие или отсутствие злоупотребления носит оценочный характер, так как судом осуществляется сопоставление соответствующего, внешне легитимного действия лица, злоупотребляющего правом, с позиции справедливости и разумности.

Также следует отметить, что суды могут применять принцип эстоппель, когда стороны находятся в процессе переговоров. В таком случае работает институт *promissory estoppel* [8, с. 88]. Так, в случае, если одна из сторон переговоров, полагает, что при их завершении она определенным образом избавляется от обязанности, возложенной на эту сторону договором, она может приостановить исполнение этой обязанности на срок переговоров. Практика этого принципа активно применяется в мире [9, с. 95], однако отечественными судами еще не была воспринята в полной мере.

В этой связи стоит привести в пример дело, рассмотренное еще в 2013 году Президиумом ВАС РФ, в котором разрешался вопрос о демонтаже биллборда по иску администрации муниципального образования. В данном деле ответчик ссылался на то, что вел переговоры с администрацией о продлении договора аренды рекламной конструкции. Однако переговоры между контрагентами успехом не завершились, срок по аренде продлен не был. Поэтому муниципалитет обратился с иском в суд о демонтаже, который удовлетворил требования истца. Суды апелляционной и кассационной инстанции не согласились с решением суда первой инстанции и приняли решение в пользу ответчика, сославшись на то, что истец действовала недобросовестно, а ответчик напротив добросовестно вел переговоры. Так, в судебных актах второй и последующей инстанции прослеживается применение принципа эстоппель. Однако Президиум ВАС РФ не согласился с решениями нижестоящих судов и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Если сторона договора принимает исполнение, то лишается возможности требовать признания договора незаключенным. Это справедливо не только для консенсуальных соглашений, где момент заключения и исполнения договора могут не совпадать, но и реальных договоров, где эти события совпадают. В частности, лицо, представившее расписку, подтверждающую частичное погашение долга перед контрагентом, не вправе ссылаться на незаключенность договора займа. Сходной позиции суды придерживаются и при рассмотрении споров по договору поставки, когда покупатель, оплатив товар не полностью, ссылается в суде на незаключенность договора.

Эстоппель имеет широкую сферу применения, используется в области материального и процессуального права и позволяет добросовестным участни-

кам гражданского оборота обезопасить себя от неожиданных притязаний контрагентов, которые, несмотря на достигнутые договоренности, могут выдвигать свои возражения и требования повторно или же заявлять новые требования. Применение эстоппеля позволит отклонить такие притязания без рассмотрения их по существу, что является эффективным средством правовой защиты.

Факт исполнения играет важную роль не только в спорах о незаключенности договора, но и в спорах о расторжении договора. Направленные на исполнение договорных обязательств действия, в том числе конклюдентные, могут привести к потере права на отказ от договора.

Практика по этой норме немногочисленна, однако некоторые особенности применения уже выявлены. К примеру, уведомление о расторжении договора не имеет правового значения, если после его направления продолжается рабочая переписка, в том числе электронная, по поводу исполнения договора [6, с. 159]

Из-за эстоппеля покупатель не сможет потребовать возвращения стоимости некачественного автомобиля, если принял его после гарантийного ремонта и эксплуатировал длительное время. В этой ситуации суд посчитает, что покупатель своим поведением отказался от права расторгнуть договор.

Использование принципа эстоппель позволяет также отклонить довод о нарушении подсудности спора, если будет установлено, что соответствующее возражение у проигравшей спор стороны появилось только на стадии, когда решение было принято против нее, при том, что при рассмотрении дела судом первой инстанции она активно участвовала в процессе, и на это обстоятельство не ссылалась.

Выбранная тема исследования является очень актуальной, потому что эстоппель является достаточно новым и малоизученным в российской литературе принципом, применяемым в судебной практике. Его качественная и своевременная имплементация в российский гражданский процесс может принести очевидную пользу в борьбе со злоупотреблениями сторонами своими процессуальными правами, а также повысить предсказуемость в развитии судебного процесса и его профессиональность.

Подводя итог, мы можем говорить о том, что в процессуальном праве Российской Федерации эстоппель является правилом или принципом, согласно которому сторона спора не должна менять свою правовую позицию на диаметрально противоположную, если это приведет к причинению ущерба другой стороне, или иными словами, это запрет противоречивого поведения.

Эстоппель «в руках» судей – это эффективный механизм, позволяющий бороться со злоупотреблениями своими правами недобросовестными участниками правоотношений. Несомненным достоинством эстоппеля является возможность суда лишить недобросовестного участника спора права на возражение, исходя из фактических обстоятельств конкретного дела.

Библиографический список

1. Баталова М. В. Принцип эстоппель как новый механизм защиты прав сторон в российском законодательстве // Концепт. 2018. С. 1101–1105.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Российская газета. 2008. 24 марта. URL: <https://rg.ru/2008/03/24/gk1-dok.html> (дата обращения: 22.11.2019).
3. Каламкарян М. А. Международное право. М. : Эскмо. 2004. С. 73–74.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11, ноябрь.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7 // Вестник ВАС РФ. 2011. №7.
6. Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации // Концепт. 2014. С. 159.
7. Фаткуллин А. Р. Принцип эстоппель в российском праве // Автограф. 2017. С. 345–356.
8. Черных И. И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2015. № 12. С. 86–88.
9. Шварц М. З. Некоторые размышления над институтом эстоппель // Арбитражные споры. № 1. 2016. С. 95–99.

СЕКЦИЯ 4

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

УДК 343.21

Асланов Рашид Садикович,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
rashid.aslanov.97@mail.ru

Основные этапы формирования института действия уголовного закона во времени

В работе представлен анализ этапов, исторического развития, института действия уголовного закона во времени. Проанализированы точки зрения разных ученых по исследуемому вопросу.

***Ключевые слова:** уголовный закон, действие уголовного закона во времени, борьба с преступностью, обеспечение правопорядка, действие закона во времени.*

Aslanov Rashid Sadikovic,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The main stages of the formation of the institution of criminal law in time

The paper presents the analysis of stages, historical development, Institute of criminal law in time. The points of view of different scientists on the studied issue are analyzed.

***Keywords:** criminal law, action of the criminal law in time, fight against crime, law enforcement, action of the law in time.*

Правильное понимание существующих норм, регламентирующих действие уголовного закона во времени, связано с уяснением исторических закономерностей и тенденций развития российского уголовного законодательства в части, касающейся определения его темпоральных и территориальных пределов действия. В данной статье предпринята попытка на основе анализа Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. выделить определенные особенности и тенденции уголовно-правового законотворчества, затрагивающие положения уголовного закона о его действии во времени.

Мы ограничиваемся анализом развития действия уголовного закона во времени XIX веком потому, что именно до этого периода он имел к развитию права в России самое непосредственное отношение

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1958 г. [1] в ст. 2 были закреплены положения, касающиеся определения уголовного законодательства:

– уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик состоит из настоящих Основ, определяющих принципы и устанавливающих общие положения уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, общесоюзных законов, предусматривающих ответственность за отдельные преступления, и уголовных кодексов союзных республик;

– общесоюзные уголовные законы определяют ответственность за государственные и воинские преступления, а в необходимых случаях также и за иные преступления, направленные против интересов Союза ССР.

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1958г. впервые в советском уголовном праве достаточно подробно регламентировалось действие уголовного закона во времени. В ст. 6 Основных начал «Действие уголовного закона во времени» содержались следующие положения:

– преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния;

– закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу, то есть распространяется также на деяния, совершенные до его издания;

– закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет.

Как видим, содержание ст. 6 Основных начал 1958 г. стало прообразом положений, закрепленных в статьях 9 и 10 действующего в настоящее время УК РФ 1996 г. Вместе с тем, в отличие от ст. 9 УК РФ 1996 г., здесь не конкретизировалось время совершения преступлений с материальной конструкцией состава, хотя из содержания первого абзаца ст. 6. Основных начал 1958 г. следовало, что временем совершения преступления является именно время совершения деяния, в узком смысле понимаемого как действие или бездействие.

Территориальное и экстерриториальное действие УК РСФСР 1960 г. регламентировалось в ст. 4 и 5 данного нормативного правового акта. Анализ содержания статей 4 и 5 УК РСФСР свидетельствует о полном заимствовании положений Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1958г. То же самое можно сказать и о регламентации действия уголовного закона во времени, содержащемся в ст. 6 УК РСФСР 1960 г.

Отметим, что 60-70-е годы XX века стали периодом активной научной дискуссии относительно действия советского уголовного законодательства во времени. К наиболее значимым работам того времени следует отнести работы таких авторов, как М. И. Блум, А. А. Тилле, Я. М. Брайнин, Н. Д. Дурманов. Следует отметить, что часть предложений указанных авторов была учтена при

разработке общесоюзного уголовного законодательства, а затем и УК РФ 1996 г.

2 июля 1991 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик [2], которые должны были вступить в силу 1 июля 1992 г., но в связи с распадом СССР так и не были введены в действие. Отметим, что применительно к действию уголовного закона во времени данный нормативный правовой акт практически полностью повторял рассмотренные ранее положения Основ 1958 г.

Применительно к темпоральному действию уголовного закона в ст. 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик было сделано уточнение, касающееся определения времени совершения преступления: «Преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Временем совершения деяния признается время осуществления общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий». Именно это положение в несколько преобразованном виде позже было закреплено в ст. 9 УК РФ 1996 г.

Отметим, что, несмотря на то, что ст. 6 Основ 1991 г. называлась «Действие уголовного закона во времени», в ее тексте вместо словосочетания «уголовный закон» использовалось слово «закон», что позволяло предположить более широкую сферу применения данной статьи.

В Федеральном законе [4], вводящем в действие УК РФ, содержались важные положения, касающиеся действия уголовного закона во времени.

Во-первых, в ст. 1 этого Закона, указывалось, что УК РФ вводится в действие с 1 января 1997 г., за исключением тех его положений, для которых данным Федеральным законом установлены иные сроки введения в действие.

Отметим, что более поздние сроки были предусмотрены для положений, касающихся наказаний в виде обязательных работ и ареста, которые должны были быть введены в действие «...по мере создания необходимых условий для исполнения этих видов наказаний, но не позднее 2001 года». Позже такое же отложение в применении положений УК РФ было предусмотрено и для наказания в виде ограничения свободы [5]. При этом положения об обязательных работах фактически были введены в действие в 2005 г., ограничения свободы – в 2010 г. [6], а положения, касающиеся ареста, до настоящего времени так и остались недействующими. Причем сам законодатель в 2002г. обозначил следующие предельные сроки введения их в действие: 2004 г. – для обязательных работ; ограничение свободы – 2005 г.; арест – 2006 г. То есть фактически обозначенные сроки соблюдены не были. Несмотря на то, что относительно обязательных работ соответствующий Закон был подписан Президентом России в 2004 г., то есть в пределах установленного срока, в силу этот Закон вступил уже в 2005г. Также отметим, что положения об ограничении свободы были введены в действие в измененном содержании, приблизившем это наказание к условному осуждению.

Считаем, что указанные проблемы соблюдения сроков введения в действие положений УК РФ, касающихся обязательных работ, ограничения свободы и ареста, являются проявлениями более общей проблемы, связанной с отсут-

вием системного планирования развития уголовного законодательства и уголовной политики в целом. Эта общая проблема распадается на частные и единичные, проявляясь практически в каждой статье УК РФ, особенно после производимых изменений и дополнений уголовного и взаимосвязанных с ним законов.

Во-вторых, в ст. 2 рассматриваемого Закона содержались следующие положения:

1) признать утратившими силу с 1 января 1997 г. УК РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР», а также все законы, которыми в УК РСФСР внесены изменения и дополнения в период с 27 октября 1960 г. до 1 января 1997 г.;

2) другие законы и иные нормативные правовые акты, действующие на территории Российской Федерации, подлежат приведению в соответствие с УК РФ;

3) впредь до приведения в соответствие с УК РФ указанные законы и иные нормативные правовые акты применяются в части, не противоречащей УК РФ.

Отметим, что в том же 1996 г. статья 2 данного Закона была подвергнута изменениям и дополнениям, преимущественно уточняющего характера [5]. Так, первое из приведенных выше положений приобрело следующую редакцию: «Признать утратившими силу с 1 января 1997 года Уголовный кодекс РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27 октября 1960 года «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР», а также все законы и иные нормативные правовые акты, принятые в период с 27 октября 1960 года до 1 января 1997 года, в части внесения изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР». То есть здесь подчеркивалось, что ранее принятые законы утрачивают силу не полностью, а только в части, касающейся изменений и дополнений, внесенных ими в УК РСФСР 1960г. В третьем же положении оговаривались моменты, касающиеся перечня имущества, не подлежащего конфискации.

В-третьих, в статьях 3, 5, 6 и 7 рассматриваемого Закона содержались предписания, касающиеся ретроспективного действия УК РФ. Рассмотрим данные положения с учетом редакции Федерального закона от 27 декабря 1996г. № 161-ФЗ:

– освободить от наказания (основного и дополнительного) лиц, осужденных до 1 января 1997 г. по УК РСФСР 1960 г. за деяния, которые согласно УК РФ 1996 г. не признаются преступлениями;

– меры наказания лицам, осужденным по ранее действовавшему уголовному закону и не отбывшим наказания, привести в соответствие с УК РФ в тех случаях, когда назначенное им судом наказание является более строгим, чем установлено верхним пределом санкции соответствующей статьи этого УК;

– если уголовный закон иным образом улучшает положение лиц, совершивших преступление, в том числе лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость, приговоры судов и другие судебные акты о применении иных мер уголовно-правового характера подлежат пересмотру

судом, вынесшим приговор, или судом по месту отбывания наказания осужденным;

– считать не имеющими судимости лиц, освобождаемых от отбывания наказания в соответствии с частями 1 и 3 ст. 3 данного Закона, а также лиц, ранее отбывших наказание или освобожденных условно-досрочно, если они были осуждены за деяния, которые согласно УК РФ не признаются преступлениями;

– прекратить с 1 января 1997 г. находящиеся в производстве судов, органов предварительного следствия и органов дознания уголовные дела о деяниях, которые в соответствии с УК РФ не признаются преступлениями, а также уголовные дела, по которым истек срок давности привлечения к уголовной ответственности, установленный п. «а» ч. 1 ст.78 УК РФ;

– лица, осужденные к наказанию в виде увольнения от должности (п. 5 ст. 21 УК РСФСР), возложения обязанности загладить причиненный вред (п. 6 ст. 21 УК РСФСР), общественного порицания (п. 7 ст.21 УК РСФСР), освобождаются от отбывания наказания со снятием с них судимости судом, вынесшим приговор;

– лицам, осужденным к наказанию в виде исправительных работ без лишения свободы с отбыванием наказания не по месту работы осужденного (ст. 27 УК РСФСР), назначенное наказание заменяется штрафом в размере суммы, подлежащей удержанию в доход государства судом, вынесшим приговор, или судом по месту отбывания наказания осужденным. Выплаченные на момент введения в действие УК РФ суммы подлежат зачету. Назначенный в этом случае штраф не может превышать максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ;

– лица, признанные особо опасными рецидивистами в соответствии со ст. 24.1 УК РСФСР, отбывают наказание в виде лишения свободы в исправительно-трудовых колониях особого режима.

Отметим, что второе из приведенных предписаний было предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, при этом в постановлении Конституционного Суда, в частности, отмечалось, что статья 3 Федерального закона от 13 июня 1996 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [3], как и весь данный Закон, имеет переходное значение, – она призвана урегулировать лишь те вопросы, которые связаны с распространением действия УК РФ на деяния, совершенные до его принятия, и не касается правоотношений, возникающих в результате совершения преступлений после утраты силы Уголовным кодексом РСФСР (с 1 января 1997 г.) и (или) после принятия законов, вносящих изменения в УК РФ.

Также Конституционный Суд Российской Федерации указал, что заявители, обращаясь в суды общей юрисдикции, просили привести вынесенные по их уголовным делам приговоры в соответствие не с УК РФ в его первоначальной редакции, а с этим УК в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. Ссылки же на ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», содержащиеся в решениях по делам оспа-

ривающих ее конституционность граждан, обусловлены тем, что сформулированное в ней правило о пределах смягчения наказания в связи с принятием УК РФ правоприменительной практикой было положено в основу истолкования и применения ч. 2 ст. 10 УК РФ, которая и явилась реальной правовой основой этих решений.

Полагаем, что в данном случае одной из предпосылок обращения граждан в Конституционный Суд Российской Федерации послужила корректировка содержания ч. 2 ст. 3 рассматриваемого Закона, сужающая ретроспективное действие УК РФ за счет привязки к верхнему пределу наказания по новому уголовному закону до которого подлежало снижению ранее назначенное, но не отбытое наказание. При этом следует отметить, что ст. 3 этого Закона изначально являлась более широкой по сфере своего применения и была изложена в следующей редакции: «В связи с тем, что в соответствии со статьей 10 Уголовного кодекса Российской Федерации обратную силу имеет закон, не только устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание, но и иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, пересмотреть вынесенные до 1 января 1997 года приговоры судов и другие акты о применении иных мер уголовно-правового характера в целях приведения их в соответствие с Уголовным кодексом Российской Федерации. Пересмотр ранее вынесенных приговоров судов и других судебных актов производится судьей суда, вынесшего приговор, или суда, находящегося по месту отбывания наказания осужденным.

Подлежат прекращению все возбужденные уголовные дела о деяниях, не признающихся преступлениями в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации».

Заслуживает внимания и статья 8 рассматриваемого Закона, введенная в него Федеральным законом от 8 декабря 2003г., изложенная в следующей редакции: «Проекты федеральных законов о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации могут быть внесены в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации только при наличии официальных отзывов Правительства Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации».

Считаем, что по своему значению положение, закрепленное в ст. 8 этого Закона, должно располагаться не в нормативном правовом акте, имеющем переходное значение, а быть закрепленным в главе 1 УК РФ либо в самостоятельном Федеральном законе.

В УК РФ 1996г. статьи, регламентирующие действие уголовного закона во времени и в пространстве, стали располагаться в самостоятельной главе (глава 2 «Действие уголовного закона во времени и в пространстве»). При этом статьи 9 и 10 УК РФ, посвященные темпоральному действию уголовного закона за весь период действия данного УК не претерпели каких-либо изменений и дополнений.

Действие уголовного закона в пространстве регламентировано статьями 11 и 12, а экстрадиция – статьей 13 УК РФ, причем в первые из них были внесены определенные изменения и дополнения.

Завершая рассмотрение исторического аспекта действия уголовного закона во времени и в пространстве, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в советский период наблюдались постепенные расширение и усложнение правовой регламентации действия уголовного закона во времени.

Во-вторых, несмотря на положительные тенденции в развитии правовой регламентации действия уголовного закона во времени в современный период, соответствующие нормы УК РФ еще далеки от совершенства, поскольку не обладают необходимыми полнотой и непротиворечивостью. Кроме того, остается открытым вопрос о формировании акта регионального международного права, сходного по своей сущности с Основами уголовного законодательства, существовавшими на уровне Союза ССР.

Библиографический список

1. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик : утверждены Законом СССР от 25 декабря 1958г. «Об утверждении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

2. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик от 2 июля 1991г. № 2281-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. №30. Ст. 862.

3. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Федеральный закон от 13 июня 1996г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №25. Ст. 2955.

5. Федеральный закон от 27 декабря 1996г. № 161-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 2.

6. Федеральный закон от 27 декабря 2009г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28 декабря 2009г. № 52.

УДК 343.92

Асрян Армен Лаврентьевич,
Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
armen.asryan.00@mail.ru

Современные проблемы осуществления оперативно-розыскной деятельности в сфере борьбы с киберпреступностью

В статье рассматриваются правовые проблемы, связанные с необходимостью осуществления оперативно-розыскной деятельности в киберпространстве, а также затрагиваются проблемные вопросы недостаточной проработанности отечественной правовой системы, ее норм и принципов, касающихся основных аспектов противодействия киберпреступности. Основываясь на результатах анализа доктринальных положений теории оперативно-розыскной деятельности, действующего законодательства и правоприменительной практики в области выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия киберпреступлений, раскрываются основные понятия по теме преступности в виртуальном пространстве, а также выдвигаются предложения по совершенствованию правового механизма в сфере борьбы с киберпреступностью.

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная деятельность, киберпреступность, информационные технологии, виртуальное пространство, сеть, интернет.*

Asryan Armen Lavrent'evich,
Donetsk National University, Faculty of Law,
Donetsk, Donetsk People's Republic
armen.asryan.00@mail.ru

Modern problems of implementation of operative-search activities in the field of fight against cyber crime

The article discusses the legal problems associated with the need to conduct operational-search activities in cyberspace, as well as touches on the problematic issues of the lack of elaboration of the domestic legal system, its norms and principles regarding the main aspects of combating cybercrime. Based on the results of the analysis of the doctrinal provisions of the theory of operative-search activity, current legislation and law enforcement practice in the field of detection, prevention, suppression and disclosure of cybercrimes, the basic concepts on the topic of crime in the virtual space are revealed, as well as proposals are made to improve the legal mechanism in the fight against cybercrime.

Keywords: *operational-search activities, cybercrime, information technology, virtual space, network, Internet.*

Актуальные тенденции развития мировых общественных отношений характеризуются высокой степенью интеграции в социальную действительность новых информационно-коммуникационных технологий. Процесс глобальной оцифровки информации, начавшийся еще во второй половине прошлого столетия, несомненно, является значимым феноменом, регулирование основ которого и по сей день требует особых и специальных знаний в указанной сфере. В связи с этим закономерным является тот факт, что стремительное распространение новых информационных технологий не дает возможности полно, объективно, а главное, своевременно осмысливать криминальные новшества в киберпространстве и сопряженные с ними риски. Таковыми можно считать не только новые компьютерные вирусы, уязвимости и закладки, но и реальную угрозу несанкционированного доступа, отсутствие приватности, утечку персональных данных пользователей сети, тотальный контроль отечественного рынка иностранными производителями и т. п. [6, с. 9].

С целью осуществления более качественной правоохранительной деятельности, защиты конституционных прав человека и гражданина в области информационной безопасности и успешной борьбы с киберпреступностью в Уголовный кодекс Российской Федерации был добавлен ряд составов преступлений, связанных непосредственно с общественно-опасными посягательствами в сфере компьютерной информации, образовавших отдельную главу Уголовного закона, а именно: неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей; неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации [5, ст. 272–274.1]. Однако встречаются также иные уголовно-правовые составы, так или иначе относимые к категории киберпреступлений, например, мошенничество в сфере компьютерной информации [5, ст. 159.6]. Более того, так как под киберпреступлением понимается всякое преступление, совершенное в виртуальном пространстве, то указанным понятием охватываются все противоправные общественно-опасные деяния, совершенные с использованием вычислительных машин или сети Интернет.

Эффективная борьба с преступностью, образуемой в результате совершения теми или иными лицами вышеуказанных преступлений, является одной из приоритетных задач правоохранительных органов. Как по данному поводу указывает А. Л. Осипенко: «Обозначенные обстоятельства, связанные с глубокими изменениями социальной реальности, подтверждают, что борьба с преступностью в киберпространстве уже невозможна без применения оперативно-розыскных сил, средств и методов» [3, с. 39]. Стоит заметить, что современное законодательство об оперативно-розыскной деятельности предусматривает особый вид оперативно-розыскного мероприятия – получение компьютерной информации, благодаря которому у соответствующих должностных лиц, веду-

щих правоохранительную деятельность, существует прямая возможность воздействовать на информационную среду с целью выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия киберпреступлений, а также выявление и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [2, ст. 6]. Тем не менее, попытки активного внедрения в правоприменительную практику процесса осуществления оперативно-розыскной деятельности для целей борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий небезосновательно будут характеризоваться большими проблемами. Прежде всего, это связано с трансграничным характером киберпреступности. Трансграничное преступление, как правило, характеризуется тем, что лицо, совершившее или совершающее его, находится физически в одном государстве, в то время как предмет преступного посягательства располагается в другом. В ином государстве могут находиться орудия и средства совершения преступления, доступ к которым преступник осуществляет дистанционно. При раскрытии трансграничных преступлений нередко складываются ситуации столкновения различных интересов и правовых систем, связанные с невозможностью точно определить, в чьем ведении находится защищаемый информационный ресурс или информационное общественное отношение [3, с. 42]. Указанная особенность, к слову, практически полностью исключает возможность каким-либо образом достичь задач оперативно-розыскной деятельности, не говоря уже о том, что это является значительным пробелом в законодательстве всех без исключения государств. По данному поводу необходимо подчеркнуть, что разрешение соответствующей проблемы возможно лишь при усилении международного сотрудничества между всеми государствами международного сообщества, т. к. именно благодаря синхронизации национальных законодательств различных стран мира по вопросу борьбы с киберпреступностью возможно установить более четкие правовые рамки и направления для установления, преследования и привлечения к ответственности лиц, нарушающих правила кибербезопасности населения того или иного государства [4, с. 95].

Не менее важной проблемой на пути к установлению успешной практики пресечения и предупреждения киберпреступлений является низкий уровень осведомленности сотрудников правоохранительных органов о компьютерных технологиях, характере взаимоотношений субъектов в виртуальном пространстве, целях и мотивах киберпреступников и других факторах и обстоятельствах, непосредственно служащих основой для совершения того или иного противоправного и общественно-опасного посягательства, сопряженного с использованием информационно-коммуникационных технологий и средств. Разрешение отмеченной проблемы видится, в первую очередь, в изменении основополагающих подходов к обучению в отечественной образовательной системе и в ходе профессиональной деятельности соответствующих кадров правоохранительных органов. Как отмечает М. В. Дульцев: «Правоохранительные органы должны создать действенную политику безопасности в области информационных технологий и должны готовить персонал таким образом, чтобы развивать культуру осведомленности сотрудников полиции в области кибербезопасности» [1, с. 49]. Так, целесообразно образовать в рамках оперативно-розыскной

науки отдельное теоретическое направление об особенностях виртуального пространства как среды осуществления оперативно-розыскной деятельности, а также внедрить в образовательную программу по юридическим специальностям тех учебных дисциплин, которые бы не только давали возможность будущим работникам правоохранительной системы государства вести поиск, сбор и систематизацию информации с использованием сети Интернет, а и позволяли бы обучающимся получать информацию об основных понятиях, категориях, процессах во Всемирной сети, а также методах и средствах выявления в ней криминогенных ситуаций. В свою очередь, реформирование организации работы и должный уровень профессионального просвещения по указанному направлению в структурных подразделениях правоохранительных органов также необходимо привести в соответствие с современными требованиями и вызовами социальной действительности посредством контроля при приеме на должность, требующую специальных знаний и в ходе осуществления сотрудником своих должностных полномочий.

Учитывая важность и обоснованную необходимость осуществления оперативно-розыскной деятельности в борьбе с киберпреступностью, следует также отметить, что совершенствование указанного механизма является одним из главных условий установления правопорядка в киберпространстве по той причине, что именно выявление, своевременное предупреждение и пресечение киберпреступлений позволяют сохранить в целостности те общественные отношения, которые с недавних пор находятся под особой охраной уголовно-правового законодательства.

Библиографический список

1. Дульцев М. В., Нурлыбаева Г. К. Сотрудничество в сфере борьбы с киберугрозами. М. : Академия управления МВД России, 2016. С. 43–49.
2. Закон Российской Федерация от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с учетом изменений и дополнений) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность в киберпространстве: ответы на новые вызовы // Научный вестник Омской академии МВД России 2010. № 2 (37). С. 38–43.
4. Тропина Т. Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? М. : Институт права и публичной политики, 2012. № 3(4). С. 86–95.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Шаталов А. С. Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы, тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3(32). С. 7–15.

УДК 343.914

Воронина Ольга Андреевна,
Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
olli.voronina2015@yandex.ru

**Актуальна ли в Уголовном кодексе Российской Федерации
специальная норма об уголовной ответственности за оставление
места дорожно-транспортного происшествия?**

Число легковых автомобилей в России в постоянно увеличивается. По состоянию на начало 2019 года их численность превысила 45 миллионов. Таким образом, автомобиль имеет практически каждый третий житель страны. Однако прирост числа автомобилей в стране не только улучшает комфорт проживания ее жителей, но и оказывает негативное влияние на безопасность дорожного движения. Несмотря на то, что законодательство, регламентирующее ПДД в России постоянно, совершенствуется, повышая строгость наказания, однако статистика нарушений продолжает оставаться высокой, на что оказывает влияние большое количество факторов. Одним из негативных факторов выступает поведения водителя в ДТП является уход с места преступления. В последние годы эта тема стала наиболее актуальной, поскольку Правительством РФ были ужесточены меры за подобное поведения, нацеленные на улучшение водительской дисциплины на дорогах страны и снижение числа аварии. В статье предпринята попытка доказать, что данные изменения действительно актуальны для России, о чем свидетельствует статистика.

Ключевые слова: водитель, дорожно-транспортное происшествие, Уголовный кодекс, наказание, сокрытие, место преступления.

Voronina Olga Andreevna,
Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

**Is a special provision on criminal liability for leaving the scene of a traffic
accident relevant in the Criminal code of the Russian Federation?**

The number of cars in Russia is constantly increasing. As of the beginning of 2019, their number exceeded 45 million. Thus, almost every third resident of the country has a car. However, the increase in the number of cars in the country not only improves the comfort of its residents, but also has a negative impact on road safety. Despite the fact that the legislation regulating traffic rules in Russia is constantly being improved, increasing the severity of punishment, however, the statistics of violations continues to be high, which is influenced by a large number of factors.

One of the negative factors of the driver's behavior in an accident is leaving the scene of the crime. In recent years, this topic has become the most relevant, as the Government of the Russian Federation has tightened measures for such behavior, aimed at improving driving discipline on the roads of the country and reducing the number of accidents. The article attempts to prove that these changes are really relevant for Russia, as evidenced by statistics.

Keywords: driver, traffic accident, criminal code, punishment, concealment, crime scene.

Рассматривая проблему оставления места происшествия при ДТП стоит пояснить, что до апреля 2019 года в данной ситуации водитель мог быть подвергнут только административной ответственности в виде лишения прав сроком до 1,5 лет или 15 суток ареста. В случаях, когда в аварии имели место пострадавшие, то сокрытие рассматривалось как отдельное правонарушение. Однако если было доказано, что водитель был пьян, это служило отягчающим обстоятельством и грозило большим тюремным сроком.

9 апреля 2019 года вступили изменения в статью 264 УК РФ, ужесточающие наказание за оставление места ДТП при наличии пострадавших, согласно которым, водитель получит более жестокое наказание, если скроется с места аварии, нежели в случае, если останется ждать ГИБДД [1]. Так если частью 2 ст. 264 УК ранее предписывалось, что водитель, находящийся в нетрезвом виде и совершивший ДТП, которое привело к причинению тяжкого вреда здоровью, получит до 3 лет принудительных работ, до 3-х лет лишения права на занятие деятельностью, связанной с управлением транспортом, либо лишится свободы на период до 4 лет и лишится права на занятие определенным родом деятельности на период до 3 лет.

После 29 апреля, данный пункт оговаривает не только состояние опьянения водителя, но и оставление им места аварии. Ранее данное нарушение оговаривалось частью 1 данной статьи, и наказание было более мягким.

В случае, когда водитель скрылся с места аварии при причинении смерти одному человеку, такое правонарушение карается тюремным сроком от 2 до 7 лет и лишением прав до 3-х лет.

Оставление места ДТП в 2019 году с несколькими погибшими грозит тюремным заключением на 4–9 лет и лишением удостоверения водителя на период до 3-х лет. Таким образом, оставив место ДТП, водитель получит то же наказание, что и за совершение ДТП в нетрезвом виде.

Данные нововведения касаются только оставления места аварий, где есть серьезно пострадавшие люди. Что касается сокрытия с места аварий с легким причинением вреда пострадавшим, то карательные меры остались прежними – до 15 суток ареста или лишение удостоверения на 12-18 месяцев.

Приведенная система штрафных санкций в сравнении «до и после» представлена в таблице [1].

Таким образом, наказание стало более серьезным. И если раньше водители, совершившие ДТП в пьяном виде, предпочитали скрыться с места аварии, чтобы смягчить наказание, то сейчас наказание уравнили.

Система ответственности за оставление места аварии до и после
24 апреля 2019 года

| Правонарушение | Карательные меры, действовавшие до 2019 года | Карательные меры, действующие после 24 апреля 2019 года |
|---|--|---|
| Скрылся с места ДТП, причинив тяжкий вред пострадавшим | До 3 лет ограничения свободы, до 2 лет принудительных работ (с лишением удостоверения до 3 лет или же без лишения), либо пол года ареста или лишение свободы до 2 лет (с лишением прав на срок до 3 лет или без лишения) | До 3 лет принудительных работ с лишением прав до 3 лет, либо до 4 лет тюрьмы с лишением прав до 3 лет |
| Оставил место аварии, причинив смерть одному потерпевшему | До 4 лет принудительных работ с лишением прав до 3 лет, либо до 5 лет лишения свободы с лишением прав до 3 лет | Тюремное заключение на 2–7 лет с лишением прав до 3 лет |
| Сокрытие с места аварии с причинением смерти нескольким людям | До 5 лет принудительных работ с лишением прав до 3 лет или тюремное заключение до 7 лет с лишением прав до 3 лет | 4–9 лет тюремного заключения с лишением прав до 3 лет |

Данные нововведения основаны на опыте зарубежных стран и статических показателях ДТП последних лет, произошедших в России.

Так, в Германии при оставлении места ДТП с пострадавшими виновные наказываются денежным штрафом или лишением свободы сроком до трех лет [2]. В Канаде срок за рассматриваемое преступление может достигать до пожизненного заключения. В Южной Корее, водителям, скрывшимся с места ДТП может грозить самое суровое наказание, вплоть до смертной казни [2].

Приведенные примеры доказывают, что в России наказание за подобные нарушения гораздо мягче, что провоцирует большое число фактов сокрытия водителей с места преступлений. В то же время в 2018 году с места ДТП, в которых имели место пострадавшие, скрылось 11,4 % водителей. В числовом измерении это более 70 тыс. нарушений.

Данные по отдельным регионам приведены на рис. 1.

Так, в Омской области водители скрываются почти с каждого четвертого ДТП (при этом речь идет именно о «тяжелых» авариях), в которых были погибшие или раненые). Также в рейтинге Кировская область (58,8 %).

Уехать – первая и естественная реакция водителя. Особенно это касается тех, кто в ДТП попал в состоянии алкогольного опьянения. Однако моральный выбор каждого водителя должен происходить в пользу верного решения, которое в определенной степени будет продиктовано ужесточившимся наказанием в случае сокрытия с места.

Сложнее всего найти виновного в ДТП, в случаях, когда оно произошло в темное время суток, а на месте аварии не было свидетелей и не осталось частей автомобиля, не было камер наблюдения. В этих ситуациях водители, скрывшиеся с места аварии еще более часто остаются найденными [4].



Рис. 1. Доля ДТП, в которых не находят скрывшихся с места происшествия водителей, % [3]

Ужесточение закона по рассматриваемым преступлениям постепенно дает результаты. Так, в 2019 году число смертей в ДТП медленно, но снижается.

В Чечне за последние три года действительно уменьшилось число погибших и пострадавших в ДТП (по крайней мере, их меньше регистрируют местные органы ГИБДД). Но политику властей в отношении числа пострадавших от ДТП на Кавказе можно назвать успешной лишь отчасти.

Число смертей от аварий на Северном Кавказе медленно, но снижается (в Северной Осетии и Ингушетии оно продолжает расти), однако число пострадавших растет почти везде, кроме Чечни и Кабардино-Балкарии. Динамика жертв ДТП по регионам за первое полугодие 2018 года в сравнении с тем же периодом 2019 года (рис. 2).

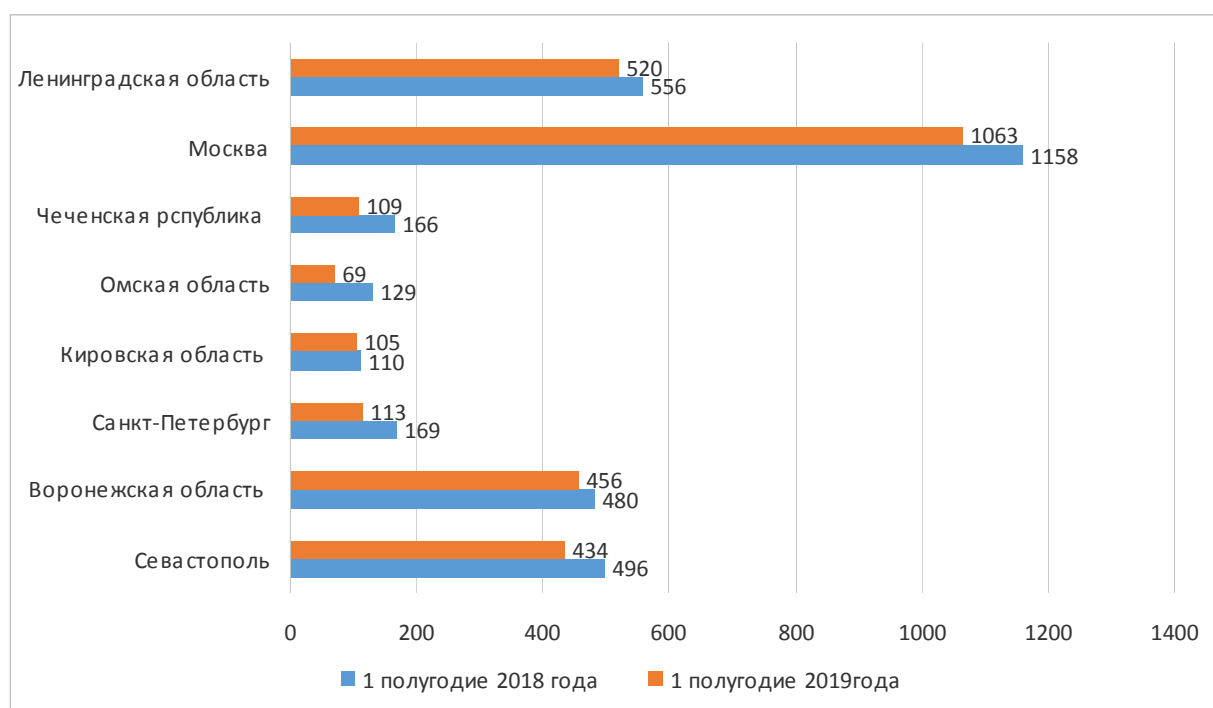


Рис. 2. Число погибших от аварий в отдельных регионах РФ

Таким образом, приведенные данные доказывают действенность рассматриваемого закона, что позволяет заключить о целесообразности его внедрения.

Сделанные выводы доказывают и данные приведенные Министерством здравоохранения России [5]. По данным ведомства до прибытия в лечебное учреждение погибает 55 % от всех лиц, погибших вследствие ДТП. Очевидно, что оказание помощи пострадавшим сразу после происшествия является важнейшей мерой предотвращения либо снижения тяжести наступивших последствий. При этом, по нашему мнению, уголовным законом важно отрегулировать и обязанность оказания помощи, и ответственность за бездействие виновных в аварии в рассматриваемой ситуации.

Само государственно-правовое воздействие на участников движения с целью разработки устойчивых стереотипов поведения водителей на дорогах остается на неудовлетворительном уровне.

Таким образом, логичным и бесспорным является рассуждение, что рассмотренные изменения в УК РФ являются одними из путей достижения целей, установленных концепцией федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [6].

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
2. ПДД мастер. URL: <https://pddmaster.ru/novoe/uk-0619.html> (дата обращения: 03.12.2019).
3. План действий если виновник ДТП скрылся с места происшествия. URL: <https://autopravo.club/dtp/skrylsya/> (дата обращения: 03.12.2019).
4. Официальный сайт Минздрава РФ. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/> (дата обращения: 03.12.2019).
5. О Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах»: распоряжение Правительства РФ от 27 окт. 2012 г. № 1995-р. URL: <http://base.garant.ru/>
6. Танага И. В. Нужна ли в уголовном кодексе Российской Федерации специальная норма об уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия? // Вестник КРУ МВД России. 2014. №4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhna-li-v-ugolovnom-kodekse-rossiyskoy-federatsii-spetsialnaya-norma-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-ostavlenie-mesta-dorozhno> (дата обращения: 03.12.2019).

УДК 343.341.1

Гильманова Резеда Рустамовна,

студент, Институт права Башкирского государственного университета,

г. Уфа, Российская Федерация

gilmanova.rezeda2016@yandex.ru

Ситдикова Гузель Зуфаровна,

кандидат юридических наук, доцент, Институт права Башкирского

государственного университета,

г. Уфа, Российская Федерация

**Уголовно-правовой механизм назначения наказания лицам,
совершившим насильственные преступления
против общественной безопасности**

В данной статье рассматриваются реализации теоретической модели уголовно-правового механизма назначения наказания за насильственные преступления против общественной безопасности, в частности за совершение террористического акта, который запрещен на территории нашей страны. Также в данной статье автором предпринята попытка дать определение понятиям «насилие» и «насильственные преступления», так как эти понятия на данный момент отсутствуют в действующем законодательстве Российской Федерации. Кроме всего этого, в статье в качестве высшей меры исследуется два вида наказания.

***Ключевые слова:** насилие, насильственное преступление, терроризм, террористический акт, наказание.*

Gilmanova Rezeda Rustamovna,

student, Institute of law of Bashkir State University,

Ufa, Russian Federation

Sitdikova Guzel Zufarovna,

candidate of law, associate Professor, Institute of law of Bashkir State University,

Ufa, Russian Federation

**The criminal law mechanism for sentencing persons who have committed
violent crimes against public safety**

This article discusses the implementation of the theoretical model of the criminal law mechanism for imposing sentences for violent crimes against public safety, in particular for committing a terrorist act that is prohibited in our country. Also, in this article, the author made an attempt to define the concepts of “violence” and “violent crimes”, since these concepts are currently not available in the current legislation of

the Russian Federation. In addition to all this, the article examines two types of punishment as a supreme measure.

Keywords: *violence, violent crime, terrorism, terrorist act, punishment.*

На сегодняшний день в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие насильственных преступлений, что позволяет считать его объектом упорного научного изучения [4]. Нельзя не отметить обоснованность мнения различных ученых о том, что незначительная изученность понятия насильственного преступления считается весомой трудностью для будущих уголовно-правовых трудов и разработок проблем с насильственными преступлениями [3, с. 28].

Мы предлагаем свое определение понятиям «насилие» и «насильственное преступление».

Под насильственными преступлениями мы предлагаем понимать осознанно совершенное общественно-опасное деяние, которое связано с применением физического или психического насилия, запрещенного Уголовным кодексом под угрозой наказания, причиняющего смерть человеку, вред здоровью или ограничивающего его личную свободу либо создающее угрозу таких последствий.

А под насилием предлагаем понимать общественно опасное, противоправное, осознанное физическое или психическое воздействие на организм или волю другого человека, его способность руководить своими действиями, причиняющее потерпевшему смерть, вред здоровью различной тяжести, физическую боль, ограничение свободы, подавляющее волю потерпевшего.

Порядок назначения наказания за совершение террористического акта формирует совокупность уголовно-правовых, а также других обстоятельств [1, с. 213]. В первую группу входят уголовно-правовые обстоятельства, которые характеризуют состав преступления, то есть объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Во вторую группу относятся уголовно-правовые и иные обстоятельства, которые характеризуют личность преступника. Третью группу формируют те обстоятельства, которые характеризуют вероятность позитивного влияния общества на лицо, которое отбывает наказание. Также сюда можно отнести контроль общества за процессом исполнения и отбывания наказания осужденным до погашения или снятия судимости, а также за деятельностью учреждений и органов, которые исполняют наказание. В то же время считается, что нужно учитывать специфику насильственных преступлений против общественной безопасности, состоящую в том, что насилие, влияя на общественное сознание относительно безопасных условий существования общества, внушает на общественную психологию тревогу, страх.

Законодатель в качестве критерия назначения справедливого наказания подчеркивает достижение только одной цели наказания – исправление осужденного. По нашему мнению, основной целью наказания является восстановление социальной справедливости, а также предупреждение совершения новых преступлений, а не только исправление осужденного. Это доказывают и результаты исследования, которое мы провели среди студентов различных курсов Ин-

ститута права БашГУ: 71 % опрошенных считают, что в отношении террористов первенствующими целями наказания являются восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений. Исходя из этого, целесообразно выделить в качестве критерия назначения справедливого наказания достижение всех его целей.

Проведя анализ уголовных дел о террористических актах, в большинстве случаев совершенных в соучастии, стало известно, что особую актуальность приобретает проблема индивидуализации наказания. Это обусловлено тем, что при привлечении к ответственности лиц, которые совместно совершили террористический акт, суду нужно установить долю личного вклада в достижение преступного результата и максимально индивидуализировать наказание в отношении каждого лица.

Множество крупных террористических актов, которые были совершены не только в нашей стране, но и во всем мире, были осуществлены террористическими группами [2, С. 227]. Например, взрыв домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске в 1999 году, захват заложников в театральном центре «Норд-Ост» в 2002 году, уничтожение двух крупнейших торговых центров в 2001 году в США, захват детей в Беслане в 2004 году и другие. Однако наиболее опасным считается терроризм, который совершается организованными террористическими группами или террористическими организациями, которые запрещены на территории Российской Федерации.

За совершение террористического акта, который влечет умышленное причинение смерти человеку, мы решили исследовать в качестве высшей меры два вида наказания: пожизненное лишение свободы или смертную казнь. И пришли к такому выводу, что смертная казнь как вид наказания не способствует достижению целей наказания. Более того, мы считаем, что в этом случае нарушается еще и принцип справедливости. Насильственно отнимая жизнь у человека, который совершил особо тяжкое преступление, государство, в первую очередь, покушается на то, что само установило как наибольшую ценность, и такое наказание никак нельзя назвать нравственно обоснованным, а соответственно и направленным на формирование добра.

Библиографический список

1. Базаркина Д. Ю. Терроризм и антитеррористическая деятельность. Коммуникационный аспект. М. : Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, 2017. 364 с.
2. Вишняков Я. Д. Противодействие терроризму. М. : Academia. 2015. 256 с.
3. Дабагян Э. С. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями // Правоведение. 2017. № 3. С. 22–45.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.

Гортанова Мария Сергеевна,
студент, Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Российская Федерация
kravcov_w@mail.ru

Отбывание наказания в виде лишения свободы иностранцами на территории Российской Федерации

Данная статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности и отбыванием наказания иностранцами на территории Российской Федерации. Приводятся статистические данные и анализ этнического состава и характера совершаемых преступлений, вопросы, связанные с характером совершаемых преступлений. Рассматриваются вопросы культурной принадлежности, владения русским языком, а также тонкости дипломатических взаимоотношений в рамках существующих международных договоренностей по данной проблеме.

Ключевые слова: наказание, правоограничения, осужденные, иностранцы, особенности организации режима.

Gortanova Mariya Sergeyevna
student, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia,
Vladimir, Russian Federation

Serving of punishment in the form of imprisonment by foreign citizens in the territory of the Russian Federation

Annjtation: this article is devoted to the consideration of problematic issues related to criminal prosecution and serving of punishment by foreign citizens in the territory of the Russian Federation. Statistical data and analysis of the ethnic composition and nature of the crimes committed, issues related to the nature of the crimes committed are presented. The article deals with the issues of cultural identity, Russian language proficiency, as well as the subtleties of diplomatic relations within the framework of existing international agreements on this issue.

Keywords: punishment, legal restrictions, convicts, foreigners, peculiarities of regime organization.

Отбывание наказания представляет собой основанный на приговоре суда, предписаниях закона процесс выполнения обязанностей и реализации принадлежащих их прав, включающий правоограничения, воздержание от совершения определенных действий ввиду совершения ими противоправного деяния. То есть раскрывая понятие отбывание наказания, необходимо обратить внимание прежде всего на правовой статус осужденных, так как совокупность прав и обя-

занностей, степень установленных законом ограничений их реализации и выполнения составляет процесс отбывания наказания. Ввиду достаточной изученности, большого количества научных исследований относительно процесса отбывания наказания осужденными российскими гражданами нашего государства, нам хотелось бы рассмотреть некоторые особенности отбывания наказания в виде лишения свободы иностранными гражданами на территории РФ.

По сведениям российского государственного информационного агентства федерального уровня ТАСС в настоящее время в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывают наказание 25,7 тыс. иностранных граждан, это 5,6 % от общего количества осужденных [4].

По сведениям Интерфакса, подавляющее большинство осужденных в РФ иностранцев – выходцы из бывших советских республик. Лишь 1 % из 25 тыс. осужденных в России иностранцев составляют выходцы из дальнего зарубежья. Около 99% из них являются гражданами бывших советских республик. Отмечается, что наибольшее количество осужденных иностранцев – это выходцы из государств Центральной Азии.

Самыми распространенными уголовными статьями, по которым осуждены иностранные граждане, являются убийство, разбой и незаконный оборот наркотических средств. [3]. То есть анализ представляемых сведений позволяет сделать вывод о том, что большая часть осужденных иностранных граждан на территории РФ, граждане стран СНГ, в которые входят: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина. В большинстве случаев на территории нашей страны отбывают наказание иностранные лица со схожим менталитетом, владеющие русским языком, что облегчает процесс как исполнения, так и отбывания наказания. Исследуя законодательство стран СНГ, мы выяснили, что существует ратифицированная нашим государством «Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания» от 6 марта 1998 года, которая устанавливает ряд важных положений. Об осуждении лица и его местонахождении должны быть письменно уведомлены соответственно судом и органом, исполняющим наказание, дипломатические представительства или консульские учреждения Договаривающейся Стороны, гражданином которой осужденный является или на территории которой постоянно проживает (если является лицом без гражданства), а также его близкие родственники, законный представитель и адвокат для реализации их прав на обращение с ходатайством о передаче [1, с. 5978].

Данное положение также включено во многие нормативные акты как международного характера, так и нормативно-правовые акты нашего государства, к примеру, похожая норма отражена в правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений. Конвенция также устанавливает ряд условий, при которых передача осужденного для отбывания наказания в страну, гражданином которой он является, невозможна. К ним относят:

Наказание не может быть исполнено на территории Государства исполнения приговора вследствие истечения срока давности или по иному основанию, предусмотренному законодательством этого государства;

на территории Государства исполнения приговора за совершенное деяние он понес наказание или был оправдан, либо дело было прекращено, а равно, если лицо освобождено от наказания компетентным органом этого государства;

это может нанести ущерб интересам Государства вынесения приговора или государства, гражданином которого является осужденный.

В передаче осужденного может быть отказано, если им не возмещен ущерб, нанесенный преступлением [1, с. 5978].

Скорее всего, перечисленные выше условия служат основанием оставления отбывания наказания иностранцев бывших стран советских республик на территории нашей страны. Ввиду того, что по сведениям Интерфакс большая часть совершаемых ими преступлений относится незаконный оборот наркотических средств, разбой, убийство, мы можем предположить, что одним из распространенных оснований оставления, осужденного является не возмещение ими ущерба, нанесенного преступлением.

Рассмотрим особенности отбывания наказания иностранными гражданами. Ч. 3 ст. 10 УИК РФ гласит: Осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации [5, с. 8474]. По нашему мнению, правовой статус иностранных граждан отличается в процессе отбывания наказания некоторым образом ввиду двух особенностей: наличием дополнительных прав, установленных международными нормативно-правовыми актами, а также специфичностью реализации некоторых прав ввиду принадлежности лица к другому государству.

Осужденные иностранные граждане и лица без гражданства вправе давать объяснения и вести переписку, а также обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами на родном языке или на любом другом языке, которым они владеют, а в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика. Ответы осужденным даются на языке обращения. При отсутствии возможности дать ответ на языке обращения он дается на государственном языке Российской Федерации с переводом ответа на язык обращения, обеспечиваемым учреждением или органом, исполняющим наказания [5, ст. 8474]. То есть организация перевода возлагается на исправительное учреждение.

Осужденным к лишению свободы разрешается получать и отправлять за счет собственных средств письма, почтовые карточки и телеграммы без ограничения их количества. Получаемые и отправляемые осужденными письма, почтовые карточки и телеграммы подвергаются цензуре со стороны администрации исправительного учреждения. Срок осуществления цензуры составляет не более трех рабочих дней, а в случае, если письма, почтовые карточки и телеграммы написаны на иностранном языке, – не более семи рабочих дней [5, ст. 8474].

Это основные положения, касающиеся правового статуса иностранных граждан во время отбывания наказания, закрепленные в уголовно-исполнительном законодательстве нашей страны.

Международно-правовые акты, ратифицированные нашей страной, содержат некоторые дополнительные положения рекомендательного характера. К примеру, специальные меры должны быть приняты в целях удовлетворения потребностей иностранных граждан, испытывающих языковые трудности [2, С. 209–263]. Что предполагает частое обращение к услугам переводчика. Следует добиваться, чтобы заключенных направляли в учреждения открытого типа или чтобы им предоставляли широкие возможности общения с внешним миром. Особенно важно, чтобы иностранные граждане поддерживали связи с соотечественниками за пределами мест лишения свободы. По нашему мнению, для иностранных граждан требуется увеличение продолжительности по времени телефонных переговоров, по общему правилу которые составляют не менее 15 минут.

Особое внимание пенитенциарная администрация должна уделять обучению и воспитанию молодых заключенных, заключенных иностранного происхождения или обладающих специфическими культурными или этническими потребностями [2, с. 209–263].

Необходимо отметить, что для реализации большинства основных прав и исполнении возложенных обязанностей на осужденных, не владеющих русским языком, требуется привлечение переводчика. К таким правам относят: осуществление телефонных переговоров, психологическое консультирование с психологом, подача жалоб, заявлений, обращений на родном языке. Трудности перевода и общения на русском языке – единственное, по нашему мнению, что отличает в процессе отбывания наказания иностранных граждан. Можно сделать краткий вывод о том, что осужденные иностранные граждане при отбывании наказания на территории Российской Федерации пользуются в основном теми же правами и обязанностями, что и граждане нашего государства. Примечательно даже то, законодательство не устанавливает раздельного содержания осужденных посредством выделения отдельной группы в виде иностранных граждан.

Библиографический список

1. Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания: [заключена в г. Москва 6 марта 1998 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 43. 5978 с.

2. Относительно Европейских пенитенциарных правил: рекомендация № R(87)3 Комитет министров Совета Европы: [принята 12 февр. 1987 г.] // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М. : СПАРК, 1998.

3. Статья от 27.10.2019: [Газета Независимая: официальный сайт. 13.11.2019.]. URL: http://www.ng.ru/politics/2019-10-27/3_7712_news3.html (дата обращения: 15.10.2019).

4. Статья от 31.03.2019: [Dp.ru: официальный сайт. 13.11.2019 г.]. URL: [https:// www. dp.ru/a/2019/03/31/FSIN_inostranci_sostavlja](https://www.dp.ru/a/2019/03/31/FSIN_inostranci_sostavlja) (дата обращения: 15.10.2019).

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон РФ: от 08 янв. 1997 г. № 1-ФЗ: с изм. и доп. от 08 янв. 2019 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 53 (часть 1). 8474 с.

УДК 343.623

Дерзиянц Кристина Эдуардовна,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lthpbzyw@mail.ru

**Проблема прокурорского надзора за деятельностью комиссии
по делам несовершеннолетних в сфере защиты детей
от жестокого обращения**

В современном обществе проблема жестокости в семье занимает одну из высоких позиций. Правоохранительные органы и органы профилактики по защите детей занимают большую роль в борьбе с жестоким обращением. При осуществлении прокурорского надзора в деятельности комиссии по делам несовершеннолетних выявляются нарушения, которые аналогичны во многих субъектах Российской Федерации. Анализ мнений исследователей позволяет сделать вывод об усовершенствовании деятельности комиссии по делам несовершеннолетних.

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, комитет по делам несовершеннолетних, профилактика, несовершеннолетний, семья.*

Dirsync Christine Eduardovna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

**The problem of Prosecutor's supervision of the activities
of the Commission on juvenile Affairs in the field of protection
of children from abuse**

In modern society, the problem of cruelty in the family occupies one of the highest positions. Law enforcement and prevention agencies for protecting children play a large role in combating ill-treatment. When conducting prosecutorial supervision in the activities of the commission on juvenile affairs, violations are identified that are similar in many constituent entities of the Russian Federation. An analysis of

the opinions of researchers allows us to conclude that the commission on juvenile affairs has improved.

Keywords: *prosecutorial oversight, committee on juvenile affairs, prevention, juvenile, family.*

Одними из важных проблем современной России являются семейное неблагополучие, жестокое обращение с детьми, социальное сиротство. Причины, по которым возникает семейное неблагополучие взаимосвязаны между собой. А. А. Затолокин, О. В. Шкеля считают, что главными причинами жестокого обращения в семье и семейного неблагополучия в целом являются социально-экономические проблемы, психические или физические болезни у родителей, наличие в семье детей-инвалидов, психолого-педагогические проблемы [1, с. 2–3]. Технологические подходы к профилактике должны быть ориентированы на стадии профилактической работы, учитывать все компоненты системы профилактики, включать в себя все возможные методы, формы организации, мероприятия, обеспечивающие формирование безопасной для ребенка среды.

Рассматривая проблемные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов по защите прав несовершеннолетних, необходимо остановиться на наблюдении за соблюдением законности в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, так как данный орган является важнейшим составляющим в формирующейся в государстве системы ювенальной юстиции [2, с. 4-6]. Приказ Генеральной прокуратуры от 26 ноября 2007 г. № 188 возлагает обязанность на прокуроров пресекать факты жестокого обращения с детьми, насилия в семьях, воспитательных и образовательных учреждениях. При наличии оснований должен проводить проверки в рамках уголовно-процессуального законодательства. Добиваться исполнения органами и учреждениями системы профилактики, требований закона о выявлении беспризорных и безнадзорных детей, семей, которые находятся в социально опасном положении, а также проверять соблюдение компетентными органами обязанности по информированию о таких семьях для защиты и восстановления прав детей.

При осуществлении надзора прокуратурой выявляются нарушения. Например, Прокуратура Костромской области при осуществлении проверки выявили, что комиссия не в полной мере исполняет обязанности, которые возложены постановлением губернатора Костромской области, в том числе не информирует губернатора о состоянии работы по защите прав несовершеннолетних, ежеквартально не обобщает результаты работы своей деятельности по защите их прав. Имеют место факты невыполнения плановых мероприятий. Нарушаются требования закона при рассмотрении жалоб и обращений граждан. Не все обращения граждан комиссией рассматриваются в сроки, которые установлены законом. Имеют место факты рассмотрения повторных жалоб лицами, чьи действия обжалуются.

Прокуратурой Быстринского района Камчатского края в при осуществлении проверки по соблюдению законодательства об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проанализированы результаты работы в 2018 году Комиссии по делам несовершеннолетних и защите

их прав Быстринского муниципального района. Было выявлено, что деятельность комиссии по делам несовершеннолетних не в полной мере соответствовала требованиям Федерального закона «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что при осуществлении прокурорского надзора выявляются аналогичные нарушения в работе комиссий по делам несовершеннолетних.

В июне 2019 года в ходе парламентских слушаний в Совете Федерации прошло обсуждение относительно мер, которые необходимы для совершенствования законодательства, регулирующего деятельность комиссий по делам несовершеннолетних. Е.Б. Мизулина считает, что комиссия по делам несовершеннолетних должна быть подчинена своей основной цели: профилактике детской беспризорности и нарушений прав и законных интересов детей. Также она отметила, что нынешний закон об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних уже не отвечает современным вызовам в сфере защиты прав и свобод детей [3]. При этом особое внимание должно уделяться именно профилактике, считает выступавшая заместитель министра просвещения Российской Федерации Т. Ю. Синюгина. Она отметила, что задачей комитета по делам несовершеннолетних является недопущение такой ситуации, когда речь идет о правонарушениях или лишении родительских прав. Однако в реальности комиссии зачастую не справляются с этой задачей, что фактически превращает их из профилактического органа в карательный. Исправить эту ситуацию, по мнению Синюгиной, может передача судам полномочий, необходимых для работы с административными делами, возбужденными в отношении родителей. При этом, как заметила согласившаяся с ней Е. Б. Мизулина, дела в отношении детей все же должны оставаться в ведении комитета по делам несовершеннолетнего соответствующего субъекта. Л. С. Гуменова отметила необходимость подготовки кадров для работы комиссий, что можно решить через специализированные курсы при педагогических вузах РФ [5].

Член общественной палаты Л. Н. Виноградова, являясь судьей в отставке, заявила, что рассмотрением дел об административных правонарушениях нужно передать районным судам, отобрав эти полномочия у комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Практика принятия решений по административным правонарушениям законных представителей детей лишает родителей доступа к правосудию, а комиссиям не позволяет заниматься своей прямой деятельностью по профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних.

Напомним, комиссии по делам несовершеннолетних были созданы в 1918 году Советом народных комиссаров. В настоящее время является коллегиальным органом, который создан высшими исполнительными органами государственной власти субъектов. Кроме того, комиссии по делам несовершеннолетних занимаются не только профилактикой безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, но и защитой их прав. Однако, как отметили выступающие на парламентских слушаниях, в последние годы комиссии по делам несо-

вершеннолетних чаще выполняют карательные, а не профилактические функции. На основании этого, соглашаясь с мнением участников парламентского слушания, предлагаем для того, чтобы разгрузить работу комиссий по делам несовершеннолетних, и они смогли выполнять свою главную цель по защите прав детей и профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, предлагаем полномочия по рассмотрению протоколов об административном правонарушении передать в районные суды. Считаем, при данных изменениях, протоколы об административных правонарушениях будут рассмотрены беспристрастно компетентными судьями, обеим сторонам будут разъяснены право на обжалование постановления.

Библиографический список

1. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // СПС «Гарант» (дата обращения: 05.11.2018).

2. Затолокин А. А., Шкеля О. В. «Организация работы сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних по профилактике семейного неблагополучия : метод. рекомендации. URL: <https://cyberleninka.ru/search#q=&page=1> (дата обращения: 22.10.19).

3. Кошелева А. Д., Алексеева Л. С. Психологическое насилие над ребенком в семье, его причины и следствия // Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие. М. : ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. С. 21–69.

4. Полушкин А. В. Актуальные проблемы вопросов прокурорского надзора за соблюдением законов в отношении несовершеннолетних // Молодой ученый. 2018. №16. С. 234–236. URL <https://moluch.ru/archive/202/49711/> (дата обращения: 31.10.2019).

5. Шахов Н. Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних обсудили в Совете Федерации. URL: <https://slovodel.com/530778-deyatelnost-komissii-po-delam-nesovershennoletnikh-obsudili-v-sovfede> (дата обращения: 31.10.2019).

УДК 343.828

Жданов Александр Михайлович,

Волго-Вятский институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)»

г. Киров, Российская Федерация

sasha.zhdanov.0426@gmail.com

Реализация права на охрану здоровья лиц, осужденных к лишению свободы

Право на охрану здоровья является важной частью правового статуса каждого гражданина, даже если он находится в исправительном учрежде-

нии. Но как показывает практика, данными правами заключенных пренебрегают чаще всего. Данная статья рассматривает вопросы правовой защищенности заключенных в сфере здравоохранения. Автор рассматривает существующие законодательные акты, содержащие нормы по охране здоровья заключенных и выводит правовой статус данных лиц в сфере здравоохранения. При анализе вопроса, автор выявляет проблемы существующей правовой системы здравоохранения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, и предлагает возможные пути их решения.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, здравоохранение, заключенный, исправительные учреждения, медицинская помощь, законодательный акт, лечебные исправительные учреждения.

Zhdanov Alexander Mikhailovich,

Volga-Vyatka Institute (filial)
of the University named after
O. E. Kutafin (MSAL)

Realization of the right to health protection of persons sentenced to deprivation of liberty

The right to health care is an important part of the legal status of every citizen, even if he is in a correctional institution. However, as practice shows, these rights of prisoners are neglected most often. This article examines the issues of legal protection of prisoners in the field of health care. The author considers the existing legislative acts containing norms on health protection of prisoners and deduces the legal status of these persons in the field of health care. In analyzing the issue, the author identifies the problems of the existing legal system of health care of persons detained in correctional institutions, and suggests possible ways to solve them.

Keywords: right to health care, health care, prisoner, correctional facilities, medical care, legislation, medical correctional facilities.

В Конституции РФ в статье 17 закреплены положения, по которым наше государство признает права и свободы гражданина и человека за всеми как неотъемлемую часть правового статуса, а также гарантирует их не отчуждаемость. Однако в части 3 статьи 55 Конституции РФ содержится исключение из, выше указанного, правила [1]. Ограничения прав допускается в особых случаях с соблюдением определенных условий. Одним из возможных условий ограничения права, является ситуация, когда лицо, преступает закон, и государство в форме санкции, ограничивает некоторые его права. В таком случае по совокупности факторов законом установлено, какое право человека будет ограничено и в какой степени. Одним из таких лишений может быть свобода человека. Однако ограничение этого права не влечет за собой умаление других прав и свобод человека, закрепленных во 2 главе Конституции РФ и международных договорах. Одним из таких является право на здравоохранение.

Этот вопрос особенно актуален, поскольку в настоящее время, нарушение право на охрану здоровья является одним из самых частых в местах лишения свободы. Так в ежегодном докладе уполномоченного по права человека РФ за 2018 год указано, что 806 обращений от граждан, содержащихся в учреждениях УИС связаны с нарушениями в области медицинского обеспечения, что составляет 20,5 % от всей массы. Сотрудниками исправительных учреждений допускаются нарушения, ввиду недостаточной внимательности к здоровью заключенных, или пренебрежением к их правам.

Право на охрану здоровья является важной частью правового статуса любого гражданина. Ввиду особенности положения, в котором оказываются люди, лишённые свободы, необходимо отдельно установить их права на охрану здоровья и их реализацию, в частности установить специальные меры контроля за соблюдением установленных норм. Это положение подтверждает международная практика. Так, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах в статье 12 установлено «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья» [2]. Другой акт Основные принципы обращения с заключёнными в 9 пункте содержит следующую норму «Заключённые пользуются медицинским обслуживанием, имеющимся в данной стране, без дискриминации в связи с их юридическим положением» [4]. Наиболее подробно вышеуказанные права раскрываются в акте ООН Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключёнными [3]. Рассмотрев, положения международных актов, можно вывести определенную конъюнктуру в регулировании права на здравоохранение в местах лишения свободы в международной практике – человек, находящийся в местах лишения свободы, несмотря на свой статус, должен обеспечиваться всеми необходимыми условиями для здравоохранения на уровне с рядовыми гражданами, лишение свободы не влечет отмену или ограничение этого права.

Российская Федерация – это правовое и социальное государство. Из этого можно вывести, что при необходимости вынесения и исполнения наказания, наша страна должна обеспечить не только справедливость решения и точность при исполнении приговора, но и защиту тех прав, которые закреплены за осужденными. Как мы установили выше международное право приравнивает охрану здоровья лиц, лишённых свободы, к лицам, к которым не были применены санкции со стороны государства. Поэтому и право, закрепленное в Конституции РФ на здравоохранение, на них, распространяется без исключения.

Однако ввиду, особенности статуса заключенного, необходимо не только признать за ними данное право, но и включить его в систему исполнения наказания. Для этого был принят ряд законодательных актов. Основным из них является Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Так в пункте 6 статьи 12 содержится общее положение, закрепляющее за всеми осужденными право на охрану здоровья. Более конкретно оно рассмотрено в статье 101 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [7]. Так во 2 части этой статьи установлено, что персонал учреждений, в которых преступники отбывают наказание в виде лишения свободы, должен быть полностью укомплектован медицинским персо-

налом и препаратами, а также необходимым оборудованием и помещениями. В этой же части прослеживается дифференциация права на охрану здоровья. При некотором виде заболеваний (открытая форма туберкулеза, алкоголизмом и наркомания), предусмотрены особые условия содержания, отвечающие требованиям курса лечения данных болезней и изолирующих их от остальных, исключая возможность распространения заболевания. Последнее, что стоит отметить в статье 101 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, что она отсылается к другим актам, предоставлял возможность компетентным не законодательным органам по средствам издания подзаконных актов регулировать порядок обеспечения права на здравоохранения заключенных.

Другой законодательный акт, который стоит рассмотреть, касательно вопроса здравоохранения заключенных – это ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8]. Наибольший интерес представляет 26 статья. Она содержит нормы, непосредственно регулирующие право на охрану здоровья таких групп населения, как задержанных, заключенных под стражу, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста. По содержанию статья 26 в частях 1, 2, 3 и 5 отражает нормы, установленные в международных актах, рассмотренных нами выше. Но есть положение в статье 26, которое заслуживает особого внимания. Например, часть 4, это положение наглядно демонстрирует, ту особенность, которая есть в праве на охрану здоровья у заключенных. Оно не может быть ограничено, но для его реализации создаются специальные условия.

Как было сказано выше, федеральные законы устанавливают лишь общие положения в сфере здравоохранения заключенных, оставляя детализацию подзаконным актам. Так в приказе Министерства юстиции РФ «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» от 16.12.2016 [5] в XIX разделе содержится перечень положений об организации и предоставлении медицинской помощи осужденным, обеспечение санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий.

В другом подзаконном акте – приказе Министерства юстиции РФ от 28.12.2017 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» содержатся более конкретные предписания относительно организации медицинских учреждений для заключенных и порядке оказания им медицинской помощи [6]. Как и предыдущий документ, он повторяет нормы, содержащиеся в международных актах и федеральных законах, но содержит непосредственный порядок их реализации.

Российским законодательством не предусматривается ограничения права заключенных на здравоохранение. Исключительность положения лиц, лишенных свободы, влияет лишь на способ реализации, предусматривая особые механизмы контроля, которые не нарушают их основного права на охрану здоровья, а лишь обеспечивают безопасность обслуживающему персоналу (медицинским работником, сотрудникам исправительных учреждений). Однако несмотря на правовые предписания, ежегодно в адрес уполномоченных органов поступают жалобы заключенных об отказе в оказании помощи, как по причине игно-

рирования жалоб сотрудниками исправительных учреждений, так и по причине отсутствия необходимого оборудования или персонала. Данные действия являются неправомерными и ограничивающими право заключенных на здравоохранение.

Другой важной стороной обеспечения реализации прав является их охрана. Гарантии на охрану права на здравоохранение заключенных можно разделить на две группы.

В первую относятся установление ответственности за соблюдением исполнения предписаний закона на администрацию исправительных учреждений и контроль со стороны органов исполнительной власти за этим. Такие положения содержатся в пункте 3 статьи 101 Уголовно-исполнительного кодекса РФ и в приказе Министерства юстиции РФ от 2017 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» в пунктах 3 и 4.

Ко второй группе относятся возможность заключенных обращаться с предложениями, заявлениями, ходатайствами и жалобами в уполномоченные органы власти РФ, а также адресованные в соответствии с международными договорами Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Порядок подачи и рассмотрения установлен в 15 статье Уголовно-исполнительного кодекса РФ и в федеральном законе от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Подводя итог, можно вывести перечень положений относительно права на здравоохранение заключенных в РФ. В соответствии с международными и отечественными законодательными актами, право на охрану здоровья заключенных не отличаются от права рядовых граждан, имеет аналогичное содержание. Оно не может быть ограничено или сокращено. Разница заключается лишь в особой форме реализации, учитывая статус лиц, лишенных свободы. Однако специализация механизма реализации направлена не на ограничение, а на гармоничное вписывание в систему исполнения наказания. Поэтому, каждое исправительное учреждение в РФ должно отвечать требованиям закона, т. е. иметь все необходимое медицинское оборудование и персонал, для обеспечения реализации права заключенных на охрану здоровья. Сотрудники исправительных учреждений обязаны относиться с надлежащим вниманием к жалобам заключенных на здоровье, не игнорируя их, ни при каких условиях. При выявлении подобных нарушений, компетентные органы должны обязывать исправительные учреждения устранять нарушения в кратчайшие сроки, а при необходимости накладывать санкции и выводить из пользования учреждение, не отвечающее всем медицинским требованиям и не способным в полной мере реализовать право заключенных на охрану здоровья.

Необходимо расширять возможности в обратной связи между заключенными и государством. Создавать наиболее обширные условия гласности, в которых каждое лицо, лишенное свободы, сможет напрямую и анонимно (при необходимости) заявить о нарушении своего права на охрану здоровья, не боясь, что его жалоба не будет замечена и рассмотрена, а в будущем за это его не бу-

дут ждать негативные неправомерные санкции со стороны администрации исправительного учреждения.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.11.2019).

3. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) : приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г. // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.11.2019).

4. Основные принципы обращения с заключенными (Приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2019).

5. Приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295 Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.11.2019).

6. Приказ Министерства юстиции РФ от 28 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.11.2019).

7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2019).

8. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2019).

УДК 343.2/.7

Золотов Сергей Николаевич,

Волго-Вятский институт (филиал) университета им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

zolotovsergey0604@gmail.com

Фейербах и его вклад в развитие уголовного права

В статье исследуется юридическая, законодательная и судебная деятельность Пауля Иоганна Ансельма фон Фейербаха (1775-1833), одного из основателей классической школы в уголовном праве, обосновавшего условия и цели наказания. Автором рассматривается вопрос об отмене пыток в Баварии,

о новой эпохе либерального правового государства, которая началась благодаря активной деятельности Пауля фон Фейербаха, о создании Баварского Уголовного кодекса в 1813 году, определившего основные черты уголовного права в Баварии, установившего круг деятельности судебных органов и обязанности самих судей.

Ключевые слова: Фейербах, уголовное право, правовое государство, судебная деятельность, наказание.

Zolotov Sergey Nikolaevich,

Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

Feuerbach and his contribution to the development of criminal law

The article examines the legal, legislative and judicial activities of Paul Johann Anselm von Feuerbach (1775-1833), one of the founders of the classical school in criminal law, who justified the conditions and purpose of punishment. The author considers the question of the abolition of torture in Bavaria, the new era of the liberal rule of law, which began thanks to the active work of Paul von Feuerbach, the creation of the Bavarian Criminal Code in 1813, which determined the main features of criminal law in Bavaria, which established the scope of the judicial authorities and the duties themselves judges.

Keywords: Feuerbach, criminal law, rule of law, judicial activity, punishment.

Фейербах (Feuerbach) Ансельм (1775–1833), немецкий криминалист, доктор философии и доктор права, читавший лекции по уголовному праву и процессу, гражданскому и римскому праву в университетах Йены, Киля и Ландсхута, явился одним из основателей классической школы в уголовном праве [5].

«Наказание за преступление наступит только в том случае, если вина была определена законом до совершения преступления» (Фейербах). Это определение, сформулированное в 1 параграфе Уголовного кодекса имеет настолько важное значение, что закреплено и в Основном законе ФРГ [4]. Пункт 2 статьи 103 Основного закона слово в слово повторяет данный принцип. Пункт 2 статьи 103 Конституции ФРГ содержит буквальное повторение данного положения. Constitutio Criminalis Carolina 1532 года, уголовно-судебный кодекс Императора Карла V, действовавший до 18 века, в первую очередь был порядком проведения судебного процесса, в котором материальное уголовное право было лишь незначительно освещено. Если судья не находил состав преступления, под который мог подвести дело, тогда он наказывал на свое разумное усмотрение и выносил экстраординарное наказание. Оно не имело никакой юридической силы. Оправданный был освобожден через отказ об удовлетворении по процессуальным обстоятельствам. Если были сомнения относительно его невиновности, но формального доказательства невиновности не было, судья назначал более мягкое наказание, с оставлением в подозрении. Вся власть была в руках судьи.

В особо тяжких уголовных делах, так называемых «исключительных делах», таких как судебные разбирательства по делам о ведьмах и еретиках, и в делах о преступлениях, совершенных высокопоставленными должностными лицами, уголовное судопроизводство не имело ограничений [3].

Все эти обстоятельства создавали условия для проявления произвола и отсутствия правовой безопасности. Они должны были казаться невыносимыми для просвещенного восемнадцатого века. Делом Пауля Фейербаха стало преодоление этих обстоятельств.

Имя Фейербаха неразрывно связано с высказыванием «*nulla poena sine lege*», которое принадлежит ему. Он придавал этому положению особое значение и поэтому разработал Баварский уголовный кодекс, первый уголовный кодекс в современном смысле этого слова. Это работа олицетворяла собой эпоху либерально-позитивистского правового государства и привела к отмене пыток в Королевстве Бавария в 1806 году.

В ноябре 1804 года Фейербах, в то время профессор в Ландсхуте, представил меморандум о необходимости отмены пыток в Баварии своему нерешительному Курфюрсту Максу Йозефу. Фейербах предпринял попытку развеять его сомнения, предложив ознакомиться с отменой пыток лишь в судах. Фейербах победил. В 1806 году Макс Йозеф, король Баварии, подписал эдикт об отмене пыток, не забыв отметить: «Пусть Фейербах отвечает, если преступник уйдет от наказания» [5].

Баварский Уголовный кодекс 1813 года был основан на философских идеях Канта, к школе которого принадлежал Фейербах. Существенной и неотъемлемой чертой любого объективного права является его позитивность, то есть уголовное право должно точно описывать составы преступлений, за которые грозит наказание. Он обосновывает карательную власть и одновременно ограничивает ее. Это, как выразился духовный последователь Фейербаха, юрист и специалист в области уголовного и международного права Франц фон Лист, позже «*Magna Charta des Verbrechers*» [1].

Указанная Фейербахом привязка судьи к закону означала либерализм и верховенство закона. Судья, по его словам, «должен придерживаться голой буквы закона». (Его задача заниматься своим делом, и, не оглядываясь на закон, осуществлять судебный процесс). Здесь Фейербах ссылается на исследования французского философа Чарльза де Монтескье (1689–1755), который в своем *Esprit des lois* (1748) разделил полномочия и предоставил судье решение задачи применения закона, а не творческого его исполнения и дополнения (*la bouche qui prononce*). Не следует думать, что Фейербах недооценивал силу судебной власти. Сам Фейербах занимал высокий судебный пост председателя апелляционного суда округа Ансбах.

Только преступление «без учета лица» должно быть наказано в соответствии с законом. Ни личность преступника, ни его звание не должны приниматься во внимание. Теория наказания была полностью основана на общей превенции. Фейербах был первым, кто провел четкое различие между специальной и общей превенцией. Он отверг теорию полезности итальянского юриста Беккарии и английского философа и правоведа Бентама, потому что они обращали

внимание на личность преступника – что Фейербах считал противоречащим правовой практике.

«Общая превенция психологическим принуждением должна вызывать угрозу наказания. Применение наказания должно всем дать понять их серьезность. Здесь становится очевидной близость к кантовской этике. И как это ни парадоксально, суровость концепции уголовного права Фейербаха объясняется именно намерением защитить свободу личности» (Радбрух – немецкий правовед и политик) [2].

Фейербах ввел еще одно ограничение в уголовном праве: он строго отделил его от морали. Нарушения морального закона или религии, по его мнению, для уголовного закона ничего не значит. От наказания за богохульство он отказался своими знаменитыми словами: «Немыслимо, чтобы божество мстило людям за несправедливость; мстить им, наказывая обидчиков, – глупость».

Фейербах был прообразом деятельного, креативного юриста. Поэтическим случаем юридической истории является то, что в его современном Савиньи (немецкий правовед и историк, юрист, представитель исторической школы права), «противнике законодательного каприза» (Радбрух), который «благоговейно подслушивает историю», он столкнулся с антитипом созерцательного, спокойного адвоката. Эти отношения между двумя великими юристами в начале девятнадцатого века находят свое соответствие в отношениях между Шиллером и Гёте, на которые ссылался Радбрух. Он выразил эту связь антиподов Фейербаха и Шиллера, Савиньи и Гёте, как дуалистическую. Там есть ораторский пафос антитезиса, который имеет тенденцию возникать из дуалистического чувства противоречия между реальностью и идеалом, здесь гармония тех, кто монистически ищет и находит разум в вещах. Стиль Фейербаха и Шиллера напоминает мост, который колеблется от столба к столбу в напряжении, дикция Савиньи и Гёте в безмолвном величии потока, который течет под этим мостом. Титанов там, олимпийцев здесь... [5].

Таким образом, Фейербах, величайший криминалист XIX века, «рациональный и эффективный законодатель» (Радбрух), основал эпоху либерального правового государства, в котором мы живем и сегодня.

Библиографический список

1. Учебник уголовного права : Общая часть / Франц фон-Лист, проф. Берлин. ун-та ; разреш. авт. пер. с 12 перераб. изд. Ф. Ельяшевич ; с предисл. автора и проф. Моск. ун-та М.В. Духовского. М. : т-во тип. А. И. Мамонтова, 1903. XXIV, 334 с.
2. История политических учений. 2 изд. М., 1971. С. 264–66.
3. Einführung in das deutsche Recht und die deutsche Rechtsprache. München, 2006. 284 p.
4. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn : Textausgabe, 2002.
5. Handbuch des Staatsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Herausgegeben von Josef Isensee und Paul Kirchhof / C. F. Müller Juristischer. Verlag Heidelberg, 1987–1992. Т. 1. Р. 161–166.

Ивонтьева Кристина Сергеевна,
студент, Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Российская Федерация
kravcov_w@mail.ru

Специфика организации режима и осуществление надзора за осужденными в исправительном центре

В данной работе рассматриваются проблемы, связанные с реализацией относительно нового вида уголовного наказания – исправительных работ. Несмотря на то, что данный вид наказания предусмотрен уголовным законодательством, его реализация была невозможна в виду того, что исправительные центры стали создаваться только в последние годы. В свете этого возникает ряд практических проблем, в том числе связанных с организацией надзора в исправительных центрах. Актуальность и прогрессивность данного вида исправительного наказания требует дальнейшего совершенствования законодательной базы.

Ключевые слова: надзор, режим, осужденные, исправительный центр, особенности организации режима.

Ivontyeva Kristina Sergeyevna,
student, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia,
Vladimir, Russian Federation

Specifics of the organization of the regime and supervision of convicts in the correctional center

This paper discusses the problems associated with the implementation of a relatively new type of criminal punishment – correctional labor. In spite of the fact that this type of punishment is provided by the criminal legislation, its implementation was impossible in view of that, that correctional centers have only been established in recent years. In this light, a number of practical problems arise, including those related to the organization of supervision in correctional centres. The relevance and progressiveness of this type of correctional punishment requires further improvement of the legislative framework.

Keywords: supervision, regime, convicts, correctional center, peculiarities of regime organization.

Принудительные работы, согласно уголовному законодательству Российской Федерации применяются как альтернативная мера к лишению свободы [4]. Данный вид наказания достаточно молодой и только входит в правоприменительную практику. Учреждениями, которые исполняют данный вид наказания

являются исправительные центры, а также участки на базе исправительных учреждений функционирующие в режиме исправительных центров. Создание исправительных центров позволит реализовать такой вид наказания, как принудительные работы-отбывание наказания непосредственно по месту жительства осужденного.

Принудительные работы-это вид уголовного наказания, связанный с привлечением осужденного к оплачиваемому труду в местах, определяемых органами уголовно-исполнительной системы, с вычетом из его заработной платы определенной денежной суммы [3, ст. 53.1 УК РФ].

Необходимо уделить особое внимание изучению специфики организации режима и осуществления надзора в исправительных центрах. В настоящий момент указанный вид наказания регламентируется большим количеством нормативно-правовых актов. Уголовно-исполнительный кодекс является основным нормативно-правовым актом в области регулирования наказания в виде принудительных работ. В соответствии со ст.60.4 УИК РФ осужденные, отбывающие наказание в виде принудительных работ находятся под надзором сотрудников уголовно-исполнительной системы их личные вещи подлежат досмотрам, а сами осужденные могут подвергаться обыскам [1, с. 162].

Под надзором следует понимать осуществление постоянного контроля за поведением осужденных в местах их размещения и работы по локальным зонам, изолированным участкам и цехам специально назначаемыми нарядами из числа сотрудников ИУ с использованием сил и средств, имеющимися в их распоряжении, в целях обеспечения режима отбывания наказания осужденными, предупреждения и пресечения преступлений, нарушений установленного порядка [2, с. 52].

Следует акцентировать особое внимание на том, что на сегодняшний день уголовно-исполнительным законодательством РФ недостаточно раскрыто регулирование осуществления процесса обысков и досмотров в исправительных центрах, что может спровоцировать нарушения законодательства и жалобы со стороны осужденных.

Положения уголовно-исполнительного законодательства устанавливают права администрации на помещение осужденных, нарушающих условия отбывания наказания в безопасное место на срок до 24 часов. По-нашему мнению, понятие «администрация ИЦ» достаточно размыто, так как не уточняется какие именно сотрудники исправительного центра наделены данными правами в связи с этим возникает необходимость в дополнении соответствующего законодательства, а именно в уточнении лиц, которые имеют право на применение мер взысканий и поощрений к осужденным.

Осуществление организации надзора в исправительных центрах должно осуществляться в зависимости от определенных характеристик:

- в зависимости от численности осужденных, приговоренных к принудительным работам и отбывающих наказание в исправительных центрах;
- возможность применения и использования технических средств надзора и контроля;

– наличие всех условий, для осуществления полноценного надзора за лицами, осужденными к принудительным работам.

Как уже было отмечено ранее, принудительные работы являются достаточно молодым наказанием, в связи с этим возникают проблемы, касающиеся осуществления надзора. В законодательстве нет закрепления содержания раздельных категорий в разных исправительных центрах, в связи с этим в исправительном центре одновременно могут содержаться:

- лица, впервые осужденные и рецидивисты;
- совместное содержание мужчин и женщин;
- лица, которым за совершение преступления предусмотрены принудительные работы и прибывшие из исправительных учреждений в рамках пересмотра приговора.

По-нашему мнению, должно быть раздельное содержание осужденных, по различным категориям, предусмотренных уголовным законодательством.

Правительством Российской Федерации был утвержден перечень технических средств надзора и контроля, который включает в себя:

- 1) охранная сигнализация, с помощью которой мы можем выявить факты незаконного проникновения на режимную территорию;
- 2) система тревожной сигнализации, которая организует подачу тревожного сигнала в случае чрезвычайных ситуаций;
- 3) видеонаблюдение, позволяет осуществление постоянного контроля за осужденными;
- 4) речевое оповещение, обеспечивает трансляцию объявлений на всей территории исправительного центра;
- 5) преграждающие устройства, обеспечивающие препятствие для проникновения на режимную территорию.

Отметим, что технические средства контроля и надзора позволяют осуществлять постоянный контроль за действиями осужденных, своевременному выявлению нарушений и предотвращению совершения побегов.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что организация надзора за осужденными к принудительным работам требует дальнейшего совершенствования на уровне федерального законодательства с учетом опыта практической деятельности. Следует отметить, что в связи с тем, что принудительные работы являются относительно новым видом наказания, возникает ряд коллизий в нормативно-правовых актах, разрешение которых возможно в процесс обобщения и внедрения положительного опыта и совершенствования юридической базы.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, С. И. Курганов ; под ред. А. В. Бриллианова. 3-е изд., перераб и доп. М. : Проспект, 2018. 576 с.
2. Павленко А. А., Аниськин С. И. Надзор как одно из требований режима в учреждениях ФСИН России. Томск, 2006. 75 с.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон РФ: от 08 янв. 1997 г. № 1-ФЗ: с изм. и доп. от 08 янв. 2019 г.] // Собрание законодательства РФ. 2019.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : [федер. закон РФ: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: с изм. и доп. от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 2018.

УДК 343.98

Игнашина Маргарита Вилевна,

студент, Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация

Ткачук Татьяна Алексеевна,

доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столе-
товых,

г. Владимир, Россия Федерация

Особенности назначения экспертизы по уголовным делам на стадии предварительного расследования

В настоящее время уголовное судопроизводство невозможно без использования современных достижений естественных, технических, экономических и других наук, которые принято называть специальными знаниями. Специальные знания могут использоваться на различных этапах уголовного судопроизводства, таких как возбуждение, расследование и судебное рассмотрение уголовных дел. Экспертиза является одним из важнейших доказательств по делу. Несмотря на свою значимость, при назначении экспертиз по уголовным делам возникает множество проблем (ошибок), которые необходимо устранять.

Ключевые слова: экспертиза, назначение.

Ignashina Margarita Vilevna,

student, Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and
Nikolay Grigoryevich Stoletov,
Vladimir, Russia Federation

Tkachuk Tatyana Alekseyevna,

doctor of law, Professor, Vladimir state University named after Alexander
Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov,
Vladimir, Russia Federation

Features of the appointment of expertise in criminal cases at the stage of preliminary investigation

Currently, criminal justice is impossible without the use of modern achievements of natural, technical, economic and other sciences, which are called special knowledge. Special knowledge can be used at various stages of criminal proceedings, such as committing, investigating and prosecuting criminal cases. Expertise is one of the most important evidences in the case. Despite its importance, in the appointment of expertise in criminal cases there are many problems (errors) that need to be eliminated.

Keywords: examination, appointment.

Экспертиза в уголовном процессе – это самостоятельная процессуальная форма получения новых и уточнения имеющихся обстоятельств по делу, путем применения специальных научных знаний. Ее сущность заключается в проведении экспертом по заданию суда, следователя (дознателя) соответствующей экспертизы с целью установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Одной из разновидностей экспертиз по уголовным делам является экспертиза на стадии расследования уголовного дела.

На стадии предварительного расследования экспертиза назначается следователем либо дознавателем. Как правило, экспертиза назначается по усмотрению следователя (дознателя), за исключением случаев, определенных ст. 196 УПК РФ [1, 2001], когда экспертизы назначаются обязательно (например, для определения причин смерти).

По каждому конкретному делу дознаватель, следователь должны разрешать вопрос о назначении данной экспертизы, исходя из конкретных обстоятельств. Экспертиза считается назначенной со дня вынесения соответствующего постановления.

Порядок назначения экспертизы на стадии следствия регламентируется ст. 195 УПК РФ. Так, в постановлении о назначении экспертизы следователь (дознатель) указывает:

- основания назначения экспертизы;
- фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения;
- вопросы, поставленные перед экспертом;
- материалы, предоставляемые в распоряжение.

Постановление условно можно разделить на три составные части:

1) вводную. Тут указываются место и дата составления постановления, кто составил постановление (фамилия, должность и орган, где работает) и по какому уголовному делу;

2) описательную. Тут кратко излагаются фабула дела и обстоятельства, в связи с которыми возникла потребность в специальных познаниях, могут быть указаны также некоторые особенности объекта исследования, представляющие интерес для эксперта (например, условия хранения объекта, которые могли вызвать его видоизменение). Завершается эта часть ссылками на статьи УПК РФ, на основании которых назначена экспертиза;

3) резолютивную. Тут указывается род или вид, формулируются вопросы, выносимые на разрешение эксперта. Например, по мнению С.В. Расторопова, при назначении финансово-экономических экспертиз по уголовным делам ставятся следующие вопросы: Каково финансовое состояние и платежеспособность юридического лица (индивидуального предпринимателя)? Соответствуют ли отчетные данные юридического лица (индивидуального предпринимателя) его финансовому состоянию? Какова структура и динамика доходов и расходов юридического лица (индивидуального предпринимателя)? Имеются ли негативные отклонения в финансовом состоянии юридического лица (индивидуального предпринимателя)? Какова степень обеспечения юридического лица (индивидуального предпринимателя) оборотными средствами? [2, 2013, с. 323].

Судебные экспертизы по уголовным делам назначаются в государственных экспертных учреждениях МВД РФ, СК РФ или МИНЮСТЕ России.

При вынесении постановления о назначении экспертизы следователь (дознаватель) знакомит с ним подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, о чем составляет протокол. При назначении экспертизы указанные лица обладают следующими правами:

- присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы и давать объяснения эксперту;
- заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении;
- знакомиться с постановлением о назначении экспертизы;
- ходатайствовать о внесении в постановление о назначении экспертизы дополнительных вопросов эксперту;
- ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве экспертизы в конкретном экспертном учреждении;
- знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Затем следователь направляет постановление о назначении экспертизы и материалы уголовного дела, необходимые для ее производства, руководителю соответствующего экспертного учреждения. Последний поручает производство экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам, разъясняет им права и ответственность. Кроме того, руководитель экспертного учреждения вправе возвратить документы обратно, если в данном учреждении нет эксперта.

Таким образом, порядок назначения экспертизы на стадии предварительного расследования должен соответствовать следующему алгоритму: следователь (дознаватель) выносит постановление; знакомит с ним подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего и составляет соответствующий протокол; после чего направляет в экспертное учреждение. Данный порядок является «идеальным». При такой ситуации не нарушаются ни права стороны защиты (например, обвиняемого), ни стороны обвинения (например, потерпевшего).

Однако на практике все обстоит иначе. Встречаются случаи, когда следователь знакомит подозреваемого с постановлением о назначении экспертизы, при этом сама экспертиза уже готова. Как следствие, подозреваемый лишается права заявлять отвод эксперту; ходатайствовать о внесении в постановление о

назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов иных лиц; присутствовать при производстве судебной экспертизы; давать объяснения эксперту.

Поэтому, для решения данной проблемы и с целью защиты конституционных прав участников процесса видится целесообразным в ст. 195 УПК РФ внести положение: «Следователь (дознатель) знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением. После чего следователь, направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства. При нарушении данного порядка экспертное заключение будет считаться недопустимым доказательством».

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.
2. Расторопов С. В. Структура и содержание специальных знаний, необходимых для назначения и производства судебно-экономических экспертиз //Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 323.

УДК 343.272

Корабельникова Анна Николаевна,

студент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

korab.ana@yandex.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

Проблемы института конфискации имущества в уголовном праве

Институт конфискации имущества в действующем уголовном законодательстве содержит в себе массу проблем и противоречий как формально-юридического, так и практического плана, что создает достаточно негативный фон вокруг данного института. Цель настоящей статьи заключается в выработке некоторых рекомендаций, позволяющих несколько уменьшить круг проблем в исследуемом институте.

Ключевые слова: совершение преступления, совершение сделок, денежные средства, взятка, конфискация имущества.

Korabel'nikova Anna Nikolaevna

student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Aleksey Sergeevich,

candidate of law, associate Professor, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Problems of the property confiscation institute in criminal law

The institution of confiscation of property in the current criminal law contains a lot of problems and contradictions, both formally legal and practical, which creates a rather negative background around this institution. The purpose of this article is to develop some recommendations to somewhat reduce the range of problems in the institute under study.

Keywords: *commission of a crime, transaction, cash, bribe, confiscation of property.*

Институт конфискации имущества с точки зрения российского права является достаточно сложным явлением. Эта сложность проявляется в определении его сущностного содержания, которое одновременно включает в себя, как минимум, гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты одновременно. При этом, с точки зрения действующего уголовного законодательства конфискация относится не к наказаниям, а к иным мерам уголовно-правового характера.

Вместе с тем, в силу достаточно обширного круга проблем и противоречий, характерных для данного института, его значение для уголовного права является неоднозначным. Так, в частности, С. А. Алтухов, А. И. Сасиков небеспочвенно замечают, что в настоящее время «институт конфискации имущества, служивший ранее грозным средством предупреждения должностных злоупотреблений, превратился не без участия законодателя в завуалированную и при необходимости используемую и контролируруемую форму воздействия на лиц, признанных виновными в коррупции. Иными словами, конфискация имущества в том виде, в каком она применяется на практике и с учетом действующего законодательства, оказывается очередной профанацией, последствия которой уже видны невооруженным взглядом» [4].

В частности, весьма спорным, на наш взгляд, являются положения ч. 3 ст. 104.1 УК РФ [1].

Данное положение устанавливает применение конфискации имущества для случаев, если это имущество передано осужденным другому лицу или организации. Для того чтобы переданное имущество конфисковать, необходимо установить следующую совокупность юридических фактов: 1) имущество получено преступным путем, является (как правило) предметом преступления; 2)

лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать о том, что имущество получено в результате совершенного преступления. На данное обстоятельство специально обратил внимание Пленум Верховного Суда РФ в пункте 7 Постановления от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» [2].

Вместе с тем, имеется несколько критических замечаний как к самой конструкции нормы ч. 3 ст. 104.1 УК РФ, так и к ее разъяснениям, которые приведены выше. Суть данных замечаний в следующем.

Во-первых, правоприменитель несколько расширительно истолковал положения ч. 3 ст. 104.1 УК РФ в пункте 7 Постановления Пленума ВС РФ от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» (добавив «...или использовалось либо предназначалось для использования при совершении преступления...»), что может создать на практике определенные сложности. Как, например, поступать правоприменителю, в следующем случае: если в ходе предварительного следствия установлено, что лицо скрыло часть денежных средств, за счет которых должна быть взыскана недоимка по налогам и сборам, тем самым совершило преступление, квалифицируемое по ст. 199.2 УК РФ; при этом, сокрытые денежные средства лицо планировало использовать в качестве взятки налоговому инспектору, налоговый инспектор требовал данную сумму в качестве взятки, однако, в последствии, передумал брать денежные средства (при отсутствии признаков вымогательства взятки – п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ), лицо, сокрывшее данные денежные средства, использовало их иным образом (например, внесло в благотворительный фонд). Следуя буквальному смыслу разъяснений пункта 7 Постановления Пленума ВС РФ от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», в приведенном примере, даже несмотря на то, что преступление, предусмотренное ст. 199.2 УК РФ, не входит в перечень преступлений, указанных в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, сокрытые денежные средства подлежат конфискации, поскольку они предназначались для использования при совершении преступления – получение взятки налоговым инспектором (ст. 290 УК РФ), без принятия во внимание того обстоятельства, что по независящим от лица, сокрывшего денежные средства, причинам, данное преступление (ст. 290 УК РФ) не было совершено.

Приведенный пример позволяет сделать вывод, что Верховный Суд РФ несколько вышел за рамки своих полномочий и, фактически, сформулировал новое правило, а не истолковал положение части 3 статьи 104.1 УК РФ.

Представляется, что для правильного применения части 3 статьи 104.1 УК РФ нужно исследовать не факт предназначения для использования или факт использования имущества, подлежащего конфискации, для совершения преступления, а факт получения данного имущества в результате (именно в результате) преступных действий и существо сделок, их условия, на основе которых данное имущество передается преступником третьему лицу (и обращать внимание на некоторые иные ориентиры, речь о которых пойдет ниже). Так, например, если автомобиль, полученный в качестве взятки, продается в последст-

вии третьему лицу (юридическому или физическому) по существенно заниженной цене по сравнению с его рыночной стоимостью, на условиях длительной отсрочки или рассрочки платежа, имеются все основания утверждать, что такая сделка носит притворный характер и направлена исключительно лишь на то, чтобы вывести полученный преступным образом актив из-под действия уголовно-правовой нормы о конфискации имущества. На наш взгляд, такая практика является явно порочной, не способствующей достижению тех целей, ради которой существует институт конфискации.

Во-вторых, для того чтобы применить положение части 3 ст. 104.1 УК РФ, необходимо, кроме всего прочего, установить, что третье лицо, приобретающее имущество, полученное в результате преступных действий, должно знать об этом. На данное обстоятельство специально указано также в Обзоре практики взыскания в доход государства оформленного на третьих лиц имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений, направленного письмом Генеральной прокуратуры РФ от 28.09.2016 г. № 86-13-2016/Ип9947-16 [3].

Представляется, что факт осведомленности приобретателя имущества о его преступном происхождении является наиболее трудно доказуемым фактом. Выводы о такой осведомленности делаются, как правило, на основе совокупности косвенных фактов, подтверждающих данную осведомленность, что образует обширное поле для вольного истолкования тех или иных обстоятельств и применения исключительно субъективного подхода в их исследовании.

На наш взгляд, чтобы сузить рамки применения субъективизма и минимизировать риски возможных злоупотреблений при применении положений части 3 статьи 104.1 УК РФ также на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации необходимо установить некоторые ориентиры, которые правоприменители могли впоследствии использовать.

На наш взгляд, такими ориентирами являются:

- 1) поведение преступника;
- 2) существо и условия сделок, направленных на отчуждение имущества;
- 3) связь преступника и третьего лица в сделке, которому фактически отчуждается имущество (условно, «аффилированность третьего лица»). При этом, отмеченная связь может быть любой – прямой (родственник, друг, коллега по работе и т. д.) или опосредованной – директор в ООО, которому продается имущество, являющийся одновременно близким другом преступника, и т. д.

Бесспорно, что все три указанные ориентира не должны применяться разрозненно. Напротив, правоприменитель должен проводить исследование по всем направлениям и скрупулезно исследовать все обстоятельства совершения сделок, и только потом уже делать соответствующие выводы.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года, № 63-ФЗ] : офиц. текст : по состоянию на 23 апреля 2018 года. М. : Эксмо, 2018.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2018. № 134.

3. Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 28.09.2016 г. № 86-13-2016/Ип9947-16 «Обзор практики взыскания в доход государства оформленного на третьих лиц имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений». URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/met/inf/document-1297870/> (дата обращения: 30.11.2019 года).

4. Алтухов С. А., Сасиков А. И. Конфискация имущества: неотъемлемое средство противодействия коррупции или очередная профанация? // Юрист-Правоведь. 2016. № 5(78). С. 40–46.

УДК 343.82

Кошелева Ксения Алексеевна,
студент, Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Российская Федерация
Ksenia_Kosheleva99@mail.ru

Особенности обеспечения режимных требований в женских исправительных учреждениях

В данной статье автор анализирует статистические данные и порядок исполнения наказания в женских исправительных учреждениях, делая акцент на сравнительных различиях и особенностях отбывания наказания лицами женского и мужского пола. Освещает проблему совместного отбывания наказания матерей с новорожденными детьми в домах ребенка при исправительных колониях; осуществления и поддержания их дальнейшего общения, нехватки мест в таких специализированных исправительных учреждениях, а также их рассеивания по территории России. Уделяя особое внимание к проблемам, автор выносит обобщение и делает собственные выводы и предложения по улучшению нынешней ситуации.

Ключевые слова: женское исправительное учреждение, режимные требования, дом ребенка, социальная адаптация женщин, условия отбывания наказания.

Kosheleva Ksenia Alekseevna,
student, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia,
Vladimir, Russian Federation

Features of ensuring regime requirements in women's correctional institutions

In this article, the author analyzes the statistical data and the procedure for the execution of punishment in women's correctional institutions, focusing on the comparative differences and features of serving punishment by women and men. Highlights the problem of joint punishment of mothers with newborn children in children's homes at correctional colonies; implementation and maintenance of their further communication, lack of places in such specialized correctional institutions, as well as their dispersion on the territory of Russia. Paying special attention to the problems, the author generalizes and makes his own conclusions and suggestions to improve the current situation

Keywords: *women's correctional institution, regime requirements, children's home, social adaptation of women, conditions of punishment.*

Деятельность женских исправительных учреждений, в первую очередь, направлена на обеспечение процесса исправления содержащихся в них осужденных женщин, а также на предупреждение совершения ими новых преступлений.

По состоянию на 1 октября 2019 года в учреждениях содержится 42 869 женщин, в том числе 33 961 – в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 8 908 – в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 437 детей [1].

В предыдущем же периоде, по состоянию на 1 августа 2018 года в исправительных учреждениях содержалось 46,9 тыс. женщин, в том числе 37,8 тыс. осужденных отбывало наказание в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 9,1 тыс. осужденных женщин – в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при исправительных колониях. В домах ребенка проживало 490 детей [2].

Проводя сравнительный анализ данных периодов, можно сделать вывод, что за год и 2 месяца значительно снизилось количество женщин осужденных, а также детей, находящихся в домах ребенка при исправительных учреждениях. Такое изменение показателей, в первую очередь, свидетельствует о снижении преступлений, совершаемых женщинами.

От организации деятельности женских исправительных учреждений зависит то, кем выйдут эти женщины после освобождения.

Как правило, женщины чаще и легче встают на путь исправления, чем, например, мужчины. Многие из осужденных женщин переосмысливают свое поведение и, в принципе, меняют свое отношение к жизни.

Согласно нормативному регулированию женщины могут отбывать наказание в исправительных колониях общего режима. Однако ввиду необходимого разделения в учреждениях УИС разных категорий осужденных, например, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы; или наоборот – совершивших опасный и особо опасный рецидив [5] такое содержание в некоторых случаях просто невозможно. В каждом конкретном случае в качестве таких

осложнений могут выступать отсутствие достаточного материального обеспечения, конструктивные особенности зданий и строений, в которых невозможно разделение разных категорий лиц, нехватка жилых помещений для переоборудования и увеличения площади проживания на каждого осужденного.

Рассматривая особенности содержания осужденных женщин в исправительных колониях, необходимо начать с того, что обеспечение минимальной жилой площадью осужденных женщин на 50 % больше, чем для мужчин той же категории и составляет 3 м².

Необходимо отметить в качестве очередной особенности, привлечение осужденных к выполнению работ без оплаты труда исключительно по их желанию, однако данное правило применимо к беременным женщинам и возрастной категории старше 55 лет; также они имеют право получать на свой лицевой счет сумму заработка, составляющую не менее 50 % после удержания всех обязательных платежей.

Еще одной из ярких особенностей является законодательное разрешение на пользование и получение в посылках и передачах косметики, парфюмерии, необходимых вещей, одежды и средств личной гигиены. Обязательное обеспечение всех осужденных женщин средствами личной гигиены, а также получение услуг парикмахера или фотографа за свой счет закреплено ведомственным документом [3].

Рассматривая особенности отбывания наказания осужденными женщинами, нельзя не сказать о наличии в некоторых женских исправительных учреждениях домов ребенка. Общеизвестным фактом является то, что материнство играет очень важную роль в исправлении осужденных женщин, так как в большинстве случаев забота о ребенке мотивирует женщину к правопослушному поведению и стимулирует ее к скорейшему освобождению из исправительного учреждения. При появлении ребенка у матери может появиться дополнительный смысл к жизни – воспитание и продолжение поколения. Однако в настоящее время существует проблема, связанная с тем, что женских исправительных учреждений с функционирующими при них домами ребенка достаточно мало, лишь в 13 женских исправительных колониях организованы дома ребенка. Поэтому женщины, имеющие детей, направляются для отбывания наказания на значительное расстояние от места жительства.

На наш взгляд, данный факт оказывает негативное влияние на семейные и социальные связи, а также осложняет сам процесс исправления и ресоциализации осужденных женщин. Считаем, что создание домов ребенка, либо специализированных детских отделений при каждой женской колонии позволило бы решить имеющуюся проблему.

Следует отметить, что ребенок, находящийся в доме ребенка при исправительной колонии имеет право на общение с матерью, то есть он не лишен родителей. Но при этом, такое общение сводится к минимуму. Это связано с тем, что согласно ч. 1 статьи 100 УИК РФ женщины могут общаться с детьми в свободное от работы время без ограничения, но, как правило, в свободном времени осужденные женщины ограничены, потому что распорядок исправительного учреждения не совпадает с распорядком дома ребенка [4, с. 173]. На практике

можно увидеть, что некоторые матери видятся со своими детьми 1–2 часа в день, а если ребенок проживает в группе, в которой введен карантин, то такое общение сводится к нулю.

Еще одной проблемой, связанной с функционированием домов ребенка при исправительном учреждении является обеспечение совместного проживания матери и ребенка. Осужденным женщинам может быть разрешено совместное проживание с ребенком только в 8 исправительных учреждениях: Республика Мордовия, Краснодарский край, Владимирская, Московская, Ростовская, Самарская, Саратовская и Свердловская области.

Как известно, проживание матери с ребенком полностью зависит от администрации данной исправительной колонии. Исходя из этого, возникает еще одна проблема: не все осужденные женщины могут проживать совместно со своими детьми, так как бытовые условия в домах ребенка, зачастую, не дают возможность реализовать имеющееся право. Это связано с тем, что, например, количество комнат для совместного проживания матери и ребенка может быть ограничено.

Также очень важно обеспечивать осужденным женщинам, имеющих детей в возрасте старше трех лет, которые находятся за пределами колонии, возможность поддерживать контакты с ними. Если дети приходят на свидание к своим матерям, необходимо приложить максимальные возможности для обеспечения таких контактов, так как общение не просто с близкими людьми, а со своими детьми для осужденных является весомым вложением в успешное исправление.

Необходимо отметить, что очень важное значение для осужденных женщин имеют длительные свидания с семьей, поэтому, считаем, что было бы целесообразно увеличить количество таких свиданий.

Таким образом, обеспечение режима содержания осужденных женщин имеет ряд специфических особенностей. Нами наиболее подробно были рассмотрены особенности отбывания наказания осужденными женщинами, имеющими детей в исправительных учреждениях. Согласно статистическим данным женская преступность имеет некоторую тенденцию к снижению, однако данная категория лиц сталкивается с рядом проблем в процессе отбывания наказания, непосредственно касающихся общения со своими детьми, которые, на наш взгляд, необходимо дополнительно законодательно урегулировать.

Библиографический список

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (дата обращения: 15.11.2019).

2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы по состоянию на 1 августа 2018 года. URL: <http://prisonlife.ru> (дата обращения: 15.11.2019).

3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ Минюста России от 16 дек. 2016 г. № 295 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2016. № 44.

4. Сватко Л.В. Особенности исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами, имеющими детей по действующему уголовно-исполнительному законодательству России // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2018. № 11. С. 170–180.

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон : от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : в ред. от 28 ноября 2015 г. № 358-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

УДК 343.819.1

Крайнова Екатерина Александровна,

студент, Владимирский юридический институт ФСИН России,

г. Владимир, Российская Федерация

krajnova123321@mail.ru

Особенности отбывания наказания в колониях-поселениях в сфере обеспечения правопорядка в обществе

В данной статье автор освещает вопросы, связанные с отбыванием наказания в колониях-поселениях; рассматривает особенности организации режима в данном виде исправительных учреждений; выделяет проблемы, связанные с осуществлением надзора. Исследует проблему ношения осужденными гражданской формы одежды, что затрудняет осуществление сотрудниками администрации проведение различных режимных мероприятий; углубляется в использование несовершенных технических средств надзора, сложности определения местоположения за осужденными, находящимися за пределами колоний – поселений и предлагает варианты решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: колония-поселения, осужденный, режимные требования, технические средства надзора, электронные браслеты.

Krainova Ekaterina Aleksandrovna,

student, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia,

Vladimir, Russian Federation

Features of punishment serving in colonies-settlements in the sphere of law enforcement in society

In this article the author covers the issues associated with serving of punishment in colonies-settlements; considering the features of the regime in the form of corrections; identifies problems associated with the oversight. The author investigates the problem of wearing civilian clothing by convicts, which makes it difficult

for the administration staff to carry out various regime measures; delves into the use of imperfect technical means of supervision, the complexity of determining the location of convicts located outside the colonies-settlements and offers solutions to these problems.

Keywords: *colony-settlement, the convict, regime requirements, technical means of supervision, electronic bracelets.*

В настоящее время законодательство уголовно-исполнительной системы направлено на достижение целей, поставленных рядом международных актов, в частности, Минимальными стандартными правилами ООН в отношении обращения с заключенными 2015 года и Европейскими тюремными правилами 2006 года, которые подчеркивают важность в осуществлении социальной адаптации осужденных, находящихся в исправительных учреждениях [2]. Отбывание наказания в открытом типе исправительного учреждения с предоставляемыми дополнительными возможностями льготного проживания, относительно исправительных учреждений других типов, выступает стимулятором правопослушного поведения для осужденного и, как следствие, его исправления. Следует отметить, что не все категории осужденных могут быть переведены для отбытия наказания в колонию-поселение, а лишь:

- лица, осужденные за преступления по неосторожности и ранее не отбывавшие лишение свободы;
- лица, впервые осужденные за совершения умышленного преступления небольшой и средней тяжести;
- лица, осужденные за преступление совершенное по неосторожности, ранее отбывавшие лишение свободы;
- положительно характеризующиеся осужденные, переведенные из колоний общего, строгого режимов отбывания наказания [3].

При этом следует отметить, что лица, ранее не отбывавшие наказание, содержатся отдельно от тех, которые ранее уже отбывали наказание в виде лишения свободы.

В случае возможности перевода осужденного из исправительной колонии в колонию-поселение на основании ст. 78 Уголовно-исполнительного кодекса РФ осужденному предоставляется возможным самостоятельно осуществлять процесс исправления и достигать определенной степени исправления. По своей сути это и выступает процессом адаптации осужденного в дальнейшей жизни в обществе, путем увеличения возможных специальных прав, обязанностей и законных интересов. Особенностью колонии-поселения является наличие одних условий отбывания наказания для всех категорий осужденных. Данные условия приближены к условиям жизни на свободе [4, с. 304].

Еще одной особенностью является то, что в отличие от других исправительных учреждений осужденные в колониях-поселениях находятся не под охраной, а под надзором администрации колонии-поселения, что в свою очередь порождает больше возможностей осуществления побегов осужденными. Данный факт, несомненно, подчеркивает отсутствие полной изоляции для осужденных.

Следует отметить об условиях содержания и правовом положении осужденных в колониях-поселениях. В часы от подъема и до отбоя осужденные имеют право на свободное передвижение в пределах колонии-поселения, а по разрешению начальника колонии возможно нахождение без надзора и за пределами колонии-поселения, но в пределах муниципального образования. Предоставлено право иметь при себе денежные средства и тратить их без ограничения. Передвижение по колонии-поселения разрешено не строем, но по группам. Законодательством не ограничено количество длительных свиданий, а также посылок, передач, бандеролей, что еще раз подчеркивает вольготность отбывания наказания в колонии-поселения. Важной особенностью правового положения является возможность осужденных носить гражданскую форму одежды, что затрудняет осуществление сотрудниками администрации проведения режимных мероприятий. За счет разнообразия формы одежды становится сложно осуществлять надзор. В силу того, что осужденные зачастую находятся в местах, где помимо их передвигаются иные лица, это усложняет работу сотрудникам. По нашему мнению, целесообразно будет осуществить ввод однообразной формы одежды для лиц, содержащихся в колонии-поселения. Что позволит сотрудникам администрации осуществлять надзор за осужденными, находящимися за территорией колонии-поселения наиболее качественно и эффективно.

Основополагающей характеристикой режима в колонии-поселения является осуществление надзора за осужденными. Надзор организуется в соответствии с УИК РФ, правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и иными ведомственными правовыми актами уголовно-исполнительной системы. Сотрудники администрации призваны обеспечить постоянное наблюдение и контроль за поведением осужденных, а также изоляцию и безопасность осужденных и персонала [1, с. 151]. С обеспечением изоляции за счет особенных, отличительных от других видов исправительных учреждений режимных требования и открытости колонии-поселения возникают проблемы. Изоляция в данном случае выступает только временно. За допущение осужденным нарушения установленного порядка отбывания наказания на него может быть наложено взыскание в виде выдворения в штрафной изолятор. В этом случае изоляция имеет место быть, а что касается повседневной деятельности осужденных в колонии-поселения, то она практически отсутствует.

Среди особенностей в осуществлении режима также необходимо отметить, что колония-поселение, которой свойственна открытость, предполагает соблюдение ряда немаловажных режимных требований, имеющих специфическую форму. Основным средством обеспечения режима является надзор, который осуществляется сотрудниками круглосуточно на всех объектах исправительного учреждения. Для эффективности осуществления надзора используются технические средства, которые во многом облегчают работу сотрудникам администрации. При этом технические средства зачастую дают сбой и выходят из строя; датчики слежения выдают ложную тревогу, что снижает внимание и бдительность сотрудников. В данном случае требуются отличительные от других исправительных учреждений технические средства, которые найдут свое применение исключительно в колониях-поселениях.

Для колонии-поселения определяются границы в качестве режимных и надзорных требований. По фактическому местоположению колонии в радиусе не более 5 километров по ориентирам, заметным другим лицам, а также обозначается специальными знаками. Непосредственно в населенном пункте огораживается забором и оборудуется контрольно-пропускным пунктом [5, с. 399].

Немаловажной является особенность в виде предоставляемой возможности для осужденного проживать за пределами колонии-поселения с семьей. Это свидетельствует о поддержании социально-полезных связей осужденным и помогает ускорить адаптацию в обществе после освобождения. Данные осужденные обязаны до четырех раз в неделю являться в колонию-поселение для регистрации. Несмотря на то, что помещения, в которых проживают осужденные за пределами могут в любое время быть проверены сотрудниками администрации, все же возникают проблемы при определении местонахождения того или иного осужденного. Такой же вопрос встает и при осуществлении осужденными работ за пределами колонии-поселения, при осуществлении надзора за вышеназванной категорией также возникает ряд проблем. В данном случае, считаем необходимым оборудование колонии-поселения системами дистанционного надзора за осужденными и установки электронных браслетов с датчиками, чтобы у сотрудников была возможность отслеживать местонахождение осужденного за пределами колонии-поселения. Внедрение данной системы будет способствовать:

- повышению качества обеспечения режима в колонии-поселения;
- постоянному надзору за осужденными даже за территорией колонии-поселения;
- своевременному пресечению нарушений, совершаемых осужденными при выходе за территорию колонии-поселения;
- контролю нахождения осужденного на рабочем месте, непосредственно определенном администрацией колонии-поселения;
- контролю маршрутов передвижения осужденного за территорией колонии-поселения к месту выполнения работ и обратно.

Это во многом упростит и повысит эффективность осуществления надзора за осужденными в колониях-поселениях.

С учетом вышеуказанных положений предполагается возможным внести следующие изменения в уголовно-исполнительное законодательство:

1. Изменить пункт «а» части 1 статьи 129 УИК РФ предполагающим следующее содержание: «содержатся без охраны, но под надзором администрации колонии-поселения; в часы от подъема до отбоя пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения; с разрешения администрации колонии-поселения могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы либо в связи с обучением; носить установленную форму одежды; могут иметь при себе деньги и ценные вещи; пользуются деньгами без ограничения; получают посылки, передачи и бандероли; могут иметь свидания без ограничения их количества».

2. Дополнить внутриведомственные нормативные документы регулирующие деятельность сотрудников УИС по надзору пунктом следующего содержания: «Осужденных, которым предоставлено право проживания за территорией колонии-поселения или право осуществления работ за территорией колонии-поселения необходимо обеспечить специальными электронными браслетами с датчиком дистанционного надзора»

Библиографический список

1. Игнатъев А. А. Уголовно-исполнительное право : учебник. М. : Юристъ, 2007. 304 с
2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) : приняты Резолюцией 70/175 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 г.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон : от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : в ред. от 26 июля 2019 г. № 260-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198; 2019. № 29 (часть 1), ст. 4386.
4. Уголовно-исполнительное право : учебник для юрид. вузов / А. С. Михлин, П. Г. Пономарев, В. И. Селиверстов ; под ред. В. И. Селиверстова. – 7-е изд., испр. и доп. М. : Юриспруденция, 2009. 352 с.
5. Угольникова Н. Уголовно исполнительное право Российской Федерации. М. : Инфра-М, 2010. 410 с.

УДК 34.343.9

Крицкая Анастасия Игоревна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
nastyu_krits@mail.ru

Вопросы борьбы с домашним насилием: законодательство и практика

Насилие в семье является комплексным и сложно контролируемым феноменом, жертвами которого чаще всего становятся незащищенные слои населения: женщины, дети, люди преклонного возраста. Представленная статья затрагивает вопросы в сфере правового регулирования домашнего насилия в России и попытки создания специального нормативного акта. Автор рассматривает механизм профилактики семейно-бытового насилия и особенности применения существующих норм на практике. В процессе анализа законодательства, автор выявляет пробелы и недостатки правовых норм. В конце статьи

автор предлагает возможные пути решения проблемы на законодательном уровне.

Ключевые слова: домашнее насилие, правовое регулирование, пробелы, статистика совершения преступлений, новеллы в законодательстве.

Kritskaya Anastasia Igorevna,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

The fight against domestic violence: legislation and practice

Domestic violence is a complex and difficult to control phenomenon, the victims of which are often vulnerable segments of the population: women, children, elderly people. The article deals with issues in the sphere of legal regulation of domestic violence in Russia and attempts to create a special normative act. The author considers the mechanism of prevention of family and domestic violence and features of application of existing norms in practice. In the process of analyzing the legislation, the author identifies gaps and shortcomings of legal norms. At the end of the article the author suggests possible ways to solve the problem at the legislative level.

Keywords: domestic violence, legal regulation, gaps, crime statistics, novelties in legislation.

Домашнее насилие – социальный деструктивный и сложно контролируемый процесс, являющийся предметом оживленных дискуссий с середины XX века. В российской семье насилие, с одной стороны, явление распространенное, с другой – высоко-латентное, поскольку факты насилия обычно скрываются пострадавшими. Жертвами чаще всего становятся женщины, дети, родственники-инвалиды, престарелые родители. Очевидно, что меры, по защите жертв домашнего насилия необходимы в каждом правовом государстве.

В настоящее время Российская Федерация является одной из последних европейских государств без специального закона о домашнем насилии. Всего в мире 147 государств приняли советующие нормативные акты.

По данным МВД России, 7 из 10 убийств совершаются в семье. Ежегодно 2 млн россиян обращаются за помощью в полицию. Более 50 тыс. детей уходят из семей. До 92 % преступлений в семье совершаются в отношении женщин [8]. Физическое насилие, как правило, сопровождается оскорблениями и угрозами в адрес жертв (97 %), а в ситуациях домашнего насилия также сексуальным домогательством (31 %) и экономическим давлением (28 %) [4]. Доля приговоров, вынесенных женщинам по ч. 1 ст. 105 УК составила 80 %, причем в 97 % случаев орудием убийства был кухонный нож, и, как правило, речь идет об одном нанесенном ударе в грудь наотмашь [2]. Стоит также отметить, что нанесение удара – крайний шаг для женщины, который используется для спасения собственной жизни. При других обстоятельствах жертвы домашнего насилия склонны замыкаться в себе и избегать дальнейшего конфликта [5]. Женщины, осужденные за убийство, в 89,2 % случаев пытались отразить нападение как физиче-

ское, так и психологическое [13, с. 32], что в подавляющем большинстве ситуаций происходит спонтанно [12, с. 60]. В 96 % локацией совершения преступления является место постоянного проживания [11, с. 207]. Процент оправдательных приговоров по различным источникам в подобных делах в 2016–2018 гг. варьируется от 0,4 до 5 %.

Приведенные данные не могут с точностью отражать реальную ситуацию, поскольку регулярной статистики относительно семейного насилия в России не ведется, и далеко не все случаи становятся достоянием гласности по причине социального давления, возведения насильственных действий в определенную норму, состояния выученной беспомощности и формирования синдрома жертвы, испытывания чувства стыда или вины, недостаточного доступа к юридической помощи и защите, недоверие к правоохранительным органам, неосведомленности о существовании подобных мер и другие [3]. Зачастую, данные собираются заинтересованными лицами в научных целях или общественными организациями. Фиксируются лишь наиболее тяжелые случаи – насильственная преступность.

Российское законодательство не дает определения семейно-бытового насилия и не учитывает его ключевые аспекты, которые отличают это правонарушение от отдельного посягательства или акта агрессии на улице со стороны незнакомца. Так, пострадавшая сторона может находиться в материальной или иной зависимости от агрессора, нередко проживает с ним совместно. Домашнее насилие не имеет собственного состава ни в административном, ни в уголовном кодексе.

Большинство силовых методов воздействия на нарушителя государство оставляет в своей компетенции для предотвращения увеличения случаев «суда Линча», и, как следствие, отсутствие института гражданского ареста и понятия гражданского оружия. С одной стороны, данными способами государство пытается защитить право каждого гражданина на жизнь и здоровье, а с другой – подвергает его еще большей опасности.

Кроме того, определение пределов необходимой обороны достаточно ограничено и не конкретизировано. В практическом аспекте по делам о домашнем насилии оно применяется не в пользу жертв, пытающихся спасти свою жизнь, о чем свидетельствует низкий процент оправдательных приговоров. По факту, пределы необходимой обороны означает, что оружие, которым воспользовалась жертва для отражения атаки, должно быть менее опасным, чем предмет совершения насилия. И здесь законодатель допускает оговорку: побои по УК РФ не представляют собой опасность для жизни и здоровья, а значит судят по принципу: нельзя защищаться оружием против безоружного. Только при существовании угрозы жизни можно защищаться любыми методами. Для того, чтобы доказать существование угрозы, необходимо выяснить умысел нападавшего, что и представляет собой камень преткновения в подобных делах. Таким образом, сложность состоит в том, чтобы соотнести угрожающую опасность с причиненным вредом. Для этого используется понятие интенсивности нападения. Рассмотрим самый частый случай: при избивании руками женщины, использование ею ножа для обороны является превышением необходимого предела.

Факт совершения насилия в семье – дело частного обвинения, что перекладывает все бремя доказывания на потерпевшего и представляет собой большие трудности, начиная с подачи заявления. Полиция часто отказывается принимать заявления, или отговаривают пришедших, поскольку 7 из 10 заявлений забирают обратно, и для органов — это дополнительная безрезультатная работа. В соответствии с п. 1 ст. 144 УПК полиция обязана принять заявление и вынести решение в течение 3 суток. Отказ в принятии заявления является нарушением и может быть обжалован в прокуратуру. Кроме того, статистика раскрываемости убийств – главный критерий по которому отслеживается работа следственного комитета, это означает, что раскрываемость по району должна быть не ниже субъектовой: если областная – 85 %, то для района 2 из 10 нераскрытых дела грозят санкциями в их сторону.

Приведенный выше пример, демонстрирует недействительность способов воздействия на удовлетворительную работу правоохранительных органов со стороны граждан и проблему в мерах стимулирования их деятельности.

Также не предусмотрены нормы, учитывающие не только объективные признаки совершенного деяния, но и социальные отличия лиц в соответствии с половой принадлежностью, психологические особенности гендера.

В сентябре 2016 г. в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия [9] по инициативе депутата С.Ш. Мурзабаевой и члена Совета Федерации А. В. Белякова [7]. Но был возвращен в ноябре со ссылкой на несоблюдение требований о наличии заключения Правительства по финансово-экономическим обоснованиям (ч. 3 ст. 104 Конституции РФ) и отсутствии всех необходимых документов (ст. 105 Регламента ГД). После чего прошли новые выборы в ГД и проект не получил дальнейшего движения за отсутствием инициаторов.

К механизму профилактики семейно-бытового насилия в соответствии с законопроектом относилось расширение компетенции сотрудников полиции в области вынесения защитного предписания на срок 1 месяц, который может быть продлен до 2 месяцев при поступлении заявлений либо непосредственное обнаружение фактов насилия, причем нарушителю должно исполниться 16 лет. Данным документом устанавливались ограничения на совершение семейно-бытового насилия, преследование пострадавшего, приобретение и пользование оружием. Мировым судьей может быть вынесено судебное защитное предписание на срок от 1 до 12 месяцев с правом продления на 6 месяцев, но в сумме не больше 2 лет. Кроме того, нарушителя ставят на профилактический учет для профилактических бесед 4 раза в месяц. Также в проекте были предусмотрены организации социального обслуживания для предоставления временного жилого помещения пострадавшим.

Под семейно-бытовым насилием понималось умышленное деяние (действие или бездействие) одного лица в отношении другого (других) лиц, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений, если это деяние нарушает права и свободы человека, и (или) причиняет ему физическую боль, и (или) наносит вред здоровью, и (или) причиняет нравственные страдания, и (или) причиняет ему имущественный вред. Семейно-бытовое насилие может совершаться в

форме физического, психологического, сексуального и экономического насилия. Не является семейно-бытовым насилием реализация права на необходимую оборону.

На основании выше представленного законопроекта 2016 года в 2019 году началась работа над новым Законом о профилактике домашнего насилия (далее – Законом). На данный момент текст проекта находится в доработке и не представлен для свободного ознакомления на официальных сайтах правовой информации, хотя по нему уже прошли парламентские слушания. По предварительным данным из интервью с инициатором проекта депутатом ГД Оксаной Пушкиной суть остается та же: введение понятия домашнего насилия, охраняемые ордера или защитные предписания (из опыта США), развитие сети временных убежищ, обязательное для субъектов РФ.

Как и следовало ожидать, законопроект не остался без внимания общественности. Открытое письмо президенту с требованием о принятии Закона подписали 73 общественных организаций [1], а петицию – более 800 тыс. человек [10]. В то же время против Закона выступили 182 организации [6].

Автор придерживается позиции, что действия насильственного обращения в семье чаще всего имеют импульсивный характер, а значит не могут быть заранее тщательно спланированы с учетом всех законодательных особенностей, в отличие от, например, беловоротничковых преступлений. Из чего следует, что принятие Закона не повлечет за собой резкого всплеска разводов или же уменьшения количества преступлений. Это же подтверждает зарубежная практика государств, которые ввели подобные меры. Чтобы действительно изменить ситуацию, необходимо внести изменение в общественное сознание, но в российском обществе традиции сильнее закона, а значит необходим не только правовой массив, но качественная работа с восприятием этой проблематики. В то же время, очевидно, что существующие нормы не выполняют свое предназначение на должном уровне, и требуются нововведения, поскольку атмосфера насилия, которая происходит в семье, рано или поздно выходит в общество и переходит на государственный уровень, поэтому, когда мы говорим о борьбе с домашним насилием – это часть борьбы с насилием в мире.

Автор предлагает: 1) ужесточить санкционирующие меры за отказ в приеме заявления для правоохранительных органов + изменить систему оценки деятельности следственного комитета + провести обучение работников полиции и их стимулирование на психологический анализ и дальнейшую индивидуально-персонализированную работу пострадавшими; 2) увеличить доступ и обеспечить финансирование/конкурсные гранты общественным некоммерческим организациям в работе по предоставлению временных убежищ пострадавшим; 3) заменить штрафы, бремя которых ложится на всю семью, на административный арест (только после проведения следственных процедур и установления вины подозреваемого), во время которого проводить профилактические беседы; 4) из существующих судов выделить группу для исключительной работы с делами по домашнему насилию с квалифицированными в этой сфере судьями.

Библиографический список

1. Более 70 правозащитных организаций и благотворительных фондов потребовали принять закон о домашнем насилии. Открытое письмо. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2019/09/09/155147-pravozaschitniki-potrebovali-prinyat-zakon-o-domashnem-nasilii> (дата обращения: 08.11.2019).
2. Большинство россиянок, осужденных за убийство, защищались от домашних тиранов. Исследование судебных дел за 2016–2018 годы. URL: <http://women105.tilda.ws> (дата обращения: 07.11.2019).
3. Елфимова Евгения Игоревна Правовые проблемы борьбы с домашним насилием // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-borby-s-domashnim-nasiliem> (дата обращения: 08.11.2019).
4. Лысова А. В. Насилие в добрых отношениях: модель факторов риска и способы профилактики : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2008.
5. Молоствов А. В., Канчурина А. А. Особенности семейного воспитания и межличностного общения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semeynogo-vozpitanija-i-mezhlichnostnogo-obscheniya-osuzhdennyh-zhenschin-otbyvayuschih-nakazanie-v-vidе-lisheniya-svobody-za-nasilystvennyie-prestupleniya-sovershennyye-v-otnoшeni-i-blizhkikh-rodstvennikov> (дата обращения: 07.11.2019).
6. Мы против принятия Закона о профилактике домашнего насилия! URL: <https://regnum.ru/news/polit/2748248.html> (дата обращения: 08.11.2019).
7. Паспортные данные о Законопроекте № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» (отклонен). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 08.11.2019).
8. Проблема домашнего насилия в России и реакция государства. URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2018/10/25/323648> (дата обращения: 07.11.2019).
9. Проект Федерального закона N 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.09.2016). URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=1183390-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=1183390-6) (дата обращения: 07.11.2019).
10. Требуем принять закон против домашнего насилия. URL: https://www.change.org/p/требуем-принять-закон-против-домашнего-насилия?use_react=false (дата обращения: 08.11.2019).
11. Хлопков А. С. Особенности расследования убийств, совершенных женщинами : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 207 с.
12. Щербакова Л. М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 60 с.
13. Яковлев Д. Ю. Преступления против жизни, совершаемые женщинами, и их предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 32 с.

УДК 338.2+343.35

Сафонова Дария Витальевна,

студент, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: safonova_d_v@mail.ru

Цифровизация как способ противостояния коррупции

В исследовании рассматривается противодействие коррупции, как одного из наиболее негативных явлений современности, представляющих угрозу для дальнейшего развития и построения демократического, правового и социального государства. Проанализированы ключевые задачи и проблемные аспекты в сфере борьбы с коррупционными проявлениями в России на основе применения современных информационных технологий. Отмечается необходимость использования прогрессивных информационных технологий, как ключевого фактора по минимизации возможностей коррупционных проявлений. Именно модернизация государственного сектора, внедрение инноваций в сфере предоставления государственных услуг, обосновываются как наиболее оптимальные способы борьбы с коррупцией на основе использования инструментов цифровизации.

Ключевые слова: коррупция, инновация, цифровизация, информационные технологии, искусственный интеллект.

Safonova Daria Vitalievna,

student of the Rostov Institute (branch) All-Russian state University of justice, Rostov-on-don, Russian Federation

Digitalization-a way to confront corruption

The study examines the fight against corruption as one of the most negative phenomena of our time, posing a threat to the further development and construction of a democratic, legal and social state. Key tasks and problem aspects in the sphere of fight against corruption manifestations in Russia on the basis of application of modern information technologies are analyzed. The necessity of using advanced information technologies as a key factor to minimize the possibility of corruption manifestations is noted. Modernization of the public sector, the introduction of innovations in the provision of public services, are the best ways to combat corruption through the use of digitalization.

Keywords: corruption, innovation, digitalization, information technologies, artificial intelligence.

В последние десятилетия в России острой проблемой внутренней политике государства стала коррупция, которая оказывает значительный негативный эффект на дальнейшее государственное строительство и повышение благосостояния граждан. На разрешение данного вопроса, государственными органами и представителями общественности ежегодно затрачиваются огромные усилия, выделяться значительные финансовые ресурсы. Кроме того, для противодействия коррупции, которая «разъедает» государственный аппарат и нивелирует позитивные достижения деятельности власти привлекаются значительные слои общественности, включаются в работу лучшие научные кадры, а также первые лица государства. Акцентуация внимания на противодействии коррупции в представленном научном исследовании обусловлено ее значительным разрушительным эффектом, пагубным воздействием на все сферы жизни государства и каждого гражданина, поиска наиболее оптимальных и прогрессивных средств и методов противостояния данному негативному явлению.

Коррупция, является одной из наиболее серьезных угроз для дальнейшего развития и построения государства. Именно коррупция представляет собой один из ключевых факторов противодействия соблюдению верховенства права, эффективного осуществления демократических преобразований и превалирования неукоснительного приоритета прав и свобод человека и гражданина во всех сферах общественной жизни. Коррупционные проявления подрывают доверие граждан к государственной власти в целом, а также затрагивает социальную сферу, разрушая ее целостность и дезинтегрируя, значительно затрудняя прогрессивные преобразования в развитии государства и права. Поэтому и не удивительно, что в научном сообществе акцентируется пристальное внимание на необходимости повышения эффективности мер противодействия коррупции [8, с. 12], что является одной из наиболее насущных потребностей современного российского общества, ключевым условием, для проведения дальнейшей модернизации экономической и социальной сферы, повышения национальной безопасности в условиях международной санкционной политики [9, с. 84].

В целом коррупция, представляет собой использование различными должностными лицами своих властных полномочий с целью получения личной выгоды, вопреки законодательным и моральным установкам; подкуп должностных лиц и т. п. Коррупция проявляется как в одномоментном характере – разовые коррупционные действия, так и в многократности, организованности наличии устойчивой коррупционной сети [6, с. 15], где каждый участник имеет свой круг «полномочий» и соответствующее «вознаграждение».

Основываясь на ежегодной статистике зарегистрированных сообщений о коррупционных преступлениях в Российской Федерации, стоит отметить, что количество преступлений, связанных со взяточничеством неумолимо растет, так на 2017 год приходилось 6,3 тыс. преступлений, связанных с данным явлением, а уже в 2018 году было зафиксировано около 7,1 тыс. правонарушений [4, с. 203–205].

Стоит отметить, что в целом состояние коррупции, в России, согласно данных международных исследований (Transparency International), обуславливает необходимость продолжения и дальнейшей активизации усилий по проти-

водействию данному негативному явлению. В частности, Россия в 2018 году заняла 138 место, набрав только 28 баллов из 100 возможных [3], в рамках рейтинга предполагаемого уровня коррупции и коррупционных проявлений в государственном секторе. При этом стоит подчеркнуть и тот негативный факт, что за последние годы Россия продолжила терять позиции в указанном рейтинге, так если в 2015 году занимало 119 место, то уже через год (в 2016 году) опустилась на 131 строчку [2]. Поэтому вполне закономерны выводы экспертов, что коррупция в России достигла пиковых масштабов.

Однако, стоит отметить и положительные тенденции, заключающиеся во внедрении и применении прогрессивных форм и методов в России противодействия коррупции. Например, со второго полугодия 2007 года началась активная реализация первых проектов создания Многофункциональных центров (МФЦ) [7], целью которых являлось повышение качества оказания государственных услуг на основе открытости и прозрачности для общества, что имеет большое значение в борьбе с коррупцией и снижения ее проявления. К 1 января 2018 года в России работали 2777 Многофункциональных центров и 10558 офисов государственных и муниципальных услуг, а охват населения достиг 96 % [5]. МФЦ являются одним из наиболее эффективных способов борьбы с коррупцией на примере применения прогрессивных технологий цифровизации и реализации электронной политики государства в социальной и управленческой сфере.

Также стоит отметить, что без изменения общественного мнения и ликвидации поддержки отдельными гражданами и целыми слоями населения эффективно противодействовать данным негативным проявлениями весьма проблематично. Учитывая, что традиционные средства противодействия коррупции находятся на пределе своих возможностей, поэтому стоит обратиться к наиболее современным информационным технологиям, которые в своей основе закладывают минимизацию коррупционных проявлений – отсутствие самого контакта между «благодетелем» и заинтересованным лицом.

На данный момент в отечественной практике, борьба с коррупцией с использованием цифровизации находится на стадии своего активного становления и развития.

Именно активизация борьбы с коррупцией с помощью современных средств – цифровизации всей сферы оказания государственных услуг, является одним из наиболее эффективных инструментов преломления существующих негативных коррупционных проявлений, предотвращения преступлений коррупционной направленности, нивелирование самой «базы» для осуществления коррупционных деяний – снижение рисков противоправной деятельности, что в итоге будет способствовать и поднятию уровня доверия граждан к органам государственной власти и искоренение углубившегося и широко распространившегося убеждения о невозможности противодействия самой коррупции.

В данном контексте примечательным является содержание национального плана противодействия коррупции [11], в котором акцентированно внимание на необходимости разработки предложений по совершенствованию мер противодействия коррупции путем использования современных технологий (п. 21 «д»). Кроме того, в рамках обозначенного плана Правительством Российской

Федерации разработана методика проведения исследований в субъектах государства по оценке уровня коррупции [10], сфокусированная на проблематике «бытовой» и «деловой» коррупции. В итоге показатели состояния коррупции впервые будут сформированы не по данным правоохранительных и судебных органов, а по результатам мнения общественности.

Считаем, что инициативы, направленные на повышение эффективности действующих и создание новых механизмов, представляют реальную возможность по снижению уровня коррупции в нашей стране. Однако, для полного искоренения коррупционных проявлений требуется комплексный подход на основе широкого внедрения и использования современных информационных технологий, а также улучшения благосостояния граждан в целом – искоренение причин самого правонарушения.

Основываясь на данных факторах, считаем, что перспективы дальнейшей борьбы с коррупцией должны основываться на всеобщей цифровизации, и заключаться в следующем: структурирование и систематизация выполняемых функций, полномочий в соответствии с закрепленными в законодательстве обязанностями должностных лиц органов государственной власти посредством сбора и проверки информации в рамках принимаемых решений, ее интеграции и централизации с последующей архивацией и хранением; введение широкой компьютеризации и инноваций в сфере приема и обработки сведений об источниках доходов представителей органов государственной власти и их близких родственников, с последующим анализом с помощью искусственного интеллекта; минимизация возможностей непосредственного контакта между представителями органов государственной власти и гражданами в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг и т. п.

В заключении стоит отметить, что реализация и совершенствование имеющейся политики противодействия и борьбы с коррупцией нуждается в особом внимании, привлечении большого количества специалистов, выделении значительных финансовых ресурсов для прогрессивного и качественного получения результата, широком внедрении информационных технологий, в том числе на основе искусственного интеллекта, что позволит значительно улучшить имеющуюся ситуацию в государстве, повысить эффективность взаимосвязи граждане с органами государственной власти. Основываясь на этом, считаем, что дальнейшая политика государства в сфере борьбы с коррупцией посредством цифровизации должна способствовать достижению уже имеющихся целей в данном направлении, а также обеспечить более прогрессивный эффект по искоренению коррупционных проявления и противодействию их возможных возникновения еще на начальном этапе.

Библиографический список

1. Анализ деятельности Многофункциональных центров Московской области. URL: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/26number/articles/Litvinova-Rodionova-Erkin-26.pdf> (дата обращения: 27.11.2019).
2. Восприятие коррупции. Индекс 2015 года. URL: <https://www.transparency.org/cpi2015> (дата обращения: 27.11.2019).

3. Восприятие коррупции. Индекс 2018 года. URL: <https://www.transparency.org/cpi2018> (дата обращения: 27.11.2019).

4. Вострова Е. М. Коррупция в Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. №20. С. 203–205.

5. Государственные и муниципальные услуги: некоторые важные факты и показатели за 6 лет. URL: <http://government.ru/info/32187/> (дата обращения: 30.11.2019).

6. Изотов М. О. Коррупция в современной России: социальнокультурные основания и формы проявления: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Орел, 2012. 23 с.

7. История создания. МФЦ. URL: <https://mfc13.ru/about/> (дата обращения: 28.11.2019)

8. Мешканцов В. Н. Экономико-правовые проблемы противодействия коррупции: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 21 с.

9. Ницевич В. Ф., Моисеев В. В., Прокуратов В. Н. К вопросу о противодействии коррупции в России // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2019. № 2(65). С. 84–88.

10. Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 662 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 22, ст. 2828.

11. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 — 2020 годы : Указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 27, ст. 4038.

УДК 159.9:34.01

Титаренко Алина Юрьевна,

студент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,

г. Владивосток, Российская Федерация

alina_97@mail.ru

Психологические особенности допроса несовершеннолетнего

Допрос несовершеннолетних имеет свою специфику, которая связана с их психологическими, психическими и возрастными особенностями. Данная статья посвящена психологическим особенностям допроса несовершеннолетнего, также тактическим приемам, которые используются в процессе подготовки и производства допроса несовершеннолетнего. Тактические приемы не обязательны в отличие от процессуальных правил. Правоприменитель в конкретной следственной ситуации выбирает тактический прием. Отмечается

важность установления и поддержания психологического контакта с несовершеннолетним. В статье исследуются позиции ученых относительно участия педагогов и психологов при допросе несовершеннолетних лиц. Также исследуются особенности поведения несовершеннолетних допрашиваемых при допросе.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетнего, психолог, педагог, тактика допроса, психология несовершеннолетнего, продолжительность допроса.

Titarenko Alina Yuryevna,

student, Vladivostok state University of Economics and service,
Vladivostok, Russian Federation

Psychological features of interrogation of a minor

Interrogation of minors has its own specifics, which is associated with their psychological, mental and age-related characteristics. This article is devoted to the psychological features of interrogation of a minor, as well as tactics that are used in the preparation and production of interrogation of a minor. Tactical techniques are not required, unlike the rules of procedure. The law enforcement officer in a specific investigative situation chooses a tactical device. The importance of establishing and maintaining psychological contact with a minor is noted. The article examines the position of scientists regarding the participation of teachers and psychologists in the interrogation of minors. The behavior of minors being interrogated during interrogation is also investigated.

Keywords: *interrogation of a minor, psychologist, teacher, interrogation tactics, psychology of a minor, interrogation duration.*

Преступность среди несовершеннолетних занимает на данный момент особое место в практике уголовного судопроизводства. И успех в борьбе с преступностью во многом зависит от умелого проведения следственных действий, среди которых центральное место занимает допрос.

Допрос – это регулируемое уголовно-процессуальным законом взаимодействие следователя с допрашиваемым лицом, обладающего сведениями, которые имеют значение для дела, в целях получения информации, в зависимости от того как она воспринята и сохранена в памяти несовершеннолетнего.

Допрос в отношении несовершеннолетних происходит в особом порядке. Это связано с психологией личности несовершеннолетнего и уровнем его умственного развития. Допрос несовершеннолетних отличается сложностью, поэтому правильный подход следователя к проведению допроса, знаний этики и психологии послужит успешному расследованию уголовного дела. С. Е. Тимошенко прав, утверждая, что эффективность допроса зависит от того, насколько полно следователь учтет и будет использовать особенности личности допрашиваемого личностные качества несовершеннолетнего и глубину социальной запущенности, а также готовность несовершеннолетнего к общению со следователем [4, с. 55].

Р. Д. Файрушина утверждает, что в уголовном судопроизводстве существует два вида допроса: первоначальный и дополнительный. Под первоначальным подразумевается первый допрос по существу расследуемого уголовного дела. Однако если в ходе первоначального допроса достоверная информация не была установлена или информация была искажена, необходимо назначить и провести дополнительный допрос [6, с. 35]. В данном случае, целью проведения дополнительного допроса является уточнение ранее полученных данных при первом допросе.

Во время допроса, если правоприменитель будет соблюдать только процессуальную сторону, без учета индивидуальных характеристик личности несовершеннолетнего, то в дальнейшем это приведет к эмоциональному переживанию несовершеннолетнего, из-за чего будут препятствия в получении полных и правдивых показаний при допросе. Также, если у допрашиваемого низкая самооценка, то допрашиваемому нужно акцентировать внимание на его лучшие качества, так как это будет способствовать возникновению положительного отношения к происходящему и к следователю.

Уголовно-процессуальный кодекс закрепляет особые обстоятельства, которые подлежат установлению при расследовании уголовного дела в отношении несовершеннолетнего: возраст, число, месяц и год рождения, условия жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности личности несовершеннолетнего, также влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. На мой взгляд, изучение личности несовершеннолетнего занимает центральное место в организации его допроса. Для того чтобы наиболее полно сформировать представление о несовершеннолетнем, его личность подлежит всестороннему изучению. Следователь должен установить причины и время изменения поведения в худшую сторону. Перед допросом и для его успешного проведения, необходимо выяснить: в каких условиях живет несовершеннолетний, какие у него отношения с родителями, как проводит свободное время, успеваемость в школе, как к нему относятся сверстники, имеет ли вредные привычки. Данную информацию можно узнать от родственников, родителей, друзей несовершеннолетнего, соседей, педагогов и учителей. А. В. Федосеев отмечает: «Также необходимо избегать распространения информации о проводимом расследовании, так как могут возникнуть ненужные обсуждения, разговоры, слухи, которые оказывают психологическое давление на подростка и негативно влияют на показания несовершеннолетнего в будущем» [7, с. 531]. Полностью разделяю точку зрения данных авторов, так как у несовершеннолетнего могут появиться неприятности, возможно друзья от него отвернуться, будут его осуждать или оскорблять. Для несовершеннолетнего это будет ударом, потому что в этом возрасте им необходимо утвердиться в коллективе, они зависят от общения со сверстниками.

При допросе свидетеля, педагогу или психологу необходимо поговорить с несовершеннолетним допрашиваемым, чтобы он быстро освоился. Целесообразно вызвать интерес у несовершеннолетнего к разговору. Необходимо сделать акцент на важность допроса. Стоит указать несовершеннолетнему, что от

него ждут необходимую для следствия информацию, по совершенному преступлению.

При допросе показания несовершеннолетнего допрашиваемого могут быть неконкретные, так как у несовершеннолетних не достаточно развито логическое мышление, отсутствует опыт в последовательности изложения каких-либо событий. Следовательно прерывать и торопить несовершеннолетнего не нужно. После окончания рассказа допрашиваемого, правоприменитель может задавать вопросы. Так несовершеннолетний будет думать, что его рассказ очень важен и интересен. Полностью разделяю и поддерживаю точку зрения А. М. Лицкевич, который утверждает, что реакция следователя на рассказ ребенка не должна передавать эмоции по отношению к случившемуся – неодобрение, возмущение, осуждение, а лишь подтверждать интерес к сказанному [1, с. 194].

Допрос не может продолжаться без перерыва в возрасте до семи лет – более тридцати минут, а в общей сложности – более одного часа, от семи до четырнадцати лет – более одного часа, в общей сложности – более двух часов, от четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. Несовершеннолетние не должны подвергаться длительному воздействию со стороны правоприменителя. У несовершеннолетнего при длительном допросе может быть вызвано стрессовое состояние или состояние безразличия. Также допрашиваемый начнет забывать подробности преступления. В законодательстве РФ нигде не закреплено, кто и как определяет утомляемость несовершеннолетнего. Мне близка позиция Л. А. Медведевой, которая считает: «В процессе следственного действия педагог или психолог на основании своих познаний и опыта может по состоянию подростка определить у него наличие утомленности и порекомендовать следователю оптимальную продолжительность допроса, способы переключения внимания несовершеннолетнего» [2, с. 77]. Также поддерживаю мнение Р. Ф. Шайбаковой, которая утверждает, что при допросе лиц с дефектами психики необходимо иметь в виду их быструю утомляемость, которая приводит к депрессии, душевной тревоге, что влияет на тактику проведения допроса, требуя более тщательной подготовки и индивидуального подхода при установлении психологического контакта с допрашиваемым [8, с. 322].

В части 1 статьи 191 УПК РФ указано, что при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно [5]. Несовершеннолетние могут стесняться, обладают повышенной эмоциональной возбудимостью, быстро забывают произошедшие события, и именно психолог может установить и помочь вспомнить. Психолог может по жестам и мимике определить, что несовершеннолетний что-то не договаривает, также получить полные, правдивые и достоверные показания, не травмируя психику подростка. Я думаю, что эффективнее будет приглашение психолога, потому что он имеет опыт работы с несовершеннолетними и может помочь ему спра-

виться с трудностями, которые могут возникнуть при допросе. По словам Р. М. Сафина, С. С. Авдеева и Т. Т. Ляхова: «Функции педагога и психолога различаются – педагог не обладает квалифицированными знаниями для работы с неокрепшим и уж тем более пострадавшим человеком. Функции педагога заключаются в воспитательной работе. Психолог же работает с человеческими чувствами, умеет управлять и приводить в норму эмоции, знает, что скрыто в подсознании» [3, с. 186]. Полностью согласна с данным высказыванием и с моей точки зрения, если и приглашается педагог, то несовершеннолетний должен его знать, так как знакомый педагог поможет несовершеннолетнему преодолеть замкнутость и установить психологический контакт. Но бывают случаи, когда привлечение знакомого педагога не всегда разумно, в силу личной неприязни или так как несовершеннолетнему будет стыдно давать показания в его присутствии.

В заключение хотелось бы отметить, что следователь при допросе несовершеннолетних должен учитывать особенности их личности, следовать законодательству Российской Федерации и своими действиями не причинять физического или морального ущерба допрашиваемому лицу. Правоприменителю необходимо тщательно изучить личность несовершеннолетнего, его особенности, круг общения, увлечения, условия проживания, чтобы успешно провести допрос.

Библиографический список

1. Лицкевич А. М. Некоторые особенности тактики допроса несовершеннолетних // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 5. С. 191–194.
2. Медведева Л. А. Некоторые аспекты допроса несовершеннолетних // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 8-6. С. 77–80.
3. Сафин Р. М., Авдеева С. С., Ляхова Т. Т. Психологические и возрастные особенности несовершеннолетних при допросе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2018. С. 185–187.
4. Тимошенко С. Е. Использование сведений о личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, в целях определения тактики его допроса // Сб. материалов криминалистических чтений. 2015. № 11. С. 54–56.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.11.2019).
6. Файрушина Р. Д. Отдельные аспекты допроса несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 34–38.
7. Федосеев А. В. Психологические особенности допроса несовершеннолетнего // Аллея науки. 2019. № 6 (33). С. 529–534.
8. Шайбакова Р. Ф. К вопросу о тактике установления психологического контакта с несовершеннолетними с психическими девиациями // Правовое раз-

витие России XXI века: актуальные задачи юридической науки и практики. 2016. С. 317–322.

УДК 347.633

Шамхалова Анна Шахнавазовна,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Shamhalovaa1@mail.ru

Офшоры как способ «отмывания» денег

В данной статье рассматриваются проблемы использования субъектами предпринимательской деятельности благоприятных налоговых режимов в офшорных зонах в противоправных целях. Проанализированы уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем или в результате совершения преступления, а также предлагаются пути их усовершенствования.

Ключевые слова: уголовный закон, офшор, легализация доходов, налогообложение, национальная безопасность.

Shamkhalova Anna Shakhnavazovna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Offshore as a way of money laundering

This article deals with the problems of the use of favorable tax regimes in offshore zones by business entities for illegal purposes. The article analyzes the criminal law norms providing for responsibility for legalization (laundering) of money or other property acquired by other persons by criminal means or as a result of committing a crime, and suggests ways to improve them.

Keywords: criminal law, offshore, Money-Laundering, taxation, national security.

На современном этапе в связи с облегчившейся мобильностью капиталов появилось множество возможностей для перераспределения финансовых потоков между различными странами. Данное явление получило название международной миграции капиталов и было вызвано усилившимися процессами глобализации в мировой экономике.

Больше всего стимулированию передвижения международных капиталов способствует предоставление налоговых льгот. Подобная ситуация приводит

к такому проявлению процессов глобализации, как развитие офшорных зон. Малые государства стали использовать свое выгодное географическое положение для предоставления налоговых льгот иностранным компаниям, что позволило им стать частью мировой экономики [1].

Сегодня участники предпринимательской деятельности в качестве одной из основных целей ставят освобождение от чрезмерно высоких тарифов. Довольно эффективным методом снижения налогообложения является создание офшорных компаний, что сейчас получает все большее распространение во всем мире.

В настоящее время государства видят угрозу в офшорных зонах, вызванную использованием благоприятных налоговых режимов субъектами предпринимательской деятельности в противоправных целях.

Данная проблема является актуальной и для Российской Федерации, так как использование офшорных компаний стало очень популярным среди российских предпринимателей при осуществлении внешнеэкономической деятельности, что неблагоприятно воздействует на экономическое развитие страны. В российском законодательстве с 2015 года были закреплены основные методы борьбы с недобросовестной налоговой конкуренцией: правовое регулирование контролируемых иностранных компаний, разработка системы автоматического обмена налоговой информацией, развитие законодательства о трансфертном ценообразовании и некоторые другие [3].

В целом метод офшоров сводится к учреждению юридических лиц в зонах с пониженным налогообложением в отсутствие валютного контроля исключительно для нерезидентов государства с офшорными зонами, так как для своих резидентов подобные юрисдикции устанавливают довольно строгие правила осуществления хозяйственной деятельности и высокие налоговые ставки. К государствам, создавшим офшорные зоны предъявляются высокие требования: как к их экономической, так и к правовой и политической стабильности, что страны готовы обеспечить для привлечения иностранных инвестиций [2].

Государство видит в офшорах большую угрозу для национального экономического развития. Также с офшорами зачастую связывают криминальную деятельность, что также подрывает авторитет офшорных зон. Поэтому на данном этапе основной задачей является поиск баланса интересов бизнеса и государства и создание правового регулирования офшорных зон с учетом такого баланса интересов.

Ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем или в результате совершения преступления предусмотрены ст. 174 и ст. 174.1. Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Не все валютные операции, которые совершаются с использованием контрагентов, зарегистрированных в офшорных зонах, подпадают под состав данных статей, так как денежные средства и иное имущество как предмет такой сделки должны быть добыты именно преступным путем, а лицо, которое является субъектом данной финансовой операции, должно осознавать источник происхождения данных денежных средств или иного имущества, а также стре-

миться скрыть их. Если данные обстоятельства отсутствуют, легализации преступных доходов не происходит.

Зачастую, легализация доходов, полученных преступным путем на территории России, осуществляется путем вывода в такие офшорные зоны, как Швейцария, Британские Виргинские острова, Острова Мэн, Бермуды и др. С целью сокрытия места нахождения преступных доходов и его бенефициара, денежные средства из Российской Федерации выводятся в государства, с которыми заключены соглашения об избежании двойного налогообложения.

На наш взгляд, нормы ст. 174 и 174.1 УК РФ сконструированы не совсем удачно, так как данные нормы предусматривают ответственность за легализацию имущества и денежных средств, полученных в результате совершения преступления, предусмотренного уголовным законом. Однако легализация имущества, полученного в результате нарушения норм налогового и таможенного кодексов, не будут образовывать состав данного преступления [4].

Исходя из этого, считаем необходимым привлекать лиц к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных противоправным путем, то есть с нарушением норм Налогового кодекса РФ, Таможенного кодекса РФ и других.

Однако, стоит учесть необходимость наличия общественной опасности в данных деяниях, а также целесообразность расследования уголовных дел этой категории правоохранительными органами. Расходы на расследование уголовных дел не должны превышать сумму денежных средств и имущества, которое должно будет быть обращено в доход государства. Так, на наш взгляд, данные деяния должны быть совершены в размере от 700 тысяч рублей.

Таким образом, предлагаем изложить текст ч. 1 ст. 174 УК РФ в следующей редакции: «Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами противоправным путем в размере от 700 000 рублей, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом». Текст ст. 174.1 изменить соответственно.

Регистрацию данных фирм в офшорных зонах производят международные регистрирующие фирмы, которые специализируются на офшорном бизнесе. При этом в документах международных регистрирующих фирм всегда сохраняются данные о приобретателях компании, совершаемых ими платежах за приобретенную компанию, а также за иные услуги. В большинстве случаев подобные организации предлагают регистрацию компаний в офшорных зонах с использованием фигуры номинального директора, что означает, что в документах в качестве руководителей будут указаны граждане государств или территорий офшорных зон. В таком случае имена реальных директоров не содержатся в списках соответствующих государственных органов, а специальные конфиденциальные договоры, заключенные между фактическими и номинальными директорами, находятся в архивах таких фирм. Эти договоры предусматривают снятие с номинальных директоров ответственности за деятельность офшорной компании.

Так, механизм подобных операций похож на механизм использования фирм-«однодневок», только в данном случае осуществлять контроль за деятельностью в офшорных зонах еще сложнее в связи с тем, что для этого нужно координировать свои действия с органами власти иностранного государства, которые могут быть не заинтересованы в расследовании подобных дел, так как организации на их территории выступает только в качестве посредника при проведении финансовых операций.

Утрата контроля за дальнейшим движением денежных средств способствует возникновению риска направления этих средств на финансирование терроризма и другой преступной деятельности. Данное явление вызывает беспокойство среди мирового сообщества, что способствует сплочению государств для совместного решения проблем офшорных юрисдикций [6]. Так, например, с 1 июля 2015 года для России вступила в силу Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам (Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters), в соответствии с которой появилась возможность получить в 2018 г. рабочую систему, позволяющую осуществить автоматический обмен информацией, что позволит налоговым органам оперативнее получать информацию о компаниях, взаимодействующих с российской организацией.

Так, обеспокоенность всех государств мира, связанная с использованием офшорных юрисдикций, вызвана тем, что такие схемы усложняют процесс идентификации конечного собственника имущества и денежных средств. Главной целью мирового сообщества должна стать ликвидация таких юрисдикций. Для достижения этой цели необходимо разработать и ввести такие правовые и экономические меры, которые сделали бы невыгодным существование офшорных зон. С нашей точки зрения, для уменьшения финансовой привлекательности офшорных зон для предпринимателей, следует установить определенные меры воздействия на международном уровне. Например, установить налогообложение на финансовые операции с участием фирм, зарегистрированных на территории офшоров.

Таким образом, легализация доходов, полученных в результате совершения преступления, а также невыполнение возврата денежных средств в Россию является большой угрозой для национальной безопасности страны, так как данные преступные действия наносят урон экономическому развитию государства и создают благоприятные условия для роста коррупции.

На сегодняшний день, учитывая положение современной экономики страны, Российской Федерации необходимо проведение более строгой и жесткой политики в борьбе с офшорами, что будет содействовать укреплению экономической безопасности, а также повышению статуса Российской Федерации на международном уровне.

Библиографический список

1. Воронина Н. В., Воронина А. М. Ужесточение государственного контроля в сфере офшорного бизнеса на современном этапе // Финансы и кредит. 2006. № 11(215). С. 10–29.

2. Горлова Е. Н. Противодействие недобросовестной налоговой конкуренции: рекомендации ОЭСР и опыт России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11(84). С. 84–90.
3. Канашевский В. А. Правовой режим офшорных компаний и трастов. 2-е изд. М. : Международные отношения, 2015. С. 7–57.
4. Карпович О. Г. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов в России. М. : Юрист, 2009.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
6. Harmful Tax Competition. An Emerging Global Issue. URL: http://www.uniset.ca/microstates/oecd_44430243.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

СЕКЦИЯ 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.34

Гисс Владислав Витальевич,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
v-giss@inbox.ru

Роль представителей общественности в деятельности квалификационных коллегий судей Российской Федерации

В статье рассматривается, как представители общественности влияют на правовую деятельность квалификационных коллегий судей в Российской Федерации. Также в статье обращается внимание, на то, что представители общественности квалификационных коллегий судей Российской Федерации, будучи назначенными представительным органом власти, а именно Советом Федерации Федерального Собрания, могут влиять на принимаемые решения квалификационных коллегий судей Российской Федерации, тем самым законодательная ветвь власти будет оказывать влияние на судебную. Что бы этого избежать, мной были предложены способы решения данной проблемы.

Ключевые слова: квалификационная коллегия судей субъекта Российской Федерации, Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации, представители общественности, судебная ветвь власти, законодательная ветвь власти.

Giss Vladislav Vitalievich,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

The role of public representatives in the activities of the qualification boards of judges of the Russian Federation

The article considers how public representatives influence the legal activity of the qualification boards of judges in the Russian Federation. The article also draws attention to the fact that members of the public the qualification Board of judges of the Russian Federation appointed representative authority, namely the Council of Federation of the Federal Assembly, can influence decisions of a qualification Collegium of judges of the Russian Federation, thus the legislative branch to influence the judicial. To avoid this, I have proposed ways to solve this problem.

***Keywords:** qualification boards, the Russian Federation, members of the public, the judicial branch, the legislative branch.*

Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации и квалификационные коллегии судей субъекта Российской Федерации входят в систему органов судейского сообщества в Российской Федерации.

Их деятельность регулируется такими нормативно-правовыми актами, как:

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [9];

2. Федеральный закон от 14.03.2002 года № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (Далее ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ») [10];

3. Положение о порядке работы квалификационных коллегиях судей [6];

4. Регламент Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации [7].

Квалификационные коллегии судей Российской Федерации осуществляют множество полномочий. Например, рассматривают заявления лиц, желающих претендовать на должность судьи, объявляют в СМИ о наличии вакантных должностей, проводят квалификационную аттестацию судей, налагают дисциплинарные взыскания и другие. Рассматривая заявления лиц, желающих претендовать на должность судьи, квалификационные коллегии судей Российской Федерации, таким образом, участвуют в обеспечении судов квалифицированными специалистами. Эта функция очень важна, поскольку качественный отбор квалифицированных специалистов влияет на качество принятых ими в будущем решений и своевременном рассмотрении судебных дел.

Рассматривая правовую деятельность квалификационных коллегий судей Российской Федерации, стоит обратить внимание на их составы.

Составы Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации закреплены в статье 11 ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ» [10]. Данные коллегии в свой состав включают помимо судей, также представителя Президента Российской Федерации и представителей общественности.

Большой интерес здесь представляют представители общественности, поскольку вокруг них много споров среди представителей ученых-юристов.

О представителях общественности в квалификационных коллегиях судей Российской Федерации сказано в пункте 8 статьи 11 ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ». В частности, в данной статье указаны требования, предъявляемые к представителям общественности. Например, наличие российского гражданства, достижение 35-летнего возраста, наличие высшего юридического образования и другие. Помимо требований в статье указывается, что представители общественности должны вести себя во внеслужебных отношениях так, что бы, не подорвать авторитет судебной власти и не вызывать сомнений в способности данных представителей участвовать в разрешении дел с необходимой

объективностью, справедливостью и беспристрастностью. А также в статье указано, в каких случаях полномочия представителя общественности могут быть прекращены досрочно Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, а также законодательным органом субъекта Российской Федерации. Например, совершение преступления, по собственной инициативе, отсутствие на заседании в течение определенного срока без уважительной причины и другие.

Из вышеперечисленного стоит сделать вывод, что представители общественности в квалификационных коллегиях судей Российской Федерации должны обладать помимо знаний в области юриспруденции, также и безупречной репутацией, что говорит об их значимости в деятельности квалификационных коллегий судей Российской Федерации.

Говоря о спорах ученых-юристов вокруг представителей общественности, то все они касаются об их роли в деятельности квалификационных коллегий судей Российской Федерации.

М. Н. Лысенко в своей статье приводит три точки зрения о роли представителей общественности в деятельности квалификационных коллегий судей Российской Федерации [5, с. 182–183].

Первую точку зрения она приводит, опираясь на статью М. А. Липчанской [4, с. 182]. Первую группу ученых-юристов устраивает сложившееся положение дел в квалификационных коллегиях судей Российской Федерации. Они считают, что наличие представителей общественности в квалификационных коллегиях судей, является гарантом участия граждан в управлении дел государства.

Вторая точка зрения она приводит, опираясь на статью Ф. М. Багаутдинова и Д. Н. Диденко [1, с. 183]. Вторая группа правоведов считают, что действующее число представителей общественности в квалификационных коллегиях судей Российской Федерации недостаточным и предлагает их увеличить.

Третью точку зрения она приводит, опираясь на статью Е. А. Трофимова [8, с. 183]. Третья группа ученых-юристов считают, что действующий способ формирования состава квалификационных коллегий судей Российской Федерации противоречит международно-правовым нормам права, в частности Европейской Хартии о статусе судей [2].

Следует согласиться, по нашему мнению, с третьей точкой зрения.

Как уже ранее говорилось, представители общественности назначаются Советом Федерации Федерального Собрания, который является представительным органом Российской Федерации. На наш взгляд, это неправильно, поскольку это нарушает принципы независимости и самостоятельности. Так как квалификационные коллегии судей Российской Федерации обеспечивают суды квалифицированными специалистами, то они, так или иначе, оказывают влияние на судебную деятельность. Поэтому они должны принимать решения без постороннего вмешательства. Но это будет невозможно, если законодательный орган власти будет назначать членов в квалификационные коллегии судей Российской Федерации, которые составляют треть от общего числа. Таким обра-

зом, законодательная ветвь власти будет оказывать влияние на судебную, что нарушит не только Европейскую хартию о законе «О статусе судей», но и принцип независимости, закрепленный в статье 120 Конституции Российской Федерации [3].

На наш взгляд, данную проблему можно решить, изменив порядок отбора кандидатов в представители общественности в квалификационные коллегии судей Российской Федерации.

Данный способ требует более тщательного рассмотрения, так как возникает вопрос, кто будет заниматься отбором кандидатов в представители общественности в квалификационные коллегии судей Российской Федерации.

Что касается Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, то, на наш взгляд, этим должен заниматься Всероссийский съезд судей по двум причинам. Во-первых, Всероссийский съезд судей является высшим органом судейского сообщества в Российской Федерации. Во-вторых, если обратить внимание на Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», то в пункте 3 статьи 29 данного ФКЗ указано, что Всероссийский съезд судей осуществляет формирование Совета судей Российской Федерации и Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации [9].

Согласно пункту 6 статьи 11 ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ» судьи в состав квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации избираются путем тайного голосования на конференции судей в порядке, определяемом данной конференцией [10]. А представители общественности избираются законодательным органом субъекта Российской Федерации. Но все же, выбор кандидатов в представители общественности в квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации стоит возложить на совет судей субъекта Российской Федерации, так как в соответствии со статьей 10 ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ» совет судей субъекта Российской Федерации избирают судей в состав квалификационных коллегий судей Российской Федерации [10].

Определившись, кто будет заниматься отбором кандидатов в представители общественности в квалификационные коллегии судей Российской Федерации, стоит определить каким образом будет происходить процедура отбора. Она должна быть едина для всех. Учитывая, что органы судейского сообщества в Российской Федерации осуществляют свои действия гласно, то отбор кандидатов в представители общественности должен проходить путем конкурсного отбора с объявлением условий конкурса и его результатов в СМИ.

Подводя итог, хочется сказать, что квалификационные коллегии судей Российской Федерации играют важную роль в правовой деятельности органов судейского сообщества. Перед органами судейского сообщества в Российской Федерации стоит цель в обеспечении интересов судей как носителей судебной власти. Одной из сторон данной цели правовой деятельности является обеспечение независимости судей и судебной власти. Ее реализация позволит обеспе-

чить граждан в своевременном и справедливом рассмотрении и разрешении судебных дел. Поэтому выше предложенные мною изменения крайне необходимы, учитывая, что Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации и квалификационные коллегии судей субъекта Российской Федерации обеспечивают суды квалифицированными специалистами.

Библиографический список

1. Багаутдинов Ф. Н., Диденко Н. С. Актуальные вопросы ответственности судей и деятельности квалификационных коллегий // Юрист-Правоведь. 2017. № 3 (82). С. 42–45.

2. Европейская Хартия о статусе судей. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901927869> (дата обращения: 31.10.2019).

3. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 31.10.2019).

4. Липчанская М. А. Деятельность квалификационных коллегий судей как органов судейского сообщества с участием представителей общественности // Известия Саратовского университета, серия: Экономика. Управление. Право. 2011. Т. 11, № 2. С. 96–100.

5. Лысенко Н. М. К вопросу о целесообразности участия представителей общественности и представителя президента Российской Федерации в деятельности квалификационных коллегий судей // Международный научный журнал «Молодой ученый». 2018. № 13(199). С. 182–184.

6. Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71873/ (дата обращения: 31.10.2019).

7. Регламент Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901945106> (дата обращения: 31.10.2019).

8. Трофимов Е. А. Квалификационные коллегии судей как инструмент укрепления «вертикали» судебной власти: кратологический очерк // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 102–104.

9. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». URL: <http://www.arbitr.ru/law/106> (дата обращения: 31.10.2019).

10. Федеральный закон от 14.03. 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17915> (дата обращения: 31.10.2019).

УДК 342.5

Елькин Станислав Владимирович,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

stas.elkin@list.ru

Объекты прокурорского надзора за соблюдением прав граждан на охрану здоровья

В данной статье рассматриваются различные точки зрения на понимание категории «объект» прокурорского надзора, соотношение с категорией «предмет» прокурорского надзора, классификация объектов прокурорского надзора за соблюдением прав граждан на охрану.

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, объект прокурорского надзора, предмет прокурорского надзора, классификация объектов прокурорского надзора, поднадзорные органы.*

Elkin Stanislav Vladimirovich,

student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,

Kirov, Russian Federation

Objects of public Prosecutor's supervision over observance of the rights of citizens to health protection

In this article various points of view on understanding of category “object” of public Prosecutor's supervision, correlation with category “subject” of public Prosecutor's supervision, classification of objects of public Prosecutor's supervision over observance of the rights of citizens on protection are considered.

***Keywords:** prosecutor's supervision, object of Prosecutor's supervision, subject of Prosecutor's supervision, classification of objects of Prosecutor's supervision, supervised bodies.*

Прокурорский надзор представляет собой как отдельное направление государственной деятельности и одна из форм осуществления правоохранительной функции. Кроме того, прокурорский надзор рассматривается как отрасль юридической науки и учебная дисциплина. Содержание прокурорского надзора определяется через его составляющие элементы (предмет, пределы, средства), одним из которых является объект прокурорского надзора. Данный элемент необходим для понимания тех рамок, в которых действует прокурор в том или ином направлении надзора.

В научной литературе существуют различные подходы к пониманию объекта прокурорского надзора.

В соответствии со ст. 26 Закона о прокуратуре к объектам прокурорского надзора относятся федеральные и региональные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, органы военного управления и их должностные лица, органы управления, руководители коммерческих и некоммерческих организаций [8].

Р. С. Абдуллин формулирует традиционное определение объекта прокурорского надзора, при котором объект прокурорского надзора выступает в виде деятельности министерств, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной и представительной (законодательной) власти в субъектах РФ, органов местного самоуправления, негосударственных органов, должностных лиц по исполнению законов и иных нормативно-правовых актов и других объектов, которые подпадают под юрисдикцию надзорных полномочий прокурора. Также он отмечает, что органы, учреждения, их должностные лица могут быть одновременно объектами разных направлений прокурорского надзора [6, с. 105].

По мнению А. Х. Казариной обычно объект прокурорского надзора включает в себя совокупность юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления, а также должностных лиц [2, с. 16–17].

Н. Н. Карпов под объектом деятельности прокуратуры понимает ту сферу общественных отношений, в которой комплексно осуществляется многофункциональная деятельность прокуратуры [3, с. 7–11].

О. В. Воронин обобщает основные точки зрения к пониманию понятия объекта прокурорского надзора. Наиболее распространенными определениями объекта прокурорского надзора, по его мнению, являются общественные отношения, которые складываются в ходе деятельности поднадзорных органов и лиц; деятельность поднадзорных органов и лиц; законность поднадзорной деятельности, которая включает в себя: законы и подзаконные акты; исполнение законов; надзор за точным и единообразным исполнением законов; ответственность за допущенное нарушение законов; поднадзорные органы, учреждения, предприятия и организации, а также должностные лица [7, с. 71].

Мы согласны с точкой зрения О. В. Воронина, что объект прокурорского надзора включает в себя только деятельность по исполнению закона и в некоторых случаях подзаконных нормативно-правовых актов, только поднадзорных органов и лиц, которые определены в законе [7, с. 71].

Необходимо отличать объект прокурорского надзора от предмета. Однако вопрос о разграничении объекта и предмета прокурорского надзора является в науке также дискуссионным.

Еще в советской период укоренились две абсолютно противоположные точки зрения, которые касаются предмета и объекта прокурорского надзора. Сторонники одной позиции приравнивали эти категории, иные ученые придерживались точки зрения о целесообразности их обособленного исследования. Так, А. Д. Берензон полагал, что в объект прокурорского надзора включены в качестве его составляющих социалистические организации, должностные лица и граждане. Категории «предмет прокурорского надзора» не нашлось места в его структуре теории прокурорского надзора [1, с. 10].

Выступая против вышеуказанной точки зрения, А. Ф. Козлов относил объект и предмет прокурорского надзора за исполнением законов к разным категориям, и включал в предмет прокурорского надзора правовые действия поднадзорных прокуратуре субъектов [4, с. 10].

В. В. Гаврилов, обращая внимание на цель, к которой стремится прокурор в своей деятельности, делает вывод, что предметом прокурорского надзора является именно исполнение законов, проводит систематизацию предмета надзора, выделяя общие родовые (отраслевые) предметы надзора, понимая под ними надзор за исполнением определенных законов [1, с. 16, 32].

По мнению В. Г. Мелкумова и С. Емельянова, предметом общего надзора является выявление нарушений законов в актах и деятельности государственных и общественных органов, должностных лиц, а также граждан [1, с. 16].

А. П. Сафонов и Б. М. Спиридонов под предметом прокурорского надзора понимают функции прокурора [1, с. 16].

Согласимся с современной позицией Е. Р. Ергашева, что объект прокурорского надзора как самостоятельная правовая категория исследования выступает первичным по отношению к предмету, поскольку является более широким понятием [5, с. 16–21].

Для лучшего понимания границ деятельности органов прокуратуры по надзору за соблюдением прав граждан на охрану здоровья, необходимо разделять объекты надзора в данной сфере по определенным группам, которые обладают схожими признаками.

Мы предлагаем следующую классификацию объектов прокурорского надзора в сфере охраны прав граждан на здоровье. Разделим органы (их должностные лица) на две большие группы по характеру полномочий:

- 1) органы, имеющие властные полномочия в сфере здравоохранения;
- 2) органы, не имеющие властных полномочия в сфере здравоохранения.

Органы (их должностные лица), которые наделены властными полномочиями в сфере охраны здоровья, в свою очередь, подразделяются на подгруппы следующим образом:

- 1) по виду контроля (надзора):

- органы, которые осуществляют государственный контроль (надзор);
- органы, которые осуществляют муниципальный контроль;

- 2) по наличию административно-юрисдикционных полномочий:

- органы, которые наделены административно-юрисдикционными полномочиями (например, органы Росздравнадзора);
- органы, которые не наделены данными полномочиями.

- 3) по наличию нормотворческой функции:

- органы и должностные лица, которые осуществляют нормотворческую деятельность;
- органы, которые не осуществляют данную деятельность.

- 4) по наличию разрешительных полномочий:

- органы, которые предоставляют разрешения (например, органы Росздравнадзора);

– органы, которые не имеют данных полномочий (Фонд обязательного медицинского страхования).

5) по территории действия:

– органы, которые реализуют полномочия на федеральном уровне (например, Федеральная антимонопольная служба, Росздравнадзор);

– органы, чья деятельность распространяется только на уровень субъекта Российской Федерации (региональные министерства, департаменты здравоохранения и пр.);

– органы, которые действуют на муниципальном (межмуниципальном) уровне (например, муниципальные органы управления здравоохранением).

Объекты прокурорского надзора, которые не имеют властных полномочий (органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций в сфере охраны здоровья) подразделяются на подгруппы следующим образом (по критерию основной цели деятельности организации):

– органы управления и руководители коммерческих организаций;

– организации, которые осуществляют медицинскую деятельность и деятельность по лекарственному обеспечению в рамках стационара (медицинские организации);

– организации, которые предоставляют сопутствующие и посреднические услуги в сфере здравоохранения (организации по сопровождению и транспортировке пациентов);

– организации, которые предоставляют услугу по представлению и защите прав застрахованных лиц, и реализуют экспертизу медицинской деятельности (страховые медицинские организации);

– организации, которые осуществляют деятельность по лекарственному обеспечению (фармацевтические организации);

– организации, которые устанавливают степень утраты здоровья (бюро медико-социальной помощи);

– органы управления и руководители некоммерческих организаций (общества по защите пациентов, саморегулируемые организации).

Мы считаем, что проведенная классификация имеет важное теоретическое и практическое значение, в том числе для совершенствования прокурорского надзора в сфере охраны здоровья.

Библиографический список

1. Гаврилов В. В. Сущность прокурорского надзора в СССР. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1984. С. 151.

2. Казарина А. Х. Теоретические и экономической направленности : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2009. С. 57.

3. Карпов Н. Прокуратура: надзор или деятельность? // Законность. 2014, № 8. С. 7–11

4. Козлов А. Ф. Компетентия прокуратуры и организация ее работы. Свердловск, 1983. С. 84.

5. К вопросу о понятии и признаках предмета и объекта прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина / Евгений Рашидович Ергашев // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 16–21.

6. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учеб. пособие / под ред. Р. С. Абдулина. 3-е изд., испр. и доп. Курган : Курган. гос. ун-т, 2016. 219 с.

7. Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части : учеб. пособие/ под ред. О. В. Воронина. Томск : НТЛ, 2007. 192 с.

8. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 26.07.2019) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

УДК 347.254

Житников Никита Сергеевич,

студент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

**Судебная защита жилищных прав граждан на примере дел
о признании граждан утратившими право пользования
жилыми помещениями**

В данной работе были изучены вопросы судебной защиты жилищных прав граждан на примере дел о признании граждан утратившими права пользования жилыми помещениями. Выявлены основные причины появления такого рода споров, а также методы их решения.

Ключевые слова: жилищные права, жилищный кодекс, судебная защита, жилое помещение, договор социального найма.

Zhitnikov Nikita Sergeevich

student, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

**Judicial protection of housing rights of citizens on the example
of cases on the recognition of citizens as having lost the right
to use residential premises**

In this work, questions of judicial protection of housing rights of citizens were studied on the example of cases on recognition of citizens as having lost the right to use residential premises. The main reasons for the appearance of such disputes, as well as methods for resolving them, are identified.

Keywords: housing rights, housing code, judicial protection, housing, social contract of employment.

Конституция Российской Федерации в качестве одного из основополагающих прав человека, с учетом положений международных актов, закрепляет право каждого на жилище [1]. Непосредственный порядок реализации данного права регулируется Жилищным Кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ) [2].

Неотъемлемое право каждого человека на жилище также закреплено в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах принятого Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966г. Международный пакт о гражданских и политических правах содержит положение о том, что право на жилище должно реализовываться при условии свободы выбора человеком места жительства.

Однако, ни ЖК РФ, ни Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) не предусматривают института утраты права пользования жилым помещением.

Несмотря на это, в настоящее время в суды поступает значительное количество исковых заявлений о признании граждан утратившими право пользования жилыми помещениями.

Данный вопрос отчасти урегулирован Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ» [3], а также отражен в вопросе № 4 «Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ» за 2 квартал 2007г. утвержденного Постановлением Президиума Верховного Суда от 01.08.2007г.

Однако, несмотря на вышеуказанные разъяснения Верховного Суда РФ, правовое регулирование отношений по признанию лиц утратившими право пользования жилыми помещениями в настоящее время является затруднительным.

Поскольку законодателем не установлены основания для утраты указанного права и суды, при рассмотрении дел данной категории, опираются лишь на сложившуюся судебную практику.

На наш взгляд, необходимо выявить наиболее вероятные и постоянно встречающиеся причины, по которым лица признаются в судах утратившими право пользования жилыми помещениями, и включить их в ЖК РФ. Это намного упростит проблему вынесения законного решения судом, поможет заявителям подготовить необходимый пакет документов.

В настоящее время судами рассматривается значительное количество дел, связанные с признанием граждан утратившими право пользования жилыми помещениями.

Такая формулировка в наибольшей степени соответствует ст. 71, ч. 3 ст. 83 ЖК РФ, п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 [3].

Вместе с тем не исключено заявление иска о прекращении у ответчика права пользования жилым помещением (Апелляционное определение Московского городского суда от 02.07.2015г. по делу № 33-22986/15).

В отношении несовершеннолетних ответчиков могут быть заявлены требования о признании их не приобретшими право пользования жилым помещением (Постановление Президиума Московского городского суда от 12.02.2016 г. по делу № 44Г-3/2016).

Иск о признании утратившим право пользования жилым помещением вправе подать наймодатель, наниматель, члены семьи нанимателя жилого помещения (п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 [3]).

В качестве ответчика по иску о признании утратившим право пользования жилым помещением следует указывать нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя жилого помещения, предоставленного по договору социального найма (ст. 71, ч. 3 ст. 83 ЖК РФ [2], п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14).

По данной категории споров ответчик может заявлять встречные иски требования.

К примеру, встречное исковое заявление о вселении ответчика в спорное жилое помещение (Апелляционные определения Московского городского суда от 14.05.2015г. по делу № 33-12117/2015, от 18.02.2015г. по делу № 33-4385/2015) или о нечинении ответчику препятствий в пользовании жилым помещением (Кассационное определение Московского городского суда от 15.03.2016г. № 4Г-1694/2016, Определение Московского городского суда от 04.04.2016г. № 4Г-1443/2016). Однако чаще всего во встречном иске эти требования указываются одновременно (Постановление Президиума Московского городского суда от 22.04.2016г. по делу № 44Г-34/2016, Определения Московского городского суда от 26.04.2016г. № 4Г-2261/2016, от 26.04.2016г. № 4Г-4147/2016, от 21.04.2016г. № 4Г-3092/2016).

Также можно потребовать выселить из жилого помещения определенных лиц, к примеру, самого истца или его супруга (Определение Московского городского суда от 10.03.2015г. № 4Г/1-1546, Апелляционное определение Московского городского суда от 14.05.2015г. по делу № 33-12117/2015), выдать или передать ответчику ключи от квартиры (Определения Московского городского суда от 16.06.2016г. № 4Г-6704/2016, от 31.03.2016г. № 4Г-3601/2016, от 21.03.2016г. № 4Г-0353/2016).

Помимо этого, во встречном иске ответчик может потребовать определить порядок пользования жилым помещением (Определение Московского городского суда от 04.04.2016г. № 4Г-1443/2016), а также порядок оплаты (доли по оплате) жилищно-коммунальных услуг, ремонта и содержания жилого помещения (Определения Московского городского суда от 24.03.2016г. № 4Г-2383/2016, от 23.11.2015г. № 4Г/8-12306/2015).

Кроме того, можно заявить встречные иски требования о признании истца утратившим право пользования жилым помещением (не приобретшим права пользования жилым помещением), снятии его с регистрационного учета (Определение Московского городского суда от 13.05.2016г. № 4Г-5176/2016).

Предмет доказывания в делах данной категории, разъяснен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопро-

сах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (пункт 32) [3].

Так, в названном постановлении указано, что разрешая споры о признании нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя жилого помещения утратившими право пользования жилым помещением по договору социального найма вследствие их постоянного отсутствия в жилом помещении, по причине выезда из него, судам надлежит выяснять: по какой причине и как долго ответчик отсутствует в жилом помещении, носит ли его выезд из жилого помещения вынужденный характер (конфликтные отношения в семье, расторжение брака), или добровольный, временный (работа, обучение, лечение и т. п.), или постоянный (вывез свои вещи, переехал в другой населенный пункт, вступил в новый брак и проживает с новой семьей в другом жилом помещении и т. п.), не чинились ли ему препятствия в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, проживающих в нем, приобрел ли ответчик право пользования другим жилым помещением в новом месте жительства, исполняет ли он обязанности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг.

Все из вышеуказанных фактов в силу ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ должен доказать истец. Ответчик, ссылающийся на вынужденный характер выезда из спорного жилого помещения, должен доказать данное обстоятельство.

Вышеуказанные факты устанавливаются с использованием следующих необходимых доказательств:

1) заключение договора социального найма жилого помещения:

– до 1 марта 2005 г. – ордер на жилое помещение (при вселении в порядке обмена – обменный ордер), договор социального найма жилого помещения;

– с 1 марта 2005 г. – только договор социального найма жилого помещения;

2) вселение истца в спорное жилое помещение и фактическое проживание в нем:

– справки о регистрации по месту жительства (прописке) и составе семьи;

– акт о фактическом проживании, составленный с участием представителя жилищно-эксплуатационной организации, соседей, иных лиц (это может быть и акт о вселении, составленный судебным приставом-исполнителем, если первоначальное вселение производилось по решению суда);

– квитанции, иные платежные документы о внесении платы за спорное жилое помещение и коммунальных платежей;

– свидетельские показания;

– другие доказательства, подтверждающие данный факт;

3) круг лиц, обладавших равным с нанимателем правом пользования спорным жилым помещением на момент вселения истца, их согласие на его вселение, условия вселения истца и пользования им спорным жилым помещением:

– справки о регистрации по месту жительства (прописке) и составе семьи;

– документы регистрационного учета по месту жительства: заявление нанимателя (членов его семьи) о регистрации (прописке) истца и согласии на его вселение;

– свидетельские показания;

– другие доказательства, подтверждающие данный факт;

4) выезд ответчика на постоянное жительство в другое место и обстоятельства, свидетельствующие о его отказе от права пользования спорным жилым помещением:

– справки о регистрации по месту жительства (прописке) и составе семьи по новому месту жительства;

– документы регистрационного учета по спорному жилому помещению и по новому месту жительства: заявления ответчика о снятии с регистрационного учета (выписке) и о постановке на такой учет (прописке), листок убытия;

– квитанции, иные платежные документы о внесении платы за спорное жилое помещение и коммунальных платежей;

– справки органов воинского учета о снятии и постановке на воинский учет;

– акт о не проживании ответчика в спорном жилом помещении и об отсутствии его вещей в нем, составленный с участием представителя жилищно-эксплуатационной организации, соседей, иных лиц;

– документы об увольнении ответчика с работы по месту нахождения спорного жилого помещения и устройстве на постоянную работу по новому месту жительства;

– свидетельские показания;

– другие доказательства, подтверждающие данный факт;

5) обстоятельства, свидетельствующие о вынужденном характере выезда ответчика на постоянное жительство в другое место:

– акт о препятствии в проживании ответчика в спорном жилом помещении, составленный с участием представителя жилищно-эксплуатационной организации, соседей, иных лиц;

– копия свидетельства о расторжении брака;

– копии постановлений о привлечении к административной ответственности;

– акт о вселении, составленный судебным приставом-исполнителем;

– свидетельские показания;

– другие доказательства, подтверждающие данные обстоятельства.

Негативное признание права пользования жилым помещением включает в себя три вида способа защиты: признание лица утратившим право пользования жилым помещением, признание лица прекратившим право пользования жилым помещением и признание лица не приобретшим право пользования жилым помещением.

Признание лица утратившим право пользования жилым помещением как способ защиты жилищных прав получило свое нормативное закрепление, как в положениях закона, так и в подзаконных нормативно-правовых актах, которые предусматривают возможность признания лица утратившим право пользования

жилым помещением только на основании вступившего в законную силу решения суда.

Такой способ защиты жилищных прав, как признание лица прекратившим право пользования жилым помещением, легально не закреплен, но косвенно упоминается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ в части определения подсудности жилищных споров по первой инстанции районному суду (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»). Правовым последствием применения данного способа защиты является обязанность соответствующего лица освободить жилое помещение, а в случае неисполнения данной обязанности в установленный собственником жилого помещения срок, лицо подлежит выселению по требованию собственника на основании решения суда (ч. 1 ст. 35 ЖК РФ [2]).

Признание лица не приобретшим право пользования жилым помещением закреплено в подзаконных нормативно-правовых актах и содержит возможность признания лица не приобретшим право пользования жилым помещением только на основании вступившего в законную силу решения суда.

При изложении решения по данной категории дел суд соблюдает последовательность, установленную ст. 198 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Также следует учитывать, что при удовлетворении исковых требований о признании ответчика утратившим право пользования жилым помещением или признании его, не приобретшим право пользования жилым помещением, исполнительный лист не выдается, решение суда не подлежит принудительному исполнению.

В решении указывается, что оно является основанием для снятия ответчика с регистрационного учета.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что судебная защита жилищных прав при рассмотрении дел о признании граждан утративших право пользования жилыми помещениями в настоящее время не совершенствуется, а стоит на месте, последние разъяснения по применению норм законодательства, выходили в 2009 г., т. е. более 10 лет назад.

Считаем, что для усовершенствования данного вопроса необходимо внести изменений в ЖК РФ путем его дополнения ст. 83.1 и внедрения в действующее законодательство такого понятия как «утрата права пользования жилым помещением», с указанием более точного основания для утраты данного права.

Прелагаем ст. 83.1 ЖК РФ сформулировать следующим образом:

«Статья 83.1 Утрата права пользования жилыми помещениями, предоставленными гражданам по договору социального найма.

Основанием для признания гражданина утратившим права пользования жилым помещением являться:

– добровольный выезд нанимателя из жилого помещения, и отсутствие в помещении более трех лет (выезд в другое место жительства);

– невнесения нанимателем (членом семьи нанимателя) платы за жилое помещение и (или) коммунальные услуги более года;
– систематического нарушения прав и законных интересов соседей (два и более раз), нанимателя, членов семьи нанимателя которое делает невозможным совместное проживание в одном жилом помещении».

Внесение вышеуказанных изменений может способствовать более быстрому и качественному рассмотрению судами дел данной категории в связи с их императивным характером.

Библиографический список

1. Конституция РФ (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ принят ГД ФС РФ 22.12.2004 ред. от 27.09.2010 // Парламентская газета. 2005. № 7-8.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

УДК 343.15

Заверский Илья Эдуардович,

студент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

ilya0410@yandex.ru

Понятие судейского усмотрения.

Соотношение судейского усмотрения и внутреннего убеждения суда

В статье представлены существующие подходы к определению понятия судейского усмотрения в юридической науке, сформулировано собственное определение данного понятия, раскрыты его основные признаки. Рассмотрены основные подходы к понятию внутренне убеждение суда, его соотношение с понятием судейское усмотрение. Автором сделан вывод о том, что судейское усмотрение является элементом оценки доказательств, которая производится по внутреннему убеждению суда.

Ключевые слова: судейское усмотрение, доказывание, оценка доказательств, внутреннее убеждение.

Zaverskiy Ilya Eduardovich,

student, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

The concept of judicial discretion. The ratio of judicial discretion and internal conviction of the court

The article presents the existing approaches to the definition of judicial discretion in legal science, formulated its own definition of the concept, disclosed its main features. The main approaches to the concept of internal conviction of the court, its relationship with the concept of judicial discretion are considered. The author concludes that judicial discretion is an element of the evaluation of evidence, which is made on the internal conviction of the court.

Keywords: *judicial discretion, proof, evaluation of evidence, internal conviction.*

В настоящее время в российской правовой действительности судебское усмотрение представляет собой такое явление, которое существует объективно, но его понятие прямо не закреплено законом. В отличие от ныне действующих кодексов, Концепция единого ГПК понятие «судебного усмотрения» использует и делает это неоднократно. Между тем, используя данное понятие, авторы Концепции также не раскрывают его содержания и не определяют его пределов, что представляется неверным. В связи с этим, в целях уяснения сущности категории «судейское усмотрение» целесообразно раскрыть ее признаки и дать определение этого понятия.

В юридической науке в целом до настоящего момента не сложилось единого подхода к определению судебское усмотрения.

Так, под судебским усмотрением А. Барак понимает полномочие, которое закон дает судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна [4, с. 13]. При этом, автором не указывается, почему правоприменителю необходимо выбирать решение из ряда альтернатив. Если каждая из альтернатив законна, то значимость усмотрения ничтожна, можно избрать любое решение.

Н.Н. Тарусина рассматривает судебское усмотрение как предусмотренную правовыми нормами творческую мотивированную деятельность суда по выбору варианта решения правового вопроса – в пределах общих начал законодательства и правоприменения [7, с. 3]. В данном случае, представляется, некорректным называть деятельность суда творческой, поскольку творческая деятельность предполагает создание чего-то качественно нового, никогда ранее не существовавшего, тогда как деятельность суда состоит в применении норм права, когда существует спор о праве, правах и обязанностях.

По мнению О. А. Папковой, судебским усмотрением является предусмотренная юридическими нормами, осуществляемая в процессуальной форме мотивированная правоприменительная деятельность суда, состоящая в выборе варианта решения правового вопроса, имеющая, общие и специальные пределы [6, с. 39]. Такая трактовка также требует уточнения. Нормы права реализуются, через правоприменительную деятельность, поэтому уместно было бы указать на предоставленное законом судье полномочие по применению правовых норм по усмотрению.

Таким образом, можно выделить следующие признаки судебское усмотрения.

1. Судейское усмотрение является элементом правоприменительной деятельности.

Правоприменительная деятельность суда состоит в реализации правовых предписаний в отношении конкретных жизненных обстоятельств и индивидуально-определенных субъектов. Правоприменительные действия группируются по стадиям процесса применения права и, следовательно, состоят из трех основных групп: 1) действия, по установлению фактических обстоятельств дела; 2) действия, выражающие выбор и анализ юридических норм; 3) действия, из которых складывается решение юридического дела. Судейское усмотрение в свою очередь является сквозным элементом правоприменительной деятельности, охватывающими все его стадии.

2. Судейское усмотрение представляет собой возможность выбора.

То есть судейское усмотрение предполагает определенный выбор из возможных решений. В частности, в соответствии со ст. 333 ГК РФ если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку [8]. Это значит, что правоприменителю дается выбор одного возможного решения по конкретному юридическому делу и оба возможных решения суда, принятые в рамках данной нормы, являются правомерными.

Однако чаще всего выбор правоприменителя не имеет столь четкой правовой регламентации, а ограничен какими-то примерными рамками. Например, это характерно для случаев, когда законодатель использует оценочные понятия.

3. Судейское усмотрение осуществляется уполномоченным субъектом (судьей). Суд, осуществляя свое усмотрение, действует в рамках своих полномочий, указанных в законе, поскольку суд – это учрежденный в установленном законодательством Российской Федерации порядке орган государственной власти, осуществляющий правосудие и входящий в судебную систему Российской Федерации.

Таким образом, третий признак можно определить, как совокупность юридически установленных полномочий, то есть прав и обязанностей, осуществляемых управомоченным судьей, который является представителем властного органа, осуществляющего правосудие – суда и принимает индивидуально-определенные процессуальные акты, на основе действующего законодательства в результате осуществления правосудия в письменной форме. Данные акты носят государственно-властный и обязательный характер. Очевидно, что судьи действуют в рамках компетенции соответствующего суда, закрепленной в нормативно-правовых актах.

4. Законность судейского усмотрения.

То есть судебное решение, принятое на основе усмотрения, должно быть вынесено в пределах, установленных нормами процессуального и материального права, данный признак является составляющей требования законности судебного решения. Решение является законным в том случае, если оно вынесено при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в некоторых случаях закона,

регулирующего сходное отношение, либо исходит из общих начал и смысла законодательства [10].

Судебное усмотрение в значительной степени охватывает вопросы, связанные с оценкой доказательств. Вместе с тем ст. 67 ГПК РФ определяет, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств [9]. В связи с чем встает вопрос о соотношении данных понятий и их роли в процессе доказывания по гражданским делам.

Так, например, Д.Б. Абушенко приходит к заключению, что «сделанный на основе внутреннего убеждения вывод суда о наличии либо отсутствии обстоятельства, входящего в предмет доказывания, сам по себе предполагает некоторую несвязанность суда... Допустив же возможность усмотрения на этой стадии, мы неминуемо приходим к утверждению, что суд волен распоряжаться фактами прошлого... Поэтому, видимо, имеет смысл разграничивать свободу как некое исходное начало для оценки доказательств и свободу, которой законодатель наделяет суд в целях максимального учета специфики конкретного дела» [3, с. 142–143].

Трудно согласится с данной точкой зрения.

Внутреннее убеждение определяется в процессуальной науке по-разному: как процесс оценки доказательств [5, с. 99], субъективную точку зрения судьи [2, с. 82], уверенность суда в наличии или отсутствии каких-либо обстоятельств, подкрепленную доказательствами [1, с. 22]. При этом акцент делается на независимость суда, непредустановленность силы доказательств, уверенность.

Судейское усмотрение характеризуется через законодательно предусмотренный выбор, свободу в решении правового вопроса, существование нескольких решений правовой задачи, а не одного единственно верного.

То есть, когда, стороны представляют различные доказательства относительно одного события, суд по своему усмотрению решает верно ли определены обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, правильно ли установлены относимость и допустимость доказательств, достаточно ли собранных доказательств. Внутренне убеждение в свою очередь выступает конечным результатом решения подобных вопросов.

Исходя из всего вышеизложенного судебское усмотрение – это элемент правоприменительной деятельности, который заключается в законодательно предусмотренном полномочии судьи по выбору варианта решения правового вопроса, в пределах, установленных нормами процессуального и материального права. Усмотрение является элементом оценки доказательств, которая осуществляется по внутреннему убеждению суда. Данные понятия не тождественны, а соотносятся друг с другом как общее и частное.

Библиографический список

1. Алексеев А. А. Судебное усмотрение в процессе доказывания по гражданским делам // Проблемы реализации норм, регулирующих доказывание и доказательства в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. МПБ. : Петрополис, 2015. С. 16–22.

2. Анохин В. С. Оценка доказательств и судебское усмотрение в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Юридические записки. 2013. № 3(26). С. 81–85.
3. Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М. : Норма, 2002. 176 с.
4. Барак А. Судейское усмотрение :пер. с англ. М. : Норма, 1999. 174 с.
5. Косой В. С. Внутреннее убеждение судьи // Современное право. 2013. № 4. С. 97–101.
6. Папкина О. А. Усмотрение суда. М. : Статут, 2005. 413 с.
7. Тарусина Н. Н. Проблемы усмотрения по гражданским делам : учеб.-метод. рекомендации. Ярославль : ЯрГУ, 2012. 48 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.12.2019).
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.12.2019).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Судебная практика» (дата обращения: 04.12.2019).

УДК 342.951:351.82

Зайцева Ольга Олеговна,

студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
stupnikova1998@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственной
университет
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

**Коллизия при рассмотрении жалоб антимонопольным органом
в рамках осуществления закупок
отдельными видами юридических лиц**

В статье исследована проблема пределов рассмотрения антимонопольным органом жалоб, поданных в рамках Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Рассмотрен внесудебный порядок восстановления нарушенных прав и интересов поставщиков/подрядчиков путем обращения с жалобой в антимо-

нополюный орган. Для устранения коллизии при рассмотрении Федеральной антимонопольной службы России жалоб заявителей предложено исключение части 13 статьи 3 из Закона о закупках.

Ключевые слова: антимонопольный орган, закупка, обжалование.

Zaytseva Olga Olegovna,

student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna,

candidate of law, associate Professor, Kostroma state University University,
Kostroma, Russian Federation

Conflict when considering complaints by the Antimonopoly authority within the framework of procurement by certain types of legal entities

The article deals with the problem of the limits of consideration by the Antimonopoly authority of complaints filed under the Federal law of 18.07.2011 No. 223-FZ "On procurement of goods, works and services by certain types of legal entities". The author considers an out-of-court procedure for restoring violated rights and interests of suppliers/contractors by filing a complaint with the Antimonopoly authority. In order to eliminate the conflict in the consideration of complaints by the Federal Antimonopoly service of Russia, it is proposed to exclude part 13 of article 3 from the procurement Law.

Keywords: antimonopoly authority, procurement, appeal.

Одной из целей введения Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [6] (далее – Закон о закупках) являлось создание единых, прозрачных, конкурентных условий для высокоэффективного и экономически обоснованного расходования финансовых средств. Однако при реализации на практике этого нормативного правового акта возникли некоторые проблемы, связанные с осуществлением закупок отдельными видами юридических лиц.

Актуальность данной работы заключается в выявлении на современном этапе развития права серьезной проблемы, которая напрямую затрагивает деятельность антимонопольного органа, а также законные права и интересы заявителей.

Следует отметить, что степень научной исследованности и обоснованности данной проблемы является невысокой, однако высока степень ее практической значимости. Вместе с тем следует отметить, что несколько представителей юридической теории в своих работах затрагивали проблемы и коллизии Закона о закупках. Примерами могут служить работы И. А. Сургутской [1; 2], Т. Н. Трефиловой [4], Ф. А. Тасалова [3] и ряда других ученых.

Отметим, что одной из особенностей закупки в рамках данного закона является то, что такая процедура практически не регулируется законодательством, она определяются такими лицами самостоятельно. Законодатель дает за-

казчику широкие возможности «настраивать» свою закупочную деятельность. Но главная задача заказчика – это предусмотреть все нюансы в Положении о закупке и соблюдать требования, закрепленные в данном положении.

Однако, как показывает практика, отсутствие детальной регламентации закупочных процедур в рамках Закона о закупках повышает вероятность обжалования действий заказчиков со стороны участников закупки [1, с. 60].

Нередко, заказчики, заключающие сделки на торгах в рамках Закона о закупках допускают нарушения, что приводит к прямому несоблюдению принципов данного закона, а также к нарушению прав и законных интересов участников закупки.

Для восстановления нарушенных прав и интересов поставщиков/подрядчиков законодатель предусмотрел как судебный, так внесудебный порядок защиты таких прав.

Для защиты во внесудебном порядке необходимо обратиться с жалобой в антимонопольный орган.

Антимонопольный орган рассматривает жалобу по существу, а затем должен вынести справедливое решение, которое служит основой для восстановления нарушенных прав и законных интересов заявителя.

Жалобы участников закупки на действия (бездействие) заказчика подлежат рассмотрению по процедуре, предусмотренной статьей 18.1 Закона о защите конкуренции, по основаниям, которые установлены частью 10 статьи 3 Закона о закупках.

В отличие от Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5] (далее – Закон о контрактной системе) Закон о закупках не дает право антимонопольному органу выйти за пределы доводов жалобы и это прямо указано в законе.

Более того, существует коллизия между требованием о рассмотрении антимонопольным органом жалобы поставщика только в пределах ее доводов об этом говорит часть 13 статьи 3 Закона о закупках и правом Федеральной антимонопольной службы России на осуществление полной проверки всех юридически значимых действий заказчика по корпоративной закупке, которое закреплено в части 17 статьи 18.1 Закона о защите конкуренции [3, с. 158].

Можно констатировать, что, выходя за пределы доводов жалобы, антимонопольный орган *de jure* превышает должностные полномочия. Однако на практике складываются случаи, что для восстановления нарушенных прав и законных интересов просто необходимо провести проверку всей закупки, не привязываясь к доводам жалобы. Поэтому на практике складывается ситуация, когда антимонопольный орган выявил нарушения, восстановил нарушенный права и законные интересы заявителя, однако, в случае, если он вышел за доводы жалобы, такое решение может быть признано судом незаконным.

Введение нормы о рассмотрении антимонопольным органом жалоб только в рамках доводов такой жалобы ставит антимонопольный орган в «беспомощное» состояние перед заявителями. Антимонопольный орган создан для осуществления контроля, выявления нарушений и их своевременного устране-

ния. Лишая антимонопольный орган механизма реагирования на нарушение теряется надобность и значимость этого органа.

Приведем простой пример. Заявитель обжалует действия комиссии заказчика, незаконное отклонение заявки. Антимонопольный орган, рассматривая этот довод, изложенный в жалобе, приходит к выводу, что причиной этого явилось неправомерное требование к составу заявки, указанное в документации. Получается, что комиссия действует в соответствии с документацией, то есть правомерно. А вот документация противоречит законодательству о закупках. И для восстановления прав заявителя необходимо выдать предписание о внесении изменений в документацию и отмены сформированных протоколов. Но на практике суды отменяют подобные решения на основании того, что антимонопольный орган вышел за доводы жалобы, превысил полномочия.

В отличие от Закона о контрактной системе, Закон о закупках не содержит фундаментальных основ контроля за его исполнением; в нем отсутствует регламент процедур в электронной форме, не определен перечень электронных площадок, возникает проблема аффилированности этих торговых площадок.

Для решения этих и многих других проблем необходимо поэтапное введение новых, четко регламентирующих поведение заказчиков норм, но в этом случае будет наблюдаться приближение законов к идентичности, что, в конечном счете, может привести к замене одного закона другим.

Таким образом, на современном этапе развития права, видим целесообразность только в исключении части 13 статьи 3 Закона о закупках. Полагаем, что расширение полномочий антимонопольного органа будет служить гарантом восстановления нарушенных прав и законных интересов заявителей, единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств. А также послужит поддержке конкуренции и сможет обеспечить свободу экономической деятельности, которые закреплены в статье 8 Конституции Российской Федерации.

Библиографический список

1. Сургутскова И. А. Обзор разъяснений по вопросам применения Закона № 223-ФЗ // Корпоративные закупки – 2017: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ : сб. докл. М. : ПРИНТ ИНТАЙМ, 2017. С. 59–67.
2. Сургутскова И. А. Установление требований к участникам закупки: практика обжалования // Корпоративные закупки – 2017: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ : сб. докл. М. : ПРИНТ ИНТАЙМ, 2017. С. 52–59.
3. Тасалов Ф. А. Пределы компетенции антимонопольного органа при рассмотрении жалоб участников закупок // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 158–166.
4. Трефилова Т. Н. Маленькие проблемы большого закона. URL: <http://auctionvestnik.ru/node/119> (дата обращения: 27.11.2019).
5. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муни-

ципальных нужд» (в ред. от 27.06.2019 № 152-ФЗ) URL: <https://base.garant.ru/70353464/> (дата обращения: 27.11.2019).

б. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» URL: <https://base.garant.ru/12188083/> (дата обращения: 27.11.2019).

УДК 343.13

Зубарева Кристина Андреевна,
студент, Владивостокский государственный университет экономики
и сервиса,
г. Владивосток, Российская Федерация
annakirda@mail.ru
oblaco96@mail.ru

Проблемы внедрения IT-технологий в российское судопроизводство

В научной статье автором обосновывается актуальность выбранной темы исследования, определяются его цели, задачи, а также совокупность методов познания правовой действительности, которые им применялись при ее подготовке и написании. Автор анализирует существующие на сегодняшний день проблемы внедрения информационных технологий (так называемых, IT-технологий) в деятельность российских судов, связанные, в частности, с соблюдением допустимых пределов их использования в рамках уголовного судопроизводства при расследовании уголовных дел, а также предлагает собственные пути их разрешения и преодоления.

Ключевые слова: Электронное правосудие, информационные технологии, судопроизводство, Россия, суды, проблемы.

Zubareva Kristina Andreevna,
student, Vladivostok state University of Economics and the service,
Vladivostok, Russian Federation

Problems of introduction of IT-technologies in the russian literature

In a scientific article, the author substantiates the relevance of the chosen research topic, defines its goals, objectives, as well as a set of methods of cognition of legal reality that they used in its preparation and writing. The author analyzes the current problems of the introduction of information technologies (so-called IT technologies) in the activities of Russian courts related, in particular, to compliance with the permissible limits for their use in criminal proceedings in criminal cases, and also suggests its own ways of resolving them and overcoming.

Keywords: *E-justice, information technology, legal proceedings, Russia, courts, problems.*

Актуальность выбранной темы настоящего научного исследования обусловлена развитием инновационной науки и техники, позволяющим внедрить информационные технологии, которые будут способствовать оптимизации судопроизводства. Внедрение IT-технологий в деятельность судов предусмотрено в качестве одной из целей, которая должна быть достигнута в рамках практической реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 [1]. Указанное, по замыслу отечественного законодателя, повлечет за собой, усиление самостоятельности и независимости российских судов, а также повышение эффективности и качества отечественного правосудия, достижение открытости и прозрачности в функционировании национальной судебной системы.

Целью настоящего исследования является выявление проблем внедрения информационных технологий в деятельность российских судов и разработка путей их преодоления. Для достижения поставленной цели были разрешены следующие задачи:

- выявить существующие проблемы внедрения IT-технологий в отечественное судопроизводство, проанализировать их;
- предложить возможные пути разрешения выявленных нами проблем.

При подготовке настоящего исследования нами применялась следующая совокупность методов познания правовой действительности (как общенаучных, так и частнонаучных): анализ, формально-юридический метод, статистический метод.

Непосредственно дефиниция «электронное правосудие» понимается как способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий, позволяющих применять в судопроизводстве безбумажный обмен информацией в электронно-цифровом виде между всеми участниками судебного процесса [2].

Однако, несмотря на высокую степень эффективности применения информационных технологий, их повсеместное внедрение в деятельность российских судов может повлечь за собой и возникновение определенных трудностей, проблем, связанных, в первую очередь, с тем, что достаточно высокий процент российских граждан не обладают достаточными знаниями и навыками в области использования информационных технологий для всесторонней практической реализации своих правовых возможностей в судопроизводстве: так, согласно статистическим данным, представленным в отчете Федеральной службы государственной статистики 25,7 % граждан от их общего числа никогда в течение своей жизни не использовали информационные технологии [3, с. 333].

Кроме того, использование информационных технологий в судопроизводстве способно повлечь за собой и нарушение базовых принципов правосудия (в том числе и уголовного судопроизводства): так, например, применение средств видеоконференцсвязи в ходе судебного заседания фактически нарушает

принцип непосредственности, при котором судья должен лично исследовать все представленные доказательства, положенные в последующем в основу принимаемого им судебного решения, поскольку отсутствует психологический контакт со свидетелем (иным допрашиваемым лицом).

Указанное, в свою очередь, фактически способствует вынесению необоснованных, незаконных судебных решений (в частности, в рамках уголовного судопроизводства, поскольку судья в данном случае принимает его, не исследуя все множество представленных сторонами или органами предварительного следствия, органами дознания доказательств лично, то есть не оценивает их максимально точно и правильно, как это было бы в той ситуации, при которой они были бы изучены без помощи видеоконференцсвязи).

Помимо прочего, судья, фактически теряя личный психологический контакт с обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, если мы говорим об уголовном судопроизводстве, и с истцом, ответчиком, если мы говорим о иных видах судопроизводства, не может в полной мере оценить правдивость и искренность их показаний, а также понять, насколько, например, свидетель не заинтересован лично в исходе разрешения дела.

Данные обстоятельства влекут за собой необходимость законодательного ограничения пределов использования информационных технологий в судопроизводстве при их внедрении, с целью того, чтобы все граждане по-прежнему сохраняли право на равный доступ к правосудию, а принципы судопроизводства не были нарушены. В частности, это будет возможным при параллельном внедрении информационных технологий в деятельность судов с одновременным сохранением возможности ведения судебного процесса без их использования.

Кроме того, полагаем также возможным разработать и реализовать государственные (региональные, муниципальные) программы по обучению граждан владению информационными технологиями в судопроизводстве, разумеется, исключительно по их желанию и на безвозмездной основе, что позволит в значительной степени повысить уровень их знаний в данной области науки.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, на представляется необходимым и целесообразным сформулировать следующие итоговые выводы настоящего исследования:

Повсеместное внедрение информационных технологий в деятельность российских судов способно оптимизировать судопроизводство, в целом, однако, при этом, с целью разрешения множества существующих практических проблем, должна сохраниться и возможность ведения судебного процесса без использования IT-технологий.

Библиографический список

1. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : постановление Правительства РФ от 27.12.2012. № 1406 (ред. от 28.12.2018). URL: <http://base.garant.ru/70292624/> (дата обращения: 15.11.2019).

2. Рябцева Е. В. Электронная форма осуществления правосудия: уголовно-процессуальный аспект // Аналитический портал «Отрасли-Права». URL: <http://xn----7sbabaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/25844> (дата обращения: 15.11.2019).

3. Россия в цифрах. 2018 : краткий статист. сб. М. : Росстат, 2018. 522 с.

УДК 343

Иванова Владлена Владиславовна,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
iavnova98@bk.ru

К вопросу о необходимости введения изменений в ст. 106 УК РФ

В данной статье рассматривается изучение трудностей, возникающих при квалификации по ст.106 УК РФ, которые состоят в определении точных сроков новорожденности. В статье раскрываются основные аспекты вопроса о целесообразности введения примечания к ст.106 УК РФ понятия «новорожденного ребенка». На наш взгляд, это позволит облегчить следственную и судебную практику применения ст. 106 действующего УК РФ, а значит, и вынесения справедливого решения суда. Кроме этого, мы акцентируем внимание в работе на необходимость снижения возраста уголовной ответственности с 16 лет до 14 лет.

Ключевые слова: новорожденный ребенок, убийство матерью новорожденного ребенка, момент начала жизни ребенка, живорождение, момент окончания периода новорожденности, психотравмирующая ситуация, квалификация преступления, возраст уголовной ответственности, принципы справедливости и гуманизма.

Ivanova Vladlena Vladislavovna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

To the question of the need to introduce amendments to Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation

This article discusses the study of the difficulties encountered in qualifying under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation, which deals with determining the exact timing of a newborn. The article reveals the main aspects of the issue of the appropriateness of introducing a note of the concept of “newborn child” to the article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation In our opinion, this will facilitate the investigative and judicial practice of applying Art. 106 of the current Criminal Code of the Russian Federation, and hence reaching a fair verdict. In

addition, we focus on the need to reduce the age of criminal responsibility from 16 to 14.

Keywords: *a newborn child, murder of a newborn child by his mother, the moment the child begins to live, live birth, the moment the newborn period ends, a traumatic situation, qualification of a crime, age of criminal responsibility, principles of justice and humanism.*

Они дарят жизнь, но сразу же ее забирают. Ежегодно множество российских новорожденных детей умирают от рук своих матерей. Причин, способствующих совершению убийства матерью своего новорожденного ребенка, достаточно много и все они разные: беременность вне брака, страх перед материальными трудностями, рост числа разводов, а также недостаточно развитое чувство ответственности. Следует подчеркнуть, что последнее, в первую очередь, касается несовершеннолетних девушек. К несчастью, чаще всего именно они становятся такими матерями.

Согласно данным портала правовой статистике число преступлений по ст.106 УК РФ с каждым годом увеличивается [4]. Так же известно, что по оценкам специалистов, латентность преступлений этой направленности достаточно высокая.

Целью изучения проблемы являются сложности при квалификации по ст.106 УК РФ, которые состоят в трудностях при определении точных сроков новорожденности, а также в необходимости снижения возраста уголовной ответственности.

Обратимся к объекту преступления, предусмотренному ст.106 УК РФ, которым является жизнь новорожденного ребенка. Жизнь – это биологическое существование человека. Следует обратить внимание, что в диспозиции данной нормы потерпевшим является именно ребенок новорожденный. При проведении анализа норм действующего УК РФ, а так же других НПА мы сталкиваемся с проблемой отсутствия в нем нормы-дефиниции, которая определяет период новорожденности. Поэтому, вопрос об определении понятия «новорожденный ребенок» до сих пор остается дискуссионным. На наш взгляд, есть основание полагать, что не урегулирование данного вопроса усложняет следственную и судебную практику применения ст.106 действующего УК РФ, поскольку данное понятие является субъективным, но имеющим весьма прерогативное значение.

Обратим внимание, что для определения периода новорожденности очень важен момент начала жизни ребенка, но он остается спорным. Итак, с какого же момента надлежит исчислять начало жизни новорожденного ребенка? Возможно, с момента начала схваток, начала родов, а может с появлением головки, или с первым вдохом ребенка, или, наконец, когда ребенок отделился от матери? Вариантов много.

Обратимся к законодательству. Анализируя Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 года №1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» можно сказать, что в соответствии с п.1 данного приказа «моментом

рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов» [6].

В медицине выделяют такой период развития ребенка, как перинатальный.

Перинатальный период делится еще на 3 периода: пренатальный, интранатальный, постнатальный.

Поскольку состав ст.106 УК РФ определяет убийство во время родов, то нам интересен интранатальный и постнатальный периоды. Оба периода заключаются в полном открытии чрева матери, рождении ребенка, выхода последа, а также в первых неделях после родов.

В диспозиции ст. 106 УК РФ условно закреплены четыре самостоятельных вида убийств матерью новорожденного ребенка:

- 1) во время родов;
- 2) сразу же после родов;
- 3) в условиях психотравмирующей ситуации;
- 4) в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [9].

Хотя и приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ отмечается именно момент отделения плода от организма матери посредством родов, но нельзя не учитывать состав, указанный в диспозиции нормы, а именно убийство во время родов.

В связи с этим, на наш взгляд, разумно понимать под моментом начала жизни новорожденного начало появления какой-либо части тела ребенка вне организма матери.

Определим окончание периода новорожденности. С точки зрения педиатрии новорожденный ребенок – это ребенок с момента рождения, первого вдоха и перерезки пуповины до двадцати восьми дневного возраста. Врачи определяют период новорожденности, как период времени, когда ребенок самостоятельно приспосабливается к условиям постнатального (вне утробного) существования. После же истечения 4-х недель и до 1 года наступает период младенчества. В акушерстве принято понимать под периодом новорожденности – период, который длится до 1 недели, а в судебной медицине в течение 24 часов после родов, что на наш взгляд, является достаточно коротким промежутком времени.

Изучая и анализируя судебные решения по ст. 106 действующего УК РФ, можно отметить, что в практике встречаются приговоры судов, где мать убивала своего ребенка сразу после завершения физиологического процесса родов, а также и по истечении 1-х суток и более.

К примеру, *«Купинский районный суд Новосибирской обл. установил, что Бородач О.А. находясь в спальне квартиры, без посторонней помощи родила ребенка женского пола, доношенного, жизнеспособного и живорожденного.*

В это же время у Бородач О. А. возник умысел на убийство новорожденного ребенка. Самостоятельно ножницами перерезала пуповину без последующей перевязки. Впоследствии во исполнение задуманного умысла, направленного на убийство, Б. обмотала ребенка полотенцем, погрузила его в таз, напол-

ненный водой. После чего Бородач О. А. оставила новорожденного ребенка в тазу с водой, т. е. в опасном для его жизни состоянии, а сама с места преступления скрылась» [7].

В данном примере, мы видим, что суд определяет момент убийства матерью своего новорожденного ребенка, указывая в тексте описательно-мотивировочной части приговора понятие «впоследствии». Таким образом, суд устанавливает, что убийство было совершено сразу после родов.

В качестве примера так же может служить Приговор Сургутского городского суда от 21 января 2013 года по делу № 1-121/2013,1-1306/2012, согласно которому мать убила своего новорожденного сына на 9 день после родов: *«Бобрышева И. А. родила ребенка мужского пола, который после родов был живым и жизнеспособным, на девятый день после родов, у Бобрышевой И.А., находящейся в состоянии эмоционального напряжения, вызванного психотравмирующей ситуацией, возник умысел на убийство своего новорожденного сына. Реализуя свой преступный умысел, Бобрышева И.А. в, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий в виде причинения смерти новорожденному сыну и желая этого, действуя умышленно, накрыв рот и нос новорожденного пеленкой и кистью своей руки, тем самым перекрыв его дыхательные пути и поступление воздуха в легкие, а затем удерживала в таком положении до тех пор, пока он не перестал подавать признаков жизни» [8].*

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что судьи признают новорожденным ребенком – ребёнка, достигшего и 4-недельного возраста, то есть согласно установленным стандартам педиатрии.

На наш взгляд, это вполне логично, поскольку необходимо учитывать наличие психотравмирующей ситуации, предусмотренной в диспозиции ст. 106 УК РФ. Психотравмирующая ситуация может быть обусловлена, например, распознаванием беременности на поздних сроках беременности и невозможности ее легального искусственного прерывания, ощущением одиночества, изменами мужа, а также низким материальным достатком. Есть основания полагать, что протяженность эмоционального напряжения, вызванного психотравмирующей ситуацией, может быть как кратковременной, предположительно, сутки после родов, так и протекать достаточно длительное время, в связи с тем, что у каждой роженицы она индивидуальна.

В настоящее время в научной литературе немногие авторы, затронувшие данную тему, в своих работах формулируют определение понятия «новорожденного ребенка».

Так, к примеру, по мнению К. В. Дядюна, новорожденный – это ребенок «с момента начала процесса рождения (появление какой-либо части тела младенца из утробы матери) до достижения четырехнедельного возраста» [2, с. 12].

Учитывая все вышеизложенное, можно согласиться с позицией К.В. Дядюна. Полагаем, что новорожденным является *ребенок до наступления ему четырехнедельного возраста с момента начала появления какой-либо части его тела вне организма матери.* Нами предлагается данное определение ввести в виде примечания к ст. 106 УК РФ.

Одну из важных проблем составляет определение возраста уголовной ответственности. По данному составу преступления не совсем оправдано установление ответственности с 16 летнего возраста. На сегодняшний день, подростки слишком рано начинают вступать в половую жизнь, хотя психологически и, конечно, физиологически они еще не готовы вступать в серьезные отношения.

Необходимость изменения возраста уголовной ответственности с 16 лет на 14 вызвана недопустимостью нарушения основополагающего принципа – принципа справедливости, предусмотренного ст. 6 УК РФ. В соответствии с данной нормой «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Отметим, что в теории уголовного права сложилось мнение, что уголовная ответственность за аналогичное преступление назначается по п. «в» ч.2 ст. 105 УК РФ (заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии), санкция которой предусматривает более строгое наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет, либо пожизненным лишением свободы, чем предусмотрено ст. 106 УК РФ (до 5 лет) [1; 10].

Следовательно, несовершеннолетняя, родившая ребенка и избавившаяся от него в 14 лет будет подлежать уголовной ответственности по п. «в» ч. 2 ст.105 УК РФ, то есть за особо тяжкое преступление. Однако тоже деяние, но совершенное в чуть более старшем возрасте (16 лет), будет квалифицировано по ст.106 УК РФ, как преступление средней тяжести, что, на наш взгляд, противоречит принципу справедливости.

Известно, что если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, то уголовная ответственность наступает по специальной норме (ст. 17 УК РФ). Так же и в нашем случае, состав по ст.106 УК РФ является привилегированным составом по отношению к ст.105 УК РФ, в связи с этим при совершении убийства матерью, не достигшей 16-летнего возраста, но достигшей возраста ответственности по ч.2 ст. 105 УК РФ, уголовная ответственность исключается в силу принципов справедливости и гуманизма. Но если состояние роженицы не было обусловлено психотравмирующей ситуацией, и умысел на совершение убийства возник еще до родов?

Согласно статистики, указанной на официальном сайте Агентства правовой статистике за 2016 год по ст. 106 УК РФ были осуждены 59 женщин, оправданы 0, из них 33 осуждены к лишению свободы, за 2017 год осуждены 42, оправданы 0, к лишению свободы 33, и, наконец, за 2018 год осуждены 33, оправданы 0, к лишению свободы 13 [5].

Здесь же нельзя не упомянуть о том, что необходимо учесть данные, приведенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, а именно за 2016, 2017 и 2018 годы к искусственному прерыванию беременности прибегло всего 2. 277.504 женщин, в том числе женщин в возрасте до

18 лет (несовершеннолетних) и до 14 лет (малолетних): 18. 611 и 934 соответственно [3].

Таким образом, проанализировав законодательство, судебную практику и юридическую доктрину, во-первых, предлагается данное нами определение новорожденного ребенка ввести в виде примечания к ст. 106 УК РФ, что в свою очередь позволит наиболее точно и правильно квалифицировать соответствующие деяния по ст. 106 УК РФ. Во-вторых, мы предлагаем снизить возраст уголовной ответственности с 16 лет до 14 лет, что будет соответствовать принципам справедливости и гуманизма в отношении несовершеннолетних. В связи с этим необходимо дополнить ст.20 УК РФ данным составом.

Стоит сказать, что рассмотренные нами проблемы это лишь малый процент из числа всех проблем, возникающих на практике применения данной нормы.

Библиографический список

1. Бубина А. С. Уголовно-правовая охрана жизни новорожденного ребенка в российском законодательстве: проблемы теории и практики // Молодой ученый. 2018. № 5. С. 126–128.

2. Дядюн К. В. К вопросу о критериях новорожденности применительно к составу ст.106 УК РФ //Вестник ин-та: Преступление. Наказание. Исправление. 2014. № (26). С. 10–12.

3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения: 29.10.2019).

4. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 29.10.2019).

5. Портал Агентства правовой статистики. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/> (дата обращения: 29.10.2019).

6. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 года №1687н // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.09.2019).

7. Приговор Купинского районного суда Новосибирской области от 27 января 2014г. № 1-215/2014 // ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 09.10.2019).

8. Приговор Сургутского городского суда от 21 января 2013 года № 1-121/2013 // ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 09.10.2019).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2019).

10. Цыренова С. С. К вопросу о субъекте убийства матерью новорожденного ребенка // Молодой ученый. 2019. № 47. С. 417–418.

УДК 343.163

Ларукова Екатерина Ивановна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета
им. О. Е. Кутафина,
г. Киров, Российская Федерация
catya.laruckova@yandex.ru

Участие прокуратуры в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Коми и Кировской области)

Статья посвящена анализу статистических данных работы органов прокуратуры в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на примере Республики Коми и Кировской области. Инициирование в законодательном органе власти вопроса о толковании принятого данным органом нормативного акта представляется логичным в качестве дополнения как формы взаимоотношения органов прокуратуры с законодательными органами власти.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, законодательная инициатива, полномочия, прокуратура, нормативный правовой акт.

Laruckova Ekatherina Ivanovna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

The participation of the prosecutor's office in the law-making activities of state authorities and local authorities in the constituent entities of the Russian Federation (on the example of the Komi Republic and the Kirov region)

The article is devoted to the analysis of statistical data on the work of prosecution bodies in law-making activities of state authorities and local authorities on the example of the Komi Republic and the Kirov region. The initiation in the legislative body of the question of the interpretation of the normative act adopted by this body seems logical as an addition as a form of relationship between the prosecution authorities and the legislative authorities.

Keywords: law-making activity, legislative initiative, authority, prosecutor's office, normative legal act.

В науке конституционного и муниципального права на протяжении многих лет ставится вопрос о демократизации нормотворческого и законодательного процесса, повышения его действенности и эффективности. Формулируются

различные предложения, в том числе расширение субъектов законодательной инициативы и включение форм и процедур участия институтов гражданского общества, экспертного сообщества и профессиональных субъектов. [1, с. 145–150].

Конструктивные взаимоотношения и сотрудничество прокуратуры с органами государственной власти, органами местного самоуправления в сфере нормотворчества являются необходимыми условиями обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности в субъектах.

Согласно статье 1, 9 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5, ст. 366] прокуратура наделена функцией по участию в правотворческой деятельности.

В соответствии с частью 2.1 Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 02 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» [8] прокурорам предписано: своевременно запрашивать и изучать проекты региональных, муниципальных нормативных правовых актов, участвовать в работе комитетов, комиссий и рабочих групп представительных и исполнительных органов публичной власти; своевременно направлять в адрес руководителей указанных органов замечания и предложения об устранении выявленных в проектах нормативных правовых актов несоответствий федеральным и региональным законам.

Отметим существенную роль приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2007 № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» [4].

С.В. Нарутто полагает, что прокуратура участвует в правотворческой деятельности не только при осуществлении права нормотворческой инициативы, но и посредством содействия в планировании правотворчества, в разработке проектов нормативных актов, консультировании представительных органов по вопросам своей компетенции [3, с. 12–18].

В рамках своих полномочий прокуратура выявляет несоответствие и противоречивость нормативных правовых актов в субъектах Российской Федерации, что повышает эффективность по укреплению законности в регионах.

В настоящее время абсолютное большинство прокуроров субъектов Российской Федерации обладают правом законодательной инициативы в рамках своих субъектов. Так, в соответствии со статьей 75 Конституции Республики Коми от 17 февраля 1994 года прокурору Республики Коми предоставлено право законодательной инициативы [2, ст. 21].

Также участие прокуроров в правотворческой деятельности органов законодательной власти регионов предусмотрено и их регламентами. Например, согласно статье 37 Регламента Государственного Совета Республики Коми прокурор Республики Коми вправе присутствовать на открытых заседаниях Государственного Совета [9].

Согласно статье 48 Устава (Основного закона) Кировской области от 29 февраля 1996 года право законодательной инициативы (внесения законопроектов в областную Думу) принадлежит прокурору области [10].

Регламентом Законодательного Собрания Кировской области предусмотрено право прокурора области присутствовать на заседаниях совета Законодательного Собрания, в том числе, в рамках работы закрытого пленарного заседания, а также прокурору направляется перечень вопросов вместе с законопроектами, таблицами поправок, проектами постановлений, справочными и другими материалами.

В табл. 1, 2 представлены статистические данные об участии прокуроров в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления за I полугодие 2019 года в сравнении с аналогичным периодом 2018 года, в том числе процентное соотношение показателей.

Таблица 1

Республика Коми (за январь – июнь 2019 года)

| Наименование показателя | 2018 | 2019 | % (+; -) |
|--|-------|--------------|----------|
| Статистические данные об участии прокуроров в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления | | | |
| Количество поступивших проектов нормативных правовых актов | 4589 | 4790 | 4,4 |
| Количество изученных проектов нормативных правовых актов | 4 660 | 4 872 | 4,5 |
| Количество отрицательных заключений по проектам нормативных правовых актов | 266 | 316 | 18,8 |
| в том числе с указанием на нарушения федерального (регионального) законодательства | 231 | 279 | 20,8 |
| Принято участие в заседаниях органов государственной власти, органов местного самоуправления, заседаниях их комитетов, комиссий, рабочих групп | 330 | 361 | 9,4 |
| Количество подготовленных проектов нормативных правовых актов с использованием предоставленного прокуратуре права законодательной (нормотворческой) инициативы | 113 | 109 | -3,5 |
| Количество принятых нормативных правовых актов с использованием предоставленного прокуратуре права законодательной (нормотворческой) инициативы | 96 | 79 | -17,7 |

За I полугодие 2019 года в прокуратуру Республики Коми поступило из законодательных, исполнительных органов государственной власти Республики Коми, органов местного самоуправления 4790 проекта нормативных правовых актов, на которые дано 316 отрицательное заключение, в 279 заключениях указано на нарушения федерального (регионального) законодательства. В сравнении, за аналогичный период прошлого года в прокуратуру Республики Коми поступило 4589 проекта нормативных правовых актов, на которые дано 266 отрицательное заключение, в 231 заключениях указано на нарушения федерального (регионального) законодательства [11].

Следует отметить эффективность органов прокуратуры Республики Коми по надзору за исполнением федерального законодательства о противодействии

коррупции. Выявлено 797 нарушений законов. Их них принесено 112 протестов, по удовлетворенным протестам отменено и изменено 96 незаконных правовых актов, 37 исков (заявлений) направлено в суд общей юрисдикции, в арбитражный суд, внесено 98 представлений, по представлению прокурора привлечено 135 лиц к дисциплинарной ответственности и т. д.

Показательна работа органов прокуратуры Республики Коми в части проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). За I полугодие 2019 года изучено 4202 нормативных правовых актов на наличие коррупциогенных факторов, из них выявлено 301 нормативный акт, содержащий коррупциогенные факторы, выявлено 388 коррупциогенных факторов, исключено 352 коррупциогенных факторов в результате вмешательства органов прокуратуры. Основная доля выявленных коррупциогенных факторов приходится на сферу прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

Необходимо отметить высокий процент разработанности прокуратурой Республики Коми законопроектов, а именно за вышеуказанный период было подготовлено 109 проектов нормативных правовых актов с использованием предоставленного прокуратуре права законодательной (нормотворческой) инициативы, из них было принято 79 нормативных правовых актов, что составляет 72 процента.

За I полугодие 2019 года прокуратурой принято участие в заседаниях органов государственной власти, органов местного самоуправления, заседаниях их комитетов, комиссий, рабочих групп в связи с обсуждением проектов законов и их принятием в количестве 361 раз. В сравнении, за аналогичный период прошлого года данная цифра составляла 330, что ниже на 9,4 процента.

Необходимость расширения форм сотрудничества прокуратуры с законодательными органами государственной власти регионов в нормотворческом процессе продиктована задачей по укреплению российской государственности, обеспечению единого правового пространства в стране, а также интенсивным развитием федерального законодательства.

С момента предоставления права законодательной инициативы прокуратурой республики разработано и внесено в Государственный Совет Республики Коми 30 законопроектов.

Так, Государственным Советом Республики Коми принят закон, внесенный в качестве законопроекта прокурором Республики Коми «О профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании в Республике Коми». Анализ состояния законности в республике в этой сфере свидетельствовал о необходимости совершенствования республиканского законодательства [6].

Также необходимо обратить внимание, что в связи с принятием Федерального закона от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» законодательно урегулирован вопрос о порядке предоставления в органы прокуратуры республики для проведения антикоррупционной экспертизы республиканских и муниципальных нормативных правовых актов [7, ст. 3608].

Кировская область (за январь – июнь 2019 года)

| Наименование показателя | 2018 | 2019 | % (+; –) |
|--|-------|--------------|----------|
| Статистические данные об участии прокуроров в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления | | | |
| Количество заключений по проектам нормативных правовых актов, подготовленных в отчетный период | 10953 | 12078 | 10,3 |
| Количество отрицательных заключений по проектам нормативных правовых актов | 586 | 870 | 48,5 |
| в том числе с указанием на нарушения федерального (регионального) законодательства | 533 | 785 | 47,3 |
| Количество подготовленных проектов нормативных правовых актов с использованием предоставленного прокуратуре права законодательной (нормотворческой) инициативы | 603 | 551 | –8,6 |
| Количество принятых нормативных правовых актов с использованием предоставленного прокуратуре права законодательной (нормотворческой) инициативы | 335 | 265 | –20,9 |

Так, по результатам мониторинга показателей следует отметить высокий процент деятельности прокуратуры Кировской области по выявленным нарушениям федерального (регионального) законодательства, что выявляет пробелы и противоречивость действующих нормативных правовых актов. В этом смысле наблюдается эффективная работа прокуратуры в ходе осуществления своих полномочий.

«Согласно данным в 2018 году прокуратурой Кировской области было внесено на рассмотрение в Законодательное собрание области шесть законопроектов, и все они стали законами области. Среди инициатив особое место заняли поправки к законам, призванным защитить права обманутых дольщиков», – упоминается на сайте Законодательного Собрания Кировской области [12].

Выявляя потребности в правовом регулировании тех или иных общественных отношений и обладая правом законодательной инициативы, прокуратура имеет возможность влиять на региональное нормотворчество в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, обеспечения полноты правового регулирования, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Завершая анализ статистических данных работы органов прокуратуры в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, с нашей точки зрения, по состоянию на сегодняшний день отмечаем расширение количества форм участия прокуратуры (прокуроров) в законотворческой деятельности, в том числе эффективность деятельности по противодействию коррупции и защиты сферы прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Инициирование в законодательном органе власти вопроса о толковании принятого данным органом нормативного акта представляется логичным в качестве дополнения как формы взаимоотношения органов прокуратуры с законодательными органами власти.

Участие прокуратуры в законотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления начинает быть существенным и определяющим направлением деятельности прокуратур субъектов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Комарова В. В. Демократизация законодательного процесса в современной России // Материалы выступлений на конференции «Роль общественной экспертизы законодательства как формы взаимодействия государства и гражданского общества», состоявшейся 9 декабря 2009 г. (г. Москва). М. : Юрист, 2009. С. 145–150.

2. Конституция Республики Коми от 17.02.1994 // Ведомости Верховного Совета РК. 1994. № 2. Ст. 21.

3. Нарутто С. В. О взаимодействии органов прокуратуры с представительными органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 6(62). С. 12–18.

4. О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления: приказ Генерального прокурора РФ от 17.09.2007 № 144. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118155/ (дата обращения: 18.11.2019).

5. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ // Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета Рос. Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

6. О профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании в Республике Коми: закон от 06.03.2018 № 6-РЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446643627/> (дата обращения: 18.11.2019).

7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009 . № 29. Ст. 3608.

8. Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления: приказ Генерального прокурора РФ от 02.10.2007 № 155. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73311/ (дата обращения: 18.11.2019).

9. Регламент Государственного Совета Республики Коми. – URL: http://www.gsrk.ru/pages/pravovye_osnovy_deyatelnosti-1/ (дата обращения: 18.11.2019).

10. Устав Кировской области от 29.02.1996. – URL: <http://www.zsko.ru/general/reference/laws/ustav.php/> (дата обращения: 18.11.2019).

11. URL: <http://www.prockomi.ru/stat/> (дата обращения: 18.11.2019).

12. URL: <http://www.zsko.ru/press/news/detail.php?ID=27134/> (дата обращения: 18.11.2019).

Левкова Инна Александровна,
студент, Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация
inna.lewkowa@yandex.ru

Проблема установления объективной истины по уголовному делу

Данная статья посвящена проблеме установления объективной истины в процессе расследования уголовного дела, что особенно важно сегодня, так как законодатель не ставит своей целью ориентировать органы предварительного расследования и суд на ее поиск и установление.

Ключевые слова: истина, судопроизводство, уголовное дело, объективная истина в уголовном судопроизводстве, суд.

Levkova Inna Alexandrovna,
student, Southwestern state University,
Kursk, Russian Federation

The problem of establishing objective truth in a criminal case

This article is devoted to the problem of establishing the objective truth in the process of investigating a criminal case, which is especially important today, since the legislator does not aim to orient the preliminary investigation bodies and the court to find and establish it.

Keywords: truth, legal proceedings, criminal case, objective truth in criminal proceedings, court.

В современном мире нормы международного права так же, как и нормы российского законодательства, указывают на необходимость разрешения уголовных дел с позиции справедливости, которая заложена в основу содержания права применимо ко всем его отраслям. Приговор считается законным и справедливым, если основан на законности, обоснованности, а также отражает правильное разрешение дела как по существу, так и по форме. Но к сожалению, сейчас все чаще юристы и ученые говорят об установлении не материальной (объективной) истины, а формальной (юридической) истины.

Объективная истина достигается путем исследования совокупности доказательств по уголовному делу, в то время как формальная истина устанавливается юридическими способами, как правило, основываясь на презумпциях. Например, закрепленная в ст. 14 УПК РФ презумпция невинности, устанавливает, что все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого [1, с. 4921].

На данный период времени, в рамках уголовного процесса необходимо найти соотношение между презумпцией невинности и установлением объек-

тивной истины. В российском судопроизводстве эти понятия не отождествлялись и не противопоставлялись друг другу. Они рассматривались лишь как необходимое дополнение друг другу.

Объективная истина, отражая выводы суда по результатам рассмотрения дела, должна применяться ко всем обстоятельствам, включенным в предмет доказывания. Презумпция невиновности, с одной стороны, требует достоверной доказанности предъявленного обвинения, с другой же, в случае недоказанности виновности подсудимого прекращения уголовного преследования или же вынесение судом оправдательного приговора [2, с. 105–117]. Важно отметить тот факт, что отступление от презумпции невиновности неизбежно ведет к установлению обстоятельств дела в одностороннем обвинительном характере, что не содействует установлению истины, а лишь, наоборот, мешает этому.

Отсюда следует, что отказ от установления объективной истины влечет за собой нарушение законных интересов обвиняемого (подозреваемого), и как следствие ставит под вопрос неотвратимость наказания.

При этом важно понимать, что объективная истина важна не сама по себе, а имеет основополагающее практическое значение в юриспруденции. Установление объективной истины в процессе расследования произошедшего в реальной действительности позволяет определить, виновен человек в совершении инкриминируемого ему деяния или нет. Именно поэтому вероятная истина не может быть основанием для признания человека виновным и его дальнейшего осуждения [3, с. 23–29]. Является недопустимым признание судом подсудимого виновным, если не было произведено полного исследования всех обстоятельств уголовного дела.

Объективность в процессе исследования обстоятельств дела обуславливает беспристрастное, непредвзятое отношение к расследованию и рассмотрению уголовного дела, позволяющее определить как оправдывающие, так и уличающие обстоятельства, а также обстоятельства, отягчающие или смягчающие положение обвиняемого.

Важно отметить тот факт, что в рамках уголовного процесса отсутствует специальный участник, который мог бы вести расследование по уголовному делу объективно и при этом не относиться ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты. Предполагается, что такая роль принадлежит следователю, дознавателю. Но УПК РФ эти участники отнесены к стороне обвинения, что прямо противоречит цели, которой они преследуют – установление объективной истины по уголовному делу. Так, многие ученые подчеркивают, что отнесение следователя и дознавателя к стороне обвинения неизбежно влечет собой обвинительный уклон в их процессуальной деятельности. Исходя из этого, высказываются мнения о том, что единственной процессуальной функцией этих участников уголовного процесса должна стать функция расследования, которая предусматривает исключения следователя и дознавателя из участников стороны обвинения.

Содержание объективной истины в уголовном процессе определяется предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) – это установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу. При этом в содержание предмета доказывания не входят такие понятия как правовая квалификация деяния, назначение наказания. Наказание является оценкой произошедшего с позиции государственных и общественных интересов, а также признание или не признание присяжными заседателями подсудимого виновным.

Особенную специфику имеет процесс познания в суде с участием присяжных заседателей. В данной форме судопроизводства имеет место специальный субъект – коллегия присяжных заседателей, в состав которой входят совершенно разные люди, отличающиеся социальным статусом, занимаемой должностью, уровнем образования и т. д. У большинства мышление не формализовано, как у юристов, а принятие решений основывается на различных эмоциях и отстраненных суждениях [4, с. 45–52], поэтому установить объективную истину по уголовному делу в суде с участием присяжных заседателей намного сложнее, хотя для этого созданы наиболее благоприятные условия [5, с. 226–231].

Такого понятия, как «истина», в УПК РФ не существует. Уголовно-процессуальный закон прямо не ставит перед судом и органами, осуществляющими предварительное расследование, задачу установления истины по уголовному делу. Но при этом из комплекса уголовно-процессуальных норм следует, что основной целью уголовного судопроизводства все же является установление объективной истины по делу. Например, в ст. 88 УПК РФ предусмотрено одно из важнейших правил – установление достоверности доказательств.

Познание истины в философии безгранично, а вот познание всех обстоятельств совершенного преступления имеет строго определенные рамки как в пространстве, так и во времени и заканчивается вынесением приговора и вступлением его в силу. Полное, точное соответствие выводов, изложенных в приговоре суда, и есть установление уголовно-процессуальной истины.

Установление истины в уголовном судопроизводстве – это необходимость и конечная цель. В процессе предварительного расследования и судебного разбирательства нужно стремиться к установлению объективной истины, а не юридической [6, с. 5–10]. Но, к сожалению, не все участники уголовного процесса заинтересованы в этом.

Из этого следует вывод, что отказ от установления объективной истины по делу влечет за собой многочисленные нарушения закона, законных интересов обвиняемого и ставит под сомнение неотвратимость наказания виновных.

На процесс установления истины по делу большое влияние оказывают социальные и организационные основы деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, функции, принципы деятельности, и, несомненно, их права в области доказывания.

Прохождение уголовного дела по стадиям уголовного судопроизводства имеет важное значение. Особое место здесь занимает процесс судебного разби-

рательства. Основу же правовых гарантий установления истины составляет система правовых принципов, обеспечивающих объективность выводов [7, с. 68–88.].

Таким образом, можем прийти к выводу, что установление истины по делу означает изобличение лица, совершившего инкриминируемое ему деяние, восстановление социальной справедливости и достижение целей уголовного судопроизводства, выражающееся в защите прав и законных интересов лиц, участвующих в деле.

Именно поэтому, уголовное судопроизводство в России должно выступать гарантом объективной истины, а объективная истина, в свою очередь, гарантом объективного и справедливого судопроизводства.

Обнаружить и наказать преступника можно только при условии установления судом истины по уголовному делу. В противном же случае решение суда признать лицо виновным и наказать будет настоящим актом произвола, а не актом правосудия. Именно установление истины обеспечивает, защиту и реализацию законных прав и интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, полноту раскрытия преступлений и справедливость выносимых судом решений.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.02.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Ларин А. М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы : материалы конф. М., 2017. С. 105–117.

3. Ищенко Е. П. Какая истина нужна в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 23–29.

4. Артамонова Е. А. Установление объективной истины в уголовном судопроизводстве как насущная необходимость // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. № 5. С. 45–52.

5. Чистилина Д. О. Пределы допустимости исследования присяжными заседателями обстоятельств уголовного дела в ходе судебного следствия // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения : сб. материалов IV Междунар. студ. науч.-практ. конф. 20 апреля 2018 г., Курск / редколл.: Рябинина Т. К.(отв. ред.), Козявин А. А., Калущких А. М. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. С. 226–231.

6. Бастрыкин А. И. Вернуть в уголовный процесс институт истины // Российская газета. 2012. № 5731. С. 5–10.

7. Свиридов М. К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 8. С. 68–88.

УДК 347.963:343.85

Матасова Марина Сергеевна,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
maramatsova44@yandex.ru

**О необходимости законодательного закрепления функции
прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению
и правовому информированию граждан**

В статье рассмотрен вопрос о правовой природе направления деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению и правовому информированию граждан, обоснована необходимость внесения законодательных изменений, позволяющих законодательно закрепить полномочия прокуратуры по правовому просвещению и правовому информированию граждан.

***Ключевые слова:** прокуратура Российской Федерации, правовое просвещение, правовое информирование.*

Matasova Marina Sergeevna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

**On the need for legislative consolidation of the function
of the Prosecutor's office of the Russian Federation for legal education
and legal information of citizens**

The article deals with the legal nature of the direction of activity of the Prosecutor's office on legal education and legal information of citizens, the need for legislative changes to legislatively consolidate the powers of the Prosecutor's office on legal education and legal information of citizens

***Keywords:** prosecutor's office of the Russian Federation, legal education, legal information.*

Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации [1] и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Прокуратура Российской Федерации осуществляет функции, установленные федеральными законами. Основным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность органов прокуратуры, является Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-2 «О прокуратуре Российской Федерации» [2] (далее – Закон), который, в том числе, определяет ее функции, основные направления деятельности. К числу функций прокуратуры Российской Федерации надлежит отнести осу-

шествление надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, а также иные функции, перечень которых законодатель оставляет открытым. Органы прокуратуры в соответствии с действующим законодательством полномочны осуществлять также уголовное преследование, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования, участвуют при рассмотрении дел судами, принимают участие в правотворческой деятельности. И, несмотря на то, что перечень функций не является исчерпывающим, действующее законодательство о прокурорской деятельности не предусматривает такое полномочие органов прокуратуры как правовое просвещение граждан и правовое информирование, в то время, как данное полномочие органами прокуратуры осуществляется. Что же представляет собой правовое просвещение и правовое информирование, реализуемое прокуратурой Российской Федерации? Обладают ли органы прокуратуры Российской Федерации данной компетенцией? Необходимо ли законодательное закрепление указанного направления деятельности?

Исследование функции прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению и правовому информированию граждан в последнее время является особенно актуальным, внимание данному вопросу в юридической науке уделяется все чаще. Исследованием деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению граждан занимаются такие ученые, как М. В. Маматов [4], А. И. Петров [5; 6], В. П. Рябцев [7], В. Ю. Шобухин [8] и другие.

Под функцией прокуратуры следует понимать «такой вид ее деятельности, который предопределяется социальным предназначением прокуратуры, выраженным в ее задачах, характеризуется определенным предметом ведения, направлен на решение задач и требует присущих ему полномочий и правовых средств». Органы прокуратуры осуществляют свою деятельность в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Организационные вопросы реализации исследуемого направления деятельности органов прокуратуры разрешены Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 года № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» [3] (далее – Приказ). В частности, закрепляются цели правового просвещения и правового информирования (формирование правовой культуры общества, повышение юридической осведомленности граждан, развития правосознания, что, в свою очередь, направлено на недопущение нарушений закона и асоциального поведения), формы правового просвещения и правового информирования (беседы, лекции, выступления, в том числе и посредством использования Интернет-ресурсов, средств массовой информации). При этом отмечается, что деятельность по правовому просвещению и правовому информированию не подменяет собой деятельность прокуратуры по рассмотрению обращений и приему граждан, указанные направления деятельности не являются тождественными, в связи с чем нельзя говорить и о том, что правовое просвещение и правовое информирование – часть компе-

тенции по рассмотрению обращений и приему граждан должностными лицами органов прокуратуры.

Тем самым, имея определенную цель деятельности по правовому просвещению и правовому информированию граждан, задачи, формы и методы (средства), данная деятельность вправе считаться одной из функций прокуратуры Российской Федерации. Деятельность по правому просвещению и правовому информированию является самостоятельным направлением деятельности – функцией органов прокуратуры Российской Федерации, в связи с чем подлежит законодательному закреплению. В настоящее время, как ранее было отмечено, законодательного закрепления указанная функция не имеет, лишь отражаясь в Приказе. Предлагается разрешить данную проблему путем внесения изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1, а именно дополнить статью 1 указанного федерального закона частью 2.1 в следующей редакции: «Прокуратура Российской Федерации осуществляет в пределах своей компетенции правовое просвещение и правовое информирование». Представляется, что внесение данных изменений позволит в дальнейшем более полно определить и полномочия прокурорских работников по правовому просвещению, формы, методы, приемы, способы и средства правового просвещения, а также позволит усовершенствовать правовое регулирование деятельности органов прокуратуры как в сфере правового просвещения и правового информирования, так и правового регулирования прокурорской деятельности в целом.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст.4398.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 года № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).
4. Маматов М. В. Применение интернет-технологий в современной деятельности прокуратуры по разъяснению законодательства и правовому просвещению // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).
5. Петров А. И. Формирование правового сознания посредством правового просвещения, проводимого органами прокуратуры // Вестник российского университета кооперации. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).
6. Петров А. И. Понятие и содержание правового просвещения как особой функции органов прокуратуры (теоретико-правовой анализ) // Вестник Чуваш-

ского университета. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).

7. Рябцев В. П. Функции и направления деятельности органов прокуратуры // Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник. М. : Юристъ, 2000. С. 65.

8. Шобухин В. Ю. Правовое просвещение как перспективное направление прокурорской деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).

УДК 347.963

Мягков Андрей Анатольевич,

аспирант, Костромской государственной университет,

г. Кострома Российская Федерация

myagkov.12.00.11.kgu@mail.ru

Защита прав и свобод человека и гражданина органами прокуратур Российской Федерации и Республики Казахстан

В статье проводится анализ положений законодательств Российской Федерации и Республики Казахстан, определяющих защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве высших ценностей государства, в том числе, для органов прокуратуры этих стран. Исходя из этого, определяется роль и значимость деятельности прокуратур этих государств по обеспечению реализации указанных положений.

Ключевые слова: законодательство, нормативные правовые акты, прокуратура Российской Федерации, прокуратура Республики Казахстан, защита прав и свобод человека и гражданина.

Myagkov Andrey Anatolievich,

doctoral candidate, Kostroma State University,

Kostroma, Russian Federation

Protection of human and civil rights and freedoms prosecutor's office of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

The article analyzes the provisions of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, defining the protection of human and civil rights and freedoms as the highest values of the state, including for the Prosecutor's offices of these countries. Based on this, the role and importance of the activities of the Prosecutor's offices of these States to ensure the implementation of these provisions is determined.

Keywords: *legislation, normative legal acts, Prosecutor's office of the Russian Federation, Prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan, protection of human and civil rights and freedoms.*

Международная правозащитная организация «Freedom House» (с англ. «Дом свободы». – М. А.) опубликовала отчет за 2019 год об уровне свободы в 195 странах [15]. Состояние свобод оценивается по стообальной шкале (от 1 до 100 баллов). В зависимости от количества полученных баллов по 25 конкретным показателям, государства оцениваются как «свободные», «частично свободные» и «несвободные». В отчете «Freedom House» показатель Российской Федерации (далее – РФ, Россия) по свободам человека составил 20 из 100 баллов. Аналогично была оценена и Республика Казахстан (далее – РК, Казахстан) – 22 из 100 баллов. Таким образом, Россия и Казахстан, по мнению «Freedom House», находятся в числе «несвободных» стран.

Данные выводы не основаны на положениях, как российского, так и казахстанского законодательства, а также правового регулирования правозащитной деятельности прокуратур Российской Федерации и Республики Казахстан.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ [1], человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. При этом государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ч.1 ст.45 Конституции РФ).

На основании п. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [3], одной из основных целей деятельности российской прокуратуры является защита прав и свобод человека и гражданина.

Статья 2 ФЗ «О безопасности» [5], также указывает на то, что одним из основных принципов обеспечения безопасности является – соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Указанный принцип лежит в основе всех концепций и стратегий Российской Федерации в области безопасности.

Так, в ч. 5 раздела 1 «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [11], определено, что в целях эффективного вовлечения заинтересованных субъектов в формирование и реализацию социально-экономической политики необходимо выстраивание новой модели развития общества, обеспечивающей: эффективность механизмов защиты прав и свобод граждан, без которых невозможно создать конкурентоспособные государственные институты.

Пункт 44 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [6], гласит о том, что одной из стратегических целей государственной и общественной безопасности является защита основных прав и свобод человека и гражданина.

О необходимости постоянного совершенствования системы обеспечения общественной безопасности, а также политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, в том числе по предупреждению, выявлению и пресечению преступных посягательств на права

и свободы человека и гражданина указано и в «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (п. 5) [10].

Подобное правовое регулирование правозащитной деятельности государства и ее органов определено и в Республике Казахстан.

Согласно п. 1 ст. 1 Конституции РК [2]: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы». Исходя из этого, значительная роль в обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина отводится органам прокуратуры этой республики.

В соответствии с подразделом 3.1. раздела 3 «Концепции правовой политики РК на период с 2010 до 2020 года» [7], органы прокуратуры являются ядром правоохранительной системы страны. При этом, следует иметь в виду, что правоохранительная система – понятие, несомненно, объемнее, нежели система правоохранительных органов. В нее включается не только специальные, правоохранительные органы, но и некоторые другие государственные органы правоохранительного назначения, а так же правовые норы, юридические средства и методы правовой охраны.

Кроме этого необходимо учитывать, что вопросы защиты высших ценностей является приоритетными и международном сотрудничестве органов прокуратуры России и Казахстана. Так, например, в соответствии со ст. 2 «Соглашения о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Казахстан» [13], одним из основных направлений сотрудничества является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина.

Основой для этого является то, что в Казахстане, как и в России, общепринято различать три группы прав и свобод человека и гражданина.

К первой группе относятся личные права и свободы: право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства, право на тайну вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, право на неприкосновенность жилища и др.

Вторую группу образуют политические права и свободы граждан. В данную группу входят: право на свободу мысли и слова, свобода совести, право на объединение, право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования и др.

Третью группу составляют социально-экономические права и свободы человека и гражданина [14, с. 164].

Из ст. 4 Закона РК «О Прокуратуре» [4] (далее – Закон «О Прокуратуре РК»), следует, что одной из задач прокуратуры республики является защита и восстановление прав и свобод человека и гражданина.

У органов прокуратуры этой республики в соответствии со «Стратегическим планом Генеральной прокуратуры РК на 2017–2021 годы» (далее – Стратегический план ГП РК) [12] повышение эффективности надзорной деятельности и реализации правозащитного потенциала органов прокуратуры, укрепление законности и правопорядка и неукоснительное соблюдение прав и свобод

граждан определено в качестве первостепенного стратегического направления деятельности.

Из раздела 3 Стратегического плана ГП РК также следует, что это направление в полной мере соответствует стратегическим целям государства, изложенным в Послании Президента РК – Лидера Нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 14.12.2012 «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» [9].

Кроме того, в соответствии с п.2 «Положения о Координационном совете РК по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью» (далее – Положение) [8], одной из основных задач данного совета (председателем которого определен Генеральный прокурор РК) является координация деятельности правоохранительных и иных государственных органов в защите прав и свобод граждан.

Из стратегий, концепций и иных документов видно, что в России и Казахстане повышенное внимание уделено защите прав и свобод человека и гражданина. Это свидетельствует о том, что отчет и выводы «Freedom House» в отношении России и Казахстана в значительной мере не соответствуют действительности. Подтверждением данного утверждения служат не только законодательные и иные правовые акты, но и данные широкомасштабной правозащитной деятельности органов прокуратур России и Республики Казахстан, которые представлены на официальных сайтах данных государственных органов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // РГ, № 237, 25.12.1993; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014 (дата обращения: 05.12.2019).

2. Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 30.08.1995 // Сайт Президента РК. URL: <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya> (дата обращения: 05.12.2019).

3. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 26.07.2019) О прокуратуре РФ // РГ. 1992. № 39; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 26.07.2019 (дата обращения: 05.12.2019).

4. Закон Республики Казахстан от 30.06.2017 № 81-VI (ред. от 24.04.2019) «О Прокуратуре» // Казахстанская правда. 2017. № 125(28504). Нормативно-правовая система НПА РК «Әділет». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081> (дата обращения: 05.12.2019).

5. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // РГ. 2010. № 295; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2015 (дата обращения: 05.12.2019).

6. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 31.12.2015 (дата обращения: 05.12.2019).

7. Указ Президента РК от 24.08.2009 № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» («Казахстанская правда» от 27.08.2009 № 205; «Казахстанская правда» от 21.01.2014 № 13) // Сайт Нормативно-правовой системы НПА РК «Әділет». URL: http://www.adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_ (дата обращения: 05.12.2019).

8. Указ Президента РК от 02.05.2011 № 68 (ред. от 18.09.2019) «Об утверждении Положения о Координационном совете Республики Казахстан по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью» // Собрание актов Президента РК и Правительства РК, 2011, № 37, ст. 439; Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде, 25.09.2019. Сайт Нормативно-правовой системы НПА РК «Әділет». URL: <http://www.adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000068> (дата обращения: 05.12.2019).

9. Послание Президента РК – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана от 14.12.2012 Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства // Казахстанская правда. 2012. №437-438); Сайт нормативно-правовой системы НПА РК «Әділет». URL: <http://www.adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 05.12.2019).

10. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // (Документ опубликован не был). Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 05.12.2019).

11. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 24.11.2008, № 47, ст. 5489; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.10.2018 (дата обращения: 05.12.2019).

12. Приказ Генерального Прокурора РК от 26.12.2016 № 196 «Об утверждении Стратегического плана Генеральной прокуратуры Республики Казахстан на 2017–2021 годы» // Сайт Генеральной прокуратуры РК. URL: <http://prokuror.gov.kz/sites/default/files/u12/files/sp17-21rus.pdf> (дата обращения: 05.12.2019).

13. Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Казахстан от 23.06.2009 // Сайт Генеральной прокуратуры РК. URL: <http://www.prokuror.gov.kz/rus/o-prokurate/deyatelnost-prokuratury/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/okazanie-pravovoy-pomoshchi-p-2> (дата обращения: 05.12.2019).

14. Журсимбаев С. К. Прокурорский надзор в Республике Казахстан : учебник. Алматы : NURPRESS, 2010. 356 с.

15. Отчет «Свобода в Мире в 2019 году» // Сайт Международной правозащитной организации «Freedom House». URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/map> (дата обращения: 05.12.2019).

УДК 347.9

Носкова Анна Дмитриевна,

студент, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

suchas_itis@mail.ru

История развития института примирительных процедур в гражданском процессе

В данной статье автор анализирует вопросы исторического возникновения и развития института примирительных процедур в России. Автор обращает внимание на значимые нормативно-правовые акты, способствовавшие развитию данных процедур. Исследование этапов развития данного правового института с древних времен и заканчивая ныне действующим законодательством позволяет прийти к выводу, что несмотря на длительный путь их формирования, существующие нормы, составляющие содержание данного института несовершенны. Определены основные проблемы применения примирительных процедур на современном этапе.

Ключевые слова: примирительные процедуры, мировое соглашение, гражданский процесс, внесудебное урегулирование спора.

Noskova Anna Dmitrievna,

student, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

The history of the development of the Institute of conciliation procedures in the civil process

In this article, the author analyzes the historical origin and development of the Institute of conciliation procedures in Russia. The author draws attention to the significant legal acts that contributed to the development of these procedures. The study of the stages of development of this legal institution from ancient times and ending with the current legislation allows us to conclude that despite the long path of their formation, the existing norms that make up, the content of this institution are imperfect. The main problems of application of conciliation procedures at the present stage are defined.

Keywords: conciliation procedures, settlement agreement, civil process, out-of-court dispute settlement.

Конституцией Российской Федерации предусмотрено одно из основных прав, принадлежащих каждому – защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Право на обращение в суд является одним из основных конституционных прав граждан. В настоящее время предусмотрено огромное количество гарантий справедливого и законного судебного разбирательства. Однако, на наш взгляд, лучший способ разрешения конфликта – урегулирование спора без вынесения судебного решения, окончанием которого будет сохранение партнерских отношений путем договоренности о взаимовыгодных условиях.

Согласно Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации одной из задач гражданского судопроизводства является мирное урегулирование споров. Так, еще на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, как следует из статьи 148 ГПК РФ, одной из ее задач является примирение сторон. Примирительные процедуры сами по себе имеют огромное значение для гражданского судопроизводства, так как это является более упрощенным способом разрешения дела – суду не требуется исследовать материалы дела и проводить оценку представленных сторонами доказательств, более того, мирное урегулирование споров позволяет сохранить между сторонами положительные отношения, в связи с чем, актуальность развития данного института очевидна: снижение нагрузки на суды, сохранение положительных взаимоотношений между сторонами и в целом влияние на благоприятную обстановку в обществе.

Формирование и развитие примирительных процедур, а соответственно и использование данных правовых средств берет начало, как и большинство юридических конструкций, в римском праве, которому было известно такое понятие как «*transactio*» – мировая сделка, представляемая собой соглашение о взаимных уступках, с помощью которых урегулировали или предупреждали спор по поводу наличия или точного содержания взаимных прав и обязанностей. Далее, как утверждают Н. А. Власенко, Т. В. Чернышова, «институт мировой сделки становится самостоятельным источником обязательств в качестве безымянного контракта (*contractus innominatus*), а также получает защиту посредством иска в конце классического периода римской истории (V–I вв. до н. э.)» [1, с. 99]. Впоследствии положения древнего римского права стали проникать в другие страны, а затем и в Россию.

О периоде первых упоминаний использования примирительных процедур нет однозначной позиции. Большинство исследователей данного вопроса относят этот период к VI в. н. э., когда у славянских народов появилось понимание необходимости заключать перемирие путем мировых решений различных посредников. В скором, как отмечает Е. А. Рубинштейн, «процедура урегулирования споров и конфликтов с использованием примирительных процедур стала источником древнего обряда славян – «побратимства» и превратилась в один из способов ограничения кровной мести» [9, с. 11], что, на наш взгляд, вызвано необходимостью предотвратить неизбежные последствия социальных конфликтов.

Некоторые ученые связывают возникновение примирительных процедур лишь с 1281–1313 годами, когда о них появилось упоминание в Новгородских берестяных грамотах [6, с. 163], в которой содержатся понятия «урядиться» и «смолвити», которые, согласно Псковской судной грамоте конца XV в., означают «заключение мировой записи, составленной в присутствии свидетелей» [7, с. 10]. При этом необходимо заметить, что активное или хотя бы предположительное использование данной процедуры подтверждается дальнейшим внесением в содержание во все крупные памятники русского права: Псковской Судной грамоте (1397 год), Судебнике Ивана III (1497 год), Судебнике Ивана IV (1550 год) Соборном уложении 1649 года [8], в каждом из которых упоминалось о возможности мирного разрешения конфликта, как до судебного разбирательства, так и непосредственно в процессе.

На наш взгляд, необходимость применения примирительных процедур возникла задолго их первого упоминания и фиксирования в источнике права, поскольку, по всей вероятности, это само по себе является результатом их необходимого и эффективного использования прежде.

Изначально это были обычаи, так называемое «побратимство», о котором мы говорили ранее, законодательно данную процедуру закрепила Екатерина Великая указом от 1775 года, в результате которого были учреждены совестные суды, рассматривающие гражданские дела в порядке примирительной процедуры. Это стало важным шагом в развитии института мирного урегулирования споров. «Совестный суд рассматривал гражданские дела в порядке примирительной процедуры и некоторые уголовные дела в отношении малолетних, невменяемых и т. п. Споры между родителями и детьми были изъяты из подсудности обычных судов и были переданы на разбирательство совестного суда. Иные дела совестные суды рассматривали лишь в том случае, если к ним обращались сами стороны по обоюдному согласию. Если попытка примирения не имела успеха, то стороны для разрешения спора обращались в общие суды» [3]. При их утверждении руководствовались «особенностями правосознания граждан: улаживать споры не по праву, а по совести, преобладание нравственного или ценностного подхода к праву» [2, с. 257].

С формированием гражданского общества, развитием правовой культуры и правосознания населения развитие внесудебного урегулирования споров стало приобретать особое значение. Так, императором Александром II были утверждены Устав гражданского судопроизводства 1864 года, который содержал целую главу «О примирительном разбирательстве», согласно которой стороны могли прекратить спор соглашением, где суд обязан был содействовать в этом. При этом, как подметил К. И. Малышев, «инициатива переговоров о примирении не являлась исключительным правом истца, но могла принадлежать как ответчику, так и исходить от суда» [5, с. 403].

В дальнейшем, вплоть до революции начала XX века и сравнительно небольшой период после, согласно научным трудам исследователей, не предпринималось попыток совершенствования законодательства в данной области. После революционных событий 1917–1918 годов использование данных процедур вообще перестало применяться. Правовые акты не содержали ссылок на аль-

тернативное урегулирование споров, а отдельные нормы не сыграли никакой роли в развитии данного института.

Первым актом, хоть и немного, но затронувшим возможность мирового соглашения стал Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года. В данном правовом акте говорилось лишь о праве сторон заключить дело миром.

Принятый Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 1 октября 1964 года уделил больше внимания закреплению данных процедур. Так, в ст. 34 ГПК РСФСР 1964 г. предусматривались определенные критерии утверждения судом мирового соглашения. Ст. 165 ГПК РСФСР закрепляла нормы о порядке оформления мирового соглашения. Впервые самостоятельным основанием прекращения судом производства по делу было названо «мировое соглашение, заключенное сторонами и утверждаемое судом» (п. 5 ст. 219 ГПК РСФСР) [4].

При этом стоит обратить внимание, что до принятия в действие настоящего Гражданского процессуального кодекса, не упоминалось об обязанности судей побуждать стороны к мировому соглашению, говорилось лишь о необходимости оговаривать возможность использования такого права и осуществлять контроль за исполнением в последующем положений мирового соглашения.

С принятием в действие Гражданского процессуального кодекса от 14 ноября 2002 года, который закрепил мировое соглашение как полноправный гражданский институт, установлено право сторон на заключение мирового соглашения, установлены требования к нему, а также как упоминалось ранее, мирное урегулирование спора стало одной из задач гражданского процесса.

В 2010 году был принят Федеральный закон РФ № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [10]. Данный нормативно-правовой акт стал основой в становлении института медиации, как альтернативного способа разрешения конфликта, в России и определили основные пути его дальнейшего развития.

В настоящее время необходимость в примирительных процедурах велика, не зря к ним прибегали с давних времен, поощряя возможность урегулировать споры мирным путем. Данные процедуры снижают нагрузку на суды, сохраняют положительные отношения между сторонами и возможность дальнейшего между ними сотрудничества. Потому, развитие данного института не стоит на месте, а стремительно развивается, предполагая создать сторонам альтернативные способы и условия для реализации права на мирное урегулирование конфликта.

Так, в связи с недавними изменениями в ГПК РФ, 25 октября 2019 года появилась новая глава 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение». Теперь более подробно описана процедура заключения мирового соглашения, возможности различными способами прийти к миру, а также введена новая фигура – судебный примиритель, который, как предполагается, будет более доступным и эффективным посредником в разрешении спора.

Однако, несмотря на столь длительный путь развития данного института, существования возможностей его использования, он несовершенен. На наш взгляд нет соответствующего механизма его реализации, не закреплен определенный порядок действий судей, как обязанных к побуждению сторон к заключению мирового соглашения, отсутствует перечень примирительных процедур, кроме как мировое соглашение и процедура медиации. Говоря о переговорах и судебном примирении, а также других примирительных процедурах – не есть ли это в целом одно и то же под разными названиями. Все вышесказанное не может способствовать их эффективному практическому применению. Полагаем, необходимо максимально точно определить роль и место примирительных процедур в гражданском процессуальном праве.

Библиографический список

1. Власенко Н. А., Чернышова Т. В. Примирение и право // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 91–106.
2. Давыденко Д. Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 257.
3. Додонов В. Н. История формирования примирительных идей в российском праве и правовой доктрине. URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-955> (дата обращения: 19.11.2019).
4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 11.06.1964 : ред. от 25.07.2002, с изм. от 18.07.2003. URL: <http://pravo.gov.ru/>, (дата обращения: 19.11.2019).
5. Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права / Малышев К. И. М. : Статут, 2007. С. 403.
6. Кулапов Д. С. К вопросу об истории зарождения института медиации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 5(94). С. 160–165.
7. Момотов В. В., Улетова Г. . Судебный процесс и исполнение судебных решений в средневековой Руси // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 4. С. 10.
8. Пазечко А. В. История и развитие медиации как альтернативного способа разрешения конфликтов. URL: <http://ou2.lub.obr55.ru> (дата обращения: 14.11.2019).
9. Рубинштейн Е. А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11.
10. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.11.2019).

Орлик Анастасия Юрьевна,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
nastyu_44sh@mail.ru

Актуальные проблемы правового регулирования деятельности аппарата районного суда

Ежегодно в суды общей юрисдикции обращаются миллионы граждан за защитой прав и интересов личности, общества и государства в рамках гражданских, уголовных и административных дел. При этом до настоящего времени существует ряд нерешенных проблем внутри судебной системы России, одним из значимых элементов которой является аппарат суда. Во многом от эффективности работы аппарата суда зависит качество всего судебного делопроизводства, а также неукоснительное соблюдение процессуальных сроков. В этой статье мной проанализированы основные проблемы функционирования аппарата районного суда и возможные пути их решения.

Ключевые слова: районный суд, судебная система, аппарат суда, помощник судьи, секретарь судебного заседания, судебная нагрузка, эффективное правосудие.

Orlik Anastasia Yurievna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Actual problems of legal regulation of the district court apparatus

Every year, millions of citizens apply to the courts of General jurisdiction to protect the rights and interests of the individual, society and the state in civil, criminal and administrative cases. At the same time, there are still a number of unresolved problems within the Russian judicial system, one of the significant elements of which is the court apparatus. In many respects, the efficiency of the court apparatus depends on the quality of all court proceedings, as well as strict compliance with procedural deadlines. In this article I analyzed the main problems of functioning of the district court apparatus and possible ways to solve them.

Keywords: district court, judicial system, court apparatus, assistant judge, Secretary of the court session, judicial load, effective justice.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации защиту нарушенных или оспоренных прав осуществляет суд в соответствии с подведомственностью дел. Являясь неотъемлемой частью судебной системы России и обладая широкой компетенцией, районные суды общей юрис-

дикции рассматривают значительное количество гражданских, уголовных и административных дел в качестве первой и апелляционной инстанций. Возрастает сложность и трудоемкость рассматриваемых дел, что приводит к существенному росту нагрузки на всех работников аппарата суда. Проблема большой судебной нагрузки в районном суде требует тщательной проработки.

В сентябре-октябре 2019 года в гражданский процессуальный [1] и уголовно-процессуальный [2] кодексы России внесены изменения, в соответствии с которыми помощники судей стали участниками процесса и получили особый статус (ст. 47.1 и 244.1 соответственно). Несмотря на это, понятие указанного процессуального лица законодателем не дано, функциональные обязанности его и секретаря судебного заседания разграничения не получили: оба ведут протоколы судебного заседания (помощник судьи – по поручению председательствующего), обеспечивают контроль за фиксированием хода судебного заседания техническими средствами, проверяют явку в суд участвующих лиц и др.

С учетом большой загруженности судов (за 1 полугодие 2019 года в федеральные суды общей юрисдикции поступило свыше 9 млн гражданских дел, из них рассмотрено с вынесением решения 8,5 млн дел), количество рассмотренных дел зависит от ряда факторов, в том числе от оперативности совершения процессуальных действий помощника судьи. Вместе с тем, до настоящего времени не определен конкретный перечень иных процессуальных действий, которые может совершать помощник судьи без получения соответствующей санкции судьи [5, с. 2].

Так, в целях повышения эффективности работы суда предлагается рассмотреть возможность расширения полномочий помощников судей при подготовке отдельных процессуальных действий. Например, вынесение определений на стадии подготовки дела к судебному разбирательству по поручению судьи может быть вменено помощнику судьи.

Полагается целесообразным также вменить помощнику судьи вынесение определений об исправлении опечаток, опечаток и явных арифметических ошибок, допущенных в судебных решениях, без изменения их содержания (не меняющие сущности судебного акта), и на основании заявлений лиц, участвующих в деле. Кроме того, в соответствии с позицией Президиума Верховного суда РФ, определение об исправлении опечаток не влияет на исчислении срока предъявления исполнительного листа к исполнению и указывает, что срок должен исчисляться с момента вступления в силу судебного акта [3, с. 3].

Следует отметить, что аналогично гражданскому процессу, до настоящего времени не регламентированы правовые основы деятельности секретаря судебного заседания в уголовном процессе. Так, в УПК РФ лишь дважды упоминается указанное процессуальное лицо: ст. 245 «Секретарь судебного заседания» и ст. 68 «Отвод помощника судьи, секретаря судебного заседания». Данный анализ позволяет сделать вывод о том, что секретарь судебного заседания, несмотря на возможность его отвода, участником уголовного судопроизводства не является [2, с. 245].

Не урегулирован также процесс разрешения разногласий, которые могут возникнуть между председательствующим и секретарем судебного заседания

по поводу содержания протокола. В целях исключения данного несоответствия необходимо законодательно определить принципы деятельности секретаря судебного заседания, раскрыть содержание его работы, установить судебный контроль над такой деятельностью и определить формы ответственности за допущенные нарушения процессуальных норм.

Так, закон требует от секретаря полно и правильно излагать в протоколе действия и решения суда, а равно действия участников судебного разбирательства, имевшие место в ходе судебного заседания [2, с. 259]. В качестве предложений по улучшению производительности аппарата суда целесообразно отказаться от дублирования форм фиксации хода судебного заседания. В настоящее время кодексом административного судопроизводства и гражданским процессуальным кодексом обязывают вести бумажный протокол и аудиозапись судебного заседания. Но для чего тратить человеческий и временной ресурс секретаря на эти два способа фиксации? В протоколе судебного заседания необходимо фиксировать состав суда, явку сторон, ходатайства и определения суда по ним. Либо протокол может быть заменен текстовой расшифровкой аудиозаписи по ходатайству стороны при оплате государственной пошлины и направлении дела в вышестоящий суд. Процессуальная экономия требует упрощения делопроизводства [4, с. 137].

Таким образом, вероятность привлечения к дисциплинарной ответственности за нарушение указанных правил ведения протокола судебного заседания позволит укрепить положение секретаря судебного заседания как участника гражданских и уголовных процессуальных правоотношений, повысят его профессионализм и квалифицированность, позитивно скажутся на осуществлении правосудия и динамике судопроизводства.

Подводя итог, можно сказать, что решение выявленных проблем, может повлиять на эффективность деятельности аппарата районных судов и повысить их престиж.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 31.10.2019).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 31.10.2019).

3. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2018 г. № 309-ЭС17-13957. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71773602/> (дата обращения: 31.10.2019).

4. Погорелая Т. И. Организация работы районных судов в Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 7. С. 578–583.

5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2019. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 31.10.2019).

УДК 343.1

Петрова Анастасия Сергеевна,

помощник председателя Свердловского районного суда
г. Кострома, Российская Федерация
lilutaksator@gmail.com

Реализация судом полномочий по устранению недостатков предварительного следствия на примере судебной практики Костромской области

В статье автор указывает, что наряду с возвращением дела прокурору, суд в некоторых случаях вправе самостоятельно устранить недостатки предварительного следствия. На примере судебной практики Костромской области исследуются случаи, когда недочеты следствия преодолеваются посредством сделанной судом оценки имеющихся доказательств, уменьшения стоимости похищенного до пределов, не оспариваемых стороной защиты, а также когда суд назначает по делу дополнительную экспертизу. Приходит к выводу о том, что полномочия суда по устранению недостатков предварительного следствия играют важную роль для принятия законного и справедливого решения по уголовному делу.

Ключевые слова: *уголовный процесс, устранение недостатков следствия, возвращение дела прокурору, назначение дополнительной экспертизы, оценка доказательств.*

Petrova Anastaciia Sergeevna,

assistant to the Chairman of the Sverdlovsk district court,
Kostroma, Russian Federation

The court's exercising its authority to eliminate deficiencies of the preliminary investigation on the example of judicial practice in Kostroma region

The article states that along returning the criminal case to the prosecutor, the court in some cases has the right to independently eliminate the deficiencies of the preliminary investigation. On the example of judicial practice in Kostroma region the author investigates the cases when the the deficiencies of the preliminary investigation are overcome through an assessment of the available evidence made by the court, a reduction in the cost of the stolen to the extent not contested by the de-

fense, and also when the court appoints an additional expertise. In conclusion, the court's authority to eliminate deficiencies of the preliminary investigation play an important role for a legal and fair decision by a criminal case.

Keywords: *criminal case, eliminating the deficiencies of the preliminary investigation, returning the criminal case to the prosecutor, appointing an additional expertise, evidence assessment.*

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1, с. 27] контроль за деятельностью следователя осуществляет руководитель следственного органа. Процессуальный надзор за деятельностью следователя осуществляется со стороны прокурора (ч. 1 ст. 221 УПК РФ) [1, с. 133]. Судом осуществляется судебный контроль. Норма ст. 237 УПК РФ предусматривает случаи, когда судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения недостатков, препятствующих его рассмотрению судом [1, с. 150]. Однако право суда вернуть дело прокурору не означает, что суд лишен права при выявлении недочетов и упущений, допущенных в ходе предварительного следствия, предпринять меры к их устранению, не возвращая дело прокурору.

В ряде случаев суды корректируют предъявленное обвинение, уменьшая стоимость похищенного до тех пределов, которые не оспариваются стороной защиты. В этой связи представляется уместным привести следующий пример.

Свердловским районным судом г. Костромы 3 августа 2017 года было рассмотрено уголовное дело по обвинению З. в совершении двух преступлений, предусмотренных ст. 158 ч. 2 п. «б» УК РФ. З. был задержан после совершения последнего преступления. При личном досмотре З. были обнаружены и изъяты денежные средства в сумме 11360 рублей, при этом сам З. пояснил о принадлежности 1200 рублей лично ему – они получены под залог телефона в ломбарде с указанием его домашнего адреса.

Сообщенные З. сведения в период предварительного следствия проверены не были. Результаты инвентаризации в организации, которая была признана потерпевшей, также не совпали с изъятой у подсудимого суммой. Суд посчитал доводы подсудимого об уменьшении суммы похищенных денежных средств убедительными и указал, что в силу ст. 14 УПК РФ подсудимый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания и опровержение доводов, приводимых им в свою защиту, лежит на стороне обвинения. Поскольку доказательства, опровергающие доводы подсудимого, отсутствовали, суд верно исходил из того, что все сомнения должны быть истолкованы в пользу подсудимого. С учетом изложенного сумма ущерба по эпизоду кражи правомерно была уточнена судом до 10 160 рублей. Таким образом, суд восстановил право на защиту, которое не было соблюдено в полной мере в ходе предварительного расследования. [2].

Судебная практика показывает, что в ряде случаев суд с учетом совокупности имеющихся в деле доказательств дает оценку доводам защиты, не проверенным в ходе предварительного следствия, и отклоняет их, опровергая другими имеющимися в деле доказательствами, не возвращая дело прокурору.

Так, 05.02.2018г. Свердловским районным судом г. Костромы рассмотрено уголовное дело по обвинению А. в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 213 УК РФ, и Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, был вынесен обвинительный приговор.

Следствием было установлено, что преступления совершены в период времени с 21-40 до 23-16. При этом следователем было отказано в удовлетворении ходатайства обвиняемого А. о приобщении к материалам дела актов выполненных в автомастерской работ, которые подтверждали его алиби, подлежащее обязательной проверке на стадии предварительного следствия. Сторона защиты утверждала, что во время событий совершения преступления в отношении Потерпевший № 2, А. и Б. находились в автомастерской на <адрес> и пребывали там до того момента, как был обслужен последний клиент – ФИО15, следовательно, по версии защиты, обвиняемые не могли совершить преступление в отношении Потерпевший № 2.

Из материалов дела усматривалось, что по времени сначала было совершено преступление в отношении Потерпевший № 1, которое вменялось в вину подсудимому А., а подсудимый Б. при этом являлся очевидцем, затем – в отношении Потерпевший № 2, которое вменялось в вину обоим подсудимым. Данное обстоятельство суд учел при оценке доказательств.

Суд расценил утверждение защиты о нахождении подсудимых в автомастерской как несостоятельное и указал, что событие преступления в отношении Потерпевший № 2 имело место после совершения преступления в отношении Потерпевший № 1, следовательно, А. и Б. не могли в указанное стороной защиты время находиться в автомастерской. Суд исходил из того, что в это время подсудимый А. совершал преступление в отношении Потерпевший №1, при котором подсудимый Б. присутствовал.

Правомерно суд принял во внимание и то, что преступления в отношении Потерпевший №1 и Потерпевший №2 совершены с незначительным разрывом во времени (сначала в отношении Потерпевший №1, затем в отношении Потерпевший №2), являлись не продолжительными по времени, имели место на относительно небольшом расстоянии друг от друга (в пределах 300 м. в районе тротуара, идущего вдоль <адрес>), с участием одного и того же лица – А., а также Б. (по эпизоду в отношении Потерпевший №2), явившегося очевидцем по эпизоду преступления в отношении Потерпевший №1.

Кроме того, ФИОб и Потерпевший №1 пояснили, в какую сторону после совершения преступления в отношении Потерпевший № 1 направились А. и Б., т. е. они проследовали в направлении того места, где чуть позже было совершено преступление в отношении Потерпевший №2.

Суд правильно отметил, что каких-либо оснований полагать, что в указанном месте, где было совершено преступление в отношении Потерпевший № 2, находились иные лица, схожие по описанию с Б. и А., при том, что один из них был с велосипедом, не имеется.

Таким образом, доводы защиты о том, что во время совершения преступлений подсудимые находились в автомастерской, суд опроверг совокупностью

имеющихся доказательств, суд пришел к выводу, что находиться в это время в автомастерской подсудимые не могли. Поэтому неприобщение в ходе предварительного следствия к делу актов выполненных работ из автомастерской на исходе дела не отразилось.

Соответственно, и к показаниям свидетелей со стороны защиты суд отнесся критически и указал, что показания ФИО15, подтвердившего свое обращение в автомастерскую <дата> в период с 22 ч 10 мин до 22 ч 30 мин, не опровергают вывода о виновности А. и Б. в совершении преступления в отношении Потерпевший № 2. Показания свидетеля ФИО16 о том, что в один из дней августа 2016 года ночью к нему в мастерскую на <адрес> пришел А., на лице которого имелись повреждения, в том числе в области глаза, также не исключают совершение А. преступления в отношении Потерпевший №2. [3].

В судебной практике нередки случаи, когда суд назначает по делу дополнительную экспертизу. Так, Галичским районным судом Костромской области 21 августа 2018 года был постановлен приговор в отношении Ц., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст. 268 УК РФ. Ц. в нарушение требований абз. 1 п. 5.2 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23.10.1993г. №1090, указывающего на то, что пассажирам запрещается отвлекать водителя от управления транспортным средством во время его движения, во время движения транспортного средства с переднего пассажирского сиденья пересела к водителю, находящемуся на водительском месте, в процессе перемещения тела задела левой ногой рычаг регулирования водительского сидения, в результате чего оно сдвинулось назад, тем самым лишив водителя видимости в направлении движения и возможности контроля за движением и управлением автомашиной. От противоправных действий Ц. автомашина наехала на металлическое ограждение, расположенное с правой стороны автодороги, находящийся на заднем сидении данной автомашины пассажир получил телесные повреждения, от которых скончался в больнице.

В судебном заседании подсудимая виновной себя не признавала, сообщая, что во время движения она находилась на переднем пассажирском сидении, к водителю на сидение не пересаживалась, она очнулась после аварии, почему произошло ДТП, она не знает. Поскольку в имеющихся в материалах уголовного дела заключениях автотехнической экспертизы, судебно-медицинского эксперта, комплексной судебно-медицинской и автотехнической экспертизы получили отражение не все юридически значимые обстоятельства, суд был вынужден прибегнуть к назначению дополнительной комплексной судебно-медицинской и автотехнической экспертизы.

Согласно экспертному заключению, принимая во внимание механизм происшествия с учетом внедрения инородного предмета (металлического отбойника) в салон автомобиля через переднюю правую часть автомобиля (переднее правое крыло, передняя правая стойка лобового стекла) со смещением внутрь салона и в последующем справа налево до уровня задней спинки переднего пассажирского сиденья и до средней линии автомобиля, учитывая локали-

зацию и характер телесных повреждений у самой Ц., полное нахождение ее в момент ДТП на переднем пассажирском сиденье исключено.

Поэтому показания подсудимой в судебном заседании о своем нахождении на переднем пассажирском сиденье суд правомерно посчитал выражением ее позиции по уголовному делу, реализацией ее права на защиту, стремления уменьшить свою роль в совершении преступления и степень вины.

Также в данном деле судом по ходатайству стороны защиты был произведен осмотр транспортного средства – автомобиля, участвовавшего в ДТП. С этой целью участники процесса выдвигались на место хранения транспортного средства и судом в ходе осмотра транспортного средства были установлены следующие видимые повреждения: переднее пассажирское сиденье оторвано с крепления, его спинка сломана, сиденье сдвинуто назад; рулевое колесо согнуто; капот оторван; крыша деформирована; лобовое стекло отсутствует; правые двери оторваны; правая стойка отсутствует, таким образом, вся передняя правая часть автомашины смята внутрь под большим углом.

На основании всей совокупности собранных доказательств суд посчитал, что получение потерпевшим – пассажиром, который находился на заднем сиденье автомобиля, тяжких телесных повреждений, от которых он впоследствии скончался, состоит в причинной связи с действиями подсудимой Ц. Судом было установлено, что подсудимая вмешалась в процесс управления транспортным средством, что повлекло ДТП и смерть пассажира.

При этом суд квалифицировал действия подсудимой по ст. 268 ч.2 УК РФ как нарушение пассажиром правил безопасности движения, повлекшее по неосторожности смерть человека. Признак состава преступления – нарушение правил эксплуатации транспортных средств был исключен из обвинения Ц. как излишне вмененный и не нашедший своего подтверждения в суде, поскольку Ц., как было установлено судом, были нарушены правила безопасности движения, а не эксплуатации транспортных средств. [4].

Таким образом, на примере судебной практики Костромской области представляется возможным сделать вывод о том, что поскольку неполнота и нарушения, допущенные в ходе предварительного следствия, влияют на принятие итогового решения, то полномочия суда по устранению недостатков предварительного следствия имеют важное значение для законного и справедливого разрешения уголовного дела.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. № 174-ФЗ : ред. от 04.11.2019// СПС «КонсультантПлюс» – Раздел «Законодательство».

2. Уголовное дело Свердловского районного суда г. Костромы № 1-340/2017. URL: https://sverdlovsky--kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4769546&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 29.11.2019).

3. Уголовное дело Свердловского районного суда г. Костромы № 1-22/2018. URL: https://sverdlovsky--kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_

delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4773405&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 29.11.2019).

4. Уголовное дело Галичского районного суда Костромской области № 1-18/2018. URL: https://galichsky--kst.sudrf.ru/modules.php?name=ud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=461234&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 29.11.2019).

УДК 342.9

Соловьева Дарья Александровна,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
dsolovyova1997@mail.ru

Особенности возбуждения прокурором дел об административных правонарушениях

В настоящей статье актуализируются проблемы участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях. Проводится сравнительно-правовой анализ содержания правовой природы протокола об административном правонарушении и постановления прокурора. Анализируются некоторые функции прокурора по делам об административных правонарушениях. Предложена новая формулировка части 2 статьи 25 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», для повышения уровня оперативности и качества рассмотрения органами прокуратуры дел об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное право, протокол об административном правонарушении, постановление прокурора, административное преследование.

Solovieva Daria Aleksandrovna,
student, Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

Features of initiation by the prosecutor of the case on administrative offences

Annotation: in this article the problems of participation of the Prosecutor in consideration of cases of administrative offenses are actualized. A comparative legal analysis of the content of the legal nature of the Protocol on an administrative offense and the Prosecutor's decision is carried out. Analyzes some of the functions of the public Prosecutor on Affairs about administrative offences. A new formulation of part 2 of article 25 of the Federal law "On the Prosecutor's office of the Russian

Federation” is proposed to increase the level of efficiency and quality of consideration of cases of administrative offenses by the Prosecutor's office.

Keywords: *administrative law, report on administrative offence, resolution of the prosecutor, administrative investigation.*

В соответствии с законодательством РФ об административных правонарушениях прокурор как представитель государственно-властных структур является участником производства по делам об административных правонарушениях. Объем полномочий прокурора определяется Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5] (далее ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»), а также «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 №195-ФЗ (далее КоАП РФ) [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ к исключительной компетенции прокурора относится «возбуждение дел по целому ряду, предусмотренным КоАП РФ, административным правонарушениям, посягающим на права граждан, на здоровье и общественную нравственность, в области охраны собственности, связи и информации, дорожного движения, предпринимательской деятельности, финансов, против порядка управления, а также посягающим на общественный порядок и общественную безопасность»[2].

Интересным является вопрос о правовой природе и соотношении постановления прокурора и протокола об административном правонарушении. На стадии возбуждения дела об административных правонарушениях прокурор выносит постановление, которое должно соответствовать требованиям, предусмотренным ст. 28.2 КоАП РФ. Но при возбуждении дела должностным лицом, уполномоченным законодательством составлять протокол об административном правонарушении, выносится определение, в то время, как прокурор выносит постановление.

Следовательно, можно сделать вывод, что постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении аналогично протоколу об административном правонарушении и должно соответствовать требованиям, указанным в ст. 28.2 КоАП РФ. Но, в отличие от протокола об административном правонарушении, выносимого в конце административного расследования, постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении выносится на первой стадии производства по делу.

Таким образом, не ясно, каким актом оканчивается производство по делу об административном правонарушении, если оно возбуждено соответствующим постановлением прокурора.

Данный вопрос в юридической науке является дискуссионным. Одни ученые-юристы (И. И. Балаклеец и М. Б. Цуприк) считают, что постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении не обязательно должно соответствовать требованиям ст. 28.2 КоАП РФ, так как в этом случае данное постановление прокурора по своей сущности не будет являться актом прокурорского реагирования, а будет лишь аналогом протокола об административном правонарушении, содержащим информацию, необходимую для

разрешения дела [1, с. 178]. Другая группа авторов (А. В. Панцарино, А. Р. Нобель) придерживается противоположной позиции считают, что несоответствие обсуждаемого постановления прокурора требованиям ст. 28.2 КоАП РФ является в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП основанием для возвращения его прокурору [3, с. 180–181; 4, т. 1, с. 68–69].

Анализируя правоприменительную практику, мы видим, что постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении не всегда соответствует ст. 28.2 КоАП РФ и это не препятствует рассмотрению дела по существу.

Мы согласны с точкой зрения авторов (И. И. Балаклеец и М. Б. Цуприк), которые полагают, что протокол об административном правонарушении и постановление прокурора два различных по правовой природе актов. Поскольку протокол об административном правонарушении – это официальный документ фиксирующий определенные события и действия административного правонарушения, в то время как постановление прокурора об административном правонарушении – это акт прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона, и нет необходимости указывать одни и те же данные в постановлении прокурора и в протоколе об административном правонарушении, так как у этих актов различная правовая природа.

Прокурор по делам об административных правонарушениях выполняет как функцию надзора, так и функцию административного преследования. Функция административного преследования прокурором, является наиболее дискуссионной и вызывает множество споров.

Из ч. 2 ст. 25 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» следует, что постановление выносится в отношении специального субъекта, а именно должностного лица. Из этого следует, что прокурор выносит постановление о возбуждении административного правонарушения только в отношении специального субъекта. Данной норме противоречит ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ, которая наделяет прокурора правом возбуждать дело о любом административном правонарушении, предусмотренном законодательством РФ и субъекта РФ.

Указанная правовая коллизия влечет за собой снижение оперативности привлечения виновных лиц к ответственности и устранения нарушений закона. Так, прокурор в отношении должностных лиц выносит постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, а в отношении иных лиц прокурор направляет материалы в компетентные органы для вынесения протокола по делу об административном правонарушении. При направлении материала в компетентные органы, происходит затягивание рассмотрения дела по существу.

Таким образом, нарушается принцип единообразного применения закона. В связи с этим полагаем, что нормы ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» нуждаются в изменениях и приведении их в соответствии с действующим законодательством об административных правонарушениях. Мы полагаем, что для устранения указанных выше противоречий в законодательстве необходимо внести изменения в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», а именно изложить часть 2 статьи 25 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в сле-

дующей редакции: «Прокурор возбуждает дело об административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации».

Библиографический список

1. Балаклеец И. И., Цуприк М. Б. Актуальные аспекты участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8. С. 176–180.

2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ по состоянию на 27.11.2019 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2019).

3. Нобель А. Р. О некоторых пробелах в правовой регламентации процессуальных форм доказательств по делам об административных правонарушениях // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 180–182.

4. Панцарино А. В. Полномочия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. Особенности правового статуса прокурора // Вестник науки и образования. 2018. №1 (37). С. 68–71.

5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», по состоянию на 27.11.2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2019).

УДК 34.096

Синдюкова Анастасия Сергеевна,

студент, Волго-Вятский институт (филиал) университета

им. О. Е. Кутафина,

г. Киров, Российская Федерация

Sindyukova28@mail.ru

К вопросу о некоторых ошибках, связанных с формированием и представлением ведомственной статистической отчетности органов прокуратуры

Статья посвящена анализу одной из актуальнейших проблем правовой России – проблеме искажения статистических данных и влияния прокурора на их достоверность. В статье представлены самые распространенные ошибки, допускаемые при заполнении статистических карточек, и механизмы, способные их разрешить. Также затронута роль статической учености на координационную политику государства.

Ключевые слова: правовая статистика, первичный учет, роль прокурора, искажение статистики, прокуратура, Генеральная прокуратура Российской Федерации, координационная деятельность.

Sindyukova Anastasia Sergeevna,
student, Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University,
Kirov, Russian Federation

On the issue of some errors related to the formation and submission of departmental statistical reports of the Prosecutor's office

The article is devoted to the analysis of one of the most urgent problems of legal Russia – the problem of distortion of statistical data and the influence of the Prosecutor on their reliability. The article presents the most common mistakes made when filling out statistical cards, and the mechanisms that can resolve them. The role of static scholarship on the coordination policy of the state is also touched upon.

Keywords: *legal statistics, primary accounting, the role of the Prosecutor, distortion of statistics, the Prosecutor's office, the General Prosecutor's office of the Russian Federation, coordination activities.*

Одной из важнейших задач работы органов прокуратуры является координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Выполнение этой задачи напрямую зависит от достоверности уголовно-правовой статистики, которую формируют различные правоохранительные органы.

Отметим, что статистика – система знаний, объясняющая вопросы сбора, измерения и анализа количественных данных. Разновидностью данной научной дисциплины является правовая статистика, основной функцией которой является изучение состояния преступности, динамики ее развития и способы предупреждения, а также учет всех проводимых государственными органами мероприятий социального контроля над правонарушениями в целях обеспечения законности. То есть с помощью достоверных показателей правовой статистики возможно отследить как соблюдаются, защищаются права и интересы граждан нашей страны, как охраняется и общественный строй.

Статья 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет за Генеральной прокуратурой организацию статистического учета преступности во всех правоохранительных органах [7, с. 1].

Основным источником регулирования данной отрасли является Федеральный Закон от 29 ноября 2007 года № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [6], устанавливающий единый порядок организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях.

На ведомственном уровне данный вопрос раскрыт более подробно Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 8 «Об утверждении Инструкции по ведению ведомственного статистического учета в органах прокуратуры Российской Федерации», где помимо прочего среди задач ведомственного статистического учета в органах прокуратуры выделяются как формирование, представление и обработка статистических данных, характеризующих состояние надзорной и иных направлений деятельности органов прокуратуры, так и координация деятельности органов прокуратуры на основа-

нии анализа полученных статистических данных на основе единой методики статистического учета [5, с. 1].

Для понимания обозначенной проблематики необходимо отождествить понятие правовой статистики с инструментом, помогающим правоохранительным органам оптимизировать свою деятельность, поскольку она позволяет оценить качество их работы [3, с. 47].

Так, прокурор уполномочен проверять законность принимаемых следователями и дознавателями процессуальных решений, он подписывает основные статистические карточки и следственные отчеты. Поэтому конечный продукт всей надзорной и статистической работы всецело зависит именно от добросовестности и компетентности прокуроров [2, с. 148, 155]. Таким образом, можно сделать вывод, что истоки формирования достоверной статистики находятся в руках прокурора, уполномоченного на проверку статистических карточек.

Для более полного понимания предлагаем рассмотреть одни из самых распространенных ошибок, допускаемых на практике.

Так, случаи искусственного дробления единого продолжаемого преступления на несколько эпизодов. Например, прокуратурой Ивановской области в результате исполнения поручения Генеральной прокуратуры РФ выявлены факты незаконной постановки на учет 82 из 89 предварительно расследованных преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ. Проверкой установлено, что в рамках расследования уголовного дела о фальшивомонетничестве СЧ СУ МВД России по Ивановской области в 2017 году сняты с учета 82 факта изготовления одним способом фальшивых купюр. После этого дело передано для соединения в СУ СЧ МВД России по Республике Чувашия, где перед направлением в суд 29.12.2017 ранее снятые 82 преступления (из 285 объединенных в одном уголовном деле) вновь поставлены на учет в информационный центр УМВД России по Ивановской области. Впоследствии приговором Ленинского районного суда г. Чебоксары от 24.01.2018 действия виновного лица квалифицированы как единое продолжаемое преступление. Вследствие указанных действий в 2017 году в Ивановской области почти в 13 раз завышено количество предварительно расследованных преступлений, предусмотренных статьей 186 УК РФ [1, с. 75].

Зачастую следователями и дознавателями в документах первичного учета не указываются сведения о крупном ущербе по преступлениям, по которым это предусмотрено в качестве обязательного квалифицирующего признака.

Еще одной причиной искажения показателей форм федерального статистического наблюдения является неправильное применение алгоритма их подсчета.

Прокуратурой Республики Тыва в 2017 году установлены нарушения при применении алгоритма формирования отчета по форме №4-ЕГС. Вследствие этого количества преступлений, совершенном в крупном, особо крупном. Значительном размере либо с причинением крупного, особо крупного или значительного ущерба, занижено в 6,5 раз [4, с. 1].

При заполнении документов первичного учета допускались случаи отражения ущерба по преступлениям, которыми он фактически не причинялся. В результате стоимость сфальсифицированных товаров, продукции, изъятой из незаконного оборота, отражалась как размер причиненного ущерба.

Прокуратурами Республики Северная Осетия-Алания, Забайкальского края своевременно не установлены искажения сведений о причиненном материальном ущербе по фактам изъятия алкогольной продукции с поддельными федеральными специальными марками. Как следствие, стоимость изъятого алкоголя, а это 29, 1 млн руб. необоснованно учтена в качестве причиненного ущерба.

Следующей распространенной ошибкой является выявление и постановка на учет скрытых фактов производства, сбыты или пересылки наркотиков. Чаще всего нежелание регистрировать такие преступления обусловлено высокой вероятностью приостановления производства по уголовному делу в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, что влияет на раскрываемость, поскольку является основанием для отражения тяжкого преступления в числе нераскрытых.

На данный момент одним из самых распространенных механизмов для уточнения дальнейшего порядка учета преступлений является практика отражения в талоне-уведомлении наравне с информацией о снятии либо неснятые деяния с учета отметки об отнесении его к категории нераскрытых преступлений прошлых лет.

Действенным инструментом по предупреждению и предотвращению нарушений при учете преступлений является практика проведения совместных проверок органами прокуратуры с представителями правоохранительных органов, входящих в состав рабочих групп [1, с. 76].

Также получила широкое распространение практика разработки совместно с правоохранительными органами методических рекомендаций, информационных писем, обзоров по вопросам достоверности формирования отдельных показателей государственной статистической отчетности.

Но стоит учитывать тот факт, что зачастую нарушения выявляются уже после закрытия отчетного периода, что делает невозможным внесение изменений в статистическую отчетность. В связи с этим нами предлагается рассмотреть практику заблаговременной проверки на основании предварительных запросов прокуратур полноты, достоверности и сопоставимости сведений по формам федерального статистического наблюдения, которая способна обеспечить должный контроль за устранением выявленных нарушений, а в последствии обеспечить достоверность сведений.

Представленные нами примеры позволяют осознать ключевую роль прокурора в достоверности получаемых статистических данных, без которых в свою очередь невозможно управление процессом реализации государственных мер социального контроля на уровне района, города, субъекта Российской Федерации, государства и выработки государственной политики противодействия преступности. Иначе говоря, чем меньше искажена статистика о состоянии преступности, тем более адекватной является политика государства при взаимодействии с этим социальным явлением.

Отметим, что вопросы достоверности и обоснованности статистических показателей основывается на единообразной практике их учета, а своевременность и полнота передачи статистической информации зависит от уверенного использования оперативными работниками органов прокуратуры своих полномочий и ресурсов.

Библиографический список

1. Гурин А. Обеспечение достоверности официальных статистических данных о преступлениях в сфере информационных технологий // Законность. 2019. № 2. С 75.
2. Ефименко М. О., Скоморохов Р. В., Шиханов В. Н. Криминологическая теория и практика в организации ведомственного контроля за достоверностью уголовной статистики. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. С. 148–155.
3. Лунеев В. В. Юридическая статистика : учебник. М. : Юристъ, 2014. С. 47.
4. Методические пособие Главного организационно-аналитического Управления правовой статистики «Работа прокурора по проверке полноты и достоверности статистических данных при реализации органами прокуратуры функции ведения государственного единого статистического учета». URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/163500/index-7024-5.html> (дата обращения: 31.10.2019.).
5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 8 «Об утверждении Инструкции по ведению ведомственного статистического учета в органах прокуратуры Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=540930#07422017224872111> (дата обращения: 31.10.2019).
6. Федеральный Закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» от 29 ноября 2007 года № 282-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72844 (дата обращения: 31.10.2019).
7. Федеральный Закон «О прокуратуре» от 17 января 1992 года № 2202-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26 (дата обращения: 31.10.2019).

УДК 340.142

Якубенко Борис Александрович,

студент, Донецкий национальный университет

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Vorya.yakubenko@mail.ru

Тишаков Максим Петрович,

кандидат юридических наук, преподаватель, Ростовский институт

(филиал) Всероссийского государственного университета юстиции,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

TMaxim70@yandex.ru

Судебный прецедент в российской правовой системе

В статье рассматривается судебный прецедент, как источник права в российской правовой системе, его роль и значение, сущность и особенности применения, обозначена необходимость и реальность прецедентного регулирования в российской правовой системе. Также в работе отмечено положитель-

ное психологическое влияние судебного прецедента на деятельность субъектов права, что способствует его фактической реализации в реальном правовом пространстве. Сделан вывод о необходимости прямого нормативного закрепления судебного прецедента как источника права в российской правовой системе, а также положительные результаты такого закрепления и соразмерного применения.

Ключевые слова: *судебный прецедент, источник права, российская правовая система, романо-германская правовая система, судебное правотворчество.*

Yakubenko Boris Alexandrovich,

student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Tishakov Maxim Petrovich,

candidate of legal Sciences, Professor, Rostov Institute (branch) All-Russian state University of justice,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Judicial precedent in the russian legal system

The article considers judicial precedent as a source of law in the Russian legal system, its role and significance, essence and features of application, the need and reality of case-law regulation in the Russian legal system are indicated. The work also noted the positive psychological impact of the judicial precedent on the activities of legal entities, which contributes to its actual implementation in the real legal space. The conclusion is drawn about the need for direct normative consolidation of judicial precedent as a source of law in the Russian legal system, as well as the positive results of such consolidation and proportional application.

Keywords: *judicial precedent, source of law, Russian legal system, Romano-German legal system, judicial law-making.*

В рамках заявленной тематики исследования, необходимо в первую очередь отметить, что судебный прецедент представляет собой решение высшего судебного органа по определенному вопросу, носящее силу источника права и являющееся обязательным для всех нижестоящих судов. Судебный прецедент, в классической теории государства и права, не является характерной особенностью романо-германской правовой системы, однако мы можем обнаружить в ней определенные элементы прецедента, которые, в свою очередь, выполняют функцию заполнения пробелов в праве и защиты прав и свобод граждан. Иными словами – судебный прецедент в романо-германской правовой системе существует там, где закон не может обеспечить всю полноту правового регулирования.

Актуальность проблемы также обоснована тем, что юридический прецедент, как источник права в отечественной правовой системе имеет неоднозначные подходы, как с точки зрения академической науки, так и практики. Имея

ряд достоинств и при этом обладая и существенными недостатками, в отечественной правовой науке вопрос признание прецедента источником права остается открытым и вызывает многочисленными дискуссии. Именно необходимость детального исследования понятия, сущности, особенностей применения и видового разнообразия юридических прецедентов обуславливает актуальность представленного научного проекта.

Следует заметить, что перечисленные далее признаки прецедентного регулирования носят программный характер. В нашей правовой действительности судебный прецедент и его элементы выражаются в различных факторах. В первую очередь – это нормотворческая функция конституционного суда. Исходя из международного и, в частности, российского опыта, необходимо отметить какие именно правотворческие функции этот орган реализовывает. Так, Конституционный Суд имеет и осуществляет самостоятельные нормотворческие полномочия, которые он реализует в толковании всех видов нормативно-правовых актов, а также в проверке конституционности актов, в конституционном надзоре. Более того, эти акты толкования имеют высшую юридическую силу, находясь лишь на ступень ниже основного законодательного акта государства – конституции. В связи с этим, толкование и проверка конституционности нормативно-правовых актов не могут быть проигнорированы соответствующими органами, в том числе законодательными, и выступают как акты правотворчества.

Очередным случаем проявления растущего значения прецедента романо-германской правовой системе и ее стран можно считать практику придания решениям Конституционного суда общеобязательной силы. Наделение конституционных судов правом выносить решения, которые имели бы силу закона, возможно исходя из особой важности, значения и положения конституционного надзора за действующим законодательством. Нормы конституции, в свою очередь, являются нормами прямого действия, то есть именно на основе конституционных норм ведется судопроизводство, восстанавливается социальная справедливость и защищаются права и свободы граждан. Так как их толкование осуществляется непосредственно Конституционным Судом, можно сделать вывод, что именно на основе заключений, постановлений и определений Конституционного Суда осуществляется рассмотрение дел совершенно различных отраслей права, что, в свою очередь, является признаком наличия в актах Конституционного Суда прецедента или, как минимум, прецедентного элемента.

Нормы конституции, в свою очередь, являются нормами прямого действия, то есть именно на основе конституционных норм ведется судопроизводство, восстанавливается социальная справедливость и защищаются права и свободы граждан. Так как их толкование осуществляется непосредственно Конституционным Судом, можно сделать вывод, что именно на основе заключений, постановлений и определений Конституционного Суда осуществляется рассмотрение дел совершенно различных отраслей права, что, в свою очередь, является признаком наличия в актах Конституционного Суда прецедента или, как минимум, прецедентного элемента.

Более того, в постановлении Конституционного суда от 21 января 2010 года № 1-П прямо сказано, что толкование закона высшими судебными органами, в российской судебной системе, оказывает сильное воздействие на формирование судебной практики, если исходить из полномочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов, что является обязательным для судов нижестоящих инстанций на будущее время [3, с. 17]. Так, президиум Верховного Арбитражного Суда РФ вправе частично или полностью отменить любой судебный акт нижестоящей инстанции. Указания же, которые даны при отмене или разъяснении судебного акта являются обязательными для всех инстанций арбитражного суда.

Несмотря на то, что в российском законодательстве прямо не закреплена обязательность постановлений Верховного Суда, в Постановлении Конституционного Суда от 26 февраля 2010 года №4-П сказано, что гражданское судопроизводство, через которое судами общей юрисдикции и арбитражными осуществляется судебная власть, в своих принципах и основных чертах должно быть сходным [4, с. 8]. Кроме того, в силу того, что Верховный Суд выступает судом высшей инстанции, нижестоящие суды должны учитывать руководящие постановления пленумов Верховного Суда, так как в случае обжалования решения в Верховный Суд, он будет руководствоваться постановлениями своих же пленумов, в том числе для единообразия правоприменения и судебной практики, что служит дополнительной гарантией защиты прав и свобод граждан.

Также следует отметить неформально-психологическое влияние прецедента, когда, чувствуя государственную и общеправовую поддержку в виде вступившего силу судебного решения субъекты правоотношений, в частности государственные служащие, в неоднозначных и резонансных ситуациях склоняются в пользу одного или другого варианта, основывая свой выбор соответствующим судебным решением. Так, статья 51 Семейного Кодекса Российской Федерации с 1997 года регулирует право на суррогатное материнство, однако не отмечает (но презюмирует) подобное право лиц, не состоящих в браке. Органы государственной регистрации актов гражданского состояния до вынесения соответствующего решения Калининским районным судом города Санкт-Петербурга от 5 августа 2009 года отказывались признавать и регистрировать право на пользование услугами суррогатных матерей лиц, не состоящих в браке [2]. В 2009 году Кунцевский районный суд города Москвы вынес аналогичное решение по схожему делу, где отметил равные права в реализации функции материнства у лиц, находящихся в браке и у лиц, в нем не состоящих [5]. После освещения в СМИ двух вышеупомянутых судебных решений ЗАГСы, не дожидаясь последующих судебных решений, принялись за регистрацию детей, рожденных от суррогатных матерей у лиц, не состоящих в браке.

Также, следует отметить, что суд может создавать прецедент, как в случае отсутствия соответствующего закона, так и при его наличии. В случае отсутствия закона прецедент используется как инструмент для преодоления пробелов в праве. Учитывая, что право всегда хоть минимально, но отстаёт от общества и его развития, прецедент является эффективным способом совершенствования действующего законодательства. В случае же существования соответствующе-

го закона, прецедент берет на себя функции толкования права, расширяя или сужая нормы права. Более того, прецеденты устанавливаются не всеми судами, а только высшими судебными инстанциями. Это способствует уменьшению злоупотреблений, рационализации применения прецедента и объективной оценке необходимости его правового возникновения.

Также очень интересно Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Иванова о прецеденте: «Если мы посмотрим на нашу судебную систему с точки зрения фильтра и его роли в формировании прецедентов, то мы обнаружим, что у нас один суд – Верховный Суд – фактически работает по прежней континентальной модели, с добавлением постановлений Пленумов, которые сами по себе являются отступлением от континентальной модели. Но главное в том, что суд, как мне кажется, не преследует цель создания прецедентов, хотя его организационная структура позволяет их формировать. Окончательный переход к прецедентной системе – это правильное направление движения, потому что в такой системе много серьезных достоинств» [1]. Учитывая, что право всегда хоть минимально, но отстаёт от общества и его развития, прецедент является эффективным способом совершенствования действующего законодательства. В случае же существования соответствующего закона, прецедент берет на себя функции толкования права, расширяя или сужая нормы права. Более того, прецеденты устанавливаются не всеми судами, а только высшими судебными инстанциями. Это способствует уменьшению злоупотреблений, рационализации применения прецедента и объективной оценке необходимости его правового возникновения.

Таким образом, Конституционный Суд не только издает акты высшей юридической силы, подпадающие под понятие судебного прецедента и имеющие его существенные признаки, но и своими постановлениями таким образом трактует конституционные и иные нормы, что подтверждает ими правотворческую функцию иных судов высшей инстанции. Несмотря на некое формальное непризнание со стороны государства, прецедент все же является важным составным элементом российского правового пространства. Более того, прецедент положительно влияет на судебный и конституционный элемент механизма защиты прав и свобод человека и гражданина, улучшая его координацию, единообразие и оперативность. При этом нельзя и не отметить психологическое влияние прецедента на государственных служащих. Судебный прецедент куда мобильней и гибче закона, но отлично с ним взаимодействует, дополняет и устраняет большинство его изъянов.

Библиографический список

1. Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации на Третьих Сенатских Чтениях в Конституционном Суде Российской Федерации 19 марта 2010 года. URL: <http://pda.arbitr.ru/press-centr/news/speeches/27369.html> (дата обращения: 04.12.2019).

2. Дело Натальи Горской: Решение Калининского районного суд г. Санкт.-Петербурга от 05 августа 2009 г. по гражданскому делу № 2-4104, су-

дья Корчагина А. Ю. URL: https://kln--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 04.12.2019).

3. По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение „Берег“», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод „Микропровод“» и «Научно-производственное предприятие „Респиратор“»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П. URL: <https://is.gd/aNK8Q4> (дата обращения: 04.12.2019).

4. По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П. URL: <http://lawru.info/tag/t2440/page/11.htm> (дата обращения: 04.12.2019).

5. Решение Кунцевского районного суд г. Москвы от 3 ноября 2009 г. по гражданскому делу № 2-3853/09, судья Макарова М. Э. URL: https://kuncevsky--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005 (дата обращения: 04.12.2019).

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ОПЫТ

УДК 316.42

Левицкая Татьяна Андреевна,
студент, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
levona30@mail.ru

Глобализация и информационное общество

Статья посвящена анализу процесса становления информационного общества и его взаимосвязи с глобализацией; влияния развития коммуникационных и информационных технологий на общество в целом. Автором приведены основные факторы, которые содействуют глобализации информационного пространства мирового информационного сообщества; обращается внимание на значимость информационных ресурсов для жизнедеятельности общества, а также на необходимость правового регулирования стремительно развивающихся отношений в сфере информационно-коммуникативных технологий; определены основные принципы глобализации информационных процессов современного мира, а также сделаны выводы относительно результата развития глобализации информационных процессов, угроз и рисков, возникших в результате такого развития.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, глобальное информационное общество, информационно-коммуникационные процессы, «глобальная деревня».

Levitskaya Tatyana Andreevna,
student, Donetsk national University,
Donetsk, Donetsk people's Republic

Globalization and the information society

The article is devoted to the analysis of the formation of the information society and its relationship with globalization; the impact of the development of communication and information technologies on society as a whole. The author presents the main factors that contribute to the globalization of the information space of the world information community; draws attention to the importance of information resources for the life of society, as well as the need for legal regulation of rapidly developing relations in the field of information and communication technologies; defines the ba-

sic principles of globalization of information processes in the modern world, and also draws conclusions regarding the result of the development of globalization of information processes, threats and risks resulting from such development.

Keywords: *globalization, information society, global information society, information and communication processes, «global village».*

Информационно-коммуникационные процессы в глобальных, мировых масштабах конца XX – начала XXI в. являют основу для развития информационного общества. В свою очередь, глобализация сегодня как важнейшая тенденция современного мира, во многом predetermined интеграцией информационных систем в единую мировую систему.

Информационное общество – это общество нового типа, сформированное в результате информационных и коммуникационных технологий, основным ориентиром которого являются знания, полученные посредством свободного доступа к информации и умению работать с ней. Данный тип общества имеет глобальный характер, поскольку не имеет границ – ни временных, ни территориальных, и пронизывает все сферы жизнедеятельности человечества (экономику, культуру, политику и т. п.). Как отмечают аналитики и исследователи, процесс развития информационных потоков происходит лавинообразно и имеет устойчивый, стабильный характер. Так, динамика накопления информации, начиная с XVIII века, выглядит следующим образом: первое удвоение знаний произошло в 1750 году, второе – к началу XX века, третье – к 1950 году. С этого года объем знаний у человечества удваивался каждые 10 лет, а с 1970 – каждые 5 лет, с 1991 года – ежегодно [2, с. 350], что не могло не повлиять на изменение жизнедеятельности людей, появление новых терминов – «информационная экономика», «информационный работник» и т. п. Единое информационное пространство способствует объединению интеллектуальных сил человечества, появлению и развитию новейших технологий, интеграции глобальных рынков капитала и труда.

Стоит отметить, что информационные процессы и процессы глобализации взаимосвязаны. Так, М. Маклюэн развивает идею о ведущей роли средств массовой коммуникации в становлении и развитии мировых глобализационных процессов. Новый этап изменения социального пространства-времени он связывает с появлением мировой электронной сети – Интернет, несопоставимо увеличившей скорость информационных потоков. Электронные средства массовой коммуникации позволяют представить мир как «одну точку», дают возможность каждому одновременно видеть события, удаленные друг от друга. Такой мир М. Маклюэн назвал «глобальной деревней» [3, с. 5].

Наиболее важными факторами, которые поспособствовали глобализации информационного пространства мирового сообщества являются:

1) развитие глобальной системы телевидения и радиовещания на основе использования спутниковых систем связи, покрывающих сегодня всю поверхность земного шара, что способствует передаче сведений различных сфер жизни общества.

2) развитие глобальных информационно-телекоммуникационных сетей;

3) глобализация телефонной связи, в том числе мобильной, что способствует установлению связи между находящимися в разных точках мира людьми;

4) принципиально новые средства и технологии для информационных коммуникаций (цифровые коммуникаторы) [1, с. 326].

Бурное изменение информационно-компьютерных технологий непосредственно способствует мировой тенденции сетевого развития, которая в значительно меньшей степени поддается регулированию со стороны государства, в связи с чем, возникла необходимость принятия международным сообществом нормативно-правового акта, направленного на урегулирование информационных отношений, а также установления основных принципов формирования глобального информационного общества [5, с. 20]. Таким документом стала Окинская хартия глобального информационного общества, принятая в 2000 году и закрепившая характерные черты такого общества, а также важнейшие принципы его формирования – 1) обеспечение каждому члену общества возможности доступа к любой информации и общения с любым иным членом этого общества; 2) принцип информационного суверенитета; 3) принцип равенства каждого члена общества, народа, нации [4].

Информационные ресурсы играют важнейшую роль для определения влияния как отдельно взятых государств, так и альянсов на международной арене. Необходимость объединения для защиты данного ресурса сыграет значимую роль при борьбе за сферы влияния. В связи с этим, существующие глобальные информационные процессы нуждаются в правовом регулировании, предметом которого являются международные информационные отношения. Международное информационное право играет важную роль при обмене научной, научно-технической, экономической и иными видами информации; при определении правового режима международных баз данных компьютерных систем военного и космического характера; при определении правового статуса информации как международного ресурса. Перед обществом возникли новые задачи, связанные с преодолением цифрового неравенства и обеспечением национальной безопасности в новых, сложных условиях. Стремительная информатизация общества одновременно с глобализацией, реальная возможность дальнейшего увеличения цифрового разрыва приводит к росту напряженности в международных отношениях, а, стало быть, глобальному росту рисков и угроз (вспышек насилия, межнациональных конфликтов, наличие огромного, практически неконтролируемого потока информации, который все чаще приводит к дезинформации и манипулировании смыслами).

Библиографический список

1. Колин К. К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция // Глобализация: синергетический подход : сб. науч. тр. М. : РАГС, 2002. С. 323–334.

2. Колин К. К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика. Екатеринбург, 2002. 432 с.

3. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. С. Вавилова. М. : Жуковский : Канон-пресс-Ц, 2003. 464 с.

4. Окинавская хартия глобального информационного общества. URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html> (дата обращения: 03.12.2019).

5. Понарина Н. Н. Глобализация и информационное общество // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-informatsionnoe-obschestvo> (дата обращения: 03.12.2019).

УДК 34:004

Столяров Алексей Сергеевич,

аспирант, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

asstolyarov@yandex.ru

Проблемы права в условиях формирования цифровой реальности

В статье сделана попытка описать позитивные и негативные стороны процесса «цифровизации» правовой среды, рассмотреть некоторые вопросы воздействия информатизации на правовые институты, а также осветить возможные проблемы информационной безопасности в сфере государственного суверенитета.

Ключевые слова: «цифровая» реальность, интернет-сообщество, цифровая экономика, искусственный интеллект, трансформация права, обеспечение безопасности государственного суверенитета.

Stolyarov Alexey Sergeevich,

postgraduate student, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

Problems of law in the conditions of digital reality formation

The article attempts to describe the positive and negative aspects of the process of “digitalization” of the legal environment, to consider some issues of the impact of Informatization on legal institutions, as well as to highlight the possible problems of information security in the sphere of state sovereignty.

Keywords: “digital” reality, Internet community, digital economy, artificial intelligence, transformation of law, security of state sovereignty.

Мировая аудитория интернета в 2019 году насчитывает 4,39 миллиарда человек, что на 366 миллионов или на 9 % больше, чем на начало 2018 года [7].

Начиная с 2018 года в среднем один миллион человек каждый день впервые открывали для себя глобальную сеть, а это 11 новых пользователей Интернета в секунду.

Согласно данным Международного союза электросвязи, чтобы достичь первого миллиарда интернет-пользователей, понадобилось 16 лет. Второй миллиард присоединился к сети всего за 6 лет. Сегодня же интернет растет со скоростью 1 миллиард новых пользователей в 2,7 года.

Уровень проникновения интернета в различных странах не равномерен. Так, например, в США более 310 миллионов человек используют интернет сегодня, а уровень проникновения интернета достиг 95 %. В России этот показатель немного ниже, но так же достаточно значителен и составляет 110 миллионов интернет-пользователей, уровень проникновения интернета составляет 76 %.

В социальных сетях зарегистрировано 3,5 миллиарда пользователей, при этом 3,3 миллиарда человек заходят в социальные сети с мобильных устройств. Эксперты оценивают проникновение социальных сетей в мире на уровне 45 %, а в Российской Федерации на уровне 49 % от общей численности населения [1].

Таким образом, можно уверенно говорить о формировании «цифровой» реальности, которая характеризуется огромным и постоянно увеличивающимся объемом информации, быстрым развитием цифровых технологий и их внедрением в сферы межгосударственных отношений и государственного управления, а также практически во все сферы общественных отношений, формированием интернет сообщества.

В этой «цифровой» реальности происходит трансформация системы права, формируется запрос на выработку методов и приемов регулирования общественных отношений в новых условиях.

В условиях новой реальности право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим «цифровизацию» экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия «цифровизации», в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций [9, с. 85].

Фактически «цифровизация» оказывает влияние на различные сферы правового регулирования общественных отношений, в том числе и на те, которые требуют корректировки регулирования в новых условиях или которые возникли в результате формирования самой «цифровой» реальности. Например, общественные отношения в сфере цифровых технологий, реализации прав человека в виртуальном пространстве, создания и применения искусственного интеллекта, избирательных прав граждан, государственного управления и др.

На сегодняшний день потоки социально-правовой информации, обрушивающиеся на юриста, требуют от него владения информационными технологиями, справочными правовыми системами, юридическими экспертными системами, современными программами и техническими средствами защиты информации, электронной цифровой подписью, информационными технологиями

ми, лежащими в основе функционирования современных компьютерных сетей и глобальной сети Интернет [10, с. 97].

История информатизации права достаточно незначительна, что не позволяет однозначно выделить и оценить позитивные или негативные стороны данного процесса. Однако, по мнению О. А. Шабаевой, сам процесс взаимодействия права и информатизации (как процесса) не несет в себе отрицательных несоизмеримых получаемому опыту последствий. Право развивается, приобретает новые формы, источники закрепления, а это все способствует становлению более модернизированной правовой системы [11, с. 17].

Процесс информатизации, безусловно, играет положительную роль в сфере права, например, в части совершенствования и упрощения механизмов правотворчества, правоприменения и правореализации. Развитие информационно-правовой среды позволяет перераспределять экономические и физические ресурсы. Так, уже сейчас мы наблюдаем стремительное развитие информационных систем, позволяющих быстро и эффективно собирать, обобщать и анализировать различную информацию, на основе которой можно выявлять проблемные вопросы в законодательстве. Кроме того, использование общедоступных информационно-правовых систем, таких как «КонсультантПлюс», «Гарант» и др., приводит к повышению уровня правосознания и правовой культуры граждан.

Информационное воздействие испытывает на себе все общество в целом, в результате чего неизбежно происходит переосмысление понятий и ценности не только норм права, но и морали, нравственности. Последствия этих процессов можно оценивать неоднозначно, но точно можно утверждать, что они вносят изменения в структуру общества и уже запустили процесс формирования единой информационной среды. Позитивные или негативные последствия будет иметь данный процесс зависит от того сможет ли общество и трансформирующая система права обеспечить сохранение основных принципов гуманизма права, не допустив «цифровизации» понятий морали и нравственности.

Одним из основных моментов «цифровой» реальности является появление и стремительное развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ). Проблема правового регулирования в сфере обращения ИИ как настоящего времени, так и будущего уже достаточно сформулированы и изучены.

Как утверждает Соменков С.А. искусственный интеллект все активнее входит в самые разные сферы, которые ранее считались доступными только для человека. Применительно к гражданско-правовым отношениям на сегодняшний день несомненно, что системы ИИ – это объект таких отношений. Но объект достаточно специфичный [6, с. 79].

Основной вопрос правоведения, сможет ли общество в будущем признать ИИ субъектом правоотношений. Такой вопрос за рубежом уже обсуждается на уровне Европейского парламента, в части предоставления роботам статуса «электронной личности». По мнению авторов законопроекта ЕС необходимо установить базовые этические принципы и юридические рамки, регулирующие работу устройств и предлагают возложить на роботов ответственность за совершаемые ими действия.

Данный законопроект вызвал резкую негативную реакцию более 150 экспертов в области искусственного интеллекта, робототехники, права и этики из 14 стран. По мнению ученых, невозможно доказать ответственность машины, если она из-за сбоя или недостаточного совершенства своих алгоритмов нанесла окружающим вред [2].

Попытки правотворчества в этом направлении принимаются и в России. Так, основатель «Grishin Robotics» представил проект закона, которым предлагается закрепить в ГК РФ понятие робота-агента. Такой робот, согласно проекту, должен иметь обособленное имущество и отвечать им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности [5, с. 83]. По нашему мнению, в настоящее время попытки такого нормотворчества вызваны интересами заинтересованных компаний, производящих системы ИИ с целью переложить с себя ответственность за недостатки в своей продукции, оснащенной ИИ.

В настоящее время «цифровая» реальность активно меняет структуру мирового рынка труда. Собственники бизнеса в борьбе за рынки высокотехнологичной продукции стремятся повысить производительность труда путем снижения себестоимости произведенной продукции и издержек на производственный персонал. Человек все чаще заменяется системой с ИИ, например совершение онлайн-операций в банках, использование электронных библиотек и т. д. Все эти процессы формируют реалии цифровой экономики.

Некоторые эксперты утверждают, что всего через лет 20 из-за развивающихся информационных технологий и искусственного интеллекта отпадет необходимость в управлении человеком автомашинами и самолетами, юристы останутся без работы, поскольку все спорные правовые вопросы компьютер станет обрабатывать в сотни раз быстрее и точнее [3, с. 58]. Большая роль новым технологиям отводится в сфере медицинских услуг, ИИ уже сейчас способен диагностировать различные заболевания. Новые технологии, использующие искусственный интеллект, способны выполнять очень сложные функции.

Говоря о изменении структуры рынка труда в новых условиях «цифровизации» не возможно обойти нашумевшее высказывание руководителя ПАО Сбербанк Г. Грефа в 2016 г., который заявил, что Сбербанк через пять лет сможет принимать 80 % всех решений с помощью искусственного интеллекта. Это означает, что десятки тысяч людей потеряют свою сегодняшнюю работу [6, с. 85].

Но сможет ли ИИ подменить собой человека во всех сферах деятельности? Хочется верить, что нет.

Так, внедрение ИИ в сферу правосудия представляется спорным процессом, так как принятие решение в данном вопросе должно оставаться за человеком с учетом принципов гуманизма и справедливости, норм морали и нравственности, которые не подвластны ИИ.

В настоящее время, согласно данным Европейской комиссии по эффективности правосудия SEREJ [5], системы ИИ уже полноценно применяются в системах правосудия во Франции, Великобритании и США в основном для анализа данных. Однако если во французских программах весь функционал ог-

раничен гражданским правом, то в США и Великобритании применения такого софта распространяется и на уголовные дела.

В то же время, проверка эффективности применения алгоритма американской программы COMPAS выявило, программа практически вдвое чаще, чем у других групп, указывала на возможный риск повторного преступления, когда речь заходила об афро-американцах.

Учитывая эти риски, Совет Европы принял в 2018 году первую Этическую хартию искусственного интеллекта в судебных системах, согласно которой использование ИИ в этой сфере может помочь повысить эффективность и качество работы судов, однако его следует применять ответственно [5].

Развитие «цифровой» реальности естественным образом способствует развитию такого негативного явления, как киберпреступность. По прогнозам экспертов размер ущерба от киберпреступности к 2021 году будет составлять 6 триллионов долларов в год, по сравнению с 3 триллионами долларов в 2018 году [8]. Это тоже одна из объективных реальностей требующих оценки и своевременных правовых решений.

Правовой проблемой в вопросах противодействию киберпреступности является, то, что процесс доказывания данных видов преступлений сложен и требует определенной процедуры. Кроме того, в отечественной правовой системе существует проблема соразмерности ответственности за преступления в информационной сфере, которая должна учитывать тенденции и динамику роста их количества.

Основным вопросом сохранения государственного суверенитета в условиях «цифровой» реальности является формирование и четкая реализация нормативной правовой базы в сфере обеспечения информационной безопасности.

Информация в «цифровой» реальности является не только ценным ресурсом, но и возможно опасным средством воздействия на сознание целых групп населения в мире или в конкретном государстве. Поэтому каждое современное государство уделяет внимание обеспечению должного уровня информационной безопасности.

Негативным примером тому, могут служить скандалы вокруг выборов президента США в 2016 году и необоснованные обвинения руководства Российской Федерации в попытке воздействия на избирательный процесс чужого государства посредством интернета. Так же, негативным примером использования интернета в деструктивных целях и политической борьбе может являться формирование негативного общественного мнения в отношении органов власти и организация протестных движений посредством сети интернет в Российской Федерации в 2012 году, которые были направлены на отмену результатов выборов президента.

Такое информационное воздействие, способно манипулировать массовым сознанием конкретного государства и фактически обладает признаками «информационной войны». Кроме того, виртуальное пространство настолько обширно, что приводит к потере его наблюдаемости и контролируемости, определенная часть важной информации, необходимой для принятия значимых для государства решений искажается или не доходит до лиц, принимающих реше-

ния. Именно эти направления наиболее опасны для сохранения государственного суверенитета любого государства.

Решение данных проблем обеспечения защиты государственного суверенитета Российской Федерации в условиях «цифровой» реальности нашли отражение в Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество» [4], в частности в подпрограмме «Безопасность в информационном обществе».

Таким образом, в условиях стремительно развивающейся «цифровой» реальности юридическое сообщество обязано своевременно прогнозировать, оценивать и предотвращать или минимизировать негативные риски, в том числе и в целях недопущения угроз государственному суверенитету Российской Федерации.

Библиографический список

1. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 08.12.2019).

2. Ксенофонтова А. Бесправный механизм: почему ученые выступили против присвоения роботам статуса «электронной личности». URL: <https://russian.rt.com/science/article/504118-roboty-evroparlament-yuridicheskoye-lico> (дата обращения: 08.12.2019.).

3. Мацкевич И. М. Причины экономической преступности : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017. 272 с.

4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 22.11.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 годы)». URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4137/> (дата обращения: 08.12.2019 г.).

5. Совет Европы принял хартию о судебном применении искусственного интеллекта. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043.html (дата обращения: 08.12.2019).

6. Соменков С.А. Искусственный интеллект: От объекта к субъекту? / Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 2. С. 75–85.

7. Специальный доклад «DIGITAL 2019: Глобальное использование интернета ускоряется». URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (дата обращения: 08.12.2019).

8. Статистика: современный интернет в цифрах. URL: https://www.iguides.ru/main/other/internet_statistika_sotsialnye_seti (дата обращения: 08.12.2019).

9. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

10. Чубукова С. Г., Элькин В. Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики) : учеб. пособие / под ред. М. М. Рассолова, В. Д. Элькина. 2-е изд., испр., доп. М. : Контракт, 2007. 287 с.

11. Шабаева О. А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1(84). С. 16–20.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В МЕХАНИЗМЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

УДК 343.9

Кузнецова Ирина Сергеевна,

студент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация
irinakis_is15@mail.ru

Роль конфискации имущества в борьбе с коррупцией

В статье рассматривается роль конфискации имущества в борьбе с коррупцией. Коррупция представляет собой так называемый подкуп должностных лиц. Сегодня вопрос борьбы с коррупцией актуален из-за совершения многочисленных коррупционных преступлений. Действенным средством в борьбе с такими преступлениями является такая иная уголовно-правовая мера, как конфискация имущества. Конфискация – это изъятие и обращение в собственность государства имущества осужденного на принудительной и безвозмездной основе, которое реализуется только по обвинительному приговору суда. Закрепление конфискации имущества в качестве отдельного вида наказания есть залог снижения уровня коррупции в стране.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, коррупционные преступления, имущество, конфискация имущества.

Kuznetsova Irina Sergeevna,

student, Tambov state University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, Russian Federation

The role of confiscation of property in the fight against corruption

The article discusses the role of confiscation of property in the fight against corruption. Corruption is the so-called bribery of officials. Today, the issue of combating corruption is relevant because of the Commission of numerous corruption crimes. An effective means of combating such crimes is another criminal law measure, such as confiscation of property. Confiscation is the seizure and conversion to state ownership of the property of a convicted person on a compulsory and gratuitous basis, which is implemented only by a court conviction. Fixing the confiscation of property as a separate type of punishment is the key to reducing the level of corruption in the country.

Keywords: corruption, fight against corruption, corruption crimes, property, confiscation of property.

Коррупция представляет собой сложное явление, требующее особого внимания со стороны законодательной, исполнительной и судебной власти. На сегодняшний день она пронизывает все сферы жизнедеятельности общества: экономическую, социальную, политическую, духовную, правовую. Коррупционные преступления вызывают публичный резонанс, порождают бесконечные антагонистические споры в обществе.

В настоящее время вопрос борьбы с коррупцией актуален и важен, так как в системе государственных органов и органов местного самоуправления многократно устанавливаются случаи совершения коррупционных преступлений. Подчеркнем, что Президент Российской Федерации уделяет особое внимание данному вопросу, например, он указом утвердил «Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 годы», который, конечно, позволит снизить уровень коррупции в нашем государстве.

Легальное определение коррупции дает Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в котором закреплено, что это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [1].

Отметим, характерные черты коррупции:

- «коррупция – это не механическая простая совокупность однородных правонарушений, а комплексное социально-правовое явление;
- коррупция – это системное явление, поэтому о коррупции не идет речь в случае однократного получения взятки государственным служащим;
- коррупция представляет собой систематическое получение государственным служащим материальных и иных благ от третьих лиц (групп) в их интересах;
- действия, совершенные за вознаграждение, непременно связаны с выполнением госслужащим своих служебных обязанностей» [6, с. 139].

Борьба с коррупцией предполагает принятие конкретных мер, которые помогут минимизировать или даже нейтрализовать данное негативное явление общества и государства в целом. Если же не вводить такие меры, коррупционные преступления будут продолжать совершаться, с каждым годом все больше и больше они будут наносить ущерб государственному бюджету и экономике страны в целом, национальной безопасности, моральным социальным ценностям.

Интересно отметить, что существуют страны, где коррупционные преступления рассматриваются как измена Родине, как несоблюдение основного закона страны – Конституции. Например, «в Китае за взяточничество приговаривают к смертной казни, коррупционера расстреливают публично» [4, с. 50.]. Такая участь ждет преступника за совершение коррупционного преступления на Кубе, а в ОАЭ такое деяние считается воровством, за которое принято отру-

бать руку. В России противоположная ситуация, у нас много выносятся приговоры с условным сроком, существует так называемая штрафная система и различные смягчающие обстоятельства.

Собственность является одной из главных причин, которая порождает коррупцию в органах власти. Причинами наличия коррупции среди государственных и муниципальных служащих являются: посредственный контроль за соблюдением антикоррупционного законодательства; незнание юридических прав; безразличие населения к коррупционным преступлениям; приоритет у должностных лиц своих интересов, а не людей и общества. Так, 15 лет в колонии строгого режима проведет экс-мэр Владивостока Игорь Пушкарев. Наказание за коррупционные преступления ему определил Тверской суд Москвы. Кроме того, Пушкарев должен выплатить штраф в 500 миллионов рублей.

«Одним из действенных уголовно-правовых средств в борьбе (именно в борьбе, а не в противодействии коррупции) с коррупционными преступлениями всегда был такой вид наказания, как конфискация имущества» [2, с.120].

Конфискация – это изъятие и обращение в собственность государства имущества виновного на принудительной и безвозмездной основе, которое реализуется только по обвинительному приговору суда.

Цель данной уголовно-правовой меры заключается в восстановлении нарушенных правоотношений.

Важно обратить внимание, что перечень преступлений, по которым можно применить конфискацию имущества, ограничен. В него включаются как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью с отягчающими обстоятельствами, похищение человека, фальшивомонетничество и иные составы преступлений Уголовного кодекса РФ, так и коррупционные преступления, посягающие на авторитет публичной власти. В то же время, в него не включены «классические» корыстные преступления, такие как хищения и вымогательство, большинство экономических преступлений. На основании этого многие специалисты настаивают на расширении этого перечня преступлений.

Роль конфискации имущества в вопросе борьбы с коррупцией значительная, ведь в большей части она заключается в наказании виновного за совершение общественно опасных деяний в коррупционной сфере. Данное наказание лишает коррупционера того, ради чего он пошел на преступление, это заставляет его задуматься о содеянном и сделать соответствующие выводы.

Чтобы власти могли эффективнее возмещать нанесенный государству ущерб от коррупционных преступлений, в качестве дополнительной меры нужно ввести для коррупционеров такой вид наказания, как конфискация имущества. Председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин высказал данную инициативу. Он считает, что должны быть внесены изменения в ст. 44 УК РФ. Также А. И. Бастрыкин предложил использовать такую меру с указанием возможности ее применения в санкциях конкретных статей, особенной части Уголовного кодекса России по преступлениям коррупционного характера».

В своем интервью Александр Иванович Бастрыкин определил, что за первые три месяца 2019 года было арестовано у коррупционеров имущества на 5,3 млрд рублей. В 2018 году у фигурантов уголовных дел о коррупции изъяли

только денег и драгоценности на 2 млрд рублей, а имущества арестовали на 15 млрд рублей.

Депутат-коммунист О. Н. Алимовой предъявляет огромные претензии к Центробанку РФ, который иногда со стороны «наблюдает», как расхищаются средства, а пострадавшими остаются люди. Она считает, что дело должно быть доведено до логического завершения, до реального наказания коррупционеров. Окончательно она убедится в искренности помыслов всех ветвей власти, когда будет принята норма в Уголовный Кодекс РФ, по которой можно будет применять конфискацию имущества как дополнительное наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, за коррупцию, за расхищение государственной собственности и мошеннические действия.

Так, Архангельский областной суд вынес приговор в отношении заместителя начальника управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Архангельской области Николая Гринькова. Гриньков признан виновным в получении взятки в особо крупном размере. Установлено, что Гриньков в период с февраля по апрель 2018 года получил 3 млн рублей от представителя двух коммерческих организаций, занимающихся лесозаготовками. Приговором суда Гринькову назначено наказание в виде 10 лет лишения свободы. Он также потерял звание «полковник полиции» и право занимать некоторые должности. У него конфисковано имущество на общую сумму около 800 тысяч рублей.

Интересно, что благодаря конфискованному у коррупционеров имуществу, бюджет Владимирской области в 2019 году пополнился на 10 миллионов рублей.

Известно, что конфискация имущества не входит в систему наказаний, зафиксированных в статье 44 Уголовного кодекса РФ, однако, она является эффективным орудием в борьбе с коррупцией, не нарушая конституционные права и свободы человека и гражданина, напротив восстанавливает границы справедливости. Целесообразно вновь конфискацию внести в п. о статьи 44 УК РФ, в ч. 2 статьи 45 УК РФ, а также в санкции статей, закрепляющих коррупционные преступления, ведь каждый должен осознавать, что имущественные блага, полученные коррупционным путем, в итоге будут изъяты и обращены в государственную собственность по постановлению суда или другого компетентного органа. Заместитель руководителя фракции «Справедливая Россия» в Государственной думе Олег Анатольевич Нилов считает, что самая большая угроза, которая сегодня существует для России – это армия коррупционеров и казнокрадов. По его мнению, самое страшное, чего они боятся – конфискация имущества, их и всего ближайшего окружения.

Таким образом, на основе вышесказанного, следует включить такую меру уголовно-правового характера, как конфискацию имущества в список видов наказаний Уголовного кодекса Российской Федерации. Коррупционная преступность оказывает значительный урон национальному благосостоянию страны: функционированию публичной власти, верховенству закона, демократии, равенству и социальной справедливости, затрудняет экономическое развитие и угрожает основам рыночной экономики, поэтому необходим мощный механизм

борьбы с коррупцией. Безусловно, закрепление конфискации имущества в качестве отдельного вида уголовного наказания является залогом снижения уровня коррупции и обеспечения защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства.

Библиографический список

1. О противодействии коррупции: Федер. закон [принят Гос. Думой 19.12.2008] // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
2. Буркина О. А., Устинов А. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 119–124.
3. Морозова А. В. Коррупция и методы борьбы с ней // Проблемы науки. 2018. С. 48–51.
4. Фиалковская И. Д. Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 137–142.

УДК 340.131

Лёвин Егор Игоревич,

Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
levinegor96@mail.ru

Некоторые проблемы правового регулирования института антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований

В статье анализируется уровень правового регулирования института антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов на региональном и муниципальном уровнях, приводится сравнение действующих нормативных актов различных субъектов Российской Федерации, регулирующих сферу общественных отношений в сфере антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов, по итогам сравнения делается вывод о неоднородности правового регулирования института в различных субъектах Российской Федерации, предложены пути решения возникающих проблем правового регулирования института, делается вывод о необходимости совершенствования правовой базы в анализируемой сфере, приведение к единообразию нормативных правовых актов различных регионов России.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, правовое регулирование, правовая база, субъекты Российской Федерации, региональные нормативно-правовые акты.

Levin Egor Igorevich,
Kostroma state University,
Kostroma, Russian Federation

**Some problems of legal regulation of the institute
of anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts at the level
of constituent entities of the Russian Federation and municipalities**

The article analyzes the level of legal regulation of the institution of anti-corruption expertise of draft regulatory acts at the regional and municipal levels, compares the current regulatory acts of various constituent entities of the Russian Federation that regulate the sphere of public relations in the field of anti-corruption expertise of draft regulatory acts, based on the results of the comparison conclusion about the heterogeneity of the legal regulation of the institute in various constituent entities of the Russian Federation, proposed Uchi resolve issues of legal regulation of the institute, the conclusion about the need to improve the legal framework in the area analyzed, leading to uniformity of regulatory legal acts of the various regions of the Russia.

Keywords: *corruption, anti-corruption expertise, corruption-generating factors, legal regulation, legal framework, subjects of the Russian Federation, regional regulatory legal acts.*

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [9], антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов (их проектов) проводится органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также муниципальными образованиями в отношении нормативных актов, принимаемыми данными органами и в порядке установленном нормативными правовыми актами соответствующих органов публичной власти, и согласно методике, определенной Правительством Российской Федерации.

Рассмотрим правовое регулирование правового института антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых на региональном и местном уровнях.

Так, на территории Костромской области действует Постановление Администрации Костромской области от 06.10.2015 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) Костромской области» [3]. Постановление не определяет понятие, цели и иные положения об антикоррупционной экспертизе проекта нормативно-правового акта, лишь отсылает к Постановлению Правительства Российской Федерации «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». При этом, Постановление закрепляет лишь основания проведения экспертизы, субъектов ее проведения и порядок разрешения споров. К тому же на территории Костромской области отсутствуют методические рекомендации по проведению антикоррупционной экспертизы.

Считаем, что указанные положения нормативных актов являются упущением регионального законодательства и не способствуют увеличению и развитию практики для проведения антикоррупционной экспертизы в регионе.

Необходимо отметить, что несовершенство правовой базы способствует распространению коррупции. По этой причине антикоррупционная экспертиза рассматривается как одно из эффективных и действенных средств профилактики коррупции, основные усилия при ее проведении следует концентрировать на проектах нормативных правовых актов, что позволяет выявлять и исключать коррупциогенные факторы еще до начала их правоприменения [8, с. 10].

Для сравнения предлагаем рассмотреть правовое регулирование антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов на региональном уровне на примере другого субъекта федерации – Республики Татарстан. В республике Татарстан создана и функционирует многоуровневая система правовых норм, регулирующая противодействие коррупции.

Так, вопросы антикоррупционной экспертизы урегулированы не региональным Постановлением, а отдельным законом. В соответствии с Законом Республики Татарстан от 4 мая 2006 г. № 34-ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» антикоррупционная экспертиза – это деятельность по выявлению в нормативных правовых актах (их проектах) государственных органов, органов местного самоуправления и организаций положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции [1].

В дополнение норм названного закона действует Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 24 декабря 2009 г. № 883 «Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы отдельных нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и о внесении изменений в отдельные постановления Кабинета Министров Республики Татарстан», в соответствии с которым установлен круг субъектов осуществления на территории субъекта РФ антикоррупционной экспертизы как в порядке мониторинга законодательства, так и в порядке контроля принимаемых нормативных актов органами публичной власти республиканским Министерством юстиции [4].

Постановлением закреплено, что антикоррупционная экспертиза проводится в соответствии с методикой проведения антикоррупционной экспертизы, утверждаемой Правительством Российской Федерации в соответствии с законодательством о противодействии коррупции.

Вместе с тем, в целях оказания правовой помощи органам местного самоуправления и независимым экспертам при проведении антикоррупционной экспертизы, Министерством юстиции Республики Татарстан разработаны типовые соглашения о взаимодействии по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы проектов муниципальных нормативных правовых актов между Министерством юстиции и муниципальными образованиями.[7, с. 28].

Также Министерством юстиции Республики Татарстан принят документ по проведению антикоррупционной экспертизы муниципального правового акта с приложением памятки по первичному анализу коррупциогенности проектов муниципальных нормативных актов, в которой в сжатой и доступной форме

даны основные параметры антикоррупционной экспертизы, а также приведены примеры наиболее часто встречаемых проявлений коррупционности в текстах муниципальных нормативных правовых актов [5].

Считаем, что действующая региональная нормативная база Республики Татарстан, наличие методических рекомендаций и разъяснений от органов публичной власти способствует качественному проведению антикоррупционной экспертизы, выработке успешной практики по выявлению в проектах нормативно-правовых актов коррупциогенных факторов, а также способствует привлечению независимых экспертов и населения к осуществлению антикоррупционной экспертизы.

Таким образом, на примере Республики Татарстан показан уровень правового регулирования, существенно превосходящий уровень регулирования однородных общественных отношений на территории Костромской области. Тем самым, правовое регулирование института антикоррупционной экспертизы на территории Костромской области нуждается в доработке – закреплению новых механизмов практической реализации, выработке порядка взаимодействия субъектов проведения экспертизы между собой, выработке собственных методических рекомендаций в целях увеличения, развития практики использования экспертизы на территории региона, в первую очередь – независимой экспертизы.

Также антикоррупционную экспертизу в отношении проектов нормативно-правовых актов, которые принимаются самими органами, проводят органы местного самоуправления. Как отмечают исследователи, антикоррупционной экспертизе на муниципальном уровне уделяется меньше внимания, независимые эксперты предпочитают проводить экспертизу в отношении федерального и регионального законодательства, хотя население зачастую чаще сталкивается с муниципальными услугами, закрепленными в соответствующих актах, где присутствуют коррупциогенные факторы [2, с. 34].

Рассмотрим правовое регулирование применения антикоррупционной экспертизы на примере муниципального образования. Так, на территории города Нерехты и Нерехтского района действует Решение Собрании депутатов муниципального района город Нерехта и Нерехтского района «О принятии порядка антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов органов местного самоуправления» [6].

Данным муниципальным актом установлен Порядок проведения антикоррупционной экспертизы. В соответствии с п. 4 Порядка, коррупционные признаки, выявленные в ходе проведения анализа принимаемых норм проекта муниципального нормативного правового акта, должны быть устранены до его внесения в орган, к полномочиям которого в соответствии с Уставом муниципального образования отнесено принятие соответствующего нормативного правового акта.

Тем самым, Порядок устанавливает обязанность устранять коррупциогенные фактора в проекте нормативного акта до его внесения в орган, принимающий такой акт.

В соответствии с Порядком, разработчик нормативного акта учитывает поступившие замечания и заключения по проекту и по результатам рассмотре-

ния при отсутствии разногласий дорабатывает проект, либо готовит проект нормативного правового акта о внесении соответствующих изменений. Разногласия, возникающие при оценке указанных в заключении коррупционных факторов, разрешаются путем проведения согласительного совещания заинтересованных лиц.

Тем самым, Постановлением и Порядком проведения антикоррупционной экспертизы установлен порядок проведения экспертизы в Нерехтском районе, круг субъектов проведения экспертизы, а также порядок разрешения разногласий при проведении экспертизы. Данные положения, дополняя положения федерального законодательства, не противоречат ему и способствуют развитием практики проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов, в том числе независимыми экспертами.

Таким образом, правовое регулирование института антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов на региональном уровне не является однородным. К сожалению, в некоторых регионах оно остается на формальном уровне. При этом наличие неразрешенных проблем в области правового регулирования института является серьезным препятствием на пути развития и совершенствования практики его применения в регионах. Наличие разработанной нормативной базы на местном уровне способствует развитию практики применения института, но не должна складываться ситуация, при которой уровень правового регулирования института антикоррупционной экспертизы, разработанным муниципальным образованием, превосходит уровень правового регулирования, установленным соответствующими органами государственной власти в регионе.

Библиографический список

1. Закон Республики Татарстан от 4 мая 2006 г. № 34-ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» : в ред. от 12.06.2014 // Информационно-правовая система Законодательство России. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 31.10.2019.).

2. Качалов В. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как одна из мер профилактики коррупции на муниципальном уровне // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2017. № 5. С. 34.

3. Постановление Администрации Костромской области от 06.10.2015 № 358-а «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) Костромской области» // Информационно-правовая система Законодательство России. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 31.10.2019).

4. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 24 декабря 2009 г. № 883 «Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы отдельных нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и о внесении изменений в отдельные постановления Кабинета Министров Республики Татарстан» // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 31.10.2019).

5. Приказ Министерства юстиции Республики Татарстан от 17 июня 2017 года № 544-п «Об антикоррупционной экспертизе муниципальных нормативных правовых актов и их проектов» // Сайт Министерства юстиции Республики Татарстан. URL: [http:// http://minjust.tatarstan.ru/](http://minjust.tatarstan.ru/) (дата обращения: 31.10.2019).

6. Решение Собрания депутатов муниципального района город Нерехта и Нерехтский район от 19 января 2011 года №40 «О принятии порядка антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов органов местного самоуправления» // Сайт администрации муниципального района город Нерехта и Нерехтский район. URL: [http:// admnerhta.ru/](http://admnerhta.ru/) (дата обращения: 31.10.2019).

7. Туктамышева Г. Р. Проведение антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов на примере Республики Татарстан. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provedenie-antikorrupsionnoy-ekspertizy-munitsipalnyh-normativnyh-pravovyh-aktov-na-primere-respubliki-tatarstan> (дата обращения: 30.11.2019).

8. Тухватуллин Т. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: вопросы теории и практики // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 10.

9. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Информационно-правовая система Законодательство России. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 31.10.2019).

Научное издание

**«СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРАВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
(к 370-летию со времени принятия
Соборного уложения 1649 года)**

Сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме
Всероссийская научно-практическая конференция (12–13 декабря 2019 года,
г. Кострома)

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

В двух томах
Том 2

Составители:

Г а н ж а Наталья Владимировна
Е в с т е г н е е в Алексей Сергеевич
Л у к о я н о в Денис Николаевич
М е л ь н и к о в Иван Николаевич
П л ю с н и н а Ольга Витальевна
С и р о т к и н Алексей Геннадьевич
О р л о в с к а я Ирина Викторовна

Ответственные редакторы:

Б р и л ь Геннадий Геннадьевич
Г р у з д е в Владислав Владимирович

Компьютерная верстка:

И. В. Орловской, Н. В. Ганжи, О. В. Тройченко

16+

Текстовый электронный сборник

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видекарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию 25.06.2020. 4,1 Мб. [Уч.-изд. л. 25,375].

Заказ 112. Электронное издание. Тираж 500.

Издательско-полиграфический отдел Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17.
Тел.: 49-80-84. E-mail: rio@kstu.edu.ru

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание